Павел Корчагин

История Верхотурья

УДК 94(470.54):31/33:72"1598/1926"
ББК
К 70

Рецензент:
Кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России ПГУ В.В. Мухин

Корчагин П.А.
К 70 История Верхотурья (1598-1926).
Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города.– Екатеринбург: 2012. – 288 стр., 16 илл.

ISBN

В монографии раскрывается история одного из старейших уральских городов – Верхотурья – форпоста русской колонизации Сибири, крупного административного и духовного центра Урала XVI–XVIII вв. Работа построена на широком круге источников – археологических, архивных, литературных.

В первой части книги рассматривается социально-экономическая история города, а во второй – история застройки Верхотурья, его архитектурных памятников.

Книга адресована специалистам-историкам, архитекторам, краеведам и всем интересующимся историей Урала.

© П.А. Корчагин
©

Корчагин Павел Анатольевич

ИСТОРИЯ ВЕРХОТУРЬЯ
(1598–1926)

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СКЛАДЫВАНИЯ АРХИТЕКТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ГОРОДА

Екатеринбург 2012

ОЧЕНЬ СВОЕВРЕМЕННАЯ КНИГА

… загадочен старый Верхотурский холм.
И загадки его – плод неизученности.
Слукин В.М.
«Тайны уральских подземелий»

Еще в 1996 году, в очерке «Застывшая история», легенды и были Верхотурского кремля», П.А. Корчагин писал: «За Верхотурьем, как и за любым древним городом, тянется длинный шлейф преданий и легенд о тайнах, волнующих воображение. Однако этот город не столько овеян легендами, сколько «окутан» и даже «опутан» ими. Ведь если «преданья старины глубокой», касающиеся городов центра России, зачастую помогают уяснить моменты прошлого, то мифы уральских городов, напротив, препятствуют установлению исторической истины, так как появились поздно (в конце XVIII начале XX века), в эпоху ломки традиционного сознания общества. Такие мифы утрачивают функции передачи информации новым поколениям и служат лишь объяснением событий и фактов, о которых повествуют. Необходимо отделять их от легенд предыдущего времени и учитывать их особый характер. Подобные легенды возникают при дефиците исторических знаний и являются домыслами (в прямом смысле слова), попытками реконструировать прошлое с помощью расхожих аналогий.

В отличие от мифа, историческая реальность всегда сложна и не может быть описана в нескольких фразах. Только изучив, по возможности, все факты, уловив их причинно-следственные связи, можно быть уверенным в правильности воссоздания основных реалий прошлого.

До сегодняшнего дня из одного туристического справочника в другой, с остановкой в Интернете, путешествуют легенды и мифы о Верхотурье. Это не говоря о неточностях и фактических ошибках – в Википедии и на большинстве сувениров неправильно указан год основания Верхотурья – 1597, а не 1598 как должно быть.

Самый живущий миф – о закладке Верхотурья на месте вогульского городища Неромкар. «Пошутили» когда-то первые верхотурские воеводы Головин и Воейков. Им было предписано чердынским воеводой Сарычем Шестаковым ставить город именно на Неромкаре. Но воевода «Сами с усами» – заложили город на Троицком камне в двух километрах от Неромкара. Еще долгое время из Москвы шли письма «На Верхотурье, на Неромкар». А воевода помалкивали и до сих пор морочат людям головы.

Книга П.А. «История Верхотурья (1598-1926) …» была выпущена в 2011 тиражом 500 экземпляров и стала в настоящее время библиографической редкостью. Вместе с тем это практически единственная книга, охватывающая практически всю историю Верхотурья и основанная на огромном плаце архивных материалов. Настоящее издание, дополнительное и снабженное иллюстрированным материалом, будет значительным вкладом в реализацию программы «Духовный центр Урала».

Директор Верхотурского музея-заповедника Н.Н. Новиченков

Памяти моего учителя профессора В.А. Оборина,
благословившего меня на эту работу

ВВЕДЕНИЕ

Города всегда играли и играют ныне определяющую роль в экономическом, социально-политическом и культурном прогрессе общества, и поэтому, хотя городоведческие сюжеты давно находятся среди актуальных вопросов отечественной исторической науки, сама действительность вновь и вновь возвращает исследователей к проблемам урбанизации в России. Ученых всегда привлекают общезначимые проблемы, без решения которых невозможно найти верные ответы на целый ряд вопросов, диктуемых практическими потребностями общества.

А.А. Преображенский подчеркивал, что «изучение исторических тенденций городообразовательного процесса во всем его многообразии остается важной и перспективной научной задачей, имеющей выход на проблемы современности[1]».

А.С. Черкасова обоснованно считает, что «для успешного изучения процессов городского развития России в первую очередь требуется определение четких критериев классификации городов по социальным типам (раннефеодальный, феодальный, раннекапиталистический), выяснение закономерностей упадка и быстрого роста городов в разные эпохи, роли мануфактурного производства в процессе городообразования, выявление действительного соотношения сельского и промышленного населения в рассматриваемое время и т.д.

Все эти вопросы могут быть решены лишь на базе изучения фактической истории, как официальных городов, так и торгово-промышленных сел и мануфактурных центров»[2].

На современном этапе развития исторической науки вывод А.С. Черкасовой приобретает особую актуальность. Очевидно, что обобщающие исследования, безусловно, необходимые, полезные и сыгравшие положительную роль, уже не могут дать удовлетворительного ответа на все возникающие вопросы. Монографическое изучение истории отдельно взятых населенных мест, несомненно, позволит не только получить новые сведения, но и выявить такие закономерности развития городов, которые невозможно было обнаружить в ходе исследований «с меньшей степенью приближения». Богатство фактических материалов, приобретенное в ходе конкретно-исторического исследований, дает простор для формулирования гипотез, в конечном счете, для создания объективной картины развития городов.

Исследование городов с многовековой историей имеет не только большое научное, но и практическое значение. Оно позволяет проследить их развитие, изменение ведущих функций, понять закономерности их эволюции и уже на этой основе появляется возможность не только реконструировать исчезнувшие звенья исторического процесса, но и с учётом всего известного научно планировать основные направления их дальнейшего экономического, социального и культурного развития.

В последнее десятилетие в отечественной исторической науке из-за не всегда оправданной смены научной парадигмы изучение социально-экономической истории городов, особенно региональных, незаслуженно забывается, уступая место очеркам их политической и культурной истории. Данную ситуацию нельзя признать нормальной и настоящая работа является попыткой исправить ее.

Город Верхотурье Свердловской области один из древнейших на восточном склоне Урала, он занимает особое место в истории края. Опорный пункт русской колонизации Зауралья и Сибири, важнейший транзитно-транспортный и культурно-конфессиональный центр в течение веков играл заметную роль в истории страны. Уже поэтому пристальное внимание к его истории обещает новые открытия.

Целью данного исследования является раскрытие истории города, как социально-экономического и градостроительного организма, выявление общих закономерностей и особенностей развития, свойственных лишь Верхотурью. Достижение поставленной цели возможно лишь при решении двух основных задач. Первая – функциональный анализ социально-экономического развития города на протяжении его досоветской истории, выявление закономерностей, определявших это развитие. Комплексное изучение истории строительства Верхотурья в связи с его социально-экономическим развитием – стало второй задачей, в итоге с возможной точностью должен быть реконструирован процесс складывания планировки города, его первоначально деревянной, а затем и каменной застройки, формирование уникального историко-архитектурного комплекса Верхотурья.

Ныне, когда трудами многочисленных отечественных и зарубежных историков намечены основные этапы эволюции городской жизни России, кажется возможным и необходимым попытаться проследить – каким образом эти общие закономерности проявляются в развитии конкретного города. Естественно, речь не идет о создании полной, исчерпывающей истории города – это невозможно, хотя бы по причине неполноты источников и ограниченности объема монографии. Можно говорить лишь о выявлении стержня, вокруг которого формировался город, его динамическом векторе, основных ступенях его эволюции и конкретных событиях, посредством которых прокладывали себе дорогу объективные закономерности.

Изображение Верхотурья в Чертежной книге Семена Ремезова, XVIII в.

Актуальность избранной темы, таким образом, многопланова: выводы, ставшие результатом настоящего исследования, с одной стороны – должны послужить теоретическому осмыслению процессов урбанизации и методологии изучения исторических городов, с другой – оказаться полезными в практической деятельности по управлению городами, по сохранению и реконструкции историко-архитектурной среды городских пунктов Урала.

Верхотурье появилось на карте России в 1598 году, его строительство ознаменовало завершение первого этапа русской колонизации Сибири, поэтому начальная дата исследования определяется как 1574 год, то есть с момента, когда появились первые предвестники колонизационного порыва Московского государства в Сибирь. Тогда же началось складывание предпосылок основания Верхотурья как важнейшего транзитно-транспортного центра, через который осуществлялось обеспечение сибирских первопроходцев и первопоселенцев. В советское время экономика страны и Верхотурья развивалась в рамках плановой системы, которая, в отличие от рыночной, до некоторой степени скрадывала наглядность проявления закономерностей в экономической и социально-политической жизни всего общества и городов в частности, поэтому советский период существования Верхотурья нами не рассматривался.

В 1926 году Верхотурье лишилось городского статуса и это неслучайное событие, характеризующее важный этап в его истории, удобно положить верхней хронологической границей исследования.

Хронологические рамки работы, таким образом, охватывают три с половиной века: последняя четверть XVI – первая четверть XX столетия.

Верхотурью, в известном смысле, повезло – этот город всегда привлекал внимание историков и поэтому большое количество источников по его истории уже выявлено и опубликовано, прежде всего, Г.Ф. Миллером[3], а также в АИ, ДАИ и РИБ [4]. Много документов особенно по ранней истории города опубликовано в разного рода тематических сборниках, таких как «Памятники Сибирской истории XVIII в.»[5].

Непосредственно истории основания и первых лет существования Верхотурья посвящены «Древние грамоты XVI-XVII в., относящиеся к основанию и первоначальному устройству города Верхотурья»[6] во «Временнике…» ОИДР и изданные РГБ «Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в.»[7], в статье П.С. Богословского в «Материалах по изучению Пермского края»[8] и в работе игумена Макария[9].

Некоторые документы повторно, а некоторые впервые были опубликованы в обширнейшем труде В.В. Шишонко «Пермская летопись»[10], который, правда, требует критического подхода из-за ошибок и искажений, допущенных автором историком–непрофессионалом. В то же время, до сих пор не создано другой работы, которая могла бы сравниться с «Летописью…» тематической широтой источников и хронологического охвата.

Документы, характеризующие состояние деревянных и каменных укреплений Верхотурья, были опубликованы А.А. Дмитриевым и А. Романовым[11].

Эти публикации служат основанием для создания развернутой хронологии строительства городских укреплений. Отдельные документы, связанные со строительством каменного кремля и гостиного двора опубликованы в Казанском «Заволжском муравье»[12]. Также опубликованы Сибирские летописи, в которых обнаруживается множество фактов, помогающих по-новому осветить историю Верхотурья XVII века, когда оно входило в Тобольский разряд[13].

Важным источников для изучения истории Верхотурья являются законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи[14] и отдельных сборниках[15].

Описания Верхотурья общего плана содержатся в дневниках и описания путешественников, следовавших в Сибирь и обратно через город. М.П. Алексеев опубликовал наиболее раннее описание путешествия в Сибирь иностранного офицера в XVII веке[16]. Е.В. Черняку удалось установить личность автора этого дневника[17].

Большая часть подобных описаний была сделана в XVIII – начале XIX века участниками академических экспедиций[18]. И хотя большинство подобных описаний самого общего плана, они хорошо дополняют другие источники.

В последние годы, в связи с 400-летним юбилеем города в печати появились новые публикации доселе неизвестных документов. Среди них можно отметить сборник документов, посвященный церквям г. Верхотурья, изданный ГАСО[19], также опубликован «Росписной список» кремля и гостиного двора 1777 года[20].

Основные иконографические изображения Верхотурья (литографии, гравюры, акварели) оказались напечатаны в разного рода альбомах и иллюстрированных изданиях[21]. Многочисленны фотографии с видами города, снятые В. Метенковым, фотографами Николаевского монастыря и другими авторами. Частично опубликованы планы города Верхотурья[22]. Особая значимость иконографических источников проявилась при реконструкции и реставрации зданий и сооружений Верхотурья. Без них было бы невозможно детально восстановить внешний облик памятников истории и культуры города.

Исторические, биографические и, особенно, статистические сведения сосредоточены во всевозможного рода справочниках, словарях[23] и каталогах[24], в соответствующих разделах разнообразных «Описаний», «Материалов», «Списков» и пр.[25], специализированных статистических изданиях[26], «Адрес-календарях и памятных книжках Пермской губернии»[27], «Обзорах Пермской губернии»[28], а также многочисленных земских публикациях[29] и многих других изданиях. К сожалению, данные за одни и те же годы, приведенные в различных источниках, существенно разнятся (особенно это касается сведений о количестве и сословной принадлежности населения Верхотурья) в зависимости от вида – ревизского, полицейского или иного – учёта[30]. Однако, их достаточно, чтобы представить общую динамику развития города.

В то же время основная масса источников по истории Верхотурья, естественно, остается неопубликованной, хотя уже многое сделано для ознакомления научной общественности с содержанием наиболее интересных фондов центральных архивохранилищ[31]. К исследованию были привлечены материалы нескольких фондов центральных и региональных архивов, областных и районных музеев.

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) отложились наиболее интересные материалы по ранней (XVII-XVIII вв.) истории Верхотурья, как социально-экономической, так и истории его строительства. В фонде 199 (Портфели Миллера) обнаружены документы о строительстве и ремонтах деревянного и каменного кремлей Верхотурья, Покровского женского монастыря, о городских пожарах, в фонде 210 (Разрядный приказ) о строительство тюрьмы в конце XVII в. и находке Т. Гусевым «известного камня». В фонде 214 (Сибирский приказ) наибольший интерес представляют переписи М. Тюхина 1624 г. и М. Бибикова и Е. Михайлова 1670 года, материалы I ревизии 1720 года, «Городовые списки» 1700-1711 гг., а также «Книга… строения каменного гостиного двора».

Отдельные, порой очень интересные документы, были обнаружены в фонде 248 (Сенат) – о поселении в Верхотурье пленных шведов в начале XVIII века, о ремонте гостиного двора в 1751 году, в фонде 415 (Сибирская губернская канцелярия) содержится переписка о ремонте кремля в 1770-х. Ведомость Верхотурской таможни за 1743 год, Городовой список 1741 года, документы о торгово-промышленной деятельности М.М. Походяшина хранятся в фонде 474 (Верхотурская воеводская канцелярия).

Наибольший интерес для исследователей представляет фонд 1111 (Верхотурская приказная изба), где отложились переписные книги Верхотурья М. Тюхина 1624 года, Г. Черткова и А. Бернацкого 1666 года, документы о разведках и разработках рудных богатств Урала Д. Тумашевым в 1647, 1654-55, 1669, 1672, экспедиции в поисках серебра Я.Т. Хитрово 1672-1673, свидетельства о хлебных недородах 1657 и 1673, грамоты о волнениях и набегах местного населения 1604, 1640-1641, 1652-1653, 1663-1666, 1673, 1687, 1692-1693 и 1699 годов, связанных с ними военных приготовлениях в Верхотурье и уезде, многочисленные распоряжения центральной власти, отражающие социальную и экономическую политику правительства – о переплавке медной монеты в винные кубы в 1665, запрете охоты в ясачных угодьях 1676, указы о строительстве Невьянского завода 1700, документы, фиксирующие развитие таможенного кризиса в Верхотурье в 70-е годы XVII века. Фонд содержит множество документов о городских пожарах, строительстве, ветшании и ремонте деревянных кремля и острога, гостиного двора, тюрьмы, городских монастырей 1605, 1644, 1650, 1664-1665, 1672, 1682-1683, 1692-1693 годов. Есть документы, связанные с каменным строительством, среди них описание гостиного двора и чертеж приказной палаты. Особую ценность представляют материалы I ревизии, уточняющие место рождения М.М. Походяшина.

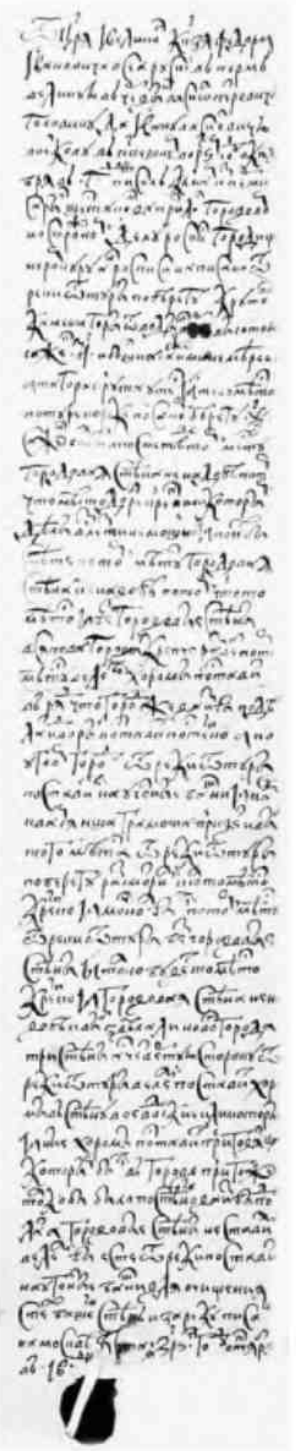
Экономические примечания к Генеральному межеванию (ф. 1355) характеризуют экономическое положение Верхотурья, содержат описание занятий его населения, дают представление об облике и планировке города (вплоть до названий улиц), состояние образования и многое другое. Фонд 1398 (Верхотурское уездное комиссарство) содержит документы о записи в Верхотурское купечество, но наиболее интересен «Росписной список … к здаче города Верхотурья», которое содержит подробнейшее описание построек кремля и гостиного двора на 1777 год.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) сохранились в основном документы городского хозяйства и строительства. В фонде 1285 (Департамент государственного хозяйства и публичных зданий) содержатся материалы о ремонте двух винных магазинов на гостином дворе в 1794 году, «Опись … верхотурского городничего майора Силина» 1818, сметы 1828 на строительство здания присутственных мест, обширная переписка о строительстве нового тюремного острога в 30-х гдах XIX века, в фонде 1286 (Департамент полиции исполнительной) были обнаружены чертежи фасадов и поэтажные планы здания присутственных мест. В фонде 1287 (Хозяйственный департамент) хранятся документы, содержащие условия записи в купечество и мещанство г. Верхотурья в 1849, решение о выделении в 1829 средств на постройку гостиного двора, длительная (1829-1844) переписка о строительстве лавок гостиного двора, а также описание Верхотурья 1900 года. В фонде Межевого департамента (ф. 1350) отложились «Экономические примечания к Атласу Пермской губернии» 1800 года, содержащие сведения о количестве населения Верхотурья, а в фонде 1399 (Карты, планы и чертежи Петербургского сенатского архива) обнаружен «План ныне существующему каменному строению в городе Верхотурье» конца XIX века.

В фонде 28 (Верхотурская воеводская изба) архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН выявлены документы 1620-х об обращении ссыльных в пашенные крестьяне, об основании с. Меркушино и строительстве в нем судов, о замене Поморским уездам «сибирских отпусков» с хлеба на деньги (1632) и обратно (1643), перенос винокурни за городскую черту (1639), о пожарах 1627 и 1639 годов, строительстве после пожара острога и гостиного двора. К сожалению, фонд не имеет описи, поэтому исследован не полностью.

Во вспомогательном фонде Верхотурского историко-архитектурного музея-заповедника (ВФ ВГИАМЗ) были обнаружены рукописные воспоминания об установлении Советской власти и гражданской войне в Верхотурье «Обелиск вечной славы» (1968) и мемуары Н.М. Лиханова «Современники о прошлом».

В фондах Государственного архива Пермского края (ГАПК) исследованы документы, характеризующие практически все стороны жизни Верхотурья. В фонде 36 (Пермское губернское правление) отыскан «Рапорт городничего 7-го класса Черкасова» 1802 года, в фонде 65 (Канцелярия пермского губернатора) содержатся материалы о создании Верхотурской ярмарки (1802), сообщение из Верхотурского нижнего суда пермскому

Царская грамота о строительстве Верхотурья и государевой дороги в Сибирь

губернатору об отсутствии в уезде винных заводов (1806), «Ведомость по городам [Пермской] губернии для утверждения штатов городской полиции» (1814-1815), «Сведения верхотурского городничего для Статистического отдела Департамента полиции» (1824), рапорт городничего И. Попова в Статистический отдел о населении города (1826), «Ведомость Верхотурского городского правления о числе жителей в городе Верхотурье» (1826), «О состоянии в Пермской губернии… каменных заведений» вице-губернатора князя Волконского и рапорт городничего по этому поводу (1804), «Описание… имеющимся в оном городе Верхотурье древней постройке остатка 1827 г.» уездного судьи И. Попова, ответ И.Попова на циркулярный запрос Департамента Государственного Хозяйства и Публичных Зданий МВД (1826) и многое другое.

В фонде Пермской казенной палаты (ф.111) обнаружен «Журнал о поверке торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий в г. Верхотурье» 1912 года, в фонде 297 (Исторический архив ПУАК) отысканы сведения о том, что в 1826 население Ямской слободы было причислено к крестьянскому званию и в этом статусе находилось по 1836 года. Здесь же содержатся ответы священника Знаменской церкви П. Торопова на «Программу для описания церковных зданий, монастырей и приходов Пермской губернии» 1901 года. В фонде 316 (Пермское наместническое правление) сохранился ряд интереснейших документов, среди которых: указ Екатерины II от 16 марта 1792 года верхотурскому городничему о благоустройство города, рапорт старосты И. Зеленцова из верхотурского городского магистрата от 3 июня 1781 года. о состоянии кремлевских построек, сведения о пожарах 1716 и 1762 годов.

В фонде 603 (Николаевский мужской монастырь) Государственного архива Свердловской области (ГАСО) сохранилась недатированная ведомость монастырского имущества конца XVIII с дополнениями начала XIX в., ревизские сказки 1816, 1834 годов и материалы 10 народной переписи 1858 года, письмо игумена Афанасия в 1824 году епископу Пермскому и Верхотурскому о канонизации Симеона Верхотурского, копии писем от частных лиц за 1857-1865, «свидетельствовавших чудесные исцеления с поминальных молитв к праведному Симеону». Здесь же были обнаружены документы 1860 года о разработке системы распространения монастырских изданий, материалы о строительстве и ремонтах Николаевского и Преображенского храмов, «главного каменного корпуса». В ф. 606 (Верхотурское уездное казначейство) удалось обнаружить смету на строительство каменного здания уездного казначейства 1905 года и «Список жителей города Верхотурья, подлежащих обложению подоходно-прогрессивным налогом за 1918 год».

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ, ф.218) сохранились отдельные документы третьей четверти XVII века о существенном усилении гарнизона Верхотурья в связи с крестьянской войной С. Разина и башкирским восстанием. Но наибольшую ценность представляет перепись населения города И. Корякова, имевшая место в 1669 году.

Всего в 40 фондах девяти архивохранилищ было изучено 186 дел. Большинство этих источников впервые вводятся в научный оборот. В ходе исследования в ГАПК[32], РГВИА[33], РГИА и РГАДА была подобрана коллекция планов города Верхотурья последней четверти XVIII – XIX веков, а так же ряд архитектурных чертежей, которые помогли уточнить многие моменты городского строительства, недостаточно отраженные в письменных источниках.

Отдельная тема и относительно новое направление исследования Верхотурья – археологическое изучение города. Оно началось в 1967 году с небольших разведочных работ КАЭ ПГУ[34]. После длительного перерыва в 1988 году по заказу ГНПЦ по охране памятников истории и культуры Свердловской области археологами УрГУ были заложены небольшие раскопы на территории Верхотурского кремля. С 1989 года к историко-архитектурным и археологическим исследованиям ГНПЦ в кремле и посаде Верхотурья были подключены силы КАЭ ПГУ[35] и эти работы продолжались до 1995 года, а с момента создания отдела археологических исследований ГНПЦ им до конца десятилетия ежегодно проводились комплексные работы совместно с ПГУ, ИЭРЖ УрО РАН и др.

Параллельно в 1989-1990 годах проводилось археологическое изучение Николаевского монастыря силами экспедиции УрГУ Имеющиеся археологические материалы не только существенно дополняют имеющиеся письменные источники, в целом ряде случаев они позволяют получить новую информацию, отсутствующую в документах. Особенно это касается материальной культуры Верхотурья: городского домостроительства, быта горожан. Раскопками в кремле были созданы предпосылки для реконструкции его стен и башен. Основные итоги этих исследований были освещены в тематическом сборнике, выпущенном ГНПЦ[36].

Историография российского города чрезвычайно обширна (около 500 работ только на 1966 год), сложна и многопланова, как собственно и данная проблема в отечественной исторической науке. Исследователи даже отдельных периодов уже предпочитают в обзорах литературы перечислять не отдельные исследования, а историографические труды. Так, например, Б.Н. Миронов, занимавшийся вопросами демографического, социального и экономического развития городов России в XVIII-XIX веках, счел нецелесообразным помещать в своей книге традиционный историографический обзор, а ограничился ссылкой на длинный список специальных историографических очерков[37]. Нам остается лишь адресовать читателя, интересующегося общими вопросами истории городов к его монографии.

Обзор историографических работ, в которых, так или иначе, затронуты проблемы изучения Верхотурья, необходимо начать с блестящего очерка С.В. Бахрушина «Вопрос о присоединении Сибири в исторической литературе», где автор дал емкие и исчерпывающие характеристики основных источников, дореволюционных и первых послереволюционных трудов по истории Сибири[38].

Что касается городов Урала, то, пожалуй, первый историографический очерк принадлежал Б.А. Сутырину, который совершенно справедливо подразделил всю вышедшую к тому времени литературу на «фундаментальные научно-исследовательские работы и многочисленные популярные брошюры» и отмечал, что «наименее изученной остается история городов Урала в период капитализма и империализма»[39].

Имеются и историографические работы, посвященные изучению непосредственно Верхотурья. Это, прежде всего, статья Т.Е. Квецинской «Город Верхотурье в XVII – начале XVIII вв. в отечественной историографии»[40]. В общем плане историография города затрагивается в трудах той же Т.Е. Квецинской «Историография Сибири XVI – начала XX в.»[41], В.Г. Мирзоева «Историография Сибири XVIII в.»[42], Д.Я. Резуна «К истории изучения сибирского города XVIII в. в русской дореволюционной исторической науке» и «Очерки истории изучения сибирского города конца XVII – первой половины XVIII в.»[43] и работе А.С. Черкасовой «Некоторые вопросы историографии русского города XVIII столетия»[44]. Несколько особняком стоит работа Л.Н. Вольской, посвященная историографии градостроительства Сибири[45].

Впервые Верхотурье оказалось в центре внимания ученых в XVIII в., прежде всего, в трудах Г.Ф. Миллера[46] и И.Е. Фишера . И хотя вопросы истории города рассматривались в контексте колонизации Сибири, первоначальная история города была выяснена исследователями достаточно полно.

С тех пор без упоминания Верхотурья и его роли в отечественной истории не обходилось ни одно общее сочинение по российской истории[48].

И все же наиболее предметно история Верхотурья изучалась региональными учеными, интересовавшиеся прошлым Урала и Сибири. П.А. Словцов в «Историческом обозрении Сибири», вышедшем первым изданием в 1823 году, рассматривал ранние этапы истории города в связи с общим ходом колонизации Сибири[49]. Так же подходил к исследованию истории Верхотурья и В.К. Андриевич в своем обобщающем труде по истории Сибири[50].

В книге П.Н. Буцинского «Заселение Сибири и быт ея первых насельников» содержится небольшой, но очень ёмкий очерк истории Верхотурья в первой четверти XVII века, вероятно, одно из лучших дореволюционных исследований на эту тему. В нем затронуты вопросы основания, строительства, роста населения, экономического развития и управления[51].

Замечательный уральский историк А.А. Дмитриев не мог пройти мимо проблем прошлого Верхотурья и, хотя история города не стала предметом его особого, монографического исследования, в своих обобщающих трудах он рассматривал его место в процессах колонизации Сибири, развитии торговли в регионе и др.[52] Собственно городу посвящен цикл небольших юбилейных публикации в периодике, посвященные его основанию и первоначальному облику, экономике (особенно деятельности таможни), монастырям и храмам; рассматривал Дмитриев и изменение площади уезда зависимого от Верхотурья[53].

К сожалению, автор не имел возможности свести свои материалы под одной обложкой, но в совокупности эти работы дают развернутую картину развития города в XVII-XVIII веках.

В книге известного российского исследователя-архивиста занимавшегося историей церкви И. Токмакова[54] дан обширный очерк истории города, но поскольку она была создана по прямому заказу администрации Николаевского монастыря, основной упор в ней сделан на описание городских святынь. Несмотря на это, работа Токмакова оставалась, пожалуй, лучшим дореволюционным обобщающим трудом по истории города, в некоторой степени заменившим несостоявшуюся работу А.А. Дмитриева. Работы священника Знаменской церкви г. Верхотурья П. Торопова[55], который сотрудничал с ПУАК, представляют собой наиболее удачные из компиляций пропагандистского плана.

Н.К. Чупин внес свой вклад в изучение истории города: его работы имели научно-справочный характер или были посвящены знаменитым верхотурцам[56]. Биографические очерки верхотурского заводчика М.М. Походяшина были созданы Е.П. Карновичем[57] и Ф.А. Прядильщиковым[58].

Остальная дореволюционная литература по истории Верхотурья сколь обширна, столь и однообразна, полностью оправдывает характеристику, данную Б.А. Сутыриным. Опубликованный в «Историческом вестнике» очерк В.П. Полякова, хотя и содержит достаточно интересные сведения, характеризующие состояние города в конце 60-х годов XIX века, имеет характер не столько научный, сколько художественный[59]. Исторический очерк И.Н. Божерянинова[60], написанный по материалам А.В. де-Шамборанта, удостоенных серебряной медали на I Всероссийской выставке монастырских работ, в целом повторял книгу Макария в несколько урезанном виде. К тому же роду популяризаторской и пропагандистской литературы принадлежит статья Б.Г. Курца, опубликованная в 1915 году в Киеве[61].

В связи с тем, что Верхотурье было крупным религиозным центром Урала в XIX – начале XX веках, было выпущено много работ, посвященных истории городских монастырей, храмов и культа св. Симеона Верхотурского. Часть их имела краеведческий характер, но, по большей мере, это были небольшие по объему, содержащие минимум исторических сведений брошюры, изданные для распространения среди паломников. Вышедшая в 1854 году книга о. Макария озаглавлена «Описание города Верхотурья»[62], в ней содержится небольшой раздел, посвященный экономическому и культурному состоянию города в середине XIX века, но в большей степени содержится описание городских церковных святынь. В той или иной степени это свойственно почти всей популярной дореволюционной литературе о Верхотурье. Среди наиболее интересных трудов необходимо отметить книги Баранова, ныне активно переиздаваемые Верхотурским Николаевским монастырем[63], и анонимную статью «Верхотурский монастырь» в Екатеринбургских епархиальных ведомостях[64], которую иногда приписывают тому же автору. Работы В.С. Баранова методологически уже устарели, но поскольку частично выполнены на основе источников, не дошедших до настоящего времени, не потеряли своего научного значения.

В 1911 году появляется работа В. Трапезникова, в которой делалась попытка освещения истории Урала с новых для того времени марксистских методологических позиций[65]. А.А. Савич в своих очерках «Прошлое Урала»[66] уже после революции продолжил усилия Трапезникова. Эти работы объединяет то, что они написаны с привлечением только опубликованных источников, а факты из истории Верхотурья служат для иллюстрации общих выводов обоих авторов. Также их роднит некоторая схожесть трактовки истории Урала с позицией «школы» М.Н. Покровского, хотя они не имели к ней отношения. К ним примыкает научно-популярные очерки Л.М. Каптерева[67], обобщившего публикации предыдущих лет с позиций краеведения.

Существенно выше этих работ по научному уровню стоят труды 1920-х годов С.В. Бахрушина, ставшие основой «Очерков по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.», вышедших в 1927 году[68] «Очерки…» стали, на наш взгляд, первым трудом современного научного уровня.

В 30-е и 40-е годы XX века в силу понятных причин наступила длительная пауза в создании и публикации исторических работ, посвященных истории Верхотурья, которая была прервана выходом в 1946 и 1956 очерков по истории земледелия и колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков В.И. Шункова[69], в которых автор рассматривал проблемы крестьянской колонизации и земледельческого освоения сибирских уездов, в том числе и Верхотурского, что оказалось чрезвычайно важно для характеристики становления сельской округи города.

Необходимо заметить, что вообще в 50-70-е годы XX века развитие городов Урала чаще изучалось специалистами-географами. Вопросы развития Верхотурья затрагивались в историко-географических трудах Р.М. Кабо[70] и Е.Г. Анимицы[71]. Наиболее интересной из такого рода работ является монография Л.Е. Иофа[72], в которой автор стремился «показать, как сформировался современный рисунок городской сети Урала, как и почему возникли и развивались, то достигая большого экономического расцвета, то, наоборот, утрачивая его, наиболее крупные из уральских городов, как и почему менялась их экономическая структура».

В целом автору удалось решить поставленную им задачу. Верхотурье впервые было показано во взаимодействии с другими городами региона, изменение его места в системной городской сети прослежено во времени, однако обобщающий характер работы сказался в том, что картина развития Верхотурья оказалась неполной и неточной, особенно на ранних этапах его существования. Историк В.И. Сергеев в статьях 1960 и 1967 годах рассматривал проблемы предпосылок основания и ранней истории сибирских городов, в том числе и Верхотурья[73].

В работах этих авторов впервые появился научный термин «город-крепость» в качестве определения первого этапа развития городских образований на пограничных и колонизируемых территориях. Лишь пройдя эту стадию, уральские и сибирские городские центры могли превратиться в административно-торговые и торгово-промышленные города.

Обратим в связи с этим внимание на два обстоятельства: во-первых, некоторую тавтологичность данного термина (до XVIII-XIX веков городов без крепостей вообще не существовало, под городом понималось, прежде всего, *укрепленное* место, то есть крепостью был каждый город, где бы он ни располагался – на границе или в глубине страны) и, во-вторых, военно-административная функция шире, нежели только оборонная (а у крепостей иных функций быть не может). Однако термин «город-крепость», несмотря на свою неточность, прижился, расширительно понимаемый как город с единственной военно-административной функцией, и попал в научно-популярные издания и архитектурные работы.

Роль Верхотурья как опорного пункта русской колонизации Сибири на основе новых источников и подходов рассматривалась В.Л. Назаровым, Н.И. Никитиным[74]. Без упоминания роли города не могла обойтись ни одна научная работа, освещавшая проблемы развития городов, ремесла и торговли, таможенной политики, социально-экономического развития Сибири в целом, как это было в трудах М.М. Громыко, О.Н. Вилкова[75]. Особенно необходимо отметить статьи А.Н. Копылова, в которых впервые был описан таможенный кризис последней четверти XVII века[76].

Особое место в ряду исследований истории Урала и Сибири занимают труды А.А. Преображенского, в которых рассматриваются самые различные вопросы русской колонизации огромного субконтинента, общественного разделения труда, строительства первых горнозаводских предприятий в крае, классовой борьбы и развития уральских монастырей[77].

Не меньшее значение для изучения истории Верхотурья имели работы В.А. Оборина, посвященные проблемам колонизации Урала, в которых затрагивались проблемы особенностей формирования и развития городов и, в частности, Верхотурья[78]. В.А. Оборин первым отметил, что русское население Урала предпочитало основывать города на местах бывших аборигенных поселений. Им же была создана, пожалуй, первая в советское время работа, посвященная непосредственно истории Верхотурья XVII века (основание, застройка, планировка, экономика, демография), к сожалению, оставшаяся в рукописи[79].

Серьезным вкладом в разработку вопросов социально-экономического развития Верхотурья XVII века стали статьи Т.Е. Квецинской о хлебной торговле, ремесле[80]. Близки им по тематике работы Г.А. Леонтьевой[81] и М.Д. Курмачевой[82]. Все эти труды написаны на материалах верхотурских таможенных книг и единственным их недостатком является то обстоятельство, что анализу подвергались источники только за отдельные годы, поэтому по ним и невозможно объективно судить как об экономической динамике Верхотурья в целом, так и о факторах и причинах, обуславливающих эту динамику. Вопросы того, в какой степени Верхотурье было вовлечено в формирование промышленности на Урале в XVII и XVIII веках, затрагивались в капитальных монографиях П.Г. Любимова по истории российской металлургии и Б.Б. Кафенгауза, посвященной хозяйству Демидовых[83].

Динамика численности населения Верхотурья изучалась В.Н. Пешковым и Г.Е. Корниловым[84] – это первые сводки данных о демографии города конца XVIII – середины XIX века и XX века. Уже в силу этого они имеют особую ценность. Но, к сожалению, авторы привлекали источники без надлежащей критики и изучения свойственного им характера учета (ревизского, полицейского и пр.), не выдерживали принципа единства территории, поэтому сведения об общей демографической динамике Верхотурья иногда получались искаженными. Так, по В.Н. Пешкову, число жителей города уменьшилось с 3.965 человек в 1801 до 1.954 человек в 1815 (то есть на 2.011 человек – две трети населения), что равнозначно катастрофе, которой, конечно же, не было.

Развитие образования в Верхотурье в дореформенный период рассматривалось Т.А. Калининой в связи с общим развитием образования на Урале в этот период[85]. Заселение Среднего Урала, некогда составлявшего территорию Верхотурского уезда, этнодемографические и этнокультурные процессы, материальная культура сельского населения региона анализировались Г.Н. Чагиным, который убедительно доказал, что русское старожильческое население Верхотурского уезда происходило из Северо-Двинского бассейна, прошедшее через уезды Пермского Прикамья, являясь, таким образом «органической частью северорусской этнографической общности[86]». В самом общем виде история Верхотурья затрагивается в современных обобщающих трудах по истории отдельных регионов страны[87].

В советский период история монастырей Верхотурья, так или иначе, рассматривалась в общих работах А.А. Преображенского, М.Ю. Нечаевой, Л.П. Шорохова[88], главным образом, авторов интересовали проблемы развития их земледелия и землевладения, а также взаимоотношения с властью. Непосредственно истории Николаевского монастыря XVII-XX веков посвящены статьи П.А. Корчагина, исследовавшего закономерности его экономической эволюции и проблемы перестройки экономики на капиталистических основаниях[89], и Е. В. Пуль, в центре внимания которой в основном оказались события последних лет существования обители[90].

Широко отмечавшийся 400-летний юбилей Верхотурья породил большую волну переиздания старых работ и новых публикаций. Но необходимо отметить, что современная литература на исторические темы, выпускаемая Николаевским монастырем, как правило, является компиляцией, а иногда даже текстуальным коллажом из дореволюционных изданий, за исключением некоторых краеведческих публикаций в газете «Верхотурская старина».

Научные центры Среднего Урала, подготовили к юбилею содержательные научно-популярные очерки, в которых вопросы исторического и архитектурно-планировочного развития города впервые рассматривались параллельно[91], и сборники, многие статьи в которых стали существенным вкладом в изучение региональной истории, содержали доселе неизвестную информацию[92].

Особую и большую отрасль историографии составляет литература об архитектурно-историческом наследии Верхотурья.

В дореволюционный период архитектура Верхотурья была предметом рассмотрения, пожалуй, только одного автора – А. Глаголева, давшего краткое обозрение архитектурных памятников города[93]. В трудах других исследователей городские храмы и монастырские постройки рассматривались лишь в качестве православных святынь (игумен Макарий), а кремль, острог и гостиный двор как необходимые элементы военно-административного и экономического функционирования города (А.А. Дмитриев, А. Романов).

Верхотурье снова оказалось в центре внимания отечественных архитекторов только в 50-х – начале 60-х годах XX века в связи с исследованием общих закономерностей планировки и застройки российских городов. Причем, первоначально оно служило для исследователей практически единственным примером уральского города-опорного пункта колонизации[94]. Но затем в работах Н.Н. Ляпцева[95], Н.С. Алферова и Р.М. Лотаревой[96] данные проблемы изучались более целенаправленно, Верхотурье рассматривалось в контексте общеуральского городского строительства XVI-XVIII веков и здесь также служило своеобразным эталоном. Например, общая схема поэтапного развития композиции городов административно-торгового типа была создана Н.Н. Ляпцевым на примере Верхотурья. Однако и в этих работах планировка города бралась только в первом приближении, о чем свидетельствуют схематические и неточные реконструкции, иллюстрирующие текст.

Во второй половине 1970-х активизировались сибирские архитекторы, выпустившие серию работ, посвященных истории архитектуры и планировки сибирских городов, к числу которых в свое время принадлежало Верхотурье[97]. С.Н. Баландин наглядно показал характерные особенности деревянного оборонительного зодчества Сибири как типового строительства[98]. Его работа и ныне служит методическим основанием для реконструкций стен и башен уральских и сибирских городов.

С 1960-х начались исследования отдельных архитектурных комплексов Верхотурья. История возведения городского каменного кремля, организации и технике каменного строительства в Верхотурье в начале XVIII века рассматривалась в работах П.А. Тельтевского, А.С. Терехина и Г.Д. Канторовича, С.В. Копыловой[99]. В центре внимания А.Ю. Каптикова оказалась история строительства культовых памятников Верхотурья и определение их места в зодчестве Русского Севера, Вятки и Урала[100], причем эти проблемы решались автором в искусствоведческом плане. Книга С.П. Заварихина «Ворота в Сибирь» имеет обзорный и популярный характер[101].

В последние годы проблемами строительства и архитектуры плодотворно занимался Е.К. Золотов[102]. Он разработал периодизацию застройки и развития функционально-планировочной организации города, выявил формальную схему размещения городских архитектурных доминант и особый, уникальный для сибирских городов способ размещения массивов застройки на двух берегах реки и многое другое[103].

Внимание другого екатеринбургского архитектора Е.В. Двойниковой оказалось сосредоточенным на формировании объемно-пространственной модели города и вопросах охраны историко-архитектурного наследия[104].

Эти работы составляют современный этап исследования архитектуры Верхотурья. Архитектура Верхотурья обзорно рассматривалась и в зарубежных работах[105].

Таким образом, и в историографии советского периода так и не появилось монографического исследования, посвященного Верхотурью, хотя объем сохранившихся источников, казалось бы, позволял это сделать. Настоящая работа является попыткой заполнить эту лакуну в истории Урала и Западной Сибири.

Особенность настоящей работы заключается в том, что сам объект и способ его исследования предполагают рассмотрение основных проблем изучения российского города XVI – начала XX веков, да и не только их. Говоря о Верхотурье, нельзя не коснуться проблем русской колонизации Сибири, становления и развития горной промышленности Урала, истории уральских и сибирских монастырей, таможенной службы России, истории земства и многого другого, имеющего свою собственную историографию, которую в данной работе раскрывать в полном объеме нет возможности.

В истории городов вообще и отдельно взятого города в свернутом виде заложены практически все проблемы исторического развития российского общества. Но расчлененность исследования, возможная и необходимая при анализе отдельных сторон функционирования города как социального организма, недопустима, если целью исследователя является объективная оценка его места и роли в историческом процессе. Основной задачей становится обнаружение моментов взаимодействия и закономерных связей различных его сторон и функций, по возможности, общего принципа, определяющего развитие города. При таком подходе чрезвычайно актуально комплексное историческое исследование, в идеале охватывающее все источники, затрагивающее все проблемы.

Своеобразным манифестом комплексного исторического изучения городов Урала стала работа 1986 года В.А. Оборина и В.А. Шмырова. В ней авторы, отмечавшие недостаточную степень изученности истории городов, не только охарактеризовали состояние, возможности источниковой базы, но и сформулировали основные цели, встающие перед исследователями: «…установление точных дат возникновения городов, их географического положения, условий возникновения, общей планировки и социальной топографии; выявление архитектурного облика, элементов благоустройства, графическая реконструкция оборонительных сооружений и отдельных построек, расшифровка названий городов и установление соотношения русских городов с поселениями местного населения.

Необходимо также всестороннее изучение экономической жизни городов (форма организации, удельный вес, соотношение между сельским хозяйством, промыслом, ремеслами и торговлей, размеры и формы землевладения горожан и т.д.), их социального состава и развития классовой борьбы, происхождения русского населения, его этнического состава, структуры городского управления, роли церкви, истории развития материальной и духовной культуры и быта горожан, их влияния на сельскую округу.

Наиболее сложными являются следующие проблемы: установление критериев, необходимых для определения понятия городского поселения этого периода; определение типов городов по их подчиненности (государственные, частновладельческие и т.д.), по этапам социально-экономического развития (раннефеодальный, развитый, позднефеодальный); эволюция городов (полное отмирание, превращение в сельские населенные пункты); преобразование старых городов на новом этапе исторического развития, зарождение городов нового типа.

Детальное изучение всех этих вопросов возможно лишь при комплексном использовании различных источников, введении в оборот новых и при взаимной проверке их достоверности, например, письменных – археологическими данными и наоборот[106]». Кроме того, авторы выделили такой особый вид исторических источников как архитектурные памятники и предложили некоторые конкретные пути проведения комплексных исследований.

К концу 1980-х археологически было изучено более чем полтора десятка исторических городов Прикамья и Среднего Урала[107]. Итогом многолетних работ стала докторская диссертация В.А. Оборина, опубликованная, к огромному сожалению, лишь частично – колонизационные процессы, освещенные в монографии, прослежены только до начала XVII века[108]. Работы, проводимые КАЭ ПГУ в последние десятилетия, на наш взгляд, относятся уже к новому этапу комплексных исследований. Если ранее изучение носило «обзорный» характер с целью получения первичной информации по всем прикамским историческим городам XVI-XVII веков, то ныне речь идет о целенаправленном исследовании каждого конкретного города на всем протяжении его досоветской истории.

Очевидно, стоит в первую очередь разобраться с определением самого предмета исследования, которое, надо отметить, до сих пор вызывает споры. В российской исторической науке до сих пор, к сожалению, не сложилось единого определения термина «город». Такое положение связано, во-первых, с тем, что на протяжении времени менялась природа русского города и, во-вторых, с изменением методологических подходов в самой исторической науке о городах. П.П. Толочко констатировал в 1989 году: «Наиболее трудной продолжает оставаться проблема происхождения древнерусских городов. Опыт отечественной историографии убеждает, что трудности в ее решении связанны не только с отсутствием достаточной источниковой базы, но и с теоретической неразработанностью… Многие трудности в постижении такого сложного социального явления, каким был древнерусский город, как показывает опыт отечественной и зарубежной историографии, происходят по причине отсутствия четкости в определении самого понятия «город»[109].

Сложности с определением испытывают не только отечественные ученые. Британский историк Л. Мамфорд еще в 1966 году пессимистически заявлял: «Никакое одно определение нельзя приложить ко всем проявлениям, и никакое одно описание не может охватить все его превращения от зародышевого социального ядра до сложных форм зрелости…

Происхождение города темно, большая часть его прошлого похоронена или стерта так, что его невозможно восстановить»[110].

Хотя необходимо отметить, что отечественные ученые давно и достаточно плодотворно работают над проблемой определения города. Я.Е. Водарский в 1970-е годы даже предложил классификацию существующих определений.

Всего он выявил четыре точки зрения:

1) официально называющееся городом в источниках (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, А.Д. Чечулин);

2) торгово-промышленное поселение (Н.А. Рожков, Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, К.Н. Сербина, М.Я. Волков);

3) торгово-промышленное поселение, военно-административный центр или поселение, сочетающее в себе черты того и другого (П.Н. Милюков, Ю.Р. Клокман);

4) торгово-промышленное поселение с городской, т.е. посадской общиной (Н.И. Костомаров, М.Н. Тихомиров, А.М. Сахаров, Л.В. Черепнин)[111].

Сам Я.Е. Водарский присоединялся к последней точке зрения.

Появились также попытки определения понятия «город» в историко-географических исследованиях. Р.М. Кабо предложил следующее: «город есть одна из форм размещения материального производства и расселения людей, участников производства[112]». Может быть, очень удобное для целей географической науки сведение понятия город к «географической концентрации неземледельческого населения в отдельных пунктах» не может быть принято в историческом исследовании, поскольку в этом случае под определяемое понятие попадают и фактории, и заводские поселки и многое другое.

Покорение Сибири Ермаком. Миниатюры из Кунгурской летописи, XVIII в.

Представляет интерес определение города в целях этнографического изучения, предложенное М.Г. Рабиновичем: «Город – местный экономический и культурный центр, относительно крупное поселение, с более сложным, чем у сельским поселений, социальным и экономическим составом жителей, большинство которых занято в производстве для обмена и в обмене, что порождает совокупность особенностей домашнего и общественного быта, отличающих городской образ жизни[113]». Как видно из самой формулировки, основной ее целью было выявление специфического городского образа жизни. При всей важности изучения этой стороны бытования городских населенных пунктов, комплексное историческое исследование городов к ней несводимо.

Однако уже в 1980-е годы научная мысль пошла дальше. В 1983 году О.Г. Большаков и В.А. Якобсон определили город как «населенный пункт, в котором концентрируется и перераспределяется прибавочный продукт[114]». А.В. Куза в 1985 году несколько развил данную формулировку применительно к раннефеодальному городу (работа носила археологический характер): «…постоянный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи-волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта».

Внесенные А.В. Кузой дополнения должны были подчеркнуть:

1) отличие города от временных станов для сбора полюдья – «постоянный»;

2) связь города с сельской округой (волостью) – «обширный»;

3) важнейшую экономическую функцию города (ремесленное производство) – «перерабатывалась»;

4) высокую степень концентрации в городе прибавочного продукта, средств и возможностей его переработки и перераспределения в отличие от погостов, факторий, крепостей[115].

И, наконец, в работе 1990 году Б.Н. Миронов подразумевал под городом (имея в виду позднефеодальный): «…поселение многофункционального назначения со значительным (по крайней мере, несколько сот человек) населением (его торгово-промышленная часть составляет посадскую общину), которое живет в условиях специфического уклада общественной жизни, своей деятельностью организует во всех отношениях (в хозяйственном, политическом, административном, культурном) тяготеющую к нему сельскую округу и объединяет ее в единый государственно-хозяйственный механизм[116]».

Как заметил тот же Б.Н. Миронов, среди исследователей до сих пор нет единой точки зрения возможно ли общеформационное понятие «город» или же принципиально нельзя найти общее определение города на всей протяженности его существования в пределах региона или даже одной страны. Причем сам он склоняется ко второму взгляду. Нам же кажется более плодотворным первый путь, поскольку если в ходе своего исторического развития явление изменяется настолько, что утрачивает свою первоначальную сущность, то необходимо констатировать возникновение совершенно нового явления и, соответственно, по-новому его наименовывать. Очевидно, что такое явление как город, при всей его историчности, не утратило своего основного содержания, о чем свидетельствует уже неизменность самого понятия «город». Задача заключается в том, чтобы обнаружить это неизменное, принципиальное, сущностное содержание данного явления.

Несмотря на явное различие вышеприведенных определений, совершенно очевидно, что они исходят из одних и тех же предпосылок, а, конкретно, взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, которые считали города закономерным порождением процесса общественного разделения труда в условиях появления частной собственности и антагонистических классов[117] (впрочем, эти воззрения не оспаривались и историками-немарксистами[118]).

Автор настоящей работы считает, что основой для общеформационного понятия «город» должно стать историко-материалистическое положение о перераспределительной функции городов как их сущностного качества[119]. Отдельные ее стороны, такие как производственная (перераспределение предметов труда в процессе общественного производства на основе разделения труда между городом и деревней, отдельными отраслями промышленности), торгово-транзитная (перераспределение материальных благ между отдельными людьми и регионами посредством товарного обмена), государственно-административная (перераспределение прибавочного продукта между классами и сословиями в виде

налогов и пр.), военная (перераспределение материальных благ путем вооруженного насилия) и культурно-конфессиональная (основанная на разделении умственного и физического труда) могут выступать на различных этапах существования города в качестве исторических (преходящих) функций, присущих в разной степени конкретным городам в различные периоды их истории.

Исторически первой и основной из городских функций была производственная, сформировавшаяся на основе второго разделения труда. Известно, что города формируются как центры земледельческих регионов. Развитие и усложнение производственной, а затем торговой функций породили остальные (государственно-административную, военную, культурно-конфессиональную), которые обеспечивали возможность городам через возникшие институты власти (политической, военной, судебной) и общественные институты (религиозные) осуществлять свое господство над сельской округой, управлять ею.

Покорение Сибири Ермаком. Миниатюры из Кунгурской летописи, XVIII в.

По мере развития государства города превращались из относительно автономных центров в элементы системной городской сети, которые не только организовывали подчиненные им территории, но и объединяли их в единый хозяйственный и политический организм, в единую страну. Складывалась иерархия (применительно к России – уездных, губернских и столичных) городских центров, каждое из высших звеньев которой осуществляло функцию организации сельских территорий во все расширяющемся масштабе.

Таким образом, на основе уже известных определений город можно охарактеризовать как постоянный населенный пункт, центр сельскохозяйственной территории, в котором концентрируется, перерабатывается и перераспределяется большая часть произведенного в ней прибавочного продукта, с населением, которое живет в условиях специфического уклада общественной жизни, своей деятельностью организует в хозяйственном, политическом, административном, культурном отношении сельскую округу и объединяет ее единый государственно-хозяйственный механизм.

Наличие или отсутствие отдельных функций, степень их зрелости, а чаще их специфическое сочетание, свойственное данному городу, определяет картину его развития в каждый определенный момент времени. Вместе с тем, система исторических городских функций в целом изменчива во времени и конкретная их комбинация (преобладание одной или нескольких из них) зависит от исторических условий, в которых существует сам городской населенный пункт. Таким образом, изучение истории города есть в целом исследование динамики его функционирования, а задача исследователя заключается в создании объективной периодизации этого процесса и характеристики каждого выделенного периода. При этом необходимо раскрыть механизм функционирования города на каждом этапе его истории, выявить предпосылки, причины, конкретные исторические события и время смены одного функционального периода другим.

Естественно, невозможно рассматривать историю отдельного города (в нашем случае Верхотурья) вне его связи с другими российскими городами.

Требуется определить его место в системной городской сети, т.е. такой структуре городов, в которой они утрачивают экономическую и административную автономность своего существования и становятся элементами взаимосвязанного целого, единого народнохозяйственного и политического организма[120].

С другой стороны, город, представляя собой сложное структурное образование, складывается из нескольких относительно самостоятельных институтов (органы государственной власти и общественного самоуправления, монастыри и церкви, таможня, производственные предприятия и многие другие), имеющих собственную историю и закономерности развития. Их необходимо учитывать в ходе научного анализа, но история города несводима к простой их совокупности. Поэтому в настоящей работе рассматриваются только те стороны деятельности данных институтов, которые оказали существенное, определяющее воздействие на развитие города. В нашем случае нет нужды раскрывать подробности и особенности функционирования таможни, городских властей, посадской общины и пр., так же как при исследовании промышленных городов в целом излишне изучение технологических процессов конкретных городских предприятий. Особо следует обговорить тот факт, что история верхотурских монастырей рассматривается нами лишь как эволюция одной из экономических составляющих города, а духовная сфера развития обителей оставляется за рамками исследования. Ибо, как писал В.О. Ключевский: «Закономерность исторических явлений обратно пропорциональна их духовности»[121].

Методология, принятая в настоящем исследовании, в своей основе имеет материалистическое понимание истории с присущими ему принципами историзма и экономического детерминизма. Оттуда же идет понимание исторического закона как необходимого, существенного, устойчивого, *повторяющегося* отношения между явлениями. Закон выражает связь между предметами, составными элементами данного предмета, между свойствами вещей, а также свойствами внутри вещи[122].

Термин «повторяющееся» выделен нами специально, так как он подразумевает неоднократное воспроизведение каких-либо исторических явлений, состояний, обстоятельств, условий.

Несколько слов о периодизации, принятой в данном исследовании. В настоящее время принято следующее определение интересующего нас метода. «ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ – *условное* (курсив мой – П.К.) деление какого-либо исторического процесса на хронологические периоды, соответственно их отличительным особенностям, определяемым в зависимости от избранного критерия…

Каждая эпоха или период характеризуются ведущей тенденцией развития человечества в целом и отдельных стран и народов, либо их группы, если речь идёт о национальной или региональной истории. Последовательность смены этих ведущих тенденций совпадает со сменой эпох или периодов, а знаменующие революционный переход от одной общественно-экономической формации к другой крупные исторические явления и события выступают в качестве хронологических рубежей…»[123].

Покорение Сибири Ермаком. Миниатюры из Кунгурской летописи, XVIII в.

Цитируемая здесь «Советская историческая энциклопедия» была написана исходя из материалистических позиций, но одна деталь переворачивает смысл данного в ней определения в совершенно иную плоскость. Термин «условное» применительно к периодизации исторического процесса, реально означает, что само это деление субъективно, существует только в сознании исследователя, а какой-либо объективной основы под собой не имеет. Но если периодизация навязывается исторической реальности учёными, тогда теряется смысл применения этого метода.

В конце 40-х – нач. 50-х годов XX века на страницах журнала «Вопросы истории» прошла дискуссия о периодизации истории капиталистических отношений в России. Несмотря на узко очерченные хронологические рамки в ней приняли участие и специалисты по истории других эпох. К сожалению, её участники не пришли к общему мнению не только по основному вопросу дискуссии, но даже не договорились о том, должен ли быть в основу деления исторического процесса положен единый принцип периодизации или каждой общественно-экономической формации (в силу её специфики) свойственен особый принцип периодизации[124].

Незаконченность дискуссии, неопределённость используемых исторической наукой понятий и методов до сих пор играют негативную роль, ограничивая объективную значимость научных построений учёных-историков. Периодизация истории городов в советской историографии (особенно применительно к градостроительному развитию) обычно повторяла общеисторическую периодизацию по общественно-экономическим формациям: «Город N феодальный», «N капиталистический», «N социалистический», но так как некоторые периоды получались слишком продолжительными, то их подразделяли уже на основе совершенно иных критериев. Часто это был обычный хронологический критерий или же он брался из социально-политической сферы: «Город N в последней четверти XVIII века», «N губернский». При этом нарушалось единство периодизационного критерия. Кроме того, в большинстве случаев за границы периодов принимались выдающиеся события, обычно также из политической истории: отмена крепостного права, основание губернии, революции и проч. Получалось, что причины и предпосылки явлений оказывались в одном периоде, а следствия – в следующем. Образно говоря это примерно то же самое, если деление горных хребтов проводить по их пикам, а не перевалам.

Для прояснения проблемы обратимся к смыслу родственных слов. «ПЕРИОД [гр. periodos обход, круговращение] – 1) промежуток времени, в течение которого происходит что-л.; 2) этап общественного развития, общественного движения… 7) п. колебаний – физ. Промежутки времени, через которые система, совершающая колебания, возвращается в начальное состояние…

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ [гр. periodicos] – появляющийся через определенные промежутки времени, в определенные сроки; возвращающийся вновь наступающий…»[125].

Сама формулировка данных понятий подталкивает к поиску исторических закономерностей в периодических явлениях, поскольку сама повторяемость удовлетворяет требованиям устойчивости и необходимости, содержащимся в определении закона. Даже простейшие колебания маятника совершаются в соответствии с законами механики. Создание периодизации, таким образом, есть выделение в историческом процессе периодических закономерностей, имеющих объективный характер.

И если высказывается претензия на создание объективной периодизации, то и её критерий должен быть также объективным, то есть взятым из исторической реальности, а не из головы учёного. Такой критерий может быть единственный – развитие производства. Тем более что в экономике уже известны периодические закономерности. Это так называемые циклические колебания (или просто циклы) Дж. Кичина (3,5 года), К. Юглара (7-11 лет), Н.Д. Кондратьева (48-55 лет) и вековые циклы развития экономики[126].

В настоящей работе принят экономический критерий периодизации истории города. Развитие Верхотурья рассматривается относительно «больших волн» экономической конъюнктуры Н.Д. Кондратьева продолжительностью 48-50 лет[127], состоящих из примерно четвертьвековых «повышательных» и «понижательных» периодов. Продолжительность и границы «волн» Кондратьева применительно к России в целом совпадают с выделенными Б.Н. Мироновым циклами колебаний хлебных цен[128].

По мнению первооткрывателя полувековых периодов Н.Д. Кондратьева, большие циклы характеризуются четырьмя основными «правильностями»:

1) До начала и в начале повышательно волны большого цикла происходят серьезные изменения в экономической жизни общества (изменения в технике, производстве и обмене, в денежном обращении, вовлечение новых стран в мировое хозяйство).

2) Наибольшее число войн и революций приходится на повышательную волну большого цикла.

3) Понижательная волна большого цикла характеризуется депрессией сельского хозяйства.

4) Повышательная волна большого цикла способствует уменьшению продолжительности депрессий обычных промышленных циклов и усилению интенсивности их подъемов, при понижательной волне депрессии увеличиваются, интенсивность подъемов снижается.

Указанные закономерности раскрывают основное экономическое и социально-политическое содержание отдельных исторических периодов, позволяют предметно анализировать события конкретной эпохи.

Структура работы предопределена общей логикой исследования. В первом разделе рассматривается социально-экономическая история Верхотурья: причины и предпосылки основания города, особенности и сроки его формирования как городского центра, динамика основных исторических функций, присущих ему как перераспределительному центру сельскохозяйственной округи, административному, транзитно-транспортному и культурно-конфессиональному центру. Исследуются закономерности его экономического и социального развития.

Второй раздел посвящён истории городского строительства. История строительства в Верхотурье, складывание его архитектурного лица с «не общим выраженьем», наряду с историей градского общества, является неотъемлемой частью общей истории города. Изучение формирования городской историко-архитектурной среды позволяет всесторонне, а, главное, объективно реконструировать живую и наглядную картину исторического прошлого. Хотя сама по себе констатация факта воздействия социально-экономических условий на городское строительство и архитектуру отнюдь не нова, только комплексное историческое исследование позволяет раскрыть во всей полноте конкретные формы этого влияния. И в той мере, как это удается, архитектура из «застывшей музыки» превращается в «застывшую историю».

В нём раскрывается закономерность основания Верхотурья именно на конкретном месте его возникновения. На основе достаточного количества документальных и археологических источников, определяется этапность строительства отдельных архитектурно-исторических ансамблей Верхотурья, закономерности формирования архитектурно-исторической среды города в тесной связи с его социально-экономическим развитием. Стараясь не вторгаться в сферы интересов профессиональных архитекторов и искусствоведов, автор стремился показать неразрывное единство и взаимодействие «города людей» и «города домов».

Поскольку город как историческое явление представляет собой своеобразную модель общества в целом, представляется целесообразным использование системного подхода, причем, с одной стороны, конкретно-исторический город исследуется как совокупность его функциональных подсистем (производственной, государственно-административной, торгово-транзитной, военной и культурно-конфессиональной), а с другой – он рассматривается как часть системной городской сети. За основу взят проблемно-хронологический метод исследования, положения и выводы монографии опираются на анализ функциональных и структурных связей изучаемых явлений. В работе широко использовались статистические методы, метод гармонического анализа. Математическая обработка статистических данных проводилась при помощи компьютерной программы «Hist.2-1995», созданной О.Г. Пенским.

Автор приносит сердечную благодарность В.В. Мухину, который принял на себя бремя научного руководства после безвременной кончины В.А. Оборина, Н.Е. Соколовой, указавшей на множество самых разнообразных источников по истории Верхотурья, Г.П. Головчанскому, С.В. Пигалевой. Огромная признательность руководству и сотрудникам ГНПЦ по охране памятников истории и культуры Свердловской области: Ю.П. Литвиненко, Ю.Ю. Курашову, Е.В. Двойниковой, А.В. Старкову, покойному Ю.М. Кутакову, сотрудникам Пермского ОЦОП, всем, кто помогал и сопереживал автору и его работе. Особое спасибо архитекторам Л.К. Елембаеву и Е.А. Угрюмовой, которые помогли воплотить в графике идеи автора, уверенно владеющего лишь авторучкой и лопатой.

1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА ВЕРХОТУРЬЯ XVII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

1.1. ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВЕРХОТУРЬЯ В XVII ВЕКЕ

Широкое строительство русских городов в Сибири конца XVI – XVII вв. было следствием и одним из закономерных этапов российской колонизации этого огромного региона, без которого было бы невозможно его заселение и освоение. Поэтому первоначальную историю Верхотурья необходимо рассматривать в общем контексте колонизации и шире – в контексте истории страны, выделяя общие для всех российских и сибирских городов, и особенные, свойственные только его развитию, черты. Очевидно, что периодизация истории Верхотурья во многом совпадает с периодизацией истории России, важно проследить изменение социально-экономической ситуации в городе в связи с изменением таковой в стране, причины совпадений или различий вектора развития города и страны.

Изображение Москвы на карте XVIII века

М.Г. Рабинович совершенно обоснованно констатировал наличие периодов становления, развития и упадка в истории городских поселений[129]. Всецело соглашаясь с его мнением, считаем необходимым поставить вопрос о существовании особого периода – «предварительного» – когда лишь складываются предпосылки появления города, когда его основание (или придание городского статуса сельскому населенному пункту) еще лишь становится объективной необходимостью. Каким бы странным не показалось рассмотрение истории города в ту пору, когда того еще не существовало, изучение его предыстории позволяет понять, каким образом, стечение каких интересов и обстоятельств определило первичные функции, место расположения и даже внешний облик нового города. Признание наличия такого периода делает возможным уяснение причин и условий его возникновения, объективно оценить его роль и значение.

Конец XVI – начало XVII веков стало временем интенсивного строительства городов, и не только в Сибири. Одновременно с восточной окраиной страны осваивались и укреплялись другие. Строились новые и восстанавливались старые крепости на южных границах России (Воронеж, Ливны, Курск, Елец, Белгород), в Поволжье были выстроены Самара, Саратов, Уфа (1586), Царицын. Таким образом, действия правительства в Сибири были не отдельной акцией, а проявлением общей государственной политики.

Покорение Сибири Ермаком. Миниатюры из Кунгурской летописи, XVIII в.

В конце XVI века созрели основные причины и предпосылки для выхода России за Урал. Среди них Н.И. Никитин называет:

– возросший спрос на меха, в связи с установлением торговых связей с Западной Европой через Белое море и странами Востока через Волжский торговый путь, в условиях, когда традиционные районы добычи (Печорские и Пермские земли) стали «испромышляться»;

– потребность в драгоценных металлах и других полезных ископаемых, которых на территории Европейской России не было;

– перспективы налаживания выгоднейших прямых торговых связей с Индией и Китаем;

– социальная напряженность в стране, толкавшее крестьянство к переселению в «сибирскую украйну»[130].

Очевидно, к этому следует также добавить необходимость ликвидации постоянной военной угрозы Прикамским землям, исходящей из-за Урала. Кроме того, заметим, что первый и второй пункты в перечне Н.И. Никитина являются двумя сторонами одной проблемы. Меха, продаваемые за границу на ефимки, были стратегическим товаром, служили основным источником поступления серебра в казну и на внутренний рынок, которые в нем постоянно нуждались.

1.1.1. «ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ» ПЕРИОД ИСТОРИИ ВЕРХОТУРЬЯ. 1573–1597 ГОДЫ

Для городов, построенных за Уральским хребтом в конце XVI в. «предварительный» период начался, очевидно, с 1573 года, когда Кучум, еще недавно (1571) признавший вассальную зависимость от Москвы, разорвал отношения с Россией, а племянник хана Маметкул проведывал «куда идти ратью в Пермь». Возникла реальная угроза потери «отчины за Югорским камнем»[131]. Именно поэтому в 1574 году Иван IV, понуждая Строгановых к колонизации новых земель, разрешил Якову и Григорию строительство городков на восточном склоне гор, на территории, принадлежавших России лишь формально. Именно с этого момента мы должны начинать историю освоения Сибири как целенаправленной государственной политики. «На Тахчее и на Тоболе реке» предполагалось возвести два городка, которые сразу же освобождались от тягла на 20 лет, а «на Иртыше и на Обе и на иных реках, где пригодитца для бережения и охочим на опочив, крепости делати и сторожей с вогняным нарядом держати.

И из крепости рыба и зверь ловити безоброчно до тех же урочных лет[132]». По первоначальному замыслу в Зауралье должны были возникнуть частные городки по образцу прикамских строгановских Орла, Нижнего и Верхнего Чусовских и других, а освоение Сибири проходить аналогично русской колонизации Западного Урала.

Именно поэтому покорение Сибири велось первое время силами казацких отрядов Ермака, своеобразного частного войска Строгановых. И хотя военная экспедиция 1581-1582 годов была чрезвычайно успешной, после неудачи русского правительственного отряда С.Д. Болховского и гибели Ермака в 1585 году Москва изменила тактику овладения новой территорией. От эпизодических военных экспедиций правительство перешло к развернутой колонизации, подкрепленной созданием сети форпостов, служивших своеобразными «узлами прочности» в еще инородной среде. За десятилетие 1586-1596 были основаны Тюмень и Тобольск, Пелым и Березов, Сургут, Тара и Нарым. Таким образом, к концу XVI века был освоен и надежно защищен весь Обь-Иртышский бассейн. В 1591 году отряд воеводы Кольцова-Масальского нанес сильное поражение Кучуму на реке Ишим.

В 1595 году русские войска под руководством письменного головы Б. Доможирова еще раз разбили силы хана Кучума. Наконец, объединенный русско-татарский отряд под водительством А. Воейкова в 1598 году настиг в Барабинской степи отряд хана Кучума и разгромил его. Сам Кучум спасся, но вскоре умер, и организованное сопротивление было в основном подавлено[133]. Таким образом, Верхотурье возводилось в тот момент, когда непосредственной военной опасности на восточном склоне Урала уже не было. Достаточно взглянуть на карту и убедиться, что Верхотурье, выстроенное позже других городов в стратегическом тылу, не было военным форпостом и пограничной крепостью. Но требуется объяснить тот факт, что этот город был построен именно там, где и стоит поныне.

Первоначальное снабжение отрядов землепроходцев и первых русских городов Сибири осуществлялось через Чердынь и Лозьвинский городок по Вишеро-Лозвинскому речному пути, но после того, как в 1595-1597 годах Артемием Бабиновым разведывается и расчищается «новая государева дорога в Сибирь»[134], возникает нужда в новой транспортной развязке. Бабиновская дорога шла на верховья реки Туры, где имелась возможность перегрузки товаров на суда для дальнейшей транспортировки водным путем в пределах Обь-Иртышского региона.

Верхотурье было заложено на Троицком камне не столько потому, что это место удобно для обороны, сколько потому, что в данном пункте «государева дорога» впервые подходила к Туре. В грамоте от 15 декабря 1597 года говорилось, что новый город ставится «на новой на Сибирской на Верхотурской дороге[135]», которая далее до Тобольска шла уже по берегу Туры. Именно здесь «на Турее»[136] грамотой Федора Иоанновича от 1597 года предусматривалось создать таможенные «заставы крепкие», где предполагалось «брать на государя от всякой мягкой рухляди таможных от девяти десятое лучшее[137]».

Заметим, что тогда же грамоту аналогичного содержания из Посольского приказа получил и пелымский воевода кн. П. Шаховской[138], таким образом, создавалась единая система таможенных застав на границе Европейской России и Сибири.

Место строительства нового города было предопределено еще и следующим фактором: при освоении новых территорий русские землепроходцы предпочитали ставить свои поселения на месте или в непосредственной близости от населенных пунктов местного населения[139]. Эффективность подобной практики, проверенной на западном склоне Урала, подтвердилась и на восточном. Верхотурье было основано в 2 км от вогульского городища Неромкар, площадь которого оказалась мала для строительства русского города. Юрт Неромкары упоминается в 1601 г. в отписке туринского головы Федорова Фофанова верхотурскому воеводе князю Матвею Львову об уплате ясака туринскими вогулами - в нем насчитывалось всего 10 взрослых мужчин[140].

Забегая вперед, отметим, что строительство города велось ста десятью плотниками из Чердыни, Вятки, Соли Вычегодской и Устюга Великого параллельно с выполнением основной задачи – постройкой судов для «Мунгазейского походу», причем воеводам грозили «великие опалы и казни», если они упустят «вешнюю большую воду[141]». Верхотурье, унаследовало вместе с гарнизоном упраздненного Лозьвинского городка также и его транзитно-транспортные функции. За время своего существования город ни разу не подвергался осаде, его гарнизон эпизодически бывал задействован в превентивных акциях против восставшего коренного населения уезда, поэтому следует уточнить оценку Вл. Трапезникова и Р.М. Кабо, которые несколько сгустили краски, стремясь обосновать «исключительное стратегическое значение» Верхотурья, и считали этот город крепостью в чистом виде[142].

Очевидно, можно говорить не столько о военно-административных, сколько о административно-полицейских функциях, да и то, не как главенствующих, а как свойственных наряду с основными - транзитно-транспортными. Изначальное предназначение и особенности его расположения сказались и на характере планировке, и на застройке города. Верхотурью предстояло стать одним из опорных пунктов в системной сети русских городов-крепостей (правда, с особым статусом перевалочной базы), обеспечивающих успешное освоение Сибири.

Необходимо отметить, что отыскание и прокладка новой короткой дороги в Сибирь (1595-1597), создание Верхотурья (1598) и Турипска (1600) как перевалочных баз, послужили материальными предпосылками для перехода русской колонизации во второй ее этап, связанный с освоением нового сибирского региона – бассейна Енисея. На востоке транспортная цепь замыкалась построенным в 1601 году воеводами В. Кольцовым-Масальским и С. Пушкиным городом Мангазеей, который стал базой для еще одного рывка русской колонизации[143].

1.1.2. ВЕРХОТУРЬЕ В 1598–1623 ГОДАХ. ОСНОВАНИЕ И СКЛАДЫВАНИЕ ГОРОДА

«Предыстория» города закончилась в 1597 году, когда 3 октября чердынский воевода Сарыч Шестаков, исполняя волю царя, выбрал место «крутого утеса камени горы», а так же произвел «городовому и острожному месту роспись», представляющую собой проект расположения будущих городских оборонительных укреплений[144].

Программа строительства нового города, изложенная в грамоте царя Федора Ивановича от 12 октября 1597 года очередным чердынским воеводам В.П. Головину и И.В. Воейкову, дает представление о методах и сроках строительства. Из Москвы велено было «наняти посошных людей, пеших и конных и плотников со всякою посошною плотничьею снастью, по договору, по чему наймутца, и поруки по них взять крепкие з записьми, что им город и острог делати, а не отделався от городового и от острожного дела не збежати; а будет тех денег 300 рублев мало ... велено взяти в Перми у Сарыча у Шестакова из земских ис кабатских денег 100 рублев или сколько будет по смете надобет... А отдавали б есте посошным людям найму конным 50 человеком по 40 алтын, а плотником по рублю, а пешим посошным людем по 30 алтын на месяц... А посылали б пермичи тех посошных людей и плотников на Верхотурье переменяя... А однолично б есте нашим городовым делом промышляли вскоре, чтоб вам к весне на Верхотурье город и острог поставити[145]».

Правительство рассчитывало поставить город за 1,5-2 месяца, а «посоха» требовала деньги «вдруг» за 3 месяца. Недостаточность выделенных на строительство средств, которые, кроме того, первый верхотурский воевода В. Головину долго не мог получить в Чердыни, задержали начало строительства. И возведение города пришлось совмещать с постройкой судов для «сибирских отпусков». Поэтому окончательно городские укрепления были выстроены лишь к лету 1598 года (подробнее см. раздел 2.1 и 2.2.1).

Как известно, города это центры ремесла и торговли, появившиеся в процессе отделения «промышленного и торгового труда от труда земледельческого[146]». Иначе говоря, город – прежде всего центр местного рынка, в котором происходит перераспределение товаров, как промышленных, так и сельскохозяйственных, произведенных в самом городе и в его округе. Экономические функции обычно преобладают над военно-административными и культурно-конфессиональными. Из вышеизложенного достаточно просто сделать вывод, что укрепленный населенный пункт без развитой сельской округи может быть крепостью, фортом, факторией или иным, но городом он станет лишь тогда, когда вокруг него сложится сеть сельских населенных пунктов, тяготеющих к нему экономически.

Сибирские города имели ту особенность, что основывались в тех районах, где традиции пашенного земледелия еще не было, поэтому не случайно правительство так заботилось, с одной стороны, о бесперебойном поступлении «сибирских отпусков», а с другой, о скорейшем заведении местной пашни.

Первоначально деревни и села поморских уездов (из которых и поступали «хлебные запасы») служили своеобразной «отнесенной» сельскохозяйственной периферией для новых городов Зауралья и Сибири. Последние стали городами в полном социально-экономическом смысле к концу первой четверти XVII века, когда к «сибирским отпускам» стал присовокуплять хлеб «верхотурской и енисейской пахоты».

Основание Верхотурья привело к окончательному изменению транспортных путей, по которым шло снабжение сибирских первопоселенцев. Одновременно изменялась и системная городская сеть. В декабре 1597 года лозьвинский воевода И. Траханиотов извещал своего пелымского коллегу о том, что по государеву указу «Лозвинскому городу впредь не быти, а быти ему раззорену, а на его месте на Верхотурской дороге быти городу на старом чюцком городище на Неромкуре, и стрельцов с Лозвы велел государь послати на Верхотурье для городового дела и для их строенья, потому что лозвинским людям тамо быти…[147]» Лозьвинский городок, первоначально служивший перевалочной базой на Вишеро-Лозьвинском пути, не просуществовав и десяти лет, легко был стерт с карты, поскольку не успел стать в полной мере административным центром сельской округи и средоточием местного рынка. Не окруженный тяготеющими к нему слободами и деревнями, городок, утратив транзитные функции, оказался никому не нужен. Лозьвинский городок еще оставался крепостцой, защищавшей перевалочную базу на стратегически важном пути. Не случайно «лозвинскими людьми» переводимыми в Верхотурье оказываются исключительно стрельцы и казаки[148].

Верхотурье же ожидала другая судьба. Правительство очень активно, в указном порядке заселяло земли уезда крестьянами и прочим людом. В ноябре 1599 года вятским купцам И. Терентьеву и В. Ложкину были пожалованы земли по реке Косьве, с условием, что они должны сами переехать и «жены свои и дети привезти на Верхотурье со всем животом[149]».

Уже в 1600 году начался первый сыск беглых холопов и крестьян, бросивших десятинную пашню[150]. Забота центральных властей о заведении сибирской пашни продолжалась даже в период смуты и безцарствия. В 1605 г. служилым людям, ямщикам и пашенным крестьянам было разрешено использовать наемный труд «ярыжных казаков» в своих хозяйствах «для своей нужи и для пашни и для гоньбы[151]».

По грамоте «московского государства боярина и воеводы» Дмитрия Трубецкого «со товарищи» (К. Мининым и Д. Пожарским) от 31 декабря 1612 года верхотурский воевода С. Годунов дал земли верхотурским ямщикам, пашенным и торговым людям для пашни по рекам Тагилу и Мулгаю[152]. В 1622 году получена грамота из Москвы об оберегании новоприборных крестьян по рекам Невье и Серене[153]. В источниках датированных 1622 годом вообще много внимания уделяется хлебной проблеме: в этом году в Верхотурье были под конвоем направлены ссыльные стрельцы, часть которых была определена в пашенные крестьяне и поселены с ранее направленными сюда «казанскими переведенцами»[154], разрешено было делать земельные вклады в

Николаевский монастырь, только возникший Покровский монастырь был наделен пашней и угодьями[155], но, с другой стороны, приказано было тем церковникам, которые имели пашни, уплачивать натуральный оброк – четвертый сноп с «доброго» хлеба, пятый – со среднего и шестой – с «худого»[156].

Правительство заботилось о том, чтобы новопоселенцы были обеспечены всем необходимым. Царской грамотой от 1607 года предписывалось присылать из Поморских городов «пашенным крестьянам сошники и на косы и на серпы и на топоры уклад», а чердынским и соликамским ремесленникам вменялось в обязанность «сделать косы и серпы и топоры и сошники, как в сибирских городах делают и сделав... отвезти в Верхотурье[157]». И только в конце первой четверти XVII века правительство прекратило практику перевода крестьян «по указу» и «по прибору» из Европейской России в сибирские уезды[158].

Московский воевода, XVII в.

По подсчетам А.А. Дмитриева, основывавшегося на дозорных книгах М. Тюхина в Верхотурском уезде к 1624 году насчитывалось «в Окологородней волости и на Тагиле, и на Невье 102 деревни[159]». По более полным подсчетам Г.Н. Чагина в 1624 году в Верхотурском уезде у русского населения было 2 слободы, 149 деревень, 3 заимки, 291 двор с 490 жителями мужского пола – дворовладельцами[160].

Сельское население уезда за первую четверть XVII века настолько освоило новые плодородные земли, что некоторые поморские купцы вместо того, чтобы везти хлеб из Европейской России, закупали его в Верхотурском уезде. Это вызывало обеспокоенность местных и центральных властей, поскольку это вело к дороговизне хлеба в Сибири, но в то же время (1622) правительство очень заинтересовалось возможностью проводить казенные закупки на месте: «Да и про то б расспросили всяких людей можно ли на Верхотурье хлебных запасов купить Сибирских городов служилым людям в полный оклад на 131 г ... и какою дешевою ценой купить и сколько четьи можно на Верхотурье купить?[161]»

Т.Е. Квецинская аргументированно показала, что к концу первой четверти XVII века «верхотурский рынок становится местом, где приобретает хлеб и местное неземледельческое население и приезжие: торговые, промышленные, гулящие люди Европейской России и служилые люди сибирских городов и острогов[162]». Таким образом, мы можем констатировать, что к концу первой четверти XVII века окончательно оформилась основная градообразующая функция Верхотурья – функция перераспределения прибавочного продукта между городом и его сельской округой.

К этому времени окончательно сформировались и другие функции города, являвшиеся специфическими именно для Верхотурья: таможенная и транспортно-транзитная.

Совершенно оформляется таможенная система в Верхотурье и во всей Сибири, когда в 1623-25 годах тобольский разрядный воевода Ю.Я. Сулешов в своем «Уложении...» предусмотрел борьбу с беспошлинной торговлей и усиление роли таможенных голов, специально назначенных из городов Европейской России[163]. В 1624 году таможенные поступления составили 664 рубля или 24,5% всего бюджета Верхотурья[164].

Ямщик XVII века, рисунок

Еще в 1598 г. из Казани в Верхотурье были переведены 6 семей ямщиков и стрельцы из Поволжья[165]. Тогда же правительством было разрешено привлекать для перевозки служилых людей подводы «верхотурских вогулич и остяков[166]». Но уже 28 апреля 1599 года лялинские вогулы жаловались в Москву на тяжесть подводной повинности[167]. 25 ноября того же года последовала грамота Б. Годунова верхотурскому воеводе кн. И.М. Вяземскому об упорядочении пользования вогульскими подводами и лошадьми, о розыске не вернувшихся подвод после гонцов «и ям на Верхотурье и меж Верхотурья и Соли Камской и Тюмени велели устроить вскоре[168]». Во исполнение царского указа в 1600 году в Верхотурье были переведены сразу 50 вятских ямщиков[169], а к концу года все верхотурские ямщики были освобождены от уплаты ранее взятых долгов, до тех пор, пока не обзаведутся дворами и пашней[170]. Годом позже верхотурским стрельцам и казакам было разрешено переходить в «ямские охотники»[171]. В городе целенаправленно формировались специализированные кадры и в 1624 в Ямской слободе насчитывалось уже 35 дворов (во всем городе – 109), а значит, сложился довольно большой постоянный контингент ямщиков, осуществлявших сухопутные перевозки «сибирских отпусков». Не оставалась без внимания и собственно дорожная сеть. По каким то причинам «старая» дорога (участок Бабиновской дороги от Верхотурья вдоль Туры до Тобольска) оказалась неудобной. 29 января 1602 г. туринскому голове Ф. Фофанову предписывалось проверить возможности гоньбы на Тагильское устье, составить роспись и, если путь удобен, строить дорогу[172].

Другой стороной транзитно-транспортной функции Верхотурья было речное судоходство. В 1601 году верхотурских плотников обязали построить «для енисейского и мангазейского ходу» 15 морских судов, 9 кочей, 2 морские лодки и 2 дощаника[173]. Верхотурье в первой четверти XVII века окончательно сложилось как транзитно-транспортный центр: в 1620 году было основано село Меркушино[174], которое вскоре стало своеобразным филиалом верхотурского плотбища и пристани. Плотники из поморских городов должны были строить «под городом и в Меркушине деревне по 40 судов в год[175]». Как показывают документы более позднего времени, эта цифра оказалась оптимальной, и из года в год верхотурские воеводы получали предписания из столицы о строительстве именно 40 судов.

Первый кабак в Сибири появился именно в Верхотурье еще «до московского разорения», а в 1624 году он уже дал прибыль в казну в размере 1.357 рублей 35 копейки.[176]

Итогом бурного экономического развития Верхотурья стало то, что к концу первой четверти XVII века город стал первым и на долгое время единственным уездным центром в Сибири, перешедшим на самообеспечение, в то время как большинство остальных сибирских городов имели дефицитный бюджет на всем протяжении столетия. Общий объем «бранья», то есть сумма «окладных» (планирующихся в городской смете) и «неокладных» (случайных, разовых) доходов, составил в 1624 году 2.704 рублей.

Верхотурские доходы уступали только «бранью» главного города разряда Тобольска – 4.997 рублей в том же году. На протяжении всего XVII века местный денежный доход Верхотурья был одним из самых высоких в Сибири, наряду с Тобольским и Томским. Остальные города Сибири вместе взятые собирали от 9 до 20% всего бюджета Тобольского разряда[177].

Не стоит думать, что такие впечатляющие темпы роста были достигнуты легко и просто. Стоит помнить, что освоение Сибири происходило в период снижения среднегодовых урожаев зерновых, и сибирские новопоселенцы постоянно жили под угрозой голода. Когда после неурожая 1608 года из Поморских уездов не было довезено 629 четвертей хлеба, верхотурцам пришлось жить впроголодь, а в следующем 1609 году тобольский воевода писал в Чердынь, понуждая к скорейшей отправке хлебных запасов: «служилые люди разные бьют челом о денежном и хлебном жаловании беспрестанно, а дать им нечего: денег и хлеба на 1609 год не прислано, а в казне денег и в житницах хлебных запасов нет. От служилых людей всех городов докука великая, а говорят, приходя к нам: только де им хлебного жалованья не будет им всем от голоду с женами и детьми брести на Русь, а сибирские города и остроги покинуть, чтоб им с голоду не помереть». Освоение Сибири реально оказалось под угрозой срыва, но правительство сумело выйти из кризиса. Василий Шуйский по челобитным служилых людей разрешил с 1609 года свободную торговлю хлебом, привлекая торговцев из Европейской России и стимулируя местное население расширять собственную запашку[178].

В 1621 году был произведен «дозор» города Федора Ивановича Тараканова и подьячего Андрея Ермолина. Население Верхотурья согласно дозорной книге насчитывало 206 душ мужского пола, живших в 193 дворах. Из них: служилые люди «по отечеству» (6 душ м.п. – в 6 дворах): воеводы 2–2, подьячие 3–3, дети боярские 1–1; служилые люди «по прибору» (102–73): стрельцы и служилые люди 40–40, ямские охотники 62–33; церковные (12–12): в церквях 8–8, в монастырях 4–4; посадские люди (41–35): торговые 25–20, бобыли 12–12, вдовы 3–3, без дворов 1; пашенные крестьяне (45–29): во дворах 44–29, без дворов 1; пустые дворы и места дворовые (38)[179].

Русские костюмы. Рисунок из книги Адама Олеария, XVII в.

В.А. Оборин предлагал для приблизительного определения численности постоянного населения Верхотурья умножать общую цифру мужского населения на три[180], но соотношение мужского и женского пола города в XVIII-XIX веках составляло 1:1 (и даже чуть меньше), кроме того, ряд исследователей отмечали «дефицит» женского населения в Сибири в начале XVII века, поэтому, очевидно, следует лишь удваивать число мужских душ. 206х2=412 человек. Но реально в городе проживало несколько больше людей. Посадские поморских городов, привозившие «сошные запасы», плотники, строившие суда для отправки хлеба и других товаров в Сибирь, ссыльные, гулящие люди и пр. составляли иногда солидную часть общего числа жителей.

Вскоре в связи с неурожаем и вызванной им легальной и нелегальной миграции населения власти провели в 1624 году еще одну перепись населения города и уезда. Согласно переписи М. Тюхина в Верхотурье насчитывалось 262 души мужского пола в 167 дворах. Из них было: служилые люди «по отечеству» (7–7): воеводы 2–2, подьячие 3–3, дети боярские 2–2; служилые люди «по прибору» (105–90): стрельцы и служилые люди 55–55, ямские охотники 50–35; церковные (22–16): в церквях 8–8, в монастырях 14–8; посадские люди (103–29): торговые 32–16, молодшие 10–10, вдовы 3–3, без дворов 9, захребетники 49; пашенные крестьяне (25–25)[181].

Как видно основной рост осуществлялся за счет увеличения посадского населения (с 41 души м.п. до 103 душ м.п.), однако не следует преувеличивать степень роста посадской общины, так как 49 захребетников – это явно «гулящие» люди, ненадолго оседавшие в городе и платившие (в отличие от приписанного к посаду ремесленников и торговцев) оброк. Что это именно так, доказывается тем, что даже в 1666 году в Верхотурье насчитывалось всего 52 посадских, из которых 11 захребетников и подсоседников[182]. Захребетников необходимо считать холостыми людьми, а значит, при определении общего населения города их число не удваивать. Удвоив количество мужских душ (без захребетников) получаем, что в 1624 году население Верхотурья было около 446 человек, а его прирост за 3 года составил примерно 34 человека.

В Верхотурье проживало 128 человек посадских обоего пола, что составляло 28,7% от всего населения города. Низкий процент собственно городского (торгово-ремесленного) населения вообще характерен для российских городов XVII столетия, но было бы ошибкой считать уровень экономического развития Верхотурья низким. Необходимо учесть, что торгово-промышленной деятельностью в городе занимались не только посадские, но также и служилые люди, так в 1624 году двое верхотурских стрельцов были «серебренниками», один – портным мастером, один владел лавкой на посаде, а другой амбаром. Кроме того, в Верхотурье проживали казенные ремесленники, которые находились на положении служилых людей по прибору. Особо необходимо выделить верхотурских ямщиков, которые совмещали государеву службу по доставке «сибирских отпусков» из Европейской России со скупкой в округе хлеба, мехов и другого и перепродажей этого на рынке Верхотурья. Недаром многие богатейшие купеческие семьи города (Поповы, Власьевские, Мухлынины) вышли из Ямской слободы.

Население Верхотурья к концу первой четверти XVII века составляло 35,5% от всей численности населения уезда[183]. Такой высокий процент городского населения, естественно, свидетельствует не столько о развитости уездного центра, сколько об относительно слабой заселенности его сельской округи, что вообще характерно для колонизируемых территорий. Так в Соликамске в 1579 году было сосредоточено почти половина (49,5%) населения уезда, хотя к этому моменту он существовал уже около века.

Собственно городская экономика развивалась замедленно. В 1621-1624 годах в Верхотурье насчитывалось 18 лавок, 10 посадских и 4 казенных ремесленника. Две лавки принадлежали крестьянам, а 11 крестьян, проживавших в городе, торговали продуктами сельского хозяйства, мехами и рыбой, а двое занимались ремеслом[184].

Об относительной слабости Верхотурья как военной крепости свидетельствует тот факт, что в 1624 году 40 стрельцов городского гарнизона располагали всего 16 стволами огнестрельного оружия. В.А. Оборин объяснял это тем, «что служилые люди больше выполняли административные обязанности, нежели собственно военные (охрана «государевой казны» и важных чиновников, приезжавших в Сибирь, сбор ясака и т.д.)[185]», хотя в первой четверти века упоминания о военной опасности со стороны аборигенного населения довольно часты[186].

Московские стрельцы, XVII в.

Очень рано Верхотурье стало выполнять существенные конфессиональные функции. В 1604 году «черный поп» Иона Пошехонец, ранее бывший игуменом Осинского Преображенского монастыря[187], бил челом Борису Годунову «обетен де он устроити на Верхотурье монастырь во имя святого чудотворца Николы и святых страстотерпец Бориса и Глеба». Новый монастырь был устроен на северной окраине Верхотурья в междуречье Свияги и Калачика, как бы отделяя Ямскую слободу от собственно города. Год спустя Иона ездил в Москву и вернулся оттуда официально утвержденным игуменом новой обители, а государевой грамотой от 18 марта 1605 года монахи жаловался «пашнею и сенные покосы и всякими угодьи, как им мочно прокормиться», самому игумену назначалась руга 6 рублей в год, а церковному дьячку – 3 рублей. Кроме того, Иона привез из Москвы «церковное строение»: иконы, кресты служебные книги, церковную утварь, ткань для священнического облачения, колокола и др. Местным властям вменялось ежегодно выделять для монастырского обихода «воску 15 гривенок, да ладону 1,5 гривенки, вина церковного полведра[188]». 9 мая 1615 года грамотой Михаила Федоровича воеводе Зюзину предписывалось сдать монастырь новому игумену Герасиму с выдачей на него денежной и хлебной руги по прежним грамотам[189]. Основатель обители Иона из Верхотурья, очевидно, перешел далее в Сибирь, поскольку в грамоте 1621 года он уже именуется «тюменского города» черным попом[190].

Если первоначально церковная колонизация Зауралья и Сибири происходила несколько стихийно (в случае с Николаевским монастырем мы имеем дело с личной инициативой Ионы Пошехонца, который до этого (также по своему «обету») основал обитель в Никольской слободе), то к концу первой четверти XVII века укрепление позиций русской православной церкви в колонизуемых областях стало государственным делом.

Грамота патриарха Филарета от 11 февраля 1622 года фиксирует «нестроение» в религиозной жизни Сибири, подробно описывая грехи первых русских сибиряков, которые: «... не носят крестов, не соблюдают постов, живут с некрещеными женами, кумами и сестрами своих жен; при отъезде, куда закладывают их на срок и, не имея чем выкупить, женятся на других; духовные венчают без оглашения, постригают в иноки и инокини таких, которые, уходя из монастырей, опять живут в мире; что сами духовные потворствуют воеводам, которые краденных в России девиц продают из корысти и заставляют их при себе венчать[191]».

В 1621-1623 годах одной из первостепенных забот правительства и местной светской и духовной администрации стало «установление благочестия» среди населения города и уезда.

Строительство храма в монастыре. Миниатюра XVII в.

Сельскохозяйственные работы. Миниатюра XVII в.

На это была направлена вся деятельность и ставшего 8 сентября 1621 года первым епископом Сибирским и Тобольским Киприана (Старорусикова). Задержавшись в Верхотурье (первом городе на пути в Сибирь) на два с половиной месяца, Киприан деятельно «стал утверждать то, что признавал хорошим и тщательно устранять все, требовавшее исправления[192]». Кроме налаживания материальной стороны существования Николаевского монастыря, архиепископ Сибирский и Тобольский решал и кадровые проблемы: новым игуменом обители стал привезенный им из Волоколамского Иосифова монастыря (оплота осифлянского направления русской православной церкви) монах Герман. Это событие во многом определило лицо монастыря, который продолжал действовать далее отнюдь не в «нестяжательском» духе.

Соловецкого старца Серапиона вместе с черным попом Николаевского монастыря Христофором и старчиком служебником Симеоном Киприан послал за сто верст от города на реку Ницу строить новый Преображенский монастырь.

Николаевская обитель уже на первых порах стала поставлять кадры для возникающих монастырей.

В 1622 году игумен Авраамий вместе со строителем старцем Макарием и братией обратились к царю с челобитной на скудость земель, закрепленных за монастырем, и просили дополнительных пожалований. Также старцы жаловались на притеснения верхотурских воевод, которые запрещали желающим делать земельные вклады в монастырь, а казенный «пятинный сноп» брали «со всяких людей и с монастырей и с попов и с половников», в результате чего монастырь оскудевал и не имел средств для приобретения икон, книг и колоколов. В 1622 году в ответ на эту челобитную Михаил Федорович разрешил делать земельные вклады в монастырь: «а которые будут наши пашенные крестьяне и служилые люди и ямские охотники по себе и по своих родителях похотят дати в Никольский монастырь пашенные свои земли ... ты б тем людям вкладу давати не запрещал, велел им свои земли давати в монастырь повольно, потому что в Сибири пашни много, а монастыри скудни, а опричь того им строиться нечем», в то же время, в выдаче руги монастырю было отказано, поскольку у монастыря есть пашни, которые пашут половники, в снятии «пятинного снопа» также было отказано[193]. Николаевский монастырь действительно рядил из гулящих людей в монастырские половники. В 1624 году они обрабатывали половину монастырской пашни[194].

Способы приобретения земель монастырем показывает и отписка воевод Д.П. Пожарского-Лопаты и И.А. Уварова от 31 октября 1625 года: «А у иных де у служилых и у посадских людей и у пашенных крестьян и у ямских охотников пашенных земель и сенных покосов занято много, не одни заимки. И те де свои лишние земли продают и закладывают, а иные де дают за вклад по душам в монастырь[195]». По дозорной книге М. Тюхина (1624) за монастырем числилось «две деревни: одна при реке Туре, другая при речке Юре, да под монастырем пашня и двор, в котором жил Федька Прянишник. Всей пашни за монастырем в 1624 году было: 41 четь в поле ... перелогу 70 четь; сенных покосов на 660 копен. В деревнях жили монастырские половники: в первой 3 человека, а во второй – 5[196].

Находясь в Верхотурье, архиепископ Киприан обнаружил живущих в «рассеянии между жителями города» и «без соблюдения монастырских правил» монахинь и именно ему принадлежала инициатива создания здесь первого в Зауралье и Сибири женского монастыря. В грамоте Михаила Федоровича от 28 июля 1621 г. верхотурским воеводам И.И. Зубову и Д.И. Пушкину впервые упоминается Покровский монастырь: «Архиепископ же Киприан писал, что на Верхотурье многие старицы в мире жили, постригшись от мужей своих, и он, поговоря с вами и верхотурскими посадскими людьми, за острогом поставил храм во имя Пречистыя Богородицы Покрова и устроил девич монастырь вновь, и попа поставил и дьячка и пономаря ...». Стараниями Киприана им была назначена денежная и хлебная руга: «... попу денег восмь рублев, хлеба пять четьи муки, четверть круп, четверть толокна, дьячку денег четыре рубли, хлеба четыре четьи муки, осьмина круп, толокна тожь, пономарю денег три рубли, хлеба четыре четьи муки, осьмина круп, толокна тожь…[197]».

Было велено также передать монастырю земельные угодья и рыбные ловли. Первой игуменьей Покровского монастыря стала старица Анисья. Ей и «десяти старицам для прибежища» к югу от города за острогом на реке Дернейке, кроме деревянной Покровской церкви, были выстроена деревянная келья[198].

Печение хлебов в монастыре. Миниатюра XVII в.

В 1623 году игуменья Анисья просила московское правительство о милостыне монастырю, на что последовала царская грамота воеводе Д.И. Пушкину: «Покровский монастырь устроить, а милостыни дать только на один год, десяти старицам по две рубли старице, а впредь ... велено их устроить пашнею и сенными покосами и рыбной ловлею[199]». Таким образом, в 1621 году в дополнение к Николаевскому монастырю возник «новодевичий» Покровский монастырь, который был приписан к своему мужскому собрату, став своеобразным монастырем-спутником[200]. Верхотурский Покровский монастырь стал, кроме прочего, и тюрьмой, где содержались женщины, пострадавшие во время различных, чаще всего политических, пертурбаций[201].

Тогда же в 1621 году город вошел в состав только что созданной Тобольской и Сибирской епархии. А на 1624 год кроме Николаевского и Покровского монастырей в уезде существовали еще и Тагильский Преображенский, Невьянский Богоявленский и филиал Архангельского Устюжского монастыря. Сохранились глухие упоминания о существовании в начале XVII века на территории Верхотурского уезда еще двух обителей: Рождественского на реке Тагиле и Введенского «не доезжая до Верхотурья дву днищ[202]».

Таким образом, в конце первой четверти XVII в. Верхотурье становится и заметным региональным религиозным центром.

История Верхотурья началась в 1598 году после неурожаев 1596 и 1598 годов, когда кризисная продовольственная ситуация в Европейской России буквально вынуждала правительство изыскивать новые возможности пополнения бюджета. «Новый город на Туре» только год был в ведомстве Посольского приказа, первоначально управлявшего Сибирью, уже в 1599 году было указано ведать его в Казанском и Мещерском дворце. 31 марта 1607 года Верхотурью (одновременно с Тобольском и Березовым) была пожалована печать с изображением стрелы и соболя по сторонам от буквы «В»[203]. А к 1623-1625 годам все основные городские функции уже окончательно сложились, о чем свидетельствовала реформа Ю. Сулешова, который в своем «Уложении» окончательно унифицировал основные налоги, пошлины и формы государственной отчетности («Сметные книги», «Имянные списки» и пр.) применительно к Сибири[204]. Реформа Ю. Сулешова была начата в момент очередного продовольственного и финансового кризиса, вызванного неурожаями 1621-1623 годов.

За 26 лет (1598-1623) Верхотурье сформировалось (в основном) как военно-административный, экономический, культурно-конфессиональный организм, являясь центром освоения Восточного Урала и важнейшим транзитным пунктом, необходимым для успешной колонизации Сибири. И, прежде всего, как центр обширного сельскохозяйственного региона, которому предстояло сыграть большую роль в деле обеспечения Сибири хлебом.

1.1.3. ВЕРХОТУРЬЕ В 1623–1648 ГОДАХ. «ЗОЛОТОЙ ВЕК»

Реформа Ю. Сулешова принесла свои плоды, и вскоре воеводы уже докладывали в центр: «в Сибири теперь заведена государева пашня большая, а прежде была малая» и «сибирские всяких чинов люди пашут на себя пашни пред прежним большия[205]».

И хотя к 1625 году население уезда еще было относительно невелико, но уже выросло настолько, что в столицу пошли жалобы на некоторых жителей Верхотурья, у которых «пашенных земель и сенных покосов занято много ... а займовали де те лишние земли те люди в те поры, когда было на Верхотурье людей мало, а земель порожжих впусте много...[206]» Такого рода жалобы свидетельствуют об обострении борьбы за пахотные земли, обработка которых стала в этот период более рентабельной, чем в первой четверти века. Конфликты подобного рода происходили не только между рядовыми жителями уезда, но даже между воеводами. Верхотурский воевода В. Корсаков и туринский Н. Кафтырев в 1640 году препирались, к какому уезду принадлежат земли и слободы земледельческой Ермолаевской волости.

Если в 1624 году в Верхотурье ещё садят на пашню одиночек вроде «колодника» В. Михайлова с семьей[207], то в 1632 году верхотурские стрельцы сопровождают крестьян новопоселенцев в новые сибирские остроги – Томский, Енисейский, Красноярский, а колодников и литовских пленных – в Туринский острог[208].

В. Корсаков по царской грамоте от 5 июня 1640 года запретил выпускать крестьян-старожильцев на новые земли и даже увеличил наделы «семьянистым» и «прожиточным» земледельцам[209].

В условиях относительно устойчивой урожайности («понижательная волна») сельскохозяйственное развитие края достигло таких успехов, что в 1632 году правительство сочло возможным заменить поморским городам хлебные поставки присылкой денег на их покупку[210]. Хотя надеждам центра на недавно возникшие Верхотурский и Енисейский хлебопроизводящие районы не суждено было оправдаться и после недорода «сибирской пахоты» хлеба в 1643 году было указано снова возить зерно из Поморья[211], необходимо заметить, что и позднее часть поморских городов почти постоянно присылало «сибирские отпуска» деньгами, а на жалование служилым людям и ямщикам присылался не только хлеб, но деньги и «разные товары».

Благоприятные для сельского хозяйства условия, относительно повысившийся уровень благосостояния населения города и уезда послужили причиной достаточно стабильной социально-политической ситуации в городе и уезде. Во второй четверти XVII века не отмечается крупных выступлений местного нерусского населения, кроме разве нападения калмыков на Благовещенскую слободу соседнего Туринского уезда[212]. Некоторая напряженность в отношениях с сылвенскими и иренскими татарами и остяками, недовольных тем, что им приходится возить ясак аж за уральские горы, разрешилась в 1626 году переподчинением их Чердыни[213]. Неудивительно, что основные силы городского гарнизона были разбросаны по слободам уезда для обеспечения дальнейшей крестьянской колонизации региона и охраны новых земледельческих поселений. Часты упоминания о высылке отрядов стрельцов для сопровождения крестьян новопоселенцев в сибирские уезды[214]. Верхотурский воевода в 1627 году жаловался в Москву, что в городе осталось только 62 служилых человека, большинство из которых находятся в длительных отлучках на территории уезда и «в городе съезжей избе ... казны и острогу у ворот караулить некому». В ответ на обращение воевод царь распорядился перевести из Пелыма на постоянную службу в Верхотурье 30 служилых людей с женами и детьми[215].

В 1627 году на ремонт, возможно, пострадавшего в пожаре этого года гостиного двора из поморских уездов были присланы плотники, которые должны были «старых изб и амбаров поделати и забор перебрати и прясла новые сделать» и дополнительно к сохранившимся старым возвести 10 изб и 40 амбаров[216]. Т.е. казенная часть гостиного двора расширялась для приема большего объема «сошных запасов» причем не столько из Европейской России, сколько, хлеба местного производства.

Хлеба стало достаточно и для того, чтобы регулярно часть его на месте перегонять в «хлебное вино», что было чрезвычайно выгодно для казны. В 1627 году верхотурский воевода С.Н. Гагарин, отобрав у «всяких людей», прежде поставлявших вино и пиво в городской кабак, «винные котлы и трубы», устроил с реквизированным оборудованием в остроге «винную и пивную варню».

Одновременно была введена казенная монополия на производство спиртного. Царь Михаил Федорович одобрил меры воеводы, велел «чтоб на Верхотурье и верхотурском уезде винных судов ни у кого не было, чтобы через то нашему верхотурскому кабаку никакой порухи и нашей казне недобора не было» и указал только выдать деньги за отобранные «винные суда»[217]. Вместо предполагавшихся по смете 455 рублей 14 коп. еек в 1628 году питейных доходов было собрано 1.071 рублей. В 1639 году его же грамотой указывалось винокурню, пивоварню и избу, где ставили винную брагу, «которые ветхи гораздо и починить не мочно», сломать на дрова и перенести на новое место «на ключевой воде от города с полверсты[218]». Прибыли Верхотурского кабака быстро росли: в 1634 они составили 1.130 рублей 85 копеек, в 1636 – 1.647 рублей 74 копеек, в 1637 – 1.897 рублей 74 копеек, а в 1644 и 1645 – соответственно – 1.436 рублей и 1.150 рублей 88 копеек.[219]

Русская попойка. Рисунок из книги Адама Олеария, XVII в.

К 30-м годам XVII века установился оптимальный объем перевозки товаров – 60-70 тысяч рублей в год[220] – необходимый для обеспечения сибирских новопоселенцев. Таможенные доходы во второй четверти XVII века составляли значительную часть городского бюджета, так в 1634 они составили 1.837 рублей или 47%, а в 1645 соответственно 1.542 рублей или 38%[221]. В то же время доходы горожан росли, главным образом, за счет торговли. Местные верхотурские служилые люди в 40-е годы XVII века даже освобождались от уплаты с двух первых полученных от продажи рублей, так как с них «с первой продажи по государеву указу пошлин имать не велено[222]. Местная торговля находилась в основном в руках верхотурских жителей – крестьян, ямских охотников, посадских, служилых людей и ясачных вогулов, которые продавали главным образом продукты питания: рыбу, мясо, соль и пр. для удовлетворения местных нужд. За 1635-1636 ими было продано разных товаров на сумму 476 рублей 8 алтын.

Хлебная торговля носила несколько другой, более широкий характер, как по объему торговли, так и по географии продавцов. За указанный период 238 торговцев (верхотурские подгородные, тагильские, невьянские, ницинские и ирбитские пашенные крестьяне) продали на Верхотурском рынке 2.935 кадей хлеба. Этот факт свидетельствует о существовании товарного хлеба и устойчивых связях крестьянских хозяйств с местным рынком[223].

Русские торговые люди, рисунок XVII века

Умножение торговли закономерно привели и к умножению воеводских злоупотреблений с таможенными доходами, поэтому уже в 1635 г. приказ Казанского дворца распорядился послать в главные центры сибирской торговли (в том числе в Верхотурье) таможенными головами торговых людей из поморских городов. Наказы головам оговаривали, что если воевода «в таможенное дело начнет вступаться», то «о том писати к государю[224]».

Однако воеводы находили пути и способы обогащения за счет вмешательства в сферу деятельности таможенных голов. В 1645 году в Сибирский приказ поступило коллективное челобитье о том, что они «учинили для своего воровского умыслу и бездельные корысти заставы многие… мимо таможенных голов», это оказалось возможным, поскольку выдача проезжих грамот и сбор печатных пошлин был сосредоточен в воеводских руках. Зимой 1646 царским указом велено было «ведать проездом» торговых и промышленных людей таможенным головам[225].

Русские горожанки, рисунок XVII века

Именно успехи сельского хозяйства послужили причиной того, что постоянно действующая ярмарка, возникла в 1643 году не в уездном городе, как это можно было ожидать, а в Ирбитской слободе[226]. Интересно, что она возникла в год когда «сибирской пахоты хлебу учинился недород» и было приказано снова возить хлеб из Поморских уездов с оплатой его перевозки деньгами[227].

События, происходившие в Европейской России, отражались на Верхотурье косвенно: так в 1633 г. через него проходили колодники, в том числе «литовские» пленные, определенные в пашенные крестьяне Туринского острога. Так верхотурцы могли судить об успешности войны с Польшей за Смоленск. А через два года, когда из Москвы в город было прислано 200 самопалов, стало понятно, что эта война закончилась[228].

Братия Николаевского монастыря и во второй четверти XVII века продолжала беспокоить Москву челобитными. В 1627 игумен Вениамин просил оградить старцев от небрежения и притеснений верхотурских воевод. Произвол властей имел место по двум пунктам. Монастырские половники, набиравшиеся из «гулящих людей», отбирались местной администрацией и зачислялись в партии крестьян, отправляемых для заселения новых районов. Кроме того, дети боярские, отряжаемые властями для сбора выдельного хлеба, допускали приблизительное (еще на корню) определение количества снопов, причитавшегося казне, что по понятным причинам было очень убыточно для обители. В результате сложилось бедственное положение, которое Вениамин описывал

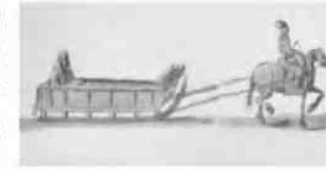
следующим образом: «... живут де они у нашего богомолья в монастыре у Николы Чудотворца и у Дмитрия Селунского ... а казны де монастырския нет же, и годовых ярыжек для пашни наймовати нечем, пашни пашут собою; и монастырские пашни запустели, и ныне де они питаются в мире Христовым именем».

Московские власти на этот раз оказались более щедрыми. Грамотой Михаила Федоровича верхотурскому воеводе от 21 октября 1627 года монастырю назначалась годовая хлебная руга игумену и 12 монахам «по четыре четверти ржи, по четыре четверти овса человеку» и строго указывалось половников до истечения «урочных лет» не отбирать, а хлеб считать верно[229]. А грамота от 25 октября 1627 года предписывала администрации в отношении монастыря: «...и велети б им призвати в монастырские в Никольские деревни из гуляющих прихожих людей в монастырские служки и во крестьяне, и в половники...[230]»

Николаевский монастырь в XVII веке, рисунок

Расщедрилась Москва и по отношению к Покровской обители. В 1645 году игуменья Ираида, ссылаясь на челобитную Анисьи (1623), просила у царя помощи, так как монастырские постройки погнили, а «20 старицы скитаются меж двор...[231]». В ответ последовали грамоты Алексея Михайловича верхотурскому воеводе М.Ф. Стрешневу с предписанием выполнить несделанное его предшественниками, отстроить монастырь и приписать к нему пашенных крестьян[232].

Игумен в санях, рисунок XVII века

В 1637 году правительство решило реорганизовать управление разросшимися азиатскими владениями России, Сибирь была передана из ведения Казанского приказа специально созданному Сибирскому приказу[233].

По подсчётам, произведенным П.Н. Буцинским на основании «Книги, кто имянем верхотурские и приезжие люди приведены к присяге с 15 октября 1645 г. по 3 июня 1646 г.» в Верхотурье проживало: детей боярских – 9, архиепископский сын боярский – 1, подьячих съезжей избы – 8, таможенных и заставных голов – 5, целовальников – 3, житничных дьячков – 2, Церковных и площадных дьяков и дьячков – 11, таможенных подьячих – 3, гостиного двора дворник – 1, мельников – 1, сторожей – 17, палач, кузнец, воротник и котельник – 4, вогульских толмачей – 2, ссыльный князь Матвей Великопермский – 1, служилых людей – 100, жильцов – 3, купцов – 2, посадских людей – 43, крестьян – 10[234]. То есть 232 человека мужского пола, не включая воеводу, священников и монастырской братии, число которых было до 10 человек. Можем считать, что постоянное население Верхотурья обоего пола составляло 484 человека, что всего на 20 человек больше, чем четверть века тому назад. Кроме того, в книге отмечены 617 гуляющих людей, часть которых, конечно же, проживала в Верхотурье, но какая именно выяснить невозможно.

Население Верхотурья стабилизировалось, очевидно, полтысячи жителей вполне хватало для того, чтобы город нормально функционировал как транзитно-транспортный, конфессиональный центр и центр сельхозокруги.

К концу четвертого десятилетия XVII века постепенно исчезают источники, свидетельствующие о привлечении и размещении администрацией Верхотурья крестьян на окрестные земли. Верхотурский уезд был уже достаточно плотно заселен, сельская округа уездного центра вполне сформировалась, наладились постоянные торговые связи крестьянства с рынком уездного города и вполне можно считать, что за первые полвека своего существования Верхотурье как город – центр сельскохозяйственной округи сложился окончательно.

1.1.4. ВЕРХОТУРЬЕ В 1648–1673 ГОДАХ. БУНТАШНОЕ ВРЕМЯ

Третья четверть XVII века стала временем, когда впервые полезные ископаемые края стали разведываться целенаправленно и в массовом порядке. К 1647 году относится первый опыт горного освоения Зауральских земель: по заданию правительства разведки и разработка железорудных месторождений производилась А.И. Тумашевым[235]. Именно тогда пашенный крестьянин Влас Осипов сообщил рудознатцу, что «есть де на Тагиле рудная признака[236]». Тогда же верхотурский воевода посылал стрельцов производить «досмотр» на реке Тагил залежей медной руды, и договаривался о доставке из Соликамска селитры, «опытных кубышек» и прочего необходимого для медного рудокопного дела[237]. В 1654-1655 годах правительство распорядилось провести поиски рудных месторождений в Верхотурском уезде[238]. К этому же времени относится и начало казенного железоделательного производства в Арамашевской слободе. В 1663 году из Москвы был прислан отряд стрельцов для поисков серебряной руды в окрестностях озера Вагран. В 1669 году известный «плавильщик» Дмитрий Тумашев был отправлен в Тобольск «для досмотра руд[239]», а в 1672 году его снова разыскивал в Краснопольской слободе воевода для «приискания руд[240]». С конца 1660-х до 1674 серебро продолжали искать московский подьячий М.П. Селин и рудознатец Х. Дробыш «с товарищи», которых сменил сын боярский С. Кубасов, а с 1672 года экспедицию возглавил думный дворянин Я.Т. Хитрово, при котором находился подьячий с приписью Е. Полянский из приказа Тайных дел[241], год спустя из Верхотурья на «на Уральские горы к рудному делу» 90 человек работников и 10 подвод. Характерны в истории этой экспедиции начальная дата: поиски начались сразу после «медного бунта» в Москве (вот почему к ней были привлечены воевода и чиновник московского приказа), продолжались даже во время крестьянской войны С.Т. Разина и волнений на Урале и Западной Сибири, а значит, имели важнейшее значение для государства.

В конце 1666 года Дмитрий Тумашев с разрешения правительства, но на свои средства начал на территории Верхотурского и Тобольского уездов изыскания руд, которые продолжались с перерывами до 1669 года, когда он основал «железный промысел» на реке Нейве, просуществовавший, по крайней мере, до 1677 года.[242] В 1673-1674 годах Алексея Пирова «со

товарищи» посылали в Строгановские городки для изыскания «цветных камней и песку с искрой[243]». Завершение периода ознаменовалось новой грандиозной по масштабам того времени экспедицией «на Уральские горы к рудному делу», организованной верхотурским воеводой Ф.Г. Хрущевым, в которой приняло участие более сотни человек[244]. Таким образом, в развитии Верхотурья в третьей четверти XVII века появилась новая черта. Оно стало центром горного освоения края. И хотя мы должны в большей мере констатировать, что разведочные экспедиции редко заканчивались созданием предприятий, но все же организационно-промышленная функция города становится явственной.

Прибытие в Пелымский острог, XVII в.

Другим последствием неудавшейся денежной реформы Алексея Михайловича стала активизация казенной торговли. С самого начала реформы хождение медной монеты в Сибири было строжайше запрещено. Данный запрет необходимо рассматривать как следствие колониального статуса этого российского региона, очевидно правительство опасалось, что торговые люди будут скупать сибирскую пушнину на медные деньги, что нанесло бы ощутимый урон государственному бюджету[245]. И дело даже не столько в том, что спекулятивная торговля на медные деньги, все же привозимые некоторыми купцами вместо необходимых товаров, все же имела место[246]. Более всего на экономику Верхотурья повлияли мероприятия правительства, направленные на концентрацию в казне драгоценных металлов для восстановления серебряного обращения в стране: повышение прямых и косвенных налогов, установление государственной монополии на «указные» товары, из которых Сибири главным образом коснулась монополия на меха соболей и ревень.

Начиная с 1662 года и до начала 70-х годов XVII века казна активно торговала предметами ремесла, закупленными в Европейской части страны, вышедшим из употребления казенным имуществом, малоценными ясачными мехами и изделиями из них, продуктами хлебопашества из казенных запасов, вплоть до буса (мучной пыли). Особенно велик был доход верхотурской казны от торговли вином и пивом. В 1665 воевода испрашивал разрешения в Сибирском приказе поделать из изъятой медной монеты винокуренные кубы[247]. В 1666 и 1667 верхотурский кружечный двор принес прибыли 3.076 рублей 50 копеек, что составило около половины питейных доходов всего разряда[248]. Дороговизна жизненных припасов и нерегулярная выплата жалования подталкивала стрельцов к поискам дополнительного дохода, в 1669 г. почти треть стрелецкого гарнизона занималась ремеслом и торговлей[249].

Если таможенные доходы в середине XVII веке составляли постоянную и крупную статью пополнения «государевой казны в Верхотурье», то объемы частной торговли в самом городе начинают медленно снижаться, особенно с ростом популярности Ирбитской ярмарки. Но так как таможенные суммы, собираемые в Ирбитской слободе, шли в уездный центр, то на состоянии городского бюджета это пока не отражалось. В то же время центральные власти, обеспокоенные перебоями в поступлении пошлин, выпустили целый ряд «таможенных грамот» (1646, 1652 и 1656), изымавших таможни из воеводского управления: «торговых и промышленных людей воеводам не ведать, а ведать таможенным головам и целовальникам[250]».

Русские ремесленники, рисунок XVII века

По сравнению со второй четвертью XVII века доля таможенных сборов в «местном приходе» бюджета Верхотурья увеличилась и стала более стабильной. Так в 1655 году она составила 1.676 рублей или 63%, в 1666 – 2.528 рублей или 47%, в 1667 – 2.048 рублей или 45% и в 1671 – 2.017 рублей или 48%. Рост таможенных сборов свидетельствует о росте торговли, подъеме экономики в целом.

Верхотурье продолжало оставаться крупнейшим центром речного судостроения, согласно «Судовому отпуску» 1640 года на верхотурском плотбище было построено 66 дощаников и 3 лодьи, в Тагильской слободе – 2 дощаника, в Невьянской – 9 дощаников, в Ницынской – 2 и в Ирбитской – 1 дощаник. Происходят заметные изменения в организации работ. А.А. Преображенский отмечал, что с середины XVII века казна переходит к подрядному способу: повинность по присылке плотников из Поморских уездов отменяется. Участие воеводской администрации ныне ограничивается только денежными расчетами с подрядчиками и приемкой готовых судов[251].

Коч XVII века, рисунок

Косвенно об уровне экономического благополучия Верхотурья свидетельствует устройство в 1665-1667 годах на колокольне Свято-Троицкого собора часов, купленных в Великом Устюге на собранные с населения деньги. Городу оказалось по средствам содержать специального часовщика, выписанного оттуда же, которому был положен оклад водолива[252].

В 1649 году вышло Соборное Уложение, которое явилось ответом на целую волну городских восстаний, прокатившихся по стране в 1648 году. Причиной восстаний стала проведенная в 1646 году в виде опыта замена прямого налогообложения косвенным: новый повышенный налог на соль должен был заменить мыт, стрелецкие и ямские деньги. Может быть, это начинание правительства и прошло бы, но неурожай 1647 года обострил финансово-экономическую и социальную ситуацию в стране, и она взорвалась восстаниями в Москве, и других городах.

Среди городов охваченных социальной борьбой в середине XVII века было и Верхотурье. Осенью 1648 года посадское население и приезжие торговые люди взбунтовались против воеводы Бориса Дворянинова, который писал в Москву, что «от верхотурских ото всяких людей сидел, запершись на дворе у себя в осаде». Волнения продолжались и зимой 1648-1649.[253] Несомненно, причины восстания в Верхотурье аналогичны причинам городских восстаний по всей стране: неурожай и вызванное им рост цен на хлеб, снижение рентабельности ремесленного производства и доходности торговли, повышение налогов, злоупотребления представителей администрации, старавшихся извлечь выгоду из сложившейся ситуации и, как следствие, недовольство тяглых посадских положением своих обеленных соседей и властями. Явления классовой борьбы отмечались в течение всей третьей четверти XVII в. на всей территории Верхотурского уезда. В самом Верхотурье они уже не повторялись, скорее всего, потому, что власти приняли соответствующие меры, и существенно усилили городской гарнизон[254].

Наказание батагами, рисунок XVII века

Подача челобитной боярину, рисунок XVII века

Целая полоса неурожайных лет 1669-1674 еще более накалила социальную атмосферу в стране. В 1669-1670 легально «проехало мимо Верхотурья из русских городов ... поголовно всех з женами и з детьми и с маленькими робяты 1.533 человека, а на Тюмень .. 518 человек[255]». Крестьяне из Европейской России в голодный год целыми семьями уходили в Сибирь. А те, кто не смог или не пожелал уехать, приняли участие в событиях крестьянской войны 1670-1671 годов. Восстание С.Т. Разина не распространилось на Урал, однако и здесь имели место отклики на него. А.А. Преображенский отмечал, что подъем народных движений на Урале и в Западной Сибири начала 70-х годов XVII века совпали по времени с тем моментом, когда главные очаги крестьянской войны С.Т. Разина выходили из борьбы. В 1671 году были отмечены выступления крестьян Кунгурского и Верхотурского уездов, а в 1673 году произошли волнения в некоторых слободах Верхотурского и других уездов (на строительстве дощаников в Невьянской слободе плотники подняли «бунт», угрожая убить приказчика[256]).

В 1672 году разыскивали для отправки в Верхотурье бежавшего из приказа Казанского дворца колодника площадного подьячего из города Сарска В. Шубникова, принимавшего участие в восстании С. Разина[257].

В Верхотурье нашли отклик многие события разворачивающиеся в Европейской России. Именно здесь начал свои проповеди, по-видимому, первый лидер уральского старообрядчества бывший казачий атаман Яков Борисов сын Лепихин.

Я.Б. Лепихин сын пашенного крестьянина, служившего позднее дьячком при Николаевской церкви Нижненицынской слободы, родился в Тобольском уезде. В 60-е годы XVII века служил подьячим судной избы Пышминской Ощепковой слободы Верхотурского уезда. В 1668 году завел «кречатную ловлю» и сам отвозил кречетов и ястребов в московские государевы сокольни. В 1670 году приступает к строительству собственной Красноярской оброчной слободы, где становится приказчиком (кроме Пышминской Ощепковой слободы). В это же время Я.Б. Лепихин сближается с братией Далматовского Успенского монастыря, который был одним из центров раскола. После того как в 1679 году рухнула его служебная карьера (он, как верстанный в чин без согласования с Москвой был переведен в пашенные крестьяне и под конвоем отправлен на родину), Я.Б. Лепихин открыто примкнул к расколу и повел борьбу с официальной церковью и государством. Источники свидетельствуют о его причастности к самосожжениям крестьян в Утяцкой слободе (1682), на р. Юрмыч (1687), в д. Другановой (1688), возможно, других[258].

Как писал митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий: «Той бе проклятый Лепихин верхотурский служилый атаман бяше; видев прелести своей и проклятому богоотступничеству сообщника ... армянина Астомена (Иосифа Истомина, провезенного через Верхотурье в 1660), и послушая учения проклятого Дометиана Тюменского и жида Авраамки лжечернеца венгерского, начать окаянный Лепиха учеников себе заводити, устрои сам себе священником, и вся таинства церкви нашея православной действовати[259]».

О поступательном развитии города свидетельствует появление в 1649 году Заречной (Пашенной) слободы[260], которая, с одной стороны, стала местом проживания пригородных пашенных крестьян, а, с другой стороны, местом размещения стрелецкого отряда, присланного в город после восстания 1648 года. Исследования А.Д. Колесникова показали, что 60-70 годах XVII столетия стали своеобразным переломом в развитии демографической ситуации в Сибири, именно в этот период численность русского населения стала в большей степени расти за счет естественного прироста, чем за счет миграции из Европейской России[261]. В 1670 году тобольский воевода писал верхотурскому: «А ныне в слободах почало быть многолюдно...[262]».

По переписи Г. Черткова и А. Бернацкого 1666 года, в которой не учитывалось население городских слобод (ямские охотники и пашенные крестьяне) а также клир, в Верхотурье насчитывалось душ мужского пола – 222, дворов – 202. Из них: служилые люди «по отечеству» (28–22): воеводы 2–2, подьячие 12–18, дети боярские и таможенные головы 23–14; служилые люди «по прибору» (142–139): стрельцы и стрелецкие дети 124–121, прочие служилые люди и казенные ремесленники 18–18; посадские люди (52–41): торговые 35–35, бобыли 6–6, захребетники и подсоседники 11[263].

Очевидно, для получения хотя бы приблизительной численности постоянного населения Верхотурья необходимо дополнить итоги переписи 1666 года сведениями о количестве священнослужителей, ямщиков и пашенных крестьян, приписанных к городу.

Количество дворов Ямской слободы остается приблизительно одинаковым на всем протяжении XVII века: 33–38. В конце первой четверти века на одном дворе проживало в среднем 2 ямщика. Без большой ошибки можно предположить, что в 1666 году в Ямской слободе насчитывалось 74 мужчины. Аналогичным образом исчисляется и количество городских крестьян – около 30 человек. Вряд ли за 4 года существенно изменилась численность городских священников и монахов, которых в 1670 году было переписано соответственно 27 и 12. Таким образом, постоянное население Верхотурья в середине 60-х годах XVII века составляло около 720 человек обоего пола.

Следующая перепись населения Верхотурья И. Корякова, имевшая место в 1669 году, зафиксировала душ мужского пола – 1305, дворов – 327 (без подьячих, не разделены городские пашенные крестьяне от крестьян подгородных слобод, поэтому число людей и дворов сильно завышено). Из них: служилые люди «по отечеству» (59–25): воеводы 2–2, дети боярские и таможенные головы 57–23; служилые люди «по прибору» (559–149): стрельцы и стрелецкие дети 409–105, прочие служилые люди и казенные ремесленники 17–7, ямские охотники 133–37; посадские люди (187–41): торговые 137–41, захребетники и подсоседники 16, дворовые 34; церковные (39–9): в церквях 27–9, в монастырях 12 (без дворов); пашенных крестьян (461–103): во дворах 458–103, без дворов 3[264].

Прежде всего, отделив городских крестьян от подгородных, учтя подьячих, получим, что в городе проживало 1.247 душ м.п. или около 2.494 человек. Прирост населения города всего за 3 года составил 1.774 человека, что просто невероятно. Получается, что количество детей боярских выросло в 7 раз, стрельцов – удвоилось, торговых людей и ямских охотников стало больше почти в 4 раза, притом, что число дворов в городе практически не изменилось. Неправдоподобно резкий рост населения города был вызван, в общем-то, простым фактом. В 1666 году в связи с башкирским восстанием («Сеитовский бунт» 1662-1668)[265], а также угрозой прихода татарского царевича Кучума и калмыцких тайшей Мамая, Ладара, Бабая и Чигала с двадцатитысячным войском[266], на территорию Верхотурского уезда были введены войска – солдатский полк Дмитрия Полуектова и рейтары полуполковника Василия Баклана[267]. Кроме того, весной 1667 года Степан Разин со своим отрядом поднялся вверх по Дону и переправился в Волгу, где спустился вниз до берегов Каспийского моря, подошел к реке Яику и поднялся по нему до Яицкого городка. Здесь Разин пробыл до весны 1668 откуда и начал свой персидский поход.

С весны 1670 на европейской территории России начался главный этап крестьянской войны. Этими и местными событиями вызвана сначала такая резкая концентрация детей боярских и стрельцов в городе, а затем не менее неожиданное их исчезновение. Косвенно необычность такого положения подтверждается еще и тем, что новая перепись проводилась уже в следующем (1670) году, когда переписывались одни лишь дворы.

Если в 1666 выдерживается соотношение 1 человек – 1 двор, то в 1669 представители военных сословий живут по 2-4 человека на двор, т.е. по сути дела на казарменном положении. То же можно сказать и о торговых людях.

Русские бояре XVII века

Русские крестьяне, рисунок XVII века

Следующая перепись проводилась М. Бибиковым и Е. Михайловым в 1670 году. Во время ее проводился учет только дворов, которых оказалось 250. Их владельцами были: служилые люди «по отечеству» (36): воеводы 2, подьячие 19, дети боярские и таможенные головы 15; служилые люди «по прибору» (126): стрельцы и стрелецкие дети 74, прочие служилые люди и казенные ремесленники 13, ямские охотники 39; посадские люди (56): торговые 38, бобыли 1, вдовы 15, захребетники и подсоседники 1, нищие 1; церковные (14): в церквях 14; пашенные крестьяне (18): во дворах 18[268].

За год количество дворов детей боярских и таможенных голов уменьшилось на 8 (35%), стрельцов – на 31 (32%), торговых – на 3 (7%). Зато до 15 выросло количество вдовьих дворов (в 1666 их не было вовсе) и появились 1 бобыль и 2 нищих и захребетников. Перед нами явное свидетельство сокращения гарнизона после непростого периода, связанного с военными действиями, приведшими к смерти 15 человек, разорению 2 человек. Рост населения посада очень медленный, по сравнению с концом первой четверти века численность торговых людей увеличилась всего с 32 до 38 душ м.п.

Царь Алексей Михайлович Романов (1645–1676)

Основной причиной медленного развития посадской общины Верхотурья (кроме военно-административной функции, свойственной всем российским городам) являлся особый характер экономики города, ориентированной не столько на производство, сколько на обслуживание крупномасштабной транзитной торговли. Большинство товаров можно было купить у проезжающих торговых людей и поэтому городское ремесло развивалось в тяжелых условиях конкуренции с продукцией развитых ремесленных центров Поморья[269]. В.А. Оборин, кроме того, отмечал, что медленное развитие в Верхотурье ремесла и торговли было обусловлено, отсутствием в окрестностях города полезных ископаемых, а также регламентацией и поборами со стороны растущего административного аппарата[270].

Соборное уложение Алексея Михайловича 1649 года. Оригинальный список

По Соборному Уложению экономическая самостоятельность и инициатива церкви существенно ограничивалась[271]. В течение всего XVII столетия в Сибирь посылались царские грамоты, запрещавшие монастырям увеличивать свои земельные владения без «государеву указу[272]». В течение XVII века Николаевский монастырь, действуя вполне в осифлянском духе, продолжал округлять свои земельные владения. Так как покупка земель монастырям была запрещена еще решением собора 1551 года и царскими указами 1628 и 1649 годов, формирование фонда земель шло в основном за счет вкладов. На монастырских землях основывались заимки (часто заселяемые беглыми), которые постепенно превращались в деревни. После переписи 1659 года монастырские крестьяне были отобраны для обработки государевой десятинной пашни вместе с землями, на которых сидели, но вскоре по челобитной игумена Варлаама обитель была пожалована за отобранные земли «вполтора раза или вдвое». В 1672 году грамотой Алексея Михайловича монастырю было отведено 60 десятин земли, тогда же было приобретено место для мельницы выше устья Неромки.

В 1673 году братия получила данные на Сангайское озеро и пашенные земли, и сенные покосы «на реке Сосве и Озевье[273]». Общий подъем социальной борьбы в третьей четверти XVII века коснулся и Николаевского монастыря. В июне 1671 году братия обвинила группу тагильских крестьян в «наглом озорничестве» и захвате монастырских земель[274].

1.1.5. ВЕРХОТУРЬЕ В 1673–1697 ГОДАХ. ТАМОЖЕННЫЙ КРИЗИС

70-х гг. XVII в. в истории Верхотурья ознаменовались изменением финансовой политики государства в сторону усиления давления на экономику. Центральное правительство испытывало острую нужду в средствах вследствие недорода из-за сильных дождей в землях к югу от Москвы в 1672 году.[275] В Верхотурье в 1673 году также из-за неурожая был отмечен недобор средств в государеву казну таможенных сборов и денег за помол на казенных мельницах[276]. В 1673 году городскими воеводами были получены одновременно две грамоты органов центрального управления об изменении налогообложения «торговых, промышленных и ремесленных людей»: распоряжение из приказа Большого дворца взимать по 15 денег с рубля и средства отправлять в Москву и команда из Сибирского приказа собирать по десятую деньгу и держать сбор в Верхотурье на его расходы[277].

Центр как обычно разрешал возникшие проблемы за счет провинции. В 1677 году велено было посылать «с Верхотурья в Дауры из Верхотурских доходов по 2.000 рублей по вся годы, безпереводно даурским служилым людям на жалование», кроме обычных посылок в сибирские города[278]. В следующем году подобная отсылка повторилась. Выдача жалованья местным служилым людям по прибору стала проблемой. 5 октября 1677 года на его задержку жаловались верхотурские ямщики[279]. Чтобы как-то решить эту проблему, на следующий год правительство, исключив из оклада стрельцов верстанных по отпискам тобольских воевод, указало выплачивать жалование только тем служилым людям, которые поверстаны по царским указам, да и тем вместо денег присылались меновые товары. Деньгами платили только за сошные запасы и судовое дело[280]. А в сентябре 1679 оно вернуло в прежнее звание ямщиков, посадских людей и крестьян, взятых после 1663 в драгуны, пушкари и беломестные казаки, что бы хоть таким образом сэкономить казенные деньги. В масштабе страны в 1678 году была проведена перепись с новым подворным обложением для увеличения налоговых доходов. Но оказалось, что основные финансовые трудности были впереди.

В 1679 году в приказной избе таможенники били челом о недоборе на таможне за разные сборы, потому что «переезд» в Сибирь и обратно торговых людей меньше, чем в прежние времена[281]. Сокращение переезда купцов было вызвано целым рядом причин. Хищнический промысел пушного зверя, интенсивно ведшийся с начала века, привел к истреблению соболя, который долгое время составлял основную статью сибирской торговли.

Семья вогулов, рисунок XVII века

Серебряные монеты XVII века, ВГИАМЗ

Чтобы не сокращать поступления ясака, собираемого с коренного населения, русским торговым и промышленным людям с 1676 запретили охотиться в ясачных угодьях[282], что было равносильно для них запрету соболиного промысла вообще, а с 1683-84 русским купцам окончательно «заповедали» «покупать и вывозить к Русе соболи...[283]» Как обычно искали способ стабилизации казенных доходов в увеличении налогов: в 1682 году в Верхотурье амбарную пошлину стали брать не с количества занятых амбаров, а с числа людей, складывающих в них свои товары[284].

Параллельно шел рост неденежных повинностей посадского населения. Верхотурские посадские во главе со своим старостой Матюшкой Волковым подали челобитную, в которой, жалуясь на отягощение, перечисляли, возложенные на них «всякие службы, и с Верхотурья посыланы были за казною и за присылным и подрядным и Верхотурского куренья вином, и за сошными денгами; и с зельем, и с фетилем, и свинцом, и со всякою… казною до Тоболска, и на Уральские горы, и в Русские городы, да на Верхотурье в приказной избе у денежного приходу и росходу, и в таможне, и на кружечном дворе, и на заставах у сошных запасов, и за выделом, и у окладных сборных денег и за хмелевую покупкою в целовальниках по вся годы, и в гарячем де вине чинятца им, а Тоболску недомеры болшие, ведр по осмидесяти и болши, и то де недомерное вино покупают они в русских городех и отвозят его в Тоболеск, и в Тоболску чинятца им убытки болшие, и от того де они обнищали и одолжали великими долги, а у отмеру де живут в Тоболску года по два; …принимали … В. Г-ря присылную казну, денги и сукна; да они ж де на Верхотурье хлебные запасы грузят в дощаники, и те дощаники с хлебными запасы проводят с Верхотурья верст пятьдесят и болши, и на …В. Г-ря мельницах работают и всякую городовую поделку делают, те де службы им не в мочь…[285]»

В конце 1670-х – начале 1680-х сошные запасы для Сибири взимались с Поморских уездов деньгами и только с близких Прикамья и Сысольских уездов хлебом[286]. А уже в 1685 году правительство окончательно сняло с поморских городов повинность по доставке в Сибирь «сошных запасов»[287]. Таким образом, Верхотурье утрачивало функции своеобразного «Сибирского банка», в котором сосредотачивались денежные и натуральные поступления из Европейской России для дальнейшего перераспределения по азиатским территориям государства. В условиях углубляющегося кризиса правительство предпочло сконцентрировать все средства в своих руках.

Пушной кризис, развивающиеся связи с Китаем, переориентация сибирской торговли вынудили центр пересмотреть таможенную политику и внедрить за Уралом уставную таможенную грамоту 1653 года и Новоторговый устав 1667 года, распространение которых на Сибирь ранее откладывалось из соображений получения дополнительного дохода. Унифицируя систему таможенных пошлин по российскому образцу и, в то же время, стараясь соблюсти выгоды казны, Сибирский приказ весной 1687 направил в сибирские города две грамоты: одну с распоряжением отменить проездные пошлины, сохранив «десятинную», и другую с неясной формулировкой, по сути дела отменяющую первую[288]. Путаница в руководящих документах породила анархию в сборах, что вызвало резкое падение таможенных доходов.

В 1689 году их доля в бюджете Верхотурья составила 1.393 руб. или 39%[289]. В сравнении с 1671 в 1687 году количество проезжающих купцов уменьшилось с 1.683 до 1.003 человек (на 41%), а ассортимент провозимых товаров с 248 видов до 193 (22%)[290]. Т.Е. Квецинская, считавшая данные показатели свидетельством успехов сибирского ремесла, в свете вышеперечисленных событий очевидно не совсем права, хотя и отрицать развитие в Сибири собственных промыслов нет причин.

Кстати, именно в декабре 1687 года произошло отчисление Верхотурья от ведения Тобольска и организация отдельного разряда с причислением Туринска и Пелыма. Верхотурье из источника прибыли становилось источником постоянных забот, поэтому тобольский воевода, видимо, легко согласился снять с себя ответственность за эти территории[291].

Стремясь хоть как-то наполнить бюджеты сибирских городов, Сибирский приказ делает попытку совсем отказаться от винных подрядов, сосредоточить акцизное дело в руках казны, для чего налаживает винокурение и пивоварение в Тобольске, при этом, обязав верхотурских воевод увеличить размеры поставок зерна в столицу Сибири. В 1680-е объемы поставок «солода роценого и молотого, муки ржаной и овсяной» из Верхотурья на Тобольский кружечный двор превзошел вдвое, а в 1698 году – в семь раз – объемы сырья, употреблявшегося на Верхотурском кружечном дворе[292]. В самом Верхотурье отныне стало выгоняться вино только для нужд Туринска, Пелыма и собственного уезда.

Падение правительства Софьи и приход к власти Нарышкиных ознаменовался для Верхотурья тем, что в 1689 и 1693 годах из Москвы для исправления положения присылались «пополненные» и «новоторговые» статьи, которые ликвидировали путаницу и содержали подробную регламентацию внешней и внутренней торговли, но, в то же время, поднимали процент сбора до 10 алтын с рубля (30%), таким образом, ситуация лишь усугубилось, в 1689 году таможенных поступлений в казну Верхотурья было всего 229 рублей, т.е. 9% всего бюджета, что равносильно прямому игнорированию купцами верхотурской таможни. Они предпочитали тогда еще опасный южный путь дорого обходившейся им «государевой дороге». 25 октября 1696 года указом царей Ивана и Петра кунгурскому воеводе С.А. Сухотину на проезд через Кунгурский уезд был наложен запрет[293]. Лишь в 1698 году были составлены «новые статьи», «которые б торговым людям были сносны». Кризис миновал, пошатнувшееся было положение Верхотурья как транзитно-транспортного центра, восстановилось, благо сбор главной «десятинной» пошлины с товаров, везущихся из России в Сибирь и Китай (торговые связи, с которым бурно развивались после Нерчинского мирного договора 1689 года) сосредоточился именно здесь. В 1698 году в бюджет города поступило в виде сборов с частной торговли 1.837 руб., что составило 47% всех доходов[294]. Но насколько неустойчивы были его позиции, свидетельствуют многочисленные запреты провоза товаров более южными путями[295]. Перед нами явные свидетельства спада экономического роста города.

Молодой царь Петр Алексеевич (1682–1725)

Боярин Артамон Матвеев, воспитатель царицы Натальи Кириловны

Зато пенитенциарная функция спада не знала. В 1683 году Верхотурье принимало ссыльных «за смутные и иные непристойные московского смутного времени за похвальные слова», т.е. участников стрелецкого бунта 15 мая 1682 года[296]. Царский наказ 1697 года следующим образом определял режим содержания ссыльных: «А которые опальные ссыльные люди живут на Верхотурье и Великого Государя денежным и хлебным жалованием в службу поверстаны, а за рукоделье какое не принялись, и к тем опальным людем держать бережение и того из них выведывать накрепко не чает ли в них какого дурна…» Ссыльные верстались на службу наравне с местными служилыми людьми, подозрение вызывали лишь те, кто не приступал к непосредственному выполнению своих обязанностей, власти опасались их побегов. Ссыльных крестьян предлагалось сажать на пашню «по 5 и по 6 вобче», то есть, связывая круговой порукой.

Существовала и другая категория ссыльных, направляемых дальше в глубь Сибири, которых следовало охранять особо строго: «держать новоприсланных ссыльных людей, до отпусков в низовые Сибирские городы, в той тюрьме с великим бережением… а для прокормления буде пристойно будет, тех ссыльных людей поочередно выпускать человека по 2 и по 3 и по 4 скованных, за приставом в день, а к ночи по прежнему их сажать в тюрьму»[297].

Ссыльными бывали даже воеводы: в Верхотурье в 1675 был сослан Артамон Матвеев, воспитатель царицы Натальи Кирилловны и неофициальный лидер нарышкинского клана, который, правда, не доехал до места, в Верхотурье же в конце 80-х – начале 90-х годах XVII века воеводствовали удаленные из Москвы Григорий Фоминович Нарышкин и его сын Михаил, в Соликамске и Тобольске в 1690-е на воеводствах сидели Андрей Федорович, Андрей Андреевич и Семен Федорович Нарышкины.

На 1680 год в Верхотурском уезде существовало 12 слобод, 2 монастырские слободки, 7 погостов, 1 село, 2 монастыря, 2 заимки, 339 деревень – в целом 363 населенных пункта с 1.980 дворами, в которых проживало 6.218 человек мужского пола. По сравнению с 1624 годом число дворов возросло в 6,8 раза, а русское мужское население выросло в 12,6[298]. Прав был тобольский воевода, действительно «многолюдно». Автор подсчетов Г.Н. Чагин отмечает два процесса, активно протекавших в Верхотурском уезде XVII века: увеличение населения и расширение территории его размещения. Вероятно, Верхотурский уезд приблизился к оптимальной численности населения при существующем уровне социально-экономического развития, а последняя четверть XVII века явилась периодом, когда земледельческое освоение региона стало исчерпывать имеющиеся ресурсы свободных плодородных земель.

В 1694 И.Е. Цыклером была проведена перепись, которой учитывались только служилые люди и монастырские служители, всего их в городе насчитывалось 165. Из них: служилые люди «по отечеству» (42–42): воеводы 2–2, дети боярские и таможенные головы 40–40; служилые люди «по прибору» стрельцы и стрелецкие дети 110–110, прочие служилые люди и казенные ремесленники 5–5, церковные (8), в монастырях 8[299].

Николаевскиймонастырьвместесгородомтакжеиспытывалинекоторые трудности, хотя общее поступательное развитие сохранялось. В 1675 монастырю казной были отведены Пышминские покосы, которые годом спустя были еще расширены, в 1677 – тагильский крестьянин Леонтий Толмачев дал «поступное письмо» на свою «вогульскую вотчину», в 1678 – монахи приобрели скотский выпуск на Пышминской заимке[300]. Тогда же старцы неправедным путем отобрали у верхотурских пашенных крестьян пахотные земли с посеянным хлебом, выгоны, рыбные ловли и поселили на них своих крестьян[301]. По дозорной книге Л. Поскочина 1680 Верхотурскому Николаевскому монастырю всего принадлежало семь деревень: Подгородная, Буженинова, Лошкина, Родничная на р. Туре, Юринская на Юре, Сосьвенская на реке Сосьве, Лошкина на реке Тагил. Кроме того, монастырь владел вотчиной, расположенной возле него, на речках Калачике и Черной, двумя мельницами, сенными покосами на 500 копен, «скотинным выпуском от города лесом 3 версты». За ним числилось 23 двора крестьян и вкладчиков[302].

Такогохозяйствавполнехватало,чтобыобеспечитьбратиюимонастырских работников хлебом. Как показал А.А. Преображенский, хлебный баланс Верхотурского монастыря был достаточно стабилен и в основном носил натурально-потребительский характер[303]. Иногда монастырь мог даже торговать своими хлебными запасами[304]. Монастырь был вынужден в страдную пору нанимать работников со стороны, так в 1678-1679 старцы выплатили трем «работным гулящим людям» и двум конюхам 13 рублей «найма», работающим, кроме того, на монастырском харче[305].

В сложной экономической ситуации администрация Николаевской обители стала срочно изыскивать новый источник доходов, и его открытие не заставило себя долго ждать. Еще в 1692 в селе Меркушино на поверхность земли поднялся гроб с нетленными останками безымянного праведника, которые в 1695 были трижды освидетельствованы митрополитом Сибирским и Тобольским Игнатием и освященным собором. Тогда же чудесным образом открылось имя праведного: митрополит Игнатий во сне услышал голоса, называвшие неизвестного Симеоном[306]. (Остроумнейшая гипотеза В.И. Байдина о том, что св. Симеон – реальный выходец из Поморья Семейко Пинежанин, проживавший в Меркушино[307], к сожалению, не может пока считаться окончательно доказанной, но кажется вполне правдоподобной). Мощи Симеона стали прославляться как исцеляющие от множества недугов и бед, тщательно записывались все случаи явления чудес. Примечательно, что появление святых мощей совпало с башкирским восстанием, неурожаем и разрушительнейшим пожаром 1692 года, в котором сгорел весь город, но Николаевский монастырь остался нетронутым огнем.

Чудо было просто необходимо, и оно случилось. Предприимчивые старцы Николаевского монастыря умело воспользовались ситуацией и вели дело к канонизации праведного. Но после отъезда владыки Игнатия в Москву в 1699 году епархия до 1704 года оставалась без управителя, и дело пропаганды мощей приостановилось.

Когда же прибыл новый митрополит Филофей Лещинский – выдающийся религиозный деятель своего времени, известный своей активной миссионерской и церковно-строительной деятельностью – верхотурские воевода А.И. Калитин и таможенный голова П. Худяков ходатайствовали перед ним о перенесении в Верхотурский Николаевский монастырь мощей праведного Симеона, что и произошло по его благословению 8 сентября 1704 года. Очевидно администрация города рассчитывала, что наличие святыни в городском монастыре положительно повлияют на экономическую и общую ситуацию в городе. Тот факт, что руководство монастыря совместно с городской администрацией целенаправленно вели дело к созданию культа Симеона Верхотурского, доказывается простым перечнем чудес и исцелений, произошедших за первые годы после обнаружения мощей:

Одна из многочисленных икон Святого Праведного Симеона Верхотурского, 1903 год

1692 – 1. Восхождение гроба праведного Симеона Верхотурского. 2. Исцеление Григория слуги нерчинского воеводы Савелова от расслабления. 3. Исцеление дочери слуги Савелова Григория. 4. Исцеление Ильи слуги верхотурского воеводы Нарышкина от глазной болезни. 5. Исцеление дочери Нарышкина от глазной болезни.

1694 – 1. Исцеление пушкаря Ивана Григорьева Козака от расслабления. 2. Исцеление дочери Ивана Козака от струпа лица.

1695 – 1. Исцеление Петра слуги И.Е. Цыклера от опухоли ноги. 2. Исцеление митрополита Игнатия от боли в левом глазе. 3. Видение ключарю Троицкого собора иерею Иоанну. 4. Открытие имени праведного Симеона митрополиту Игнатию. 5. Подтверждение имени праведного Симеона иеродьякону Василиду. 6. Новое подтверждение имени праведного Симеона отцу Иоанну.

1696 – 1. Исцеление иеромонаха Савватия в Ирбите. 2. Видение и исцеление Тимофея Дерябина. 3. Видение иеродьякону Никифору Амвросиеву (все вышеописанные чудеса записаны митрополитом Сибирским и Тобольским Игнатием, отозванным в Москву в конце 1699 года)

1699 – 1. Исцеление меркушинского священника Максима Мартынова от головной боли, вызванной заползшим в ухо сверчком.

Как видно из списка, свидетелями и объектами всех чудес, произошедших за 7 первых лет после явления мощей св. Симеона, являлись либо представители духовенства, либо представители власти и зависимые от них люди, за исключением видения и исцеления Тимофея Дерябина, о котором нам известно только, что он «подгородный в городе Верхотурье житель».

1.1.6. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ВЕРХОТУРЬЯ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКОВ

Относительно сибирских городов XVII века необходимо отметить, что положительный годовой баланс (да и то не каждый год) имели только два из них: крупнейшие торгово-транзитные и таможенные центры – Тобольск и Верхотурье. Остальные города, говоря современным языком, были дотационные. То есть, для нужд нашего исследования пригодна только статистика, относящаяся к двум этим городам, но здесь исследователи сталкиваются с серьезной трудностью, которая заключается в том, что ежегодных сведений подобного рода очень немного. Так, например, приходных книг Верхотурья сохранилось всего 25 за период с 1624 (времени реформы Ю. Сулешова) по 1710 года.

Из каких источников наполнялся бюджет сибирского города XVII века видно из перечня особых «Книг...», в которых в течение года фиксировались суммы, поступающие в городскую казну: «Книги государя царя и великого князя ... пошлинныя...»; «Книги ... что имано ... государевой десятинныя пошлины с мяхкия рухляди и с кож лосинных и с рыбных ловцов и с проезжих со всяких людей, которые хлеб покупали...»; «Книги ... с хлебной продажи пошлинного сбора...»; «Книги ... мельнишного денежного скопу...»; «Книги ... что продано государевой соломы и мякин с государевых подгородных гумен»; «Книги ... оброчных денег с гуляющих ярыжек...»; «Книги ... оброк ... которые проплыли на государевых судех...»; «Книги ... пошлинныя с явочных пив...»; «Книги ... пошлинныя с судных дел...»; «Книги ... оброку с лавок...»; «Книги ... что продано государева сена на огороде...» и др.

Указанные книги в полном объеме велись в Верхотурье только с 1625 года. Сведения из них суммировались в «Книги приходныя государевым царевым и великого князя ... всея Руси ... окладным и неокладным денежным доходом...». А денежные средства, которые шли на нужды города, уезда и колонизации Сибири, записывались в «Книги расходные государевым царевым и великого князя ... всяким денежным доходом...[308]».

Многие из них сохранились в неполном виде, так что даже огромный труд по подсчету сумм ежегодных городских доходов (а итогов в книгах не подведено) не даст сколь-нибудь надежных результатов. Однако в источниках все же имеются своего рода итоговые данные, это указания сумм «верхотурских денежных доходов», оставшихся «за расходом» из прошедшего года на начало года, в котором заведена очередная книга. Этот денежный остаток в «государевой казне» является своеобразным интегрирующим показателем, который отражает степень напряженности городского бюджета, показывает степень финансового благополучия (или неблагополучия) Верхотурья в истекшем году.

Сведения о денежном остатке записывались в заголовках приходных книг, поэтому обобщить их не составляет большого труда. Первые листы книг за 1629, 1654 и 1662 годы утрачены, остальные данные представлены в таблице динамики денежного остатка в «государевой казне» Верхотурья (табл.1), которая составлена по материалам приходных книг, хранящихся в Тобольском историко-краеведческом музее[309].

Таблица 1

Динамика денежного остатка в «государевой казне» города Верхотурья в XVII веке.

Год	Сумма	Год	Сумма	Год	Сумма	Год	Сумма	Год	Сумма	Год	Сумма
1624	276 р.	1630	483 р.	1640	2833 р.	1646	2070 р.	1650	3125 р.	1656	0 р.
1625	1058 р.	1633	276 р.	1644	2471 р.	1647	0 р.	1651	2199 р.	1657	659 р.
1628	508 р.	1637	4044 р.	1645	2381 р.	1648	3994 р.	1652	5502 р.	1658	3158 р.

По данным таблицы составлен фрагментарный график динамики денежного остатка в «государевой казне» Верхотурья (рис.1).

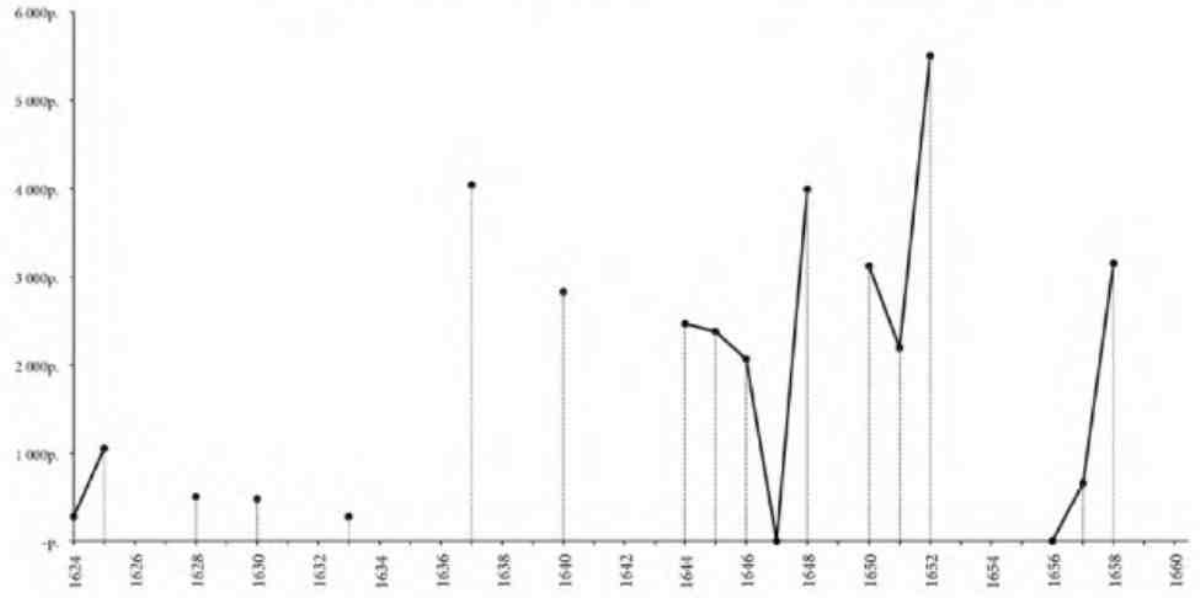

Рис.1. Динамика денежного остатка в «государевой казне» Верхотурья. 1624-60 годы

На графике видно, что в среднем на конец финансового года (1 сентября) в верхотурской казне оставалось около 2.500 рублей. При этом максимальная сумма денежного остатка составила 5.502 рублей в 1652 году. Минимальные суммы отмечены в 1624 – 276 рублей, в 1633 – 267 рублей, а также в 1647 – «...печать серебряная позолочена, бывала с гайтаном шелковым...», т.е. денег в казне не было совсем, та же «сумма» осталась и в конце 1656 – «...пищаль полковая медная ядром в четыре гривенки, к ней пятьдесят ядер железных».

Нетрудно сопоставить даты резкого снижения сумм денежного остатка (или отсутствия таковых вообще) с годами, когда страну постигали неурожаи: малые суммы 1624 и 1633 годов – следствие того, что экономика еще не оправилась от неурожаев 1621[310] и 1631[311] годов, казна была пуста в 1648 и 1656 годах, потому что на эти годы пали недороды в Поморских уездах и в самом Верхотурье[312].

Даты совпадают и это неудивительно: в годы неурожаев повышались цены на продовольствие и фураж, соответственно вырастали расходы казны; сокращались объемы транзитной торговли, проходящей через Верхотурье, росли недоимки по налогам и сокращались казенные доходы. И хотя в нашем распоряжении нет полной статистики, есть все основания считать, что степень наполнения городского бюджета Верхотурья (да, видимо, и других городов) определялась в эпоху феодализма в России как стране с низким уровнем развития земледелия колебаниями урожая зерновых, которые, как известно, имеют периодическую природу. Данный факт, кроме того, лишний раз подтверждает, что город это, в первую очередь, центр сельскохозяйственной округи, в котором совершается.

Источники прекрасно иллюстрируют зависимость между недородом и финансовым кризисом, который выражался в том, что в Верхотурье в государевой казне «учинился недобор». В 1657 г. грамотой из Сибирского приказа на Верхотурье было запрещено вследствие недорода в Сибири продавать хлеб в частные руки помимо казенных скупщиков, и о выдаче хлебного жалования служилым людям не натурой, а деньгами по сибирской цене[313]. Слободские приказчики, объясняя причины недобора, писали: «хлеба и скота крестьяне за скудостью не продавали, а у иных и продать нечего, и пошлин потому недобрано», «у крестьян скудость большая, сбирал денежные доходы с правежом большим ... иные бежали, кто постригся и помер, поруки на них нет, оброку взять не с кого...»[314].

Показания приказчиков подталкивает нас попытаться обнаружить закономерности и еще в одной сфере: политике правительства по возврату бежавших крестьян. То, что побеги крестьян становились массовыми в годы неурожаев, свидетельствуют источники.

В 1699 году правительство своим указом распорядилось провести очередную перепись населения Верхотурского уезда, мотивируя это тем, что «с 200 году и после того как учинилось в Поморских и в иных русских многих городех и уездех хлебу недород, и из тех городов и уездов

многие крестьяня, оставя свои жеребья и тягла, с женами и детьми сошли в сибирские городы... и в слободах и в деревнях новых поселились на заимках и к прежним крестьянам пристали, и, захватя многие земли, владеют, а... никаких доходов не платят[315]».

С конца XVI в., когда были введены заповедные годы и отменено право крестьянского перехода в Юрьев день, российские земледельцы были лишены легальной возможности использовать этот механизм самосохранения (хозяйства и самой жизни) в голодные годы. События Смутного времени явились, главным образом, следствием запрета крестьянского выхода[316]. Но даже после подавления крестьянского движения И.И. Болотникова российское крестьянство продолжало «голосовать ногами» против крепостного права, поскольку в неурожайные годы право перехода становилось вопросом жизни или смерти.

Русские крестьяне, с рисунка XVII века

В неурожайные годы переходили, бросив тягло, на новые земли и черносошные крестьяне, спасаясь от малоземелья, налогового гнета, тяжелейших натуральных повинностей. Официальные документы вполне определенно формулируют причины их бегства: «в прошлых 203 и в 204 и в 205 годех из многих Русских и поморских городов от хлебного недорода в Сибирские городы в Верхотурский уезд многие крестьяне с женами и детьми пошли и поселились в Сибирских городех и уезде[317]», «сошли в Сибирь посадцкие люди и многие пашенные крестьяне с тяглых своих жеребьев от хлебного недороду и от бедности з женами и детьми[318]». Иное социальное положение, но причины ухода на новые земли те же. Как видно из документов, современники прекрасно понимали основную причину, заставлявшую российского земледельца уходить с насиженных мест. В нашем распоряжении не имеется статистических данных о масштабах бегства крестьян, как в неурожайные, так и в остальные годы, до сих пор никто из исследователей не ставил вопрос таким образом. Кроме того, в этом случае мы сталкиваемся с принципиальной ограниченностью источников. Однако косвенно динамику этих процессов можно проследить, изучив периодичность проведения сысков беглых.

Применительно к территории Урала и Западной Сибири наиболее полную сводку правительственных и частных сыскных операций составил А.А. Преображенский. По его сведениям, начиная с третьей четверти XVII века по первую четверть XVIII века имели место 13 массовых сысков. Имея представление об основной причине бегства крестьян, сопоставим даты сысков с датами неурожайных лет. Получим следующую картину:

Неурожай 1627-1630 годов	1629 – сыск беглых посадских и крестьян Вятских уездов в Перми Великой[319].
Неурожай 1647 года	1647 – сыск служилого человека Андрея Сикерина и подьячего Постника Дементьева черносошных крестьян поморских уездов, находящихся в закладниках, половниках и т.д. на землях монастырей и светских феодалов Тобольского, Верхотурского и Тюменского разрядов, для того, чтобы «в Сибири ... людьми посады и пашенные слободы наполнить». Сыск конца 1640-х – начала 1650-х годов беглых черносошных крестьян в землях Строгановых, Елисеевых, Суровцева, Пыскорского и Соликамского Вознесенского монастырей[320].
Неурожай 1657 года	1657 – сыск беглых из Яренского уезда черносошных крестьян во владениях монастырей[321].
Неурожай 1661-1663 годов	1661-1662 – Первый крупный сыск беглых в Западной Сибири крепостных Данилы и Федора Строгановых[322]. 1663 – сыск захребетников у землевладельцев Верхотурского уезда.
Неурожай 1669-1670 годов	1669 – указ Алексея Михайловича и приговор Боярской думы о запрещении духовным и светским землевладельцам держать беглых и об их безусловном возвращении на прежние места[323]. 1671 – сыск воеводы Хрущева беглых крестьян Поморских уездов в Верхотурском уезде.
Неурожай 1673-1674 годов	1677 – сыск беглых крестьян в Кунгурском уезде по челобитной Г.Д. Строганова[324].
Неурожай 1681-1683 годов	5 июня 1683 – Указ Алексея Михайловича о запрещении пропуска беглых черносошных крестьян Поморских уездов в Сибирь и о возврате их «в те места, кто откуда бежал[325]». 1683-1684 – сыск воеводы Толстого беглых черносошных крестьян в Верхотурском и Тобольском уездах[326].

Неурожай 1690 года	1690 – Запрещение Тобольской приказной палаты выпускать крестьян из слобод без «тобольских указных памятей[327]».
Неурожай 1695-1699 годов	1696 – Память Тобольской приказной палаты (на основании царского указа) в слободы о пресечении побегов черносошных крестьян[328].
Неурожай 1701-1702 годов	1701 – сыск в зауральских слободах крепостных Г.Д. Строганова[329], продолжавшийся, очевидно до 1704 года[330].
Неурожай 1722 года	1725 – «Вывод подьячего Федора Шаврина» строгановских крепостных из зауральских слобод.

Получается, что практически все сыскные кампании (как по поимке крепостных, так и черносошных крестьян) начинались либо в год неурожая, либо на следующий год после него (9 случаев из 11 или 82%). Исключение составляют строгановские сыски 1677 и 1725 годов, когда «задержка» сыскной операции составляла 3 года (всего 2 случая или 18%).

Но такое исключение, как известно, лишь подтверждает правило. Организация сыскной операции была сложным делом, требующим значительных затрат времени и средств и даже баснословно богатым Строгановым приходилось готовить ее достаточно долго.

Можно констатировать, что неурожайный, тем более голодный, год буквально выжимал крестьян с прежних мест, вынуждал их покидать свои общины, свое хозяйство в поисках лучшей доли на новых землях, где их ожидал напряженный труд по распашке целины, но, в то же время, и льгота в уплате государева тягла на несколько лет, а крепостных еще и свобода. Вслед за ними устремлялись правительственные сыщики и доверенные лица крупных частных феодалов. Периодичность сысков, в конечном счете, порождалась периодичностью неурожайных лет, как и другие социально-экономические и политические процессы в отечественной истории.

Военно-политические конфликты также подчиняются периодическим закономерностям. Эти явления, оказывается, распределяются по времени вовсе не хаотично. Возьмем, к примеру, сроки восстаний и набегов местного нерусского населения Сибири и Урала в XVII веке. По материалам фонда 1111 (Верхотурская приказная изба) РГАДА и документам, опубликованным Г.Ф. Миллером[331], нами составлена сводная хронология восстаний и набегов коренного населения Урала и Сибири в XVII веке. Сравнивая даты неурожайных лет и восстаний легко убедиться, что волнения и набеги вогул, манси, сибирских татар, башкир, калмыков и других народов Урала и Сибири, как правило, начинаются в год или годом после недорода. Сравним:

Неурожай 1599 года	1599 – набег князя Игичея Алачева на юрты кондинских остяков. 1600 – нападение тюменских татар на башкирские волости.
Неурожай 1601-1603 годов	1603 – попытка организации сосьвинскими вогулами военного нападения на Верхотурье и соляные промыслы на реке Негле с целью их разгрома и грабежа[332]. 1604 – отписка верхотурского воеводы Н. Плещеева о сосьвинском вогуличе Алпаутке с товарищи, посаженных в тюрьму за попытку организации военного нападения на г. Верхотурье и соляные промыслы на Негле с целью их разгрома и грабежа[333]. Грамота В. Шуйского березовскому воеводе Ф. Татеву о бережении князя Михаила Алачева и его людей от нападения пелымских остяков: «да они же похваляются на них приходить войною и его и людей его побивать насмерть…[334]». 1605 – отписка кетского воеводы П. Бельского томскому воеводе Г. Писемскому о намерениях остяков и киргизов по рекам Оби, Кети, Чулыму и Томи поднять восстание: «…Могуля, да Мастя, и Питка и все Кецкие верхных и иных волостей лутчие и молотчие люди умышляют над Кецким острогом… как бы им Кецкой острог взяти и служилых людей побивати… тех лутчих людей поисхватали, а оне было хотели ехать тотчас на скоп… И князец Могуля сказал: присылали де к нам зимою Томский князец Басанда да киргисский князец Номзи Чюлымского князьца Лагу, а Обский князец Байбахта… Качеку… да… Кичегу… и велели де нам… огнем зажигати, как бы которою мерою Кетцкой острог взяти…[335]».
Неурожай 1608 года	1609 – отписка тобольского воеводы кн. И. Катырева-Ростовского томским воеводам В. Волынскому и М. Новосильцеву о киргизском восстании и нападении черных калмыков: «… приходили… на Чюлым … киргизские князьки Кочебай с товарищи войною и их грабили, мяхкую рухлядь имали…и стада всякие животины отогнали тысячи с 3[336]». Отписка томских воевод В. Волынского и М. Новосильцева в Москву об их сношениях с людьми Кузнецкой волости: «…в Кузнецких волостех хотели побить и ясаку дать не хотели...[337]». Попытка общего восстания вогулов и остяков Березовского, Пелымского, Сургутского уездов и татар иртышских, и, возможно, вогул верхотурских, туринских и тюменских[338].

Неурожай 1616 года	1618 – экстренные меры в Верхотурье для охраны острога и казны от «иноземцев»: татар, остяков, вогул. Отписка верхотурского воеводы в Сибирский приказ о недостатке служилых людей в Верхотурье для охраны острога и казны от «иноземцев» – татар, остяков, вогул[339].
Неурожай 1621 года	1621 – экстренные меры по «обереганию» новоприборных крестьян по рекам Невье и Серене.
Неурожай 1630-1631 годов	1631 – военные действия против калмыков, в результате которых был взят «калмыцкий плен». 1640 – отписка верхотурского воеводы в Сибирский приказ о постройке острогов на реках Нейве, Нице и Ирбите «для вогульской шатости» и от набегов калмыков[340]. 1641-1642 – «Проведывание» вестей о приходе немирных калмыков в Тобольский уезд[341].
Неурожай 1643 года	1645-1646 – грамоты из Сибирского приказа верхотурскому воеводе и его отписки о приходе немирных калмыков на Пышму и в Благовещенскую слободу и о мерах по защите от них[342]. 1645-1646 – нападение калмыков на Благовещенскую слободу Туринского уезда и пр.
Неурожай 1647-1648 годов	1648 – приход «воровских воинских людей» царевичей Бугая и Кучума «воевать государевы города».
Неурожай 1651 года	1652-1653 – приход под Тюмень «внучат царевича Кучума Бугая и Кучума», набеги калмыков. Посылка на Верхотурье бронника для починки оружия[343]. 1653 – память верхотурского воеводы в Ирбит о: посылке крестьян в новую Пышминскую слободу для постройки города в защиту от калмыков, проведывании известий о приходе калмыков[344].
Неурожай 1661-1662 годов	1662-1668 – «Сеитовский бунт». «В нем участвовали башкиры уфимские, исетские, осинские; татары сылвенские, иренские, шаквинские в Кунгурском уезде и более отдаленные уржумские, вятские и даже казанские; затем черемисы, чуваши, мордва и др… он захватил Кунгурский уезд… бунтом было охвачено нынешнее Пермское Зауралье, начиная с реки Тагила, к югу до Исети и по этой реке вверх до ея истока[345]».
Неурожай 1663 года	1663 – приход «воровских» татар под Красную слободу и др.[346] 1663-1664 – отписка верхотурского воеводы о «выходцах» из башкирского плена с известием о намерении башкир при помощи калмыков воевать сибирские города[347].

	1664 – отписки верхотурских воевод в Сибирский приказ о: приходе в Невьянскую волость башкир и об устройстве в степи крепости против них; поимке «изменника» вогула и о намерении вогульского вождя Сибирки Арыкайкова привести 1.000 человек для захвата Верхотурья; починке верхотурского острога, снабжении порохом и свинцом, присылке ратных людей[348]. Отписка верхотурского воеводы И.Я. Колтовского в Сибирский приказ о разорении слобод Верхотурского уезда «воинскими людьми», татарами, башкирами и вогулами[349]. Память верхотурскому сыну боярскому Юрию Арсенову о несении им со служилыми людьми караульной службы на глухой башне и по стене до Спасской башни[350].
Неурожай 1665-1666 годов	1665 – присылка на Тагил из Верхотурья военных людей для оберегания от татар, раздача пороха крестьянам Арамашевской слободы из-за «сполошного» времени и обучении их стрелять, возврат стрелецкого десятника М. Вискунова невьянским крестьянам их лошадей, отбитых у «воровских татар»[351]. 1666 – меры защиты против нападения татарского царевича Кучума и калмыцких тайшей Мамая, Ладара, Бабая и Чигала с 20.000 войска[352].
Неурожай 1673-1674 годов	1673 – отказ вогулов Арамашевской слободы в подводах сыну боярскому, посланному для отыскания руды и в строгановские села[353].
Неурожай 1680-1682 годов	1682 – опасность внезапных нападений «воровских людей».
Неурожай 1685 года	1685 – набеги сибирских татар, отписка верхотурского воеводы в Тобольск о присылке в Верхотурье для защиты от набегов татар[354]. 1687 – память верхотурского воеводы Г. Нарышкина приказчику Краснопольской слободы о подготовке к возможным набегам башкир, осадивших Уфу во главе с Сеитом[355].
Неурожай 1692 года	1692 – верхотурские дети боярские во главе небольших отрядов приняли участие в подавлении башкирского восстания[356]. 1693 – приход в тобольский уезд немирных калмыков и неудачное сражение с ними[357].
Неурожай 1697-1699 годов	1699 – набег «воинских людей» на Чумляцкую слободу и др.[358]

Тревожные известия 1607, 1611, 1618 и1640-1641 годов были вызваны не реальными действиями местного населения, а ожиданиями и слухами о «сполохах», «намерениях» и общей «шатости» нерусских народов. Набеги 1610, 1625 и 1687 годов произошли через два года после отмеченных в источниках недородах и, таким образом, выбиваются из общего правила. Возможно, что они были вызваны какими-то другими событиями. Но, так или иначе, 80% набегов и восстаний приурочены к неурожаям. Механизм возникновения волнений вполне прозрачен.

Большинство коренных народностей Сибири в XVII веке находились на этапе разложения первобытнообщинных отношений, а, как известно, в эпоху военной демократии количество военных конфликтов резко увеличивается. Недороды отражаются не только на хозяйстве оседлых земледельцев, но и кочевников-скотоводов и охотников. Возникает соблазн поправить положение силой, за счет соседних народов (русского или других), что и наблюдалось в течение всего XVII и первой четверти XVIII веков.

* * *

Все выявленные периодические закономерности исторического развития (наполняемости городского бюджета, сысков бежавших крестьян и посадских, волнений и набегов коренного населения) оказались тесно связаны с периодичностью сельскохозяйственного производства. Экономическая и социально-политическая ситуация в Верхотурье менялась в зависимости от степени благополучия земледелия, что характерно для феодальной страны с низким уровнем развития экономики.

1.2. ВЕРХОТУРЬЕ В XVIII ВЕКЕ

Новый период в истории Верхотурья связан с Петровскими преобразованиями. Из всех реформ города коснулись, прежде всего, экономические. Городская же реформа в силу некоторых обстоятельств Верхотурье практически не затронула. 30 января 1699 года царем были изданы два указа, которые должны были окончательно изъять посадское население из-под власти воевод, вследза сбором податей, передав судебную власть выборным бурмистрам[359]. Смысл их заключался в том, что выборы бурмистров (т.е. переход судебных функций к выборным из горожан) в Москве происходят однозначно, а провинциальные города, если хотели таким образом избавиться «от приказных волокит», собственного бурмистра выбирали при условии уплаты двойного тягла. Несложно понять, что городская реформа (как и многие другие) проводилась царем, главным образом, с фискальными целями: Бурмистерская палата (позже Ратуша) должна была стать гарантом бездоимочного сбора прямых и косвенных налогов с посадского населения[360]. Когда выяснилось, что большинство провинциальных городов к подобному «самоуправлению» относятся отрицательно, Петр указом от 20 октября 1699 года отменил двойные платежи, но, в то же время, отказался от факультативности проведения реформы в провинции – выборы бурмистров стали теперь обязательны, но так дела обстояли только в Европейской России.

Колониальный статус Сибири и на этот раз дал себя почувствовать. На Верхотурье, как и на другие сибирские города, по указу 27 октября 1699 года реформа распространена не была. Все они по-прежнему оставались в ведении воевод (на местах) и Сибирского приказа (в центре): «В сибирских городех бурмистром не быть для того, что в сибирских городех посадских людей нет, а в которых есть и те людишки худые, скудные и ссыльные[361]».

Правительство, заинтересованное в повышении платежеспособности посадских общин, указом от 1 января 1699 года разрешило приписку в посады крестьян, имевших там торги и промыслы, при условии, если они сами того «похотят[362]». Вскоре масштабы приписки капиталистых крестьян (особенно крепостных) всерьез обеспокоили правительство и душевладельцев, так что уже 24 ноября 1699 года она была существенно ограничена, что было подтверждено и в 1700 году.[363] Однако Верхотурья январский указ 1699 года почти не коснулся, поскольку крепостное право в Западной Сибири никогда не было широко распространено. Гораздо более существенные последствия имел указ от 24 ноября 1699 года, согласно которому была разрешена запись в посад ямским охотникам, пушкарям, воротникам, звонарям, т.е. служилым людям по прибору и некоторым другим категориям горожан. В условиях формирования регулярной армии правительство лишало служилых людей в городах жалования и те в ходе подушной переписи переводились в посад.

1.2.1. ВЕРХОТУРЬЕ – ЦЕНТР ГОРНОЗАВОДСКОГО ОСВОЕНИЯ УРАЛА В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

При разделении России на губернии 18 декабря 1708 года Верхотурье было приписано к Сибирской губернии[364]. Подушная перепись и реформа прямого обложения, проведенные в 1719-1727 годах, хотя и привели к повышению налогового бремени, в то же время значительно нивелировали тяготы налогообложения различных групп городского населения, что в принципе соответствовало интересам посада. Колебания правительства, старавшегося соблюсти интересы посадов и владельцев крепостных, закончились к 1722 году, когда по указу от 13 апреля было установлено, что «записываться в посад крестьянам и прочим ... вольно, чьи б ни были, только 8-гривенные подушные деньги, также и подати помещику обыкновенных крестьян, а не по богатству, платить оне и их потомки повинны...». Таким образом, правительство вышло из положения, оградив дворянство от потери крепостных, но, в то же время, лишило города возможности пополнения своего постоянного населения за счет крестьянства[365].

Тогда же были ликвидированы особые права гостей и торговых людей торговой сотни, которых приписали в посад наравне с другими более мелкими купцами[366], в результате чего городская буржуазия, разделенная на три гильдии соответственно доходам, консолидировалась, обладала преимущественными правами на занятия торговлей и промыслами и даже получила новое название – купечество. Численность посадского населения России в 20-е годы XVIII века значительно увеличилась[367].

Начало нового периода отмечено в истории Верхотурья усилением социально-политической нестабильности: зимой 1697 верхотурский воевода К.П. Козлов велел наказать батогами посадского старосту П. Бутакова за то, что население города отказалось выслать из своей среды работников к казенной винной продаже. В тяжелый, неурожайный год посадские именно таким образом протестовали против дополнительных государственных повинностей[368].

В 1710 в Верхотурском уезде насчитывалось 14 слобод, 11 погостов, 54 заимки, 1 село, 2 заводских слободы, 262 деревни, 3.708 дворов[369]. При сравнении с данными 1680 года выясняется интереснейшая тенденция. Общее количество поселений увеличилось с 363 до 413 (в 1,144 раза), в то время как количество дворов – с 1980 до 3.708 (в 1,873). Из этого необходимо сделать вывод, что территория уезда была достаточно освоена, и население росло не столько за счет основания новых поселений, сколько за счет расширения уже имеющихся. Характерно, что число деревень в уезде даже несколько сократилось (с 339 до 262), правда, при резком увеличении числа заимок (с 2 до 54).

Основная территория уезда была освоена уже давно и происходило перемещение населения уже в его пределах в поисках лучших угодий. Во втором десятилетии XVIII в. Верхотурский уезд стал самым многонаселенным регионом Урала (29.355 чел.) и происходит постепенное затухание процесса вольной крестьянской колонизации.

По мнению М.М. Громыко, окончательно он завершился в Западной Сибири к середине XVIII века, а имевшая место миграция населения отмечалась в местах строительства металлургических заводов[370]. От земледельческой (по преимуществу) колонизации территории уезда, уже сдерживаемой естественными ограничениями, происходит переход к ее горнозаводскому освоению. В этом смысле показательным является появление 2 поселений совершенно нового типа – заводов Алапаевского и Невьянского, что ознаменовало некий перелом, изменение характера колонизации края. Верхотурье, будучи административным центром уезда, становилось и центром, в котором сосредотачивалось управление заводским строительством.

Из 189 городов России по количеству населения (463 души м.п.) Верхотурье занимало 105 место, намного уступая Соликамску, который был 43-м городом (1.441 души м.п.)[371].

Иванов С.В. Приезд иностранцев в XVII веке, 1890 год

Что же являло собою Верхотурье на грани веков в экономическом смысле? По торговому уставу 1698 года уплата десятой пошлины сосредоточилась в Верхотурье и Нерчинске, т.е. на границах Сибири с Европейской Россией и Китаем. С явленных на Верхотурской таможне купцами денег взималась рублевая (50% десятой) пошлина, вторая же половина десятой пошлины собиралась либо на месте перепродажи сибирских товаров, либо на месте вывоза их из Сибири (т.е. в Нерчинске или опять же в Верхотурье). Г.А. Леонтьева считает такой порядок уплаты пошлин продуманным шагом правительства, направленным на концентрацию таможенных доходов. «Близкое, по сравнению с другими сибирскими городами, расположение Верхотурья от центра давало возможность Сибирскому приказу относительного оперативного распоряжения рассылкой в другие сибирские города из Верхотурской таможни денег и товаров[372]».

Таможенный сбор Верхотурья от частной торговли в 1699 по сравнению с 1666, 1667, 1671 гг. вырос в четыре-пять раз[373] и составлял 11.511 рублей (в эту сумму включены и доходы от Ирбитской ярмарки, которые с 1699 года снова стали подсчитываться в верхотурских сметах), что вдвое выше аналогичных сумм Тобольска (5.602 рублей), превышало таможенные доходы любого другого из сибирских разрядов и составляло более трети общего таможенного дохода казны в Сибири (28.489 рублей)[374]. Неудивительно, что именно Верхотурье, где сосредотачивались столь значительные суммы, стало опорным пунктом правительства в проведении его экономической политики в Сибири.

Петр I, понимая неизбежность войны со Швецией, прилагал все усилия для создания в стране собственной металлургической базы. Одним из центров производства российского чугуна и меди должен был стать Урал. В 1696-1698 годы верхотурский воевода получил ряд грамот, согласно которым, он должен был осмотреть «в которых местах камень магнит и железная добрая руда есть ли», а по выполнению получил указание о выборе удобных мест к учреждению заводов и о присылке в Москву, снятых с таковых чертежей. «И в 1700 г. генваря в 19 день Великий государь указал мастеров з женами и з детьми для железных заводов послать на Верхотурье, а с Верхотурья в те места, где железным заводам быть пристойно[375]».

На обеспечение строительства «верхотурских заводов» были брошены почти все ресурсы города и уезда, туда для «доменного, плотинного и молотового строения» отправлялись крестьяне, казаки, служилые люди[376], Почти все кирпичники и каменщики, работавшие на строительстве Верхотурского кремля, были переведены на Невьянский завод. Всего на этих работах было занято свыше тысячи человек и, когда управляющий строительством Викулов потребовал еще две тысячи, воевода Протасьев разослал в слободы «послушные грамоты», но усомнился в возможности выполнения заявки завода потому что «...по всем слободам по переписным книгам 3000 крестьянских дворов не будет[377]».

Однако, уже к 11 декабря 1701 года пошел невьянский чугун.

В номере от 17 декабря 1702 года первой российской газеты «Ведомости» сообщалось: «В Верхотурском уезде из новообретенной железной руды много пушек налито и железа вельми много сделано и такого мягкого и доброго из шведской земли не привозили, для того, что у них такого нет, и на Москве с привозом стал пуд в 12 алтын». В номере от 18 июля 1703 года приводились уже более конкретные сведения: «Ныне июля в 17 день привезли к Москве из Сибири в сороке двух стругах 323 пушки великих, 12 мортиров, 14 гоубиц, из того железа сделанных, да с теми же пушками привезено железа, стали, укладу… и еще ожидаем другого каравана вскоре, и в Сибири весьма умножается железный завод, такова добраго железа в свейской земле нет[378]».

По мысли Петра I Верхотурье должно было стать сначала центром горного освоения края, а затем центром уральской металлургии. В «статьях», данных новому верхотурскому воеводе А. Калитину, необычность которых подметил Б.Б. Кафенгауз, предусматривалось заведение в горо-

де больницы и богадельни, создание училища «где бы градцких людей отроков учить... дабы положили первое основание своего жития». Велено также было, чтобы «молодые ребята» обучались «кузнечным, оружейным, плотничьим, столярным делам», предписывалось заботиться о построенных уже заводах и заводить новые. Вспомним, что А. Калитин приходился зятем самому А. Виниусу и станет очевидной роль, уготованная Верхотурью в будущем развитии Урала. Именно ради такого будущего строился в нем каменный кремль.

Но как часто бывает, жизнь распорядилась иначе. В марте 1704 вышел указ Петра I о передаче Невьянского завода во владение Демидова, завод велено было «ведать» в Сибирском приказе, воеводе Калитину «ведать его ни в чем не велено» (А. Виниус, не одобрявший подобного рода акций, был к этому времени смещен со своего поста), создаваемые заводы передавались в вотчинную юрисдикцию, а вместе с ними целые слободы и волости изымались из ведения казенной администрации - в 1703 году к Невьянскому заводу были приписаны Аяцкая слобода и Покровское монастырское село[379].

Первоначальным планам императора на судьбу Верхотурья не суждено было осуществиться еще и потому, что в первой четверти XVIII столетия наибольшая концентрация горных заводов оказалась не на Северном, а на Среднем Урале, и вместо реанимации первоначальных планов в отношении Верхотурья, власти сделали центрами управления металлургическими заводами Екатеринбург, Кунгур и Егошиху. 6 марта 1711 года произошло фактическое учреждение Сибирской губернии, которое готовилось с 1707 года, и Верхотурье вошло в ее состав в качестве уездного города[380].

В.Н. Татищев в 1720 ходатайствовал перед правительством о проложении новой дороги на Ирбит через Кунгур, Уткинскую слободу и Уктусский завод[381]. Показательно, что заканчивал Татищев проектируемую дорогу не в Верхотурье, а в Ирбите, к тому времени ставшим крупным ярмарочным центром и оттянувшим на себя основные торговые обороты. С того же 1720, когда была учреждена Горная канцелярия в Кунгуре, Верхотурье окончательно теряет свое значение как центр горного освоения края. Более того, в указе от 20 ноября 1723 года Петр I по докладу В.И. де Геннина обвиняет верхотурского воеводу (наряду с вятским и соликамским) в том, что «в строении заводов чинитца ... остановка» и требует, чтобы воеводы «к строению и содержанию заводов наших без медления давали людей и протчее потребное, не отписываясь. А ежели кто по сему указу не исполнит, тот будет наказан яко преступник указу[382]».

Переписью 1720 года, которая послужила материалом для первой ревизии, в Верхотурье учтено (душ м.п.): представителей центральной администрации и дворян – 6, детей боярских – 4, канцелярских служителей, подьячих и сторожей – 19, таможенных служителей, старых и молодых подьячих, ходоков и конской площади откупщиков – 17, казаков (пятидесятник, десятников, рядовых и казачьих детей) – 98, отпускных солдат – 16, 4 кузнеца, население посада (каменщики, винокур и т.д.) – 114 человек. Всего мужского населения в городе 278 человек.

В.Н. Татищев, основатель уральских заводов, Екатеринбурга, Перми и Оренбурга

В.И. де Геннин, основатель и строитель Екатеринбурга

В Покровской слободе жило 6 «особливого стана грацких жителей» и в Ямской слободе 61 ямской охотник[383]. Таким образом, в городе вместе со слободами проживало около 690 человек обоего пола. Кроме того, с 1710 г. в городе были поселены шведы, пленные под Полтавой[384].

На грани XVIII века Петр I запретил строительство новых монастырей в Сибири[385]. Но на верхотурских монастырях это, конечно, никак не отразилось. В 1699 Верхотурский Николаевский монастырь владел 127,5 десятин пашни, а по состоянию на 1702 в монастырских деревнях насчитывалось 58 крестьянских дворов[386]. По первой ревизии 1719 года за монастырем числилось 364 крестьянской души мужского пола[387]. До конца века старцы получали хлебное и денежное жалование и от государства, однако в 1698 Петр I отказал им в нем под предлогом, что «они с крестьян за проданный хлеб деньги не малые собирают[388]».

Как уже говорилось, администрация города и Николаевского монастыря сознательно вели дело к канонизации праведного Симеона. Перенос его мощей в Верхотурье в 1704 году дал толчок к дальнейшему развитию событий, хотя уже с начала века имели место случаи исцелений:

1700 год – 1. Исцеление крестьянки Исетской слободы Анны Соколовой от глазной болезни. 2. Исцеление крестьянина Меркушинской слободы Елисея Меркурьева от помешательства ума. 3. Исцеление Багарятинской слободы жительницы Марфы от глазной болезни. 4. Избавление от плена Петра Калинина. 5. Исцеление крестьянина Рафаиловской пустыни Федора от расслабления.

1702 – 1. Избавление священника Павла от наваждения злых духов.

1704 – 1. Видение верхотурскому таможенному голове П.И. Худякову. 2. Чудесное исправление погоды при перенесении мощей праведного Симеона из Меркушино в Верхотурье.

1705 – 1. Исцеление Параскевы Быковой.

1709 – 1. Избавление от плена священника с сыном.

1710 – 1. Исцеление Иакова Матвеева Денисова.

1711 – 1. Видение старцу Иакову 2. Исцеление Трофима Артамонова. 3. Исцеление Михаила Артамонова.

Можно заметить появление новой тенденции в динамике чудес: наряду с привычными исцелениями членов администрации и клира (4) отмечаются случаи чудес, происходивших с крестьянами (9), на которых вряд ли оказывалось давление со стороны светских и духовных властей. Известно, как высока была в те годы социальная и, нужно думать, психическая напряженность в обществе. Как и следовало ожидать, люди с неуравновешенной психикой в таких условиях чаще становятся объектами или свидетелями разного рода чудес. Деятельность властей города начала давать плоды.

Отметим еще одну интересную деталь: с 1711 по 1730 год не было ни одного случая явления мощами св. Симеона каких-либо чудес – это самый большой период их бездействия. Все прояснится, если вспомнить, что именно в 1711 году рязанский митрополит Стефан Яворский (местоблюститель патриаршего престола) произнес в Успенском соборе проповедь,

в которой осуждал введение института фискалов и связывал надежды на изменения к лучшему с наследником Алексеем Петровичем. Стоит ли говорить, что проповедь вызвала высочайший гнев и целый ряд действий Петра, направленных на ограничение самостоятельности церкви, апогеем которых явилось учреждение в 1721 году Синода. Годом после появился знаменитый петровский указ по поводу богородичной иконы, «плакавшей» масляными слезами, по которому авторам подобных «чудес» грозили телесные наказания и ссылка. Неудивительно, что кампания по пропаганде мощей св. Симеона Верхотурского была свернута.

Молитва у святого образа. Рисунок Длона Аткинса, начало XIX века

Хотя старцы не отказались вовсе от своей затеи. В 1712 приказному человеку Г.Д. Строганова Тимофею Истомину были выделены (проданы?) частицы мощей праведного Симеона, которые позже оказались в Соликамской кладбищенской церкви.

При архимандрите Сильвестре, прославившемся миссионерским просвещением местных народов, в 1717-1720 годах по инициативе архиепископа Сибирского и Тобольского Филофея (Лещинского) возникла при обители школа для мальчиков. Идею ее создания поддержал Петр I, велено было «из новокрещенных набирать ребят и учить их грамоте ... где найдутся ... угодные к учению, брати и учить их прилежно». Предполагалось первоначально обучать славяно-российской грамоте, а затем латинской[389]. К 1721 относится обращение в православие верхотурских вогулов, в котором монастырские старцы приняли самое активное участие[390].

Покровский монастырь тянулся вслед за своим мужским собратом. В 1712-1715 годах в нем было 20 стариц во главе с игуменьей Анисьей. Каждой монахине было назначено казенное денежное жалование по 2 рубля в год, а игуменье – 5 рублей[391].

Годы с 1697 по 1722 были в стране и Верхотурье временем, когда прошла реформа городского управления, изменилось положение посадского населения, началось горнозаводское освоение Урала, углубление общественного разделения труда и мн. др. Собственно для Верхотурья этот период стал эпохой несбывшегося величия: город, первоначально бывший центром строительства уральских заводов, к 1720-м теряет это положение, появляются первые признаки того, что и исключительное значение в транзитной торговле также будет утрачено, поскольку центр экономической жизни региона постепенно перемещается на юг в район Кунгура и Екатеринбурга. Свертывается, начатая было, кампания по канонизации Симеона Верхотурского.

1.2.2. ВЕРХОТУРЬЕ В 1723–1748 ГОДАХ. БЕЗВРЕМЕНЬЕ

После неурожаев 1723-1726 годов в экономическом развитии России происходит перелом, оно вступает в очередной статический период. После того, как в 1723 главным горнозаводским центром Восточного Урала стал Екатеринбург, Верхотурье теряет один за другим свои преимущества, связанные со своим особым положением. Произошло существеннейшее сокращение округи, объединяемой управлением из Верхотурья. В 30-х годы XVIII века в самостоятельную административную единицу выделилось «Ведомство Екатеринбургское», подчинявшееся непосредственно Берг-Коллегии, кроме того, в верхнем течении реки Тагил существовало небольшое «Ведомство Акинфия Демидова», а приуральские земли отошли в ведение Строгановых. В 1737 была учреждена особая Исетская провинция, включавшая в себя юго-западные районы Верхотурского и Тобольского уездов[392].

Вторая четверть XVIII века стала периодом отката от Петровских реформ. Городское самоуправление, бывшее даже при Петре весьма ограниченным, окончательно свертывалось. В июле 1728 года были ликвидированы губернские магистраты, городские – подчинены воеводам, а с марта 1733 года на городские ратуши были возложены полицейские функции[393]. Именно к этому времени относится определение города, данное В.Н. Татищевым: «Град есть место укрепленное или без укреплений, в котором многие дома разных чинов, что военные и гражданские служители, купечество, ремесленники… и все… называются граждане и *состоят под властию начальства* (курсив мой – П.К.) Но у нас токмо тот городом именуется, который подсудный уезд имеет, а прочие или крепости, или пригороды и остроги»[394]. Практически все вернулось на круги своя, когда в 1730 был восстановлен Сибирский приказ[395].

Покровительственные пошлины, установленные тарифами 1724 и 1731 годов стимулировали производство отечественных предпринимателей, однако экономическая жизнь Верхотурья заметно не активизировалась. Отсутствие в истории Верхотурья заметных событий свидетельствует о постепенном замирании городской жизни, чему способствовала развивающаяся революция цен, оказывавшая, как известно, сдерживающее влияние на экономику феодальных городов.

26 марта 1727 года вышел указ Петра II о разрешении свободной торговли сибирскими соболями и другими заповедными товарами: «кто похочет, всякаго чина людей… охотников отпускать воеводам с таможенными выписками, а по возвращении их за промысел при продажах брать пошлину…» Правительство уже не рассматривало сибирские меха как стратегический, валютный товар, отчасти из-за снижения добычи, отчасти из-за того, что нашлись иные способы пополнения казны.

25 ноября 1741 года из Сибирского приказа донесли в Сенат, что купцы Астраханской, Казанской, Нижегородской и других губерний не смогли за бездорожьем проехать в Сибирь, а сибирские купцы в Европейской России «торг оставили за великими грязями и болотами». Уже в 1743 сибирский и оренбургский губернаторы ходатайствовали о разрешении купцам пользоваться более южными путями вместо непроезжей и разорительной государевой верхотурской дороги.

Император Петр II (1727–1730)

«Ведомость Верхотурской таможни со сведениями об имеющихся по Верхотурскому уезду фабриках, ярмарках, ремеслах и пр.», составленная около 1743 года свидетельствует, что собственной промышленности в городе не было, а верхотурские купцы в основном занимались торговлей с Китаем:

«24. В Верхотурье мануфактур работ и протчие особливых полотняной и кожевенной, суконной фабрик не имеется...

27. Приезжие и верхотурские жители ездят с торгами в сибирские городы водяным и зимним и летним путем, а отвозят в сибир и до кяхтынского форпоста российские и русские товары и наиболее там выменивают в кяхтинском форпосте на российские товары и покупают на явленные деньги китайские товары и мяхкую рухляд, а как скоро возвращаютца с китайскими и мяхкой рухлядью из разных городов того в верхотурской таможне познать невозможно[396]».

Русский купец. Рисунок Дж. Аткинсона, нач. XIX века

Жители окрестных населенных пунктов изготовляли и сбывали в Верхотурье рогожную тару, необходимую при транзитной торговле:

«12. В Верхотурском уезде наиболее приутовляются рогожи простые и редкия и попон и ужища лышныя[397], а ремесло, какое в уезде имеетца, того в таможне неизвестно».

Сборы на Верхотурской таможне в 1740 году достигли 8.163 рублей 16 копеек с четвертью, а в 1742 – 9.017 рублей 09 копеек с четвертью[398].

Относительно низкие цены на зерновые, сложившиеся в период аграрной депрессии, подталкивали российское купечество вкладывать деньги в весьма прибыльное производство спиртного. В 1734 верхотурским купцом М.М. Походяшиным создаются два винокуренных завода[399], всего же он организовал 7 таких предприятий. Известно, что в 1754 Походяшин отправил только в Ямышевскую слободу на дощаниках 5.000 ведер хлебного вина, за что получил от казны 6.450 рублей[400]. Подобные подряды послужили основой создания легендарного богатства их владельца, но это произошло уже позднее.

Не ставя задачу создания специального очерка о М.М. Походяшине, заметим, что он не происходил из Ямской слободы, как считал Н.К. Чупин[401], и не приехал в Верхотурье со стороны, как думал Е.П. Карнович[402].

Первая ревизия застала двенадцатилетнего Максима в Покровской слободе Верхотурья, где он жил вместе с двадцатиоднолетним старшим братом Петром Михайловым сыном Походяшиным[403]. Засвидетельствовал «скаску» братьев «покровский поп Иван», который тоже носил фамилию Походяшин (дядя?). Об этом свидетельствуют документы РГАДА за 1723 год. [404] А еще в 1670 в посадском дворе размером 13х8 сажен проживал церковный дьячок Никольский церкви Митька Походяшин, очевидно, родственник (дед?) будущего промышленника[405]. В Покровской слободе было родовое гнездо Походяшиных, отсюда становится понятным такое тяготение повзрослевшего М.М. Походяшина к слободе и женскому монастырю.

Торговля сеном. Рисунок Дж. Аткинсона, начало XIX века

Возок. Рисунок Дж. Аткинсона, начало XIX века

Во второй четверти XVIII века Николаевская обитель продолжала экономически развиваться. По данным ревизии 1744 года у нее насчитывалось 543 крепостных крестьянина, а в 1749 году годовой доход монашеской общины составлял 226 рублей 80 копеек деньгами и 815 четвертей хлебом[406]. Возобновились случаи исцелений от мощей св. Симеона Верхотурского, однако они отмечены всего два раза – в 1730 и 1731 годах. А в 1733 монах Кожеозерского Богоявленского монастыря Леонид, отпросившись на богомолье в Макаровский монастырь, передумал и пошел поклониться мощам Симеона Верхотурского. В Верхотурье его арестовали, выслали в Тобольск, где жестоко наказали плетьми за нарушение паспортного режима[407]. Это первый документально зафиксированный случай паломничества к мощам нового святого.

А.Ю. Конев считает, что в 20-е годы XVIII века эволюция правового статуса и административного положения местных народов Западной Сибири вступила в новый этап, который в отличие от предыдущего «знаменовал собою установление собственно правовых методов в практике взаимоотношений государства и его верноподданных «ясашных иноверцев». Он также характеризовался проведением активной политики в области духовно-идеологического влияния, направленной на конфессиональную гомогенизацию сибирского населения[408]». Верхотурский Николаевский монастырь оказался вовлечен в миссионерскую деятельность среди коренных народов. Известно, что в 1728 митрополит тобольский Антоний назначил настоятеля обители миссионером. Верхотурский игумен Сильвестр в 1728 организовал экспедицию, уже вторую по счету, к язычникам, обитавшим в Пелымском и Верхотурском уездах по берегам рек Бисерти и Туры. Общий итог он оценивал в 2.600 человек, заново приведенных к христианству[409]. Покровский женский монастырь в 1739 году стал местом насильственного пострижения Анны Алексеевны Долгорукой, сестры Екатерины Долгорукой «порушенной невесты» Петра II[410].

1.2.3. ВЕРХОТУРЬЕ В 1748–1774 ГОДАХ. ЗА ИСТОРИЕЙ ВДОГОНКУ

В третьей четверти XVIII века произошли несколько событий, которые ознаменовали новый этап в экономическом развитии страны, в складывании общероссийского товарного рынка, окончательное изме-

нение статуса Сибири в рамках российского государства и логическое завершение многовековых отношений церкви и государства в России: в 1763 был официально открыт Сибирский тракт, а с 12 февраля 1764 года упразднили верхотурскую таможню[411], в 1763 же году был окончательно ликвидирован Сибирский приказ[412], что подорвало административные функции; в 1764 прошла секуляризация земельных владений церкви, в результате чего была серьезно подорвана экономическая основа такой важной части города как Николаевский монастырь.

Рассмотрим подробнее, каким образом эти события отразились на положении Верхотуья.

Вторая половина XVIII века ознаменовалась новыми явлениями в развитии российских городов. Из аграрных по преимуществу города России постепенно превращались в промышленно-торговые центры. В недрах феодальной формации постепенно начал постепенно формироваться капиталистический уклад. Середина XVIII столетия ознаменовалась началом очередного подъема промышленности, но происходившего уже в новых условиях. М.Я. Волков отметил следующую закономерность размещения купеческих капиталов по отраслям производства после петровских преобразований: если первоначально купцы предпочитали вкладывать средства в винокурение, кожевенную, мыловаренную, канатно-прядильную и другие «неуказные» отрасли промышленности, то «...примерно с 40-х годов XVIII столетия перемещению купеческих капиталов в «указную» промышленность стали сильно способствовать и новые факторы, появившиеся в итоге ее развития: множились кадры квалифицированных работников, накапливался опыт организации и эксплуатации предприятий в этих отраслях производства, ширился спрос на продукцию «указных» мануфактур, как на внутреннем, так и на ряд видов продукции (железо, парусное полотно и т.д.) на внешнем рынках[413].

Снижение средней урожайности и повышение цен на сельхозпродукцию, конкуренция со стороны поддерживаемого правительством дворянства вынуждало российское купечество инвестировать средства в производства менее зависимые от цен на сельскохозяйственное сырье, которое к тому же в большинстве случаев находилось в руках дворянского сословия. В этом основная причина замеченного Волковым движения капиталов. Снижение среднегодовых урожаев не оставило равнодушным и правительство. В промежутке между большими недородами 1757 и 1766 годов, а именно в 1763 по всей России были учреждены «запасные государственные магазины», в которых складировались казенные запасы зерна в неурожайный год выдаваемые крестьянам в виде ссуды[414].

Третья четверть XVIII века вообще характеризуется как период интенсивного строительства металлургических заводов на Урале, период экономического подъема страны в целом. В этот период здесь было выстроено 78 металлургических предприятий мануфактурного типа, более чем в любое другое двадцатипятилетие с начала XVII по середину XIX века, и этот факт дает основания для заключения, что именно в это время и были заложены основы капиталистического уклада в тяжелой промышленности.

Но в самом Верхотурье не было условий для создания горных предприятий мануфактурного типа: прежде всего, в его черте или в непосредственной близости от него отсутствовали малые реки, удобные для создания плотин, да и рудные месторождения были достаточно отдалены (вспомним, что место, выбранное под город, отвечало, прежде всего, требованиям удобства транзитных перевозок). Для организации мануфактурных предприятий легкой промышленности также не было условий: достаточного количества какого-либо сырья. О создание промышленной базы (характерной для XVIII столетия) непосредственно в самом Верхотурье не могло идти речи.

Очередной период в истории Верхотурья можно начинать с незаметного на первый взгляд события, которое, в силу обстоятельств, предопределило развитие города почти на полвека. В начале 50-х годов XVIII века в Верхотурском уезде производил изыскательские работы верхотурский разночинец Григорий Посников, который вместо предполагаемых слюды и точильного камня нашел три месторождения железной руды. В 1754 верхотурский купец М.М. Походяшин перекупил рудники у Г. Посникова и подрядил того на дальнейшие поиски. В «Ведомости ... указам...» за 1754 год верхотурским воеводой И. Бушневым зафиксировано «Доношение от верхотурского купца Максима Походяшина о даче поверенному от него верхотурскому жителю Григорию Посникову с работными людьми прочетного указа для приискания между реками Вишерой и Сосвой металлов и иных работ, а особливо для осмотру мест и урочищ к заведению заводов». Доношение поступило 30 сентября, а уже 5 октября просимый указ был выдан[415]. Рудознатец отыскал еще 3 железорудных и 10 богатейших меднорудных месторождений. О лихорадочных темпах работ говорит и тот факт, что предприимчивый купец удерживал у себя верхотурской подгородной слободы крестьянина Илью Колотилова, который разыскивался графом П.И. Шуваловым для отсылки на Кушвинский завод. Это доношение от 27 сентября было выполнено только 9 декабря 1754 года, т.е. Колотилов был отпущен только после выпадения снега и завершения разведочных работ[416].

М.М. Походяшин в том же 1754 предпринял попытку в компании с другим верхотурским купцом Власьевским построить около Красноярска Язагажский завод, но так как дела там пошли не блестяще, Походяшин продал свою долю компаньону и сосредоточил свои усилия на Урале. Осенью 1757 года М.М. Походяшин заявил о рудниках в Екатеринбургскую горную канцелярию, а уже весною 1758 года приступил к строительству своего первого – Петропавловского – завода[417].

Капиталы верхотурских купцов, занимавшихся винокурением, таких как В. Власьевский и М. Походяшин, позволили им пережить трудные времена, связанные с закрытием таможни, и с тем, что правительство в 1754 году сильно затруднило, а в 1765 – окончательно запретило недворянское винокурение[418], эти события подтолкнули винопромышленников к строительству металлургических заводов.

В то же время, А. Власьевский достроил в 1758 Язагажский завод, а его сын вел в конце 1760-х годов переписку с Канцелярией главного заводов управления о передаче казенного Ирбинского завода[419]. М.М. Походяшин еще ранее построил Петропавловский (1760) и Николае-Павдинский (1763), а в 1769 г. купил Нювчинский и построил в 1770 Богословский заводы. Верхотурье стало походяшинской «столицей», центром частного горного округа, в котором выплавлялось до трети меди страны.

Г.А. Савицкий. Пригон рабочих на уральские заводы, 1890 год

Таким образом, с точки зрения науки о городе положение Верхотурья можно оценить как несколько парадоксальное: будучи «юридическим» городом, оно, в то же время, несет черты «рассеянного» городского поселения, т.е. такого, который при отсутствии внешних признаков экономической активности, все-таки является центром обширного экономического комплекса, расположенного в округе[420]. Как прибыли от производства горных заводов, принадлежащих крупным верхотурским купцам, так и доходы мелких городских торговцев, обеспечивающих продовольствием и товарами заводской персонал, концентрировались в уездном центре. Как отмечал П.Г. Рындзюнский: «преобладание принудительного труда в уральской металлургии приводило к тому, что не сама по себе работа на заводах, а обслуживание многочисленного заводского персонала в торговом и ремесленном отношении стимулировало развитие городов[421]».

Еще с XVII века Верхотурье являлось крупнейшим региональным хлеботорговым рынком. Именно здесь во второй половине XVIII века концентрировались купцы, монополизировавшие торговлю зерновыми и продуктами их переработки, вроде Я.А. Попова и его сыновей, державших в своих руках рынки Верхотурья, Прикамья, Печерского края и Западной Сибири.

Большинство историков (дореволюционных и советских) связывали начало упадка Верхотурья, главным образом, с закрытием в нем таможни, не отдавая себе отчета в том, что сам этот факт есть только внешнее

проявление окончания процесса русской колонизации Сибири и начала завершающего этапа формирования общероссийского товарного рынка. Из полуколониальной части страны, в которой все экономические и политические нововведения Европейской России прививались с опозданием, вызванным стремлением правительства получать дополнительный доход, Сибирь и Восточный Урал превратились в рядовые области империи, лишенные какого-либо особого статуса.

Видимым проявлением этого процесса стало оживленное строительство (в том числе и каменное) в Верхотурье на средства М.М. Походяшина и братьев Поповых. «Походяшинская» эпоха была еще временем динамичного развития Верхотурья, но сама специфика «рассеянного» города не обеспечивала стабильности, поскольку процветание его было тесно связано с субъективными факторами, прежде всего с деятельностью проживающих в городе заводовладельцев.

Как уже говорилось выше в конце XVII – начале XVIII веков изменился характер транзитной торговли в Сибири. Через Верхотурье уже с 1685 не проходили «сибирские отпуска», состоявшие, главным образом из муки и зерна, в ходе таможенного кризиса 1687-1698 годов резко сократились объемы провозимых «русских товаров», главным образом, продукции ремесла, что привело к росту собственных сибирских промыслов. Верхотурское купечество сосредоточило капиталы на торговле с Китаем[422]. П.А. Словцов первым обратил внимание на связь закрытия верхотурской таможни с сокращением китайского экспорта в Россию. «В 1762 г. китайский торг на Кяхте прекратился, и пауза продолжалась до 1768 г., следовательно, уральским таможенным местам нечего почти было делать, и они оставались как призраки бывшего порядка, для наблюдения за таможнями Иртышскими…[423]»

Тот факт, что закрытие таможни не воспринималось современниками как нечто из ряда вон выходящее, доказывается хотя бы тем, что в 1767 году в верхотурское купечество записался посадский человек г. Серпухова Симон Чернышев[424].

Монастыри Верхотурья, развивая свою традиционную хозяйственную политику, постепенно приобретали определенную экономическую самостоятельность, становились менее зависимы от казенных пожалований. Особенно это относится к Николаевскому монастырю, который все более продуктивно эксплуатировал созданный на грани XVII–XVIII веков культ св. Симеона, который получил признание не только на Урале и в Сибири, но и в Европейской России. Паломничество к мощам св. Симеона постепенно становилось достаточно заметной статьей доходов: верующие делают денежные и вещные пожертвования, заказывают молебны, покупают свечи, иконы и пр.

Покровский монастырь также отыскал себе покровителя, правда, не небесного, а земного, но зато очень богатого. Благодаря даяниям М.М. Походяшина, поддержке Николаевского монастыря, доходам с собственных земель и крестьян, обитель достигает наивысшего в своей истории подъема, хотя о его полной экономической независимости говорить не приходится.

В 1763 году для коллегии экономии и епархиального начальства была составлена опись Николаевского монастыря, которая рисует картину большого и хорошо организованного хозяйства: за каменной оградой находятся каменная же Николаевская церковь с колокольней, деревянные кельи, погреб, хлебня, пивоварня, 5 магазинов (складов), баня, две конюшни с сенником и т.п. В городском базарном ряду монастырь имел лавку. Был конный завод, скотный двор: 32 головы крупного рогатого скота, 78 овец, 41 свинья. Насчитывалось 13 рыбных ловель, самая крупная из которых (на Ирбитском озере) приносила в год 30 рублей. Три колесчатые мельницы приносили в общей сложности 19 рублей 87 копеек годового дохода. К этому следует добавить церковные доходы от продажи свечей, предметов культа, плата за совершение треб, многочисленные пожертвования - святой Симеон Верхотурский праведный чудотворец к этому времени стал известным не только на Урале и в Сибири, но и в Европейской России.

Главное богатство монастыря составляли земли: 514 десятин и 3 четверти пашни, 100 десятин залежи и сенные покосы на 10.570 копен[425]. Монастырь обслуживало 550 крепостных, плативших 38 рублей 60 копеек оброка и выполнявших ряд барщинных работ. Расходы монастыря заключались в выплате податей и повинностей в пользу государства (подушный оклад не только с приписанных к нему крестьян, но и с самих старцев), затратах на собственное содержание (покупка соли, одежды, обуви и т.д.) и на выплату жалования монастырским служителям (по 10 рублей, по 4 четверти ржи и овса – дьякону и подьячему, по 3 рубля, по 3 четверти ржи и овса – остальным: кузнецу, портному, пивовару, сторожу, рыболовам конюхам, кожевеннику, столяру, плотнику и т.п.). Кроме того, монастырь был обязан поставлять 1/20 часть хлеба на содержание Тобольской семинарии, а также содержать школу при монастыре[426].

Крестьянка. Рисунок Дж. Аткинсона, начало XIX века

Купчиха. Рисунок Дж. Аткинсона, начало XIX века

В то же время Николаевский монастырь не принадлежал к крупнейшим корпоративно-вотчинным землевладельцам Сибири. Его владения были заметно меньше вотчин Далматовского Успенского, Тобольского Знаменского, Невьянского Богоявленского и других сибирских монастырей[427]. Доходные статьи Николаевского монастыря характерны для феодальной вотчины: феодальная земельная рента (натуральный и денежный оброк, барщина); церковные доходы; рута (казенное содержание); промыслы.

26 февраля 1764 года был опубликован указ Екатерины II, известный как «Духовные штаты». Этот документ явился логическим завершением многовековой борьбы центральной власти с экономической самостоятельностью церкви. У монастырей отбирались их земельные владения, а взамен назначалось годовое денежное жалование, размер которого определялся присвоенным монастырю классом. Николаевской обители повезло, но не очень: по штатам она не попала в число 56 % упраздненных, но в числе 13 оставшихся в Сибири монастырей была положена всего лишь в III (последний) класс с ежегодным содержанием 12 штатных монахов на общую сумму 806 рублей 30 копеек.

Монастырские крестьяне были определены в разряд экономических, они выводились из-под непосредственного контроля монастыря под казенную опеку и с 1 января 1764 года должны были выплачивать по 1 рублю 50 копеек с души. И хотя уже в следующем году монастырю по ордеру сибирского губернатора Д.И. Чичерина возвратили часть его угодий, а именно: «а) колесчатую... мельницу на речке Калачик, б) пахотные земли 15 десятин, близ монастыря, в) покосы: Черепановский остров, Баженовский, Зенковский и при речке Корещихе, г) рыбные ловли – озеро Ирбитское при реке Сосьвы, Воропиловское... речка Курья, д) загородный скотный двор, называемый Роднишной[428]», старцы смогли вступить в свои владения только в 1766 г. А до 1769 года просто бедствовали по причине несвоевременной выдачи уездным казначейством штатных сумм. «Духовные штаты» явились тяжелым испытанием для церкви в целом, и Николаевский монастырь надолго попал в полосу экономического кризиса.

Совсем не повезло во время секуляризационной реформы Покровскому женскому монастырю, который был выведен в разряд заштатных (сведения Н.К. Чупина об упразднении обители в это время неточны[429]). Возможно, часть инокинь была переведена в Туринский женский монастырь. Оставшиеся монахини перестали получать денежное жалование из казны, которое было одним из основных источников обители. Утрата городом части своих функций и экономической мощи не могла не отразиться и на монастырях, которые лишились таких статей своего дохода, как пожертвования со стороны местных властей и посадского населения.

Николаевский монастырь, подобно крупным монополиям, жертвующим в период депрессии дочерними фирмами, оказался не в состоянии поддерживать своего женского спутника. Единственным источником существования Покровского монастыря стали пожертвования М.М. Походяшина, да и тот вкладывал деньги большей частью в строительство храмов. Обитель хирела, новых инокинь почти не постригалось, в кельях доживали свой век старицы, попавшие в него еще до «Духовных штатов», ставших началом конца Верхотурского Покровского женского монастыря.

Исследователи прошлого Верхотурья, оперируя в основном источниками по социально-политической истории, наблюдали замирание в нем коммунальной жизни и делали выводы об экономическом упадке города[430], не замечая интенсивной и многообразной экономической деятельности, разворачивающейся в нем и его округе, введенные в заблуждение несоответствием между «действительной напряженностью экономической и социальной жизни и внешним ее выражением в городе». В то же время, необходимо отметить, что ликвидация таможни, хотя и имела негативные последствия для хозяйства города, не могла катастрофически повлиять на его экономическое положение, так как сам этот факт лишь свидетельствовал о замирании транзитной торговли через Верхотурье, которое началось много ранее, и определило сокращение торгово-транзитных функций города.

1773-1774 годы согласно исследованиям Б.Н. Миронова были периодом наименьшей урожайности[431], и не удивительно, что именно в это

время, когда сошлись критические экономические и политические факторы, Россия потрясло грандиозное народное выступление. «Пугачевщина» затронула и часть верхотурского уезда, но сам город оказался вне театра военных действий. Трудно сказать, как бы разворачивались события в противном случае, повторилась бы история Ирбитского и Кунгурского противостояния восставшим, как считает А.И. Андрущенко[432], но известно, что среди проезжающих через Верхотурье велась пропугачевская пропаганда[433].

Напряженное третье двадцатипятилетие XVIII века имело особое значение в истории Верхотурья. Город, основанный в месте, продиктованном нуждами колонизации Сибири, оказался в стороне от экономических процессов, разворачивающихся в стране, выпал из изменившейся системной городской сети и Верхотурье лишилось всех своих первоначальных функций (кроме административно-полицейской и центра сужающегося местного рынка) и в случае, если не нашлось бы новых источников дохода, было бы обречено на деградацию.

1.2.4. ВЕРХОТУРЬЕ В 1774–1798 ГОДАХ. КОНЕЦ ПОХОДЯШИНСКОЙ ЭПОХИ

Крестьянская война Е.И. Пугачева стала хронологической границей, разделявшей две эпохи внутренней политики Екатерины II: этап «просвещенного абсолютизма» и этап открытой дворянской реакции. Таково было политическое выражение смены относительно-динамического периода периодом относительно статическим.

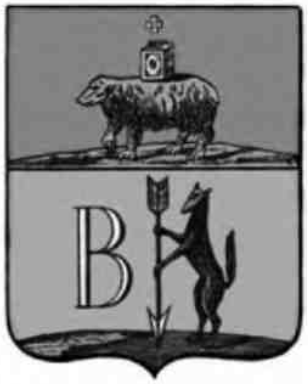

Императрица Екатерина II (1762–1796)

В области экономики вступление России в очередной статический период ознаменовал Таможенный устав 1775 года, который всемерно способствовал развитию дворянского предпринимательства, что вызвало, с одной стороны, усиление эксплуатации крепостных крестьян, а, с другой – всемерное поощрение их торгово-промышленной деятельности, обогащавшей дворянство[434]. Продворянская экономическая политика правительства, начатая еще в 60-х годах XVIII века, имела и еще одну грань: целый ряд указов о дворянских привилегиях в промышленности и торговле серьезно подрывали позиции городских слоев населения в экономике страны.

Политика укрепления дворянской диктатуры проводилась не только в области экономики, но, конечно, и в сфере государственного управления. Областная реформа, развернутая правительством после Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева, была, как известно, направлена на совершенствование местного государственного аппарата, а в социальном плане – на укрепление позиций дворянства во властных структурах.

В 1775 году Ирбитской слободе – ближайшему и основному конкуренту Верхотурья – по причине «непоколебимой верности» во время восстания Е.И. Пугачева и «в знак особливого... благоволения» указом Екатерины II велено было придать статус города «на основании прочих российских городов» и одновременно сделать центром нового уезда.

Герб города Верхотурья, 1796 год

Это событие осложнило экономическое положение Верхотурья, потому что существенно уменьшило территорию его уезда, т.е. округи, для которой Верхотурье служило рынком сбыта аграрной продукции.

18 октября 1781 года с учреждением Пермского наместничества Верхотурье было причислено к нему со статусом уездного города. Верхотурье стало подчиняться Перми как губернскому центру и с этого момента окончательно становится уральским городов[435]. 17 июля 1783 г. для города Верхотурья был утвержден старый герб: «в серебряном поле соболь со стрелой и буквой В, означающей имя сего города»[436].

В 1782 году территория Верхотурского уезда уменьшилась до 57,2 тыс. кв. верст. И хотя уезд все равно оставался огромным и уступал по площади только Чердынскому, но большая часть удобных для сельскохозяйственного производства земель оказались на территории Ирбитского уезда. По более поздним данным в Верхотурском уезде находилось 318679,5 десятин пригодных для земледелия земель, что составляло 5,5% общей площади уезда. В то время как в Ирбитском уезде числилось удобных земель 511.580 дес. или 20% его площади[437]. Уменьшение сельской округи, тяготевшей к Верхотурью, существенно ограничило основную организационно-перераспределительную функцию, сужало базу развития города и послужило одной из главных причин его экономического упадка.

В 1781 году была открыта Большая почтовая дорога через Пермь – Кунгур – Екатеринбург – Камышлов, которая проходила через обжитые районы, была намного короче и удобнее. Основной грузопоток стал двигаться новым путем, минуя Верхотурье, что не способствовало его процветанию. Однако кажется не совсем объективным утверждение, будто в последней трети XVIII века экономическое значение Верхотурья ограничивалось только местной округой[438]. Экономическую стабильность Верхотурья поддерживали внутригородские предприятия: по свидетельству П.С. Палласа здесь существовал большой юфтяной завод[439], И.И. Лепехин даже пишет о заводах во множественном числе. Изготовленную юфть отправляли на Троицкую и Ирбитскую ярмарки. Но основной доход верхотурцы извлекали из производства и продажи рогожных кулей, «которых они великое множество отпускают в Сибирь ежегодно[440]». Продолжали развиваться промыслы по изготовлению извести и добыче жернового камня. Однако часть мелких торговцев была вынуждена постоянно проживать и вести свои дела за пределами города, например в Ирбитской слободе[441], что свидетельствует, с одной стороны, об узости уездного рынка, а с другой – о традиционной ориентации верхотурского купечества на транзитную торговлю.

Вышедшая в 1785 г. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», впервые провозгласила города самостоятельными административными единицами. В 1792 г. бургомистром города был И.Я. Попов, один из богатейших купцов Урала[442]. Реформы 1775-1785 годов имели, таким образом, и некоторое положительное значение для российских городов.

Согласно сведениям «Топографического описания Пермского наместничества…» 1786 года: «Город заселен купцами и мещанами, государственными крестьянами и ямщиками, различия в во исповедании веры нет… Всех жителей в городе мужчин 1553, женщин 1545, а всего 3.098 душ… В городе приходов четыре, священно церковных служителей 43 человека… художники живописному, ремесленники столярное, плотничное, пожевое, чеботное, кузнечное, портное, кирпичное, котельное, котельное оловянной посуды… домов в городе числится 424, торговых лавок 40, училищ воспитательных… больниц, богаделен… в городе и поныне не заведено… Ярмонки ни котором году не бывают»[443].

Сравнивая экономическую ситуацию в городе конца столетия с сороковыми годами, замечаем, что верхотурское купечество уже не ведет торговлю с Китаем, поскольку торговые пути сместились на юг; торговля мехами находится в зависимости от «удачи», что свидетельствует о сокращении поголовья пушного зверя; зато автор документа подробно описывает сельскохозяйственные и домашние промыслы верхотурцев, которые стали составлять заметную долю в доходах большинства рядовых горожан.

В последней четверти XVIII века изменилась экономическая конъюнктура металлургической промышленности (с 1775 по 1798 было построено 25 предприятий, втрое меньше, чем за предыдущий период), энергетические ресурсы (места удобные для возведения плотин) стали исчерпываться, а также по некоторым другим причинам металлургия мануфактурного типа, пережив взлет в третьей четверти века, стала клониться к закату. 25 декабря 1780 года умер М.М. Походяшин, а в 1791 его сыновьями Богословские заводы были проданы в казну и перешли в ведение Екатеринбурга (еще ранее – в 1789 братья продали бумажную фабрику в Туринском уезде со «всяким строением, землями и сенными угодьями и с имеющимися при ней пильной и мучной мельницами, и старое бывшего кожевенного завода строение»[444]). Верхотурье утратило роль региональной металлургической столицы, относительное благополучие города и без того неустойчивое стало сходить на нет.

Правительство с подачи Комиссии о коммерции передала на места инициативу учреждения новых небольших ярмарок еще в 1780, поэтому создание год спустя после передачи Богословских заводов в казну (1792) ярмарки[445], выглядит как судорожная реакция на потерю важного источника доходов. Сроки проведения Верхотурской ярмарки специально устанавливались в канун ярмарки Ирбитской, чтобы у соликамских и других проезжающих купцов был повод задержаться в Верхотурье.

Развернутую картину состояния города на 1790 год дают «Экономические примечания»: «В них живущих Іреко-Российского исповедания при должностях и без должностей статской и военной службы и разночинцев: чиновников мужеска 90, женска 84. По 7-й ревизии, 1,2,3 гильдии купцов 14-ть, налицо одиннадцать, мещан 765, налицо 861, духовного звания: мужеска 88, женска 42 души, всего налицо купцов, мещан и духовным званием мужска 995, женска 998 душ.

Из ремесленников состоят слесарей 2, кузнецов 2, оловянщиков 2, серебряников 3, портных три, сапожников 5, токарей 4, часовой мастер 1 человек, лавок деревянных сорок пять; ярмонка, хотя и учреждена с 20 декабря по 10 генваря каждогодно, но с тех пор из разных городов с товарами как купечество, равно и другого звания людей не имеется. Рынок имеется еженедельно, торгов и съездов, кроме обыкновенных с хлебом и прочими жизненными припасами не имеется.

Купцы … торговлю производят: шелковыми, бумажными, гарусными, холщевыми, кожевенными и разными товарами, а при том, когда удачи в звериные ловли; то закупают соболей; около 400 до 3.000 медвежьих до 50 лисиц до 100 волчьих шкур до 25, зайчин 5.000 и продают сии товары на Ирбитской, а когда и на Макарьевской ярмонках ценою до 7.000 рублей, а в оных ярмонках закупают иностранные и Российские товары примерно от 20.000 и до 30.000 рублей; не считая той суммы, которая за(*неразб.*)ется первым оного города купечеством на винные откупа по Тобольской губернии и с Невьянской полотняной фабрики.

Пахота. Рисунок Дж. Аткинсона, начало XIX века

Мещане и разночинцы имеют немалое скотоводство и занимаются хлебопашеством и сенокошением. Женщины сверх городских работ упражняются в домашних рукоделиях, прядут лен и шерсть, ткут холсты и сукна для своего употребления и на продажу…

…В реках ловитца рыба: нельма, щуки, окуни, пескари, плотва, чебаки, которые и употребляются для этого города жителей, а частию и на продажу…[446]»

Особо отмечалось, что «плодовитых садов нет по причину холодного климата[447]».

В дорогу. Рисунок Дж. Аткинсона, начало XIX века

Еще одним своеобразным ответом правительства на Крестьянскую войну под предводительством Е.И. Пугачева стала первая школьная реформа 1782-1786 годов. 5 августа 1786 года Екатериной II был конфирмован «Устав народным училищам в Российской империи», который положил начало государственной общеобразовательной городской школе. В соответствии с этим документом 24 ноября 1789 года в Верхотурье открылось первое в его истории внецерковное учебное заведение – малое народное училище (двухклассное с двухгодичным сроком обучения)[448]. В 1796 в нем обучалось 15 человек[449].

Указом от 12 декабря 1796 года Пермское наместничество преобразовывалось в Пермскую губернию из 12 уездов[450]. В связи с этим Алапаевский уезд ликвидировался и присоединялся к Верхотурскому. Верхотурский уезд был самым крупным в губернии, площадь его составляла 6,5 млн. десятин[451] (более 20% всей губернской территории). Это было больше, чем площадь таких губерний как Воронежская, Казанская, Тамбовская и некоторых других. Хотя из подчинения верхотурской администрации была выведена территория Екатеринбургской горнозаводской дачи и реально управлялись только население 4,3 млн. десятин, но даже в таких условиях административные функции уездного города не могли не быть достаточно значительными.

Изменились и органы городского управления. Воеводское управление сменилось рядом новых учреждений: нижний земский суд выполнял административно-полицейские функции, нижняя расправа осуществляла судебные функции, финансовые дела выполнялись уездным казначейством. Городская администрация ныне возглавлялась городничим, первым верхотурским городничим стал капитан Богдан Иванович Борг. А.В. Шилов, оценивая состояние органов власти в Верхотурье в конце XVIII века, обратил внимание, что в послужных списках Верхотурья и уезда за 1789 год семь из одиннадцати чиновничьих должностей (63,6%) занимали отставные военные[452]. Замечательный штрих к характеристике как реформы в целом, так и теряющего свое былое значение города.

По сведениям неизданного Атласа Пермского наместничества, составленного в губернской чертежной, в 1793 году в Верхотурье считалось: «Жителей в городе по 4 ревизии было 1.497 душ, в том числе, купцов 59, мещан и цеховых 890, разночинцев 548[453]». Заметит, что это численность лишь податного населения города.

16 марта 1792 года указом Екатерины II верхотурскому городничему предписывалось провести благоустройство города: учредить на концах улиц дневную и ночную стражу, замостить и позаботиться об освещении улиц, а также построить мосты через реки Калачик и Неромку[454]. Однако никаких упоминаний о работах по благоустройству не сохранилось.

Церковь Верхотурья переживала тяжелые времена и усиленно вела поиски новых источников доходов. Клир Свято-Троицкого собора попытался создать своего собственного святого. Аналогично случаю с Симеоном Верхотурским на площади верхотурского кремля были обнаружены останки Козьмы Юродивого, которым сразу же стали приписываться разнообразные чудеса. И хотя новоявленные мощи не могли составить серьезной конкуренции хорошо известным и общепризнанным останкам св. Симеона, но с 1782 года в приходной книге собора почти ежемесячно отмечаются суммы, извлеченные и кружки, находящейся на «столбике» или «тумбе» при могиле Козьмы.

В упадке находился и Николаевский монастырь. Недатированная Ведомость монастырского имущества, составленная в годы царствования Павла I и дополняемая в течение первого десятилетия XIX века, рисует яркую картину упадка[455]. В обители из пяти часов (трое настенных и двое карманных) идут только двое. Реестры посуды, мебели и пр. пестрят пометками «ветхая», «старый», «поломаны», «згорели». В хлеву стоит всего две коровы и два теленка, на конюшне: четыре рабочих лошади и две выездные. Часть рыболовных сетей «издержена», а лодка «изломана». И прочая, прочая, прочая. На конец XVIII века картина была самая безрадостная, а записи о новых поступлениях встречаются только с 1802 года.

* * *

Последняя четверть XVIII века оказалась сложным периодом для Верхотурья. Упадок Верхотурья в XVIII веке связан не только, да и не столько с закрытием таможни, хотя это было, пожалуй, самое яркое внешнее его выражение. Гораздо большее влияние на развитие (лучше сказать, стагнацию) города в этот период оказали общие социально-экономические процессы, имевшие место в стране в ту эпоху.

Революция цен, выразившаяся в падении ценности драгоценных металлов и повышении общего индекса цен (особенно цен на зерно), начавшаяся в XVIII веке, резко усилив роль товарно-денежных отношений и товарного производства, привела в конечном итоге к возникновению капиталистического уклада в экономике России. Б.Н. Миронов указывал, что «революция цен оказала значительное и большей частью негативное воздействие на российские города… Промышленная функция вследствие конкуренции со стороны западноевропейских промышленных товаров, в обилии поступавших на русский рынок, и сельской, прежде всего дворянской, промышленности совершенствовались слабо. Развитие торговой функции города существенно тормозилось конкуренцией со стороны сельских торговых центров и соперничеством горожан с помещиками и крестьянами…[456]».

Были причины и другого порядка. К середине XVIII века окончательно завершилось формирование единого национального рынка, в его состав вошла и Сибирь, которая очень долго находилась фактически на положении колонии, ограждаемая таможенными и прочими барьерами от Европейской России. Исчез особый орган для ее управления – Сибирский приказ, его заменили общие для всей страны губернские административные органы, были ликвидированы последние оставшиеся в стране внутренние таможни, там появился даже собственный Колыванский монетный двор. Успехи освоения южных окраин страны привели к открытию новых более удобных и коротких путей из европейской России в Сибирь, основные транспортные потоки стали проходить помимо Верхотурья.

Верхотурье, построенное в качестве транзитно-транспортного центра в наиболее удобном для этого месте, оказалось заложником своего месторазвития. Бабиновская дорога связывала Сибирь с Европейской Россией, город же с расположенной здесь таможней, как это ни парадоксально, их разделял. Закономерное развитие страны – объединение экономического пространства, формирование капиталистического уклада, сделало почти бессмысленным существование подобного населенного пункта.

Если в начале XVIII века Верхотурье в силу своего административного значения некоторое время было центром горнозаводского строительства Урала, то очень скоро теряет и эту функцию. Во второй половине столетия некоторое время оно пребывает в качестве центра Богословского горного округа, но и в этом качестве удерживается только до смерти М.М. Походяшина. К концу века возможности ведения успешной торговли в городе и его ближайшей округе существенно сократились и богатейшие купцы Верхотурья, используя ранее наработанные связи, вели дела далеко за пределами родного города.

1.2.5. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВЕРХОТУРЬЕ В XVIII ВЕКЕ

Существование Верхотурья в XVIII веке было тесно связано со становлением и развитием уральской горной промышленности. Как мы видели выше, не состоявшись в начале века как столица металлургии, город в середине столетия все же стал своеобразным центром частного горного округа, огромного производственного комплекса, расположенного на севере уезда. В этом смысле было бы интересно уточнить характер указанной связи.

Рассмотрим статистику ввода в строй металлургических предприятий Урала за период с 1701 по 1916 год. Из числа 219 заводов, упомянутых в «Указателе металлургических заводов Урала», были исключены Елизаветский золотопромывательный, Майкорский молотовой и Нижне-Узянский молотовой заводы, дата основания которых не известна с точностью до года, остальные были расположены в хронологическом порядке. Погодные данные обобщены в таблице 2.

Таблица 2

Динамика строительства металлургических заводов на Урале в 1700–1916 годах

1700 – 0	1725 – 3	1750 – 1	1775 – 1	1800 – 1	1825 – 0	1850 – 0	1875 – 0	1900 – 0
1701 – 2	1726 – 4	1751 – 1	1776 – 2	1801 – 1	1826 – 1	1851 – 0	1876 – 1	1901 – 0
1702 – 0	1727 – 1	1752 – 2	1777 – 2	1802 – 0	1827 – 0	1852 – 0	1877 – 0	1902 – 0
1703 – 0	1728 – 1	1753 – 3	1778 – 1	1803 – 2	1828 – 0	1853 – 0	1878 – 0	1903 – 0
1704 – 4	1729 – 3	1754 – 3	1779 – 1	1804 – 1	1829 – 1	1854 – 1	1879 – 2	1904 – 0
1705 – 0	1730 – 1	1755 – 2	1780 – 0	1805 – 0	1830 – 1	1855 – 0	1880 – 1	1905 – 0
1706 – 0	1731 – 1	1756 – 5	1781 – 0	1806 – 1	1831 – 0	1856 – 2	1881 – 0	1906 – 2
1707 – 0	1732 – 5	1757 – 5	1782 – 0	1807 – 0	1832 – 0	1857 – 0	1882 – 1	1907 – 0
1708 – 0	1733 – 2	1758 – 2	1783 – 1	1808 – 2	1833 – 1	1858 – 0	1883 – 1	1908 – 1
1709 – 0	1734 – 2	1759 – 5	1784 – 1	1809 – 2	1834 – 0	1859 – 1	1884 – 3	1909 – 0
1710 – 0	1735 – 2	1760 – 10	1785 – 1	1810 – 2	1835 – 0	1860 – 0	1885 – 1	1910 – 0
1711 – 0	1736 – 2	1761 – 9	1786 – 1	1811 – 1	1836 – 0	1861 – 0	1886 – 1	1911 – 1
1712 – 1	1737 – 1	1762 – 2	1787 – 3	1812 – 0	1837 – 1	1862 – 1	1887 – 1	1912 – 0
1713 – 0	1738 – 0	1763 – 4	1788 – 2	1813 – 0	1838 – 0	1863 – 0	1888 – 0	1913 – 0
1714 – 2	1739 – 4	1764 – 1	1789 – 2	1814 – 2	1839 – 0	1864 – 2	1889 – 0	1914 – 1
1715 – 0	1740 – 2	1765 – 2	1790 – 2	1815 – 1	1840 – 1	1865 – 0	1890 – 3	1915 – 1
1716 – 2	1741 – 1	1766 – 3	1791 – 0	1816 – 3	1841 – 0	1866 – 0	1891 – 0	1916 – 1
1717 – 0	1742 – 2	1767 – 2	1792 – 0	1817 – 2	1842 – 2	1867 – 2	1892 – 1	
1718 – 1	1743 – 3	1768 – 0	1793 – 0	1818 – 3	1843 – 0	1868 – 1	1893 – 0	
1719 – 0	1744 – 3	1769 – 2	1794 – 0	1819 – 0	1844 – 0	1869 – 0	1894 – 0	
1720 – 1	1745 – 2	1770 – 2	1795 – 1	1820 – 1	1845 – 0	1870 – 1	1895 – 1	
1721 – 0	1746 – 0	1771 – 1	1796 – 0	1821 – 0	1846 – 0	1871 – 1	1896 – 2	
1722 – 1	1747 – 1	1772 – 5	1797 – 0	1822 – 0	1847 – 0	1872 – 1	1897 – 1	
1723 – 5	1748 – 2	1773 – 0	1798 – 3	1823 – 0	1848 – 0	1873 – 0	1898 – 0	
1724 – 1	1749 – 4	1774 – 1	1799 – 2	1824 – 0	1849 – 1	1874 – 0	1899 – 5	

Поясним, что столь длинный статистический ряд был взят не столько для нужд анализа развития Верхотурья, сколько для статистически надёжного выделения циклов большой продолжительности. Он был подвергнут гармоническому анализу, и в результате этой операции выяснилось, что динамике ввода в строй заводов свойственны циклы с периодами 3,1–4,1; 5,5–5,8; 14,36; 26,3 и 52,6 года. Как видим, в изученной динамике присутствуют все известные виды экономических циклов (Дж. Китчина, К. Юглара, С. Кузнеца и Н.Д. Кондратьева).

График, построенный по данным таблицы (рис.2), позволяет интерпретировать изменение интенсивности процесса строительства новых уральских металлургических заводов. Особенно нас будет интересовать динамика заводского строительства в XVIII веке.

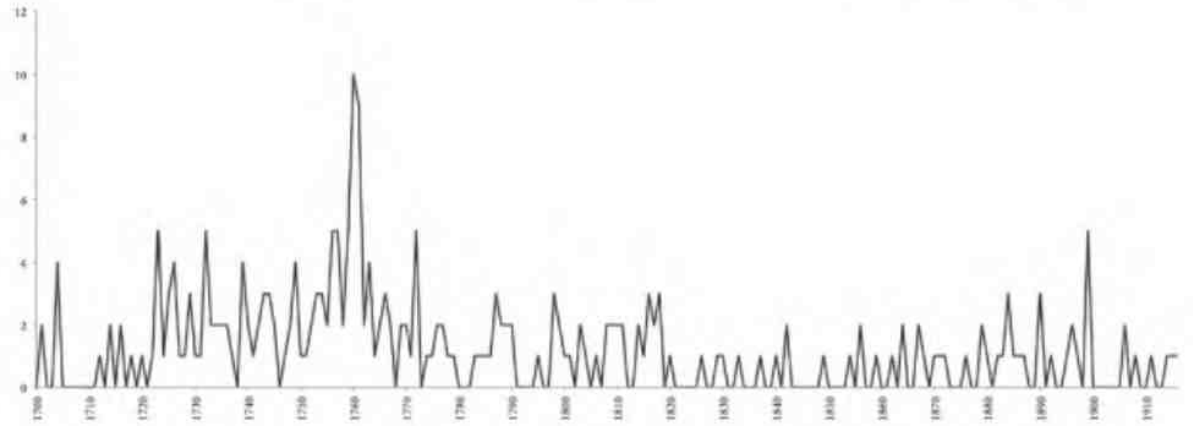

Рис.2. Динамика строительства металлургических заводов на Урале в 1700-1916 годах

В первой четверти XVIII века заметны два хронологических периода заводского строительства: 1700–1704 и 1711–1722 годы. Уже к концу 1701 были введены в строй казённые Каменский (нижний) и Невьянский доменные и молотовые заводы. В 1704 были выстроены Каменский (верхний), Алапаевский (нижний), Мазуевский, Уктусский (нижний) молотовые и доменные заводы – все, кроме Мазуевского, принадлежали государству и возводились при поддержке верхотурской воеводской администрации. Все это были предприятия чёрной металлургии и были выстроены для обеспечения независимости российской экономики от иностранных производителей. Напомним, что главным поставщиком железа в Россию до начала XVIII века была Швеция, а войну с ней Пётр I начал только после того, как были заготовлены большие запасы металла и начато строительство Каменского и Невьянского заводов. Потребности в цветных металлах, прежде всего, меди неполно удовлетворял Саралинский завод, построенный ещё в 1649 году.

Медь необходима была Российскому государству не только и не столько для удовлетворения нужд промышленности и армии, сколько для чеканки медной монеты, выпуск которой начался с 1700 года по указу 20 октября 1699 года «для всенародной пользы и для общей прибыли ко всякому торгу».

Первоначально стопа чеканки составляла 12 рублей 80 копеек из пуда меди» но уже в 1701-1703 годах стопа изменилась до 15 рублей 44 копеек, а в 1704-1717 годах она составляла 20 рублей из пуда. Однако нужда в деньгах на ведение Северной войны и дефицит металла привели к тому, что в 1718 было принято чеканить полушки по 40-рублевой стопе. Уже к 28 июня 1722 года стала ясна недостаточность этого шага и правительство пошло на чеканку пятаков. России по-прежнему остро не хватало собственной меди.

После продолжительного перерыва в 1712 кунгурским предпринимателем Ф. Молодым делается попытка наладить на Мазуевском заводе медеплавильное производство, но она оказалась неудачной – завод просуществовал лишь год. Казённый Кунгурский медеплавильный также имел недолгий век – 1714-1718 годы. В течение 1714-1722 годов казной и Н. Демидовым строятся почти исключительно чугунолитейные заводы: Шувакишский (1714), Шуралинский (1716), Быньговский (1718), Верхнетагильский (1720) и Выйский (1722). Опыт возведения казённого Романовского медеплавильного завода (1716) оказался всё также плачевным. Таким образом, в течение второго периода при достаточно успешном развитии чёрной металлургии, неоднократные попытки создать медеплавильную отрасль не удавались.

Приговор Берг-коллегии от 18 марта 1721 года очень чётко сформулировал проблему: «1. Железных заводов внов до указу строить не велеть, а производить те, кси до сего времяни толко были. А паче ж производить ныне и старатца всеми мерами серебряные и медные и серные и квасцовые заводы, которых заводов в Росии нет, а железных везде доволно. Также опасно в том месте железные заводы заводить, чтоб медных заводов дровами не оскудить» .

Проблема была все же решена в конце первой четверти XVIII века. В 1723 году были введены в строй сразу четыре медеплавильных завода: Екатеринбургский, Егошихинский, Пыскорский и Лялинский. Все они были построены казной и расположены столь удачно, что просуществовали от полувека до 100 лет. То, что строительство медеплавильных заводов в этот период было глубоко продуманной акцией правительства, направленной на решение экономических и финансовых проблем страны, доказывается тем фактом, что в 1724 был введён в эксплуатацию ещё один медеплавильный Полевской завод, а в 1725-1726 годах вслед казне медеплавильные предприятия стали широко строить частные лица: в 1725 Уфимский Г. Красильникова, Давыдовский И. Тряпицина и в 1726 строгановский Таманский медеплавильный завод. В то же время были построены всего лишь два предприятия чёрной металлургии – демидовский молотовой Лайский (нижний) в 1723 и доменный Нижнетагильский А. Демидова в 1725 году.

Когда в 1724 В.Н. Татищев предложил Пётру I «для лучшего размножения и охоты других» создавать компании для строительства и эксплуатации заводов, а, главное, предоставить им льготы (в том числе, разрешить переработку меди в изделия, не передавая слитки в казну), император наложил следующую резолюцию: «Делать одне деньги, пока так умножатся, что копейки (серебряные – П.К.) переведутся: тогда сие позволить».

Медь была остро необходима казне для монетной чеканки, медная монета должна была заменить в обращении мелкие серебряные деньги. Не случайно, что уже в конце ноября того же года советника Берг-коллегии В.Н. Татищева командировали в Швецию для ознакомления с состоянием горного, а особенно монетного дела.

Основным направлением экономической политики правительства с начала XVIII века заключалось в покрытии дефицита посредством передела меди в монету, которая вскоре стала основным средством обращения в стране. Эта операция была чрезвычайно выгодна казне, поскольку наблюдалась нехватка золота и серебра для монетной чеканки, эксплуатация монетной регалии давал казне огромную прибыль, поскольку от 50 до 75% меди владельцы заводов должны были продавать в казну по указной цене, бывшей много ниже рыночной. Поэтому оставим в стороне железоделательные предприятия и сосредоточим внимание на медеплавильных.

Хотя в выпуске медных денег были достигнуты определённые успехи, к концу 1729 их запасы были полностью израсходованы, а казна стала нуждаться в меди для новой чеканки. Промышленники уже уловили рыночную конъюнктуру и в этом году были введены в эксплуатацию Иргинский верхний завод (Осокиных), Суксунский (А. Демидова), в следующем – Анцубский завод (Вяземских). А в 1732 г. были выстроены сразу 4 медеплавильные предприятия: Сысертский нижний (Турчаниновых), Коринский (Г. Красильникова), Шилвенский (Н. Небогатова) и Шурминский (А. Прозорова – В. Дряхлова). Это был второй заметный всплеск строительства медеплавильных предприятий, который также как и первый был связан с потребностями государства. Правительство сочло возможным с 1731 года вернуться к чеканке монеты по 8-рублевой стопе. Большую роль в этом сыграл В.Н. Татищев в 1727-1731 годах, во время его работы в Монетной конторе. Власти постепенно до 1750-х годов выменивали у населения легковесную монету.

С 1733 по 1753 медные заводы основывались почти каждый год – по одному, редко два. Заметное ускорение темпов их строительства происходит в середине 50-х – начале 60-х годов XVIII века: в 1754 – 3, 1756 – 4, 1757 – 2, 1759 – 3, 1760 – 4 и в 1761 году – 4. Эта интенсификация строительства была приурочена к изменению монетной чеканки, связанной с проектом П.И. Шувалова. В связи с участием России в Семилетней войне резко выросли государственные расходы и 8 апреля 1757 года правительство указало, что чеканка копеек, денежек, полушек и грошевиков будет производиться по 16-рублевой стопе, а с апреля 1758 года «для скорого передела меди в деньги» по этой же стопе должны были чеканиться и пятаки. Государство снова выходило из финансового кризиса путём эксплуатации монетной регалии и ему срочно и в больших количествах понадобилась медь, что послужило сигналом промышленникам для разворачивания новых заводов.

Именно в это время, на излёте революции цен и складывается промышленная империя М.М. Походяшина, на некоторое время ставшая основой процветания Верхотурья: в 1760 году был основан Петропавловский медеплавильный, а в 1770 – Богословский (доменный, молотовой и медеплавильный) завод.

Введённый в строй в 1763 Николае-Павдинский доменный и молотовой завод и купленный в 1769 Нювчинский – были предприятиями чёрной металлургии. Кстати, постройкой Богословского завода завершается почти непрерывная цепь нового строительства уральских медеплавильных заводов в XVIII века. Очередной Сак-Эльгинский молотовой и медеплавильный завод был основан уже только в 1837 году.

Столь большая пауза в заводском строительстве объясняется двояко: с одной стороны, два походяшинских завода были очень мощными (до трети общероссийского производства меди) и насытили рынок металлом, с другой стороны, в 1769 правительство России нашло другой, ещё более выгодный путь ликвидации денежных затруднений путём эмиссии ассигнаций, которые вообще не имели реальной стоимости.

Спрос на медь, казавшийся ранее почти неограниченным, упал, её производство стало менее прибыльным и сыновья М.М. Походяшина без сожаления продали отцовские предприятия в казну. Казённой администрации пришлось приложить много усилий, чтобы реконструировать заводы и наладить на них производство. Расцвет походяшинских заводов начался на пике эксплуатации правительством монетной регалии и вместе с ней закончился. Тогда же Верхотурье вступило в полосу затяжного кризиса, обострившегося в начале XIX века.

Эмиссия медных, а затем и бумажных денег привела и к ряду последствий, основным из которых была революция цен. Революция цен в России, по мнению большинства отечественных историков, произошла в XVIII – начале XIX века с опозданием относительно Европы, где этот процесс пришёлся на XVI-XVII века. Б.Н. Миронов следующим образом описывал этот процесс: «Наша страна в петровскую эпоху включилась в международное разделение труда в качестве экспортёра сельхозпродукции и импортёра промышленных изделий, в ходе чего образовывались «ножницы цен» в пользу сельскохозяйственных товаров, наблюдался постоянный рост хлебных цен и снижение цен на драгоценные металлы, развивались товарного производства и товарно-денежных отношений.

Революция цен оказала негативное воздействие на российские города, городские ремесленники и торговцы страдали от притока конкурирующих западноевропейских промышленных товаров, экономической экспансии сельских торговых пунктов, кроме того, мобилизация сельхозпродукции на внутреннем рынке и её сбыт на внешнем проводились зачастую помимо континентальных городов, а прибыль извлекалась помещиками как основным производителям. Реальные цены выросли в 5, номинальные - в 10 раз. Вследствие благоприятной аграрной конъюнктуры замедлялся рост городского населения» .

Развитие Верхотурья, таким образом, определялось в XVIII веке не только цикличными процессами, детерминированными аграрными причинами, но и возникшими в это время промышленными циклами. Наибольшее значение для Верхотурья имело строительство уральских, главным образом, походяшинских, медеплавильных предприятий и связанная с ними революция цен. Причём, отрицательные стороны этого влияния («ножницы цен», обострившаяся конкуренция и пр.) значительно перевешивали положительные (наличие небольшого и недолго существовавшего рынка сбыта в Богословском горном округе).

1.3. ВЕРХОТУРЬЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1.3.1. ВЕРХОТУРЬЕ В 1799–1823 ГОДАХ. «КРИЗИС ОФИЦИАЛЬНОГО РУССКОГО ГОРОДА»

XVIII век заканчивался целым рядом неурожайных лет. Общая нестабильность обстановки в стране усугублялась противоречивыми попытками Павла I реорганизовать государственное управление. В итоге в результате переворота к власти пришёл Александр I, проведший в начале XIX века целый ряд преобразований. Указом от 17 марта 1801 года губернские магистраты были упразднены, их функции переданы городовым магистратам, которые стали подчиняться губернскому правлению. Началась новая эпоха в развитии российских городов, в том числе и Верхотурья, и она стала тяжелым временем его истории, поскольку в первой четверти XIX столетия оно, вместе с другими российскими городами, вступило в период, который даже современники определяли как эпоху «упадка городов». Исследователи начала прошлого века в своих работах отмечали застой или прямой упадок городской экономики, широкое распространение «негородских» (земледелие, огородничество, лесные собирательские промыслы) занятий горожан, общая бедность жителей и убогость внешнего облика городов[457].

В результате частых недородов выросли цены на зерновые и аграрное сырье, а сельскохозяйственные производители, уже не удовлетворяясь услугами оптовых перекупщиков, сами устремились на рынок. В сложной рыночной ситуации правительство вразрез с интересами реальной хозяйственной жизни страны продолжало проводить политику экономической поддержки господствующего класса, начатую еще Екатериной II, но уже в новых формах. В ущерб купечеству разрешалась торговля другим сословиям, которая почти не облагалась налогами и приносила доход землевладельцам (прежде всего дворянству, а в регионах, где крепостничество не было распространено, черносошному крестьянству и другим не городским сословиям).

В то же время, с 1807 по 1821 налоги с купцов были повышены более чем в 10 раз, беднеющие купцы не могли платить за гильдейские свидетельства и переходили в состав мещанства[458]. По определению Б.Н. Миронова, начало XIX века было периодом, когда «под натиском деревни происходило потеснение города, падение его относительной роли в промышленно-торговом потенциале страны[459]». Многократное повышение налогов отнюдь не способствовали развитию верхотурской городской торговли, которую Н.С. Попов в 1813 году назвал «не обширной». В мелочной, пушной и другого рода торговле обращалось всего до 30.000 рублей.

«К споспешествованию торговли сего города» открытая в 1792 г. ярмарка, проходившая с 20 декабря по 1 января, так и не стала привлекать большого внимания торговцев, на нее заглядывали разве что проезжающие на Ирбитскую ярмарку соликамские купцы. В ее торговом обороте вращалось всего около 15.000 рублей капитала[460]. А в неудачные годы «а означенную

ярмарку съезду из других отдаленных мест для торговли с товарами по причине бедности здешнего народа и малому урожаю хлебов и трав не бывает. А производится оными во всегдашнее время торг и то весьма на малые суммы здешними обывателями. Да и хлеб и прочие съестные припасы и прочее с соседней округи производится крестьянами по самой малой части, отчего и прибыли здешнему городу нисколько нет[461]».

Вся собственная промышленность Верхотурья исчерпывалась двумя кирпичными заводами, принадлежащими: один – купцу, а другой – мещанину Ямской слободы. Оба они работали непостоянно, а только когда имелись заказы, и обслуживались временными работниками. Кожевенный завод, упоминавшийся академическими путешественниками, к 1800 г. уже не существовал[462]. Из Верхотурского нижнего суда в 1806 году сообщали пермскому губернатору, «что в Верхотурском уезде винокуренных заводов у помещиков равно и других партикулярных людей… не состоит[463]». Некогда так развитое в крае производство спиртного угасало. Возможно, для исправления создавшегося положения в октябре 1818 года было открыто Верхотурское уездное правление о питейных сборах[464]. Виноторговля всегда была одним из главных статей пополнения казны.

Н.С. Попов таким образом характеризовал состояние хозяйства Верхотурья на начало XIX века: «Нынешнее мещанство и купечество, закупая разные мелочные товары и съесные припасы, также разную мягкую рухлядь в Верхотурском и соседних уездах, продают в городе, либо иногда приезжающим из Соликамска по старой дороге купцам; либо сами отвозят на Ирбитскую ярмарку и променивают там на мелочные, шелковые и др. товары, либо продав за деньги, вывозят для себя и на продажу хлеб, привозимый туда из Ирбитского, Екатеринбургского, Шадринского ... уезда.

Может быть более бы могли иметь здешние обитатели выгоды от торговли, если б жители Невьянского и Нижнетагильского завода не пользовались в здешнем краю правами купечества; напротив того ... не только продают ... в своих местах..., но ездят ... и на Банковские заводы (Богословский, Петропавловский, Николаепавдинский) ... подрывая чрез то торговлю жителей Верхотурья[465]». От внимательного наблюдателя не укрылся тот факт, что снабжение бывших походяшинских заводов, которое ранее составляло важную статью доходов верхотурских купцов, перешло в руки торговцев из других сословий и других населенных пунктов. Те, не обремененные тяжелыми налогами, вытесняли конкурентов.

Характерно, что в самом Верхотурье в XIX веке наиболее значительные капиталы сосредоточились в руках выходцев из Ямской слободы (Поповы, Мухлынины), и это объясняется не столько их особой предприимчивостью (хотя отрицать ее отнюдь нельзя), сколько особым положением местных ямщиков. Они не были «горожанами в особенности», поскольку не принадлежали к купеческому или мещанскому сословиям, и не облагались тяжелыми налогами. Ямская слобода Верхотурья стала кузницей купеческих кадров именно в конце XVIII – начале XIX века.

После смерти И.Я. Попова в 1799 его торговые дела перешли к его четырем сыновьям, которые вели первоначально общее дело в самых разнообразных областях экономики и регионах страны. Им принадлежали кожевенные заводы в Верхотурье и Тюмени, они вели торговлю медью Богословских заводов, чугуном и железом других уральских предприятий, доставляли чай из Кяхты в Европейскую Россию, в 1810 снова взялись вести винные откупа. Однако, тот факт, что Верхотурье, находилось теперь в стороне от основных торговых путей, затруднял координацию действий огромной совместной компании братьев Поповых, поэтому в 1823 двое оставшихся в живых наследников Федот и Степан разделили торговлю и капитал, сменив при этом и место постоянного жительства: Ф.И. Попов переехал в Томск, а С.И. Попов – в Семипалатинск[466].

И хотя братья любили родной город, заботились, как могли о его процветании, но их отъезд отрицательно отразился на его состоянии (прямо или косвенно). С.И. Попов, развивая сеть своих кожевенных заводов, разведал около Белокаменского редута огромные запасы извести, необходимой для выделки кож. С 1810 года С.И. Попов подрядился поставить для казны (в основном в Омск) 100.000 пуд извести по 12 копеек за пуд. В.Н. Шишонко связывает с этим фактом начало массового каменного строительства в Омске. До этого же времени известь в Сибирь поставлялась из Верхотурского уезда по цене 50 копеек за пуд, таким образом, инициатива верхотурского выходца обернулась для его родины потерей одного из источников доходов[467].

Экономические примечания к Атласу Пермской губернии 1800 года сообщают, что население Верхотурья составляло 1.027 душ м.п. и 1.036 душ ж.п., всего – 2.063 человека[468]. Судя по всему, в Атласе подсчитаны только представители податных сословий: городских купцов и мещан.

По данным Н.С. Попова в Верхотурье в 1804 г. «всех жителей мужеска полу с обитающими в монастыре 1922, женска полу 2.043, обоего полу 3.965». В таблице о состоянии городов Пермской губернии узнаем, что: «Частей в городе – 1. Купцов всех гильдий – 69. Улиц – 17. Мещан – 964. Дворовых людей – 48. Всех жителей, платящих подати – 1.081. Монастырей – 1. Церквей – 7. Гражданские строения: домов жилых каменных – 2, деревянных – 455; лавок деревянных – 26, кабаков деревянных – 4, заводов (кирпичных) – 2. Казенные строения: домов жилых каменных – 3, деревянных – 2. Магазинов каменных – 5[469]». Церквей 7, а не 4 как в 1793 г., поскольку церкви ликвидированного Покровского монастыря стали приходскими, и, возможно учтена кладбищенская Успенская церковь, начатая строительством в 1799 году Количества лавок сократилось с 40 до 26 – явное свидетельство упадка торговли в городе.

«а) В числе мещан находится цеховых и рукодельников: 2 портных, 1 медяк (медник – П.К.), 2 серебряника, 85 плотников и столяров, 3 рещика, 1 лопатник, 7 кирпичников, 8 каменщиков или печников, 8 кузнецов при таком же количестве кузниц, 3 шапошника, 2 чарошника (башмачника), 4 сапожника, 2 котовщика, 4 мясника, 1 токарь, 1 набойщик, 1 слесарь.

б) Ямщики, живущие здесь в особой части города или слободе, отправляют ямскую гоньбу в разных местах пермской губернии, каковых считается 106; сверх всего из тех же 1 портной, 4 кузнеца, при таковом же числе кузниц, 1 столяр и рещик, 3 плотника.

в) Купцы торгуют пышным (так в источнике – П.К.) товаром и разными мелочными вещами, нужными крестьянам[470]».

По данным таблицы 2 книги Н.С. Попова[471] и итога, содержащегося в тексте, в Верхотурье на 1800 год проживало представителей следующих сословий (табл.3):

Таблица 3

Население Верхотурья в 1800 году (По Н.С. Попову)

Сословие:	**м.п. взрослые**	**м.п. дети**	**ж.п.**
Чиновников статских	10	11	25
Нижние служители статские	14	1	14
Штатная рота всяких воинских чинов	32	6	21
Чиновники в отставке	4	3	5
Нижние чины	4	1	6
Отставные нижние чины	11	6	13
Священно- и церковнослужители	33		42
Купцы I гильдии	9		
Купцы II гильдии	14		
Купцы III гильдии	46		70 всех гильдий
Мещане	964		1077
Ямщики записные (реально 106 действующих)	663		668
Дворовые люди	48		88
Крестьяне приписные к заводам	6		
Крестьяне государственные	14		
Итого	1872	28	2029
Итог с разделением по полу	1900	вкл. в м.п.	2029
Итоги таблицы Н.С. Попова	3929		
Монашествующие Николаевского и Покровского монастырей (исчислено по разности итогов в тексте и итогов в таблице)	22		14
Итоги Н.С. Попова (общие в тексте)*	1922		2043
Всего	3965		

* У Н.С. Попова итоговые данные о населении Верхотурья в тексте больше, чем в таблице, так как были учтены монашествующие.

Данные «Хозяйственного описания Пермской губернии…» Н.С. Попова, «сочиненного» по инициативе и при непосредственной помощи пермского губернатора К.Ф. Модераха, не в пример другим источникам этой эпохи практически полны, поэтому заслуживают самого тщательнейшего анализа. Правда, не очень понятно, почему крестьяне оказались неженатыми и бездетными, но это, в конце концов, небольшой процент населения города, а, следовательно, невелика и погрешность.

Для начала уточним, какие из указанных сословий платили подати. Оказывается, что кроме налогов с купцов всех гильдий и мещан городскую казну пополняли подати, вносимые за дворовых людей (9+14+46+964+48=1081). Хотя крепостная прислуга и не была самодеятельной группой населения, но средства, вносимые за нее в качестве податей, шли в городскую казну.

В то же время ямщики, большинство из которых к началу XIX века отказались от традиционных занятий, учитываются как сельское сословие только на основании того, что Ямская слобода формально числилась отдельным негородским населенным пунктом, хотя фактически причислялись к населению Верхотурья.

Неопределенность в вопросе принадлежности к городским сословиям подобных групп населения, существовавшая при ревизско-административном учете и сохранившаяся в современных демографических исследованиях, вынуждает нас обсудить несколько вариантов реконструкции социальной структуры населения Верхотурья на грани XVIII-XIX веков.

Если считать всех ямщиков, дворовых и крестьян принадлежащими к сельским сословиям, то их общее число достигнет 731 душ м.п. или 38,03% всего населения города. Если же из сельских сословий исключить ямщиков (хотя бы потому, что они почти не занимались сельскохозяйственным трудом, а в 1836 вообще были причислены к званию мещан, будучи, правда, с 1826 по 1836 в крестьянском звании), то доля селян составит всего 3,54%. Заметим, что в последнем случае нами рассмотрено фактически население собственно Верхотурья, без учета жителей отдельной Ямской слободы.

Возможны и другие точки зрения, другие способы учета негородских сословий (считать только приписных и государственных крестьян без платящих подати дворовых в рамках собственно Верхотурья, исключить дворовых из сельских сословий (крестьян и ямщиков) в пределах «Большого Верхотурья» и др.). Но, так или иначе, выявляется любопытная демографическая коллизия, назовем ее «проблемой ямщиков». Суть ее такова. Если считать верхотурских ямщиков селянами (как это сделали власти в 1826, приписав их в государственные крестьяне при включении Ямской слободы в черту Верхотурья), то процент сельских сословий в городе (38,03%) окажется на среднем уровне той эпохи. По данным церковного учета в Европейской России он составлял 39,8% в 1796 и 41% в 1802 году[472]. Но тогда выходит, что в 1836 году произошло одномоментное, обвальное уменьшение крестьянской составляющей верхотурского населения до 3-4%, и это в то время, когда в среднем по Европейской России он был в 1825 – 38,3, а в 1857 – 30,4%.

Решение «проблемы ямщиков» может заключаться только в признании особой социальной структуры Верхотурья, отличной от большинства других городов России чрезвычайно низкой долей сельских сословий. Специфический (очень «городской») социальный состав населения Верхотурья сформировался в ходе его исторического развития в необычных условиях внутренней таможенной границы - с одной стороны, и затрудненности ведения в уезде товарного сельского хозяйства – с другой.

Ведомость о городах Пермской губернии на 1815 год, составленная по материалам седьмой ревизии, сообщает несколько меньшие, чем в начале века, данные: духовенства – 22, дворян – 1, военных – 87, купцов – 25, мещан – 798, дворовых – 7, прочих (посадские, цеховые, черное духовенство и др.) – 1.014. Всего – 1.954 жителя, мужского пола – 976, женского – 978[473]. Численность податных сословий точно определить

невозможно, поскольку количество посадских и цеховых точно не известно, они объединены при подсчетах с «прочими» сословиями. «Ведомости о числе жителей по городам [Пермской] губернии для утверждения штатов городской полиции» 1814-1815 годов сообщают те же данные о числе «настоящих городских жителей, имеющих непременное и постоянное в городе жительство[474]». Т.е. в этих источниках не учтено население Ямской и Заречной слобод. Обращает внимание резкое уменьшение всего за десятилетие численности практически всех сословий в городе: купцов – более чем в 2,5 раза, а дворовые люди почти исчезли (семикратное сокращение)!

Таблица 4

Динамика изменения численности купцов в Верхотурье в 1798-1850 годах

год	прибыло	убыло	всего (м.п.) на 31.12	год	прибыло	убыло	всего (м.п.) на 31.12
1803	0	0	40	1831	0	0	17
1804	0	0	40	1832	4	4	20
1805	0	0	40	1833	9	9	28
1806	0	0	40	1834	2	2	30
1807	1	0	40	1835	1	1	29
1808	0	0	41	1836	0	0	25
1809	0	0	41	1837	1	1	25
1810	1	0	41	1838	0	0	24
1811	0	0	42	1839	5	5	25
1812	0	0	42	1840	0	0	25
1813	0	8	42	1841	2	2	27
1814	0	15	34	1842	12	12	38
1815	1	0	19	1843	16	16	52
1816	1	5	20	1844	4	4	55
1817	0	2	18	1845	7	7	60
1818	0	0	18	1846	16	16	75
1819	0	5	13	1847	9	9	83
1820	0	0	13	1848	9	9	87
1821	1	0	14	1849	32	32	117
1822	0	1	13	1850	14	14	127
1823	0	1	12	1851	5	5	123
1824	0	0	12	1852	7	7	130
1825	5	0	17	1853	8	8	130
1826	0	2	15	1854	10	10	133
1827	1	0	16	1855	9	9	133
1828	1	1	16	1856	15	15	146
1829	0	0	16	1857	16	16	157
1830	2	0	18	1858	17	17	

По ревизской сказке 1816 года в Верхотурье: купцов I-III гильдий – 20 м.п. и 11 ж.п.; посадских – 125 м.п. и 150 ж.м.; мещан – 604 м.п. и 679 ж.п.; цеховых – 19 м.п. и 26 ж.п.[475] Итого податных сословий 1.634 человека. По данным «Статистических исследований...» Карла Германа в 1819 г. всего в Верхотурье насчитывалось 2.226 человек[476].

В первой четверти XIX столетия в эпоху «упадка городов» в Верхотурье происходило замирание торговли и производства, усилилась имущественная дифференциация и сокращение купечества и прочих городских сословий, что самым серьезным образом отразилась на экономическом положении Верхотурья. Крупное городское купечество вело свои дела далеко от своего местожительства и, в конце концов, покидало город, а мелкое, разоряясь, переходило в мещанское сословие. Чтобы детальнее проследить этот процесс, воспользуемся материалами переписей населения.

Б.А. Кустодиев. Купец. 1890

На основании анализа ревизских сказок купцов и мещан Верхотурья за первую половину XIX в., содержащих сведения о рождении и смерти, выходе и поступлении в купеческое сословие, переходах из города в город, составлены таблицы и графики динамики ежегодного прироста/убыли численности купцов в городе[477] (табл.4, рис.3), позволяющие исследовать темпы изменения численности данной группы населения Верхотурья.

В таблице со знаком плюс учитывались факты вступления в купечество из других сословий и переход в более высокие гильдии, со знаком минус – переход в низшие гильдии, отъезд из города и выход из сословия. В таблице наряду с этими фактами учтена также ежегодная смертность и рождаемость мальчиков в купеческой среде. В первом случае выявляется динамика темпов роста купечества Верхотурья, вызванная исключительно социально-экономическими причинами, во втором – учитывается также чисто демографический фактор.

График демонстрирует стагнацию и медленное уменьшение численности верхотурских купцов с начала века до 1812 года (в 1803, 1807 и в 1813 братья Ал-рд В., Ал-й В. и П.В. Зеленцовы уволились в штатскую службу). Затем резкое, практически обвальное разорение городского купечества в 1813-1815 гг. (И.П., А.И. и Г.И. Елизаровы, Г.В., С.Г., В.Г., Г.Г. и А.Г. Некрасовы, А.С., И.А., Б.А., Д.А., И.А., И.Д. и С.Д. Титовы, М.М., Д.М., И.Д. и В.Д. Клевцовы, В.В., Ал-й.В., И.В., Аппол.В. и Я.В. Веселовы (все III гильдия), П.Я., И.П., Н.П. и С.П. Поповы (II гильдия) по необъявлению капитала перемещены в верхотурские мещане. А.А., В.А. и Х.А. Поповы (II гильдия) по капиталу «явленному особо» от их дяди П.Я. Попова переведены в III гильдию. Четвертый брат К.В. Зеленцов (I гильдия) «обществом, хотя в статскую службу и уволен, 1814 г., но о исключении его вышнего начальства не последовало повеления». А.В., Ал-др А., Ал-й А., П.А., М.А., К.А., А.А. и С.В. Зеленцовы переписаны из I во II гильдию. Родился Н.С. Попов (I гильдия). Скончался И.Я. Попов (I гильдия). П.Я. Кузнецов записался в III гильдию из верхотурских мещан. Кратковременная стабилизация на нулевом уровне в 1817-1818 годах была прервана в 1819 разорением Г.Ф., Е.Г., А.Г., Н.Г. и Е.Г. Мельниковых (III гильдия) и снова наступила стагнация до 1824 года. Характерно, что учет рождаемости и смертности практически не влияет на характер графика. Расхождения статистических рядов не бывает более чем на один пункт.

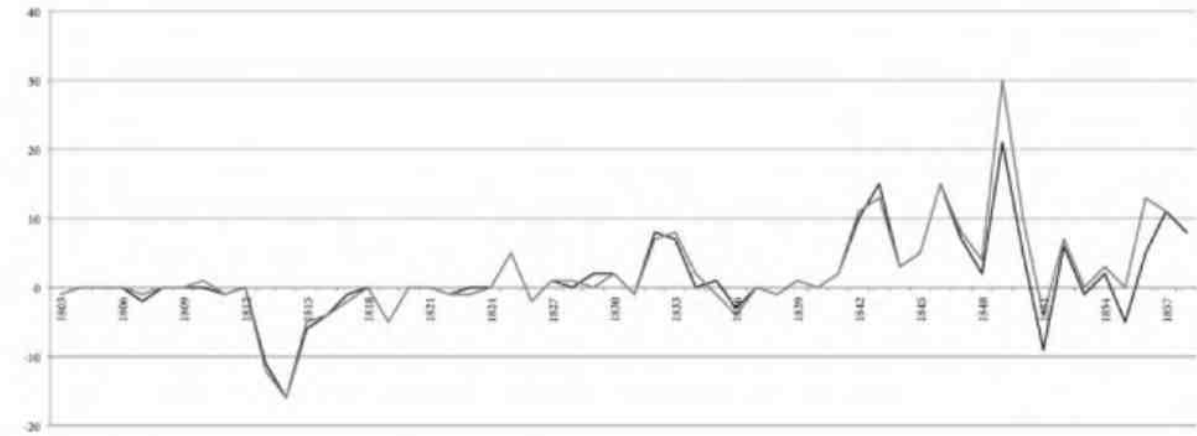

Рис.3. Динамика изменения численности купцов в Верхотурье в 1803-1858 годах

По сведениям ревизской сказки 1816 года «купцов и мещан, цеховых и посадских» в Верхотурье было 1.637 человек о.п. Поскольку в ходе переписи велось сравнение с данными предыдущей ревизии, мы имеем возможность наблюдать динамику социальной структуры городского общества[478]. Количество купцов (обоего пола) сократилось с 48 до 31, а если считать семьями, то из 13 осталось 7.

В течение 1813-1816 годов из III гильдии в мещане перешли 5 семейств, из II гильдии в III – А.А. Попов и из мещан записался в III гильдию П.Я. Кузнецов. Купечество двух первых гильдий представлено всего четырьмя семействами из двух кланов: потомство Ивана и Петра Яковлевичей Поповых и две семьи Зеленцовых. Налицо характерный для кризисных эпох процесс исчезновения мелких и концентрация крупных капиталов.

Несколько выросло число мещан: с 576 душ м.п. до 604 (разница – те самые 28 разорившихся купцов!), обоего пола – 1.283 человека. Количество цеховых сократилось с 23 душ м.п. до 21 – 47 о.п. Меньше стало и посадских: 126 душ м.п. вместо 131, всего 276 о.п. Первая четверть XIX века. Социальная структура Верхотурья заметно меняется, чутко отзываясь на экономические потрясения в стране.

Что касается других сфер жизни Верхотурья, то в начале XIX века его коснулась в ряду других преобразований Александра I и реформа школы. Согласно Уставам университетов Российской империи и учебных заведений, подведомственных университетам от 5 ноября 1804 года, суть ее заключалась в создании четырехступенчатой системы народного образования: приходские училища, уездные училища, гимназии и университеты. Однако в Верхотурье преобразование учебных заведений на новых началах было проведено далеко не сразу.

Верхотурское малое народное училище, содержавшееся на средства городского общества, имело самое скромное финансирование в губернии: в 1803 году расходуемая сумма составляла 156 рублей 68 1/4 копейки (для сравнения: в Кунгуре тратилось 285 рублей 19 копеек, а Ирбите – 232 рублей). Неудивительно, что многие учащиеся по тем или иным причинам не имели возможность кончить полного курса обучения. В том же 1803 из 18 учеников окончило курс училища только 7 человек.

Оставляло желать лучшего и состояние здания, где располагалось учебное заведение. Директор училищ, описывая в 1810 году условия размещения, докладывал, что дом «близок к падению и может быть опасен учителю и ученикам[479]». Лишь 1 января 1821 года верхотурское малое народное училище было преобразовано в уездное училище, при котором имелись «приготовительные классы», некоторое время заменявшие приходские училища[480].

Трудный период вместе с городом переживал и Николаевский монастырь. В то же время, лишенная традиционных источников дохода обитель раньше, чем другие городские структуры, вынуждена была перестроить свою экономику на капиталистических основаниях, находить новые источники доходов, втягиваться в товарно-денежные отношения, приобретать больший опыт использования наемной рабочей силы. По мере того, как монастырь осваивался со своим новым статусом, его хозяйство стабилизировалось и начало постепенно выправляться: об этом свидетельствует возобновление каменного строительства и учреждением 18 декабря 1797 года третьеклассной архимандрии – к концу XVIII столетия обители, очевидно, удалось выйти из состояния депрессии. В 1797 указом Павла I велено было отводить монастырям по 30 десятин земли, по мельнице из казенных оброчных статей и рыбные ловли, а в 1805 им разрешалось приобретать в виде исключения недвижимые имения, испрашивая каждый раз Высочайшее разрешение. В связи с этим Николаевскому монастырю в разное время были отведены от казны дополнительные угодья: 1799 – озеро Урай в Романовской (Усть-Лялинской) волости и 3 десятины 1.020 саженей земли при монастырской мельнице на речке Черной; 1801 – 12 десятин пахотной и 12 десятин сенокосной земли при деревне Денисовой и реке Ляле[481].

В 1804 монастырская лавка торговала иконами суздальских и владимирских мастеров, а также местных иконописцев Грачевского и Радостева. Известен случай торговли частицами мощей св. Симеона. В 1808 верхотурский купец Ф. Курбатов на свои средства начал строительство каменной под железной крышей часовни в Меркушино над могилой св. Симеона Верхотурского[482]. В августе 1822 года «болящей изломом ноги» М.П. Бахтеревой достался крест-энколпион с частицами мощей праведного Симеона[483].

Но основные перспективы развития монастыря были связаны отнюдь не с приобретением земельных владений, к началу XIX века сложились предпосылки нового способа существования обители. Из состава обширнейшей Вятской и Великопермской епархии были выделены территории Пермской и частично Уфимской губернии, где еще 16 октября 1799 годи была учреждена новая епархия получившая название Пермской и Верхотурской[484]. Характерно, что все основные официально признанные святыни, как то мощи пермских крестителей святых Герасима, Питирима и Ионы, остались в Усть-Выми[485], а мощи преп. Трифона Вятского в вятском Успенском монастыре[486], т.е. все в пределах Вятской и Слободской епархии.

Более века продолжались усилия старцев Николаевского монастыря по причислению Симеона Верхотурского к лику святых и, наконец, в первой четверти XIX века их старания увенчались успехом. Позволим себе некоторые пояснения. Канонизация – признание церковью умершего святым и допущение ею чествования его – в допетровской России была основана на обретении мощей, чудесах и вере народа в святость подвижника, а официальное прославление состояло в дозволении и отправлении службы в честь святого. С учреждением Синода – дела канонизации переходят в его ведение и вопросы о праздновании святых решаются Синодом с утверждения Высочайшей власти[487]. Другими словами, вопросы включения в святцы новых святых стали государственным делом, но инициатива исходила с мест.

В июле 1823 года в сан епископа Пермского и Верхотурского был хиротонисан Дионисий (Цветаев), человек образованнейший, бывший до этого настоятелем Донского монастыря и членом Московской синодальной конторы, лично знакомый с Александром I. Он прибыл к месту служения 2 сентября того же года и энергично приступил к исполнению своих обязанностей[488]. 14-18 августа он посетил Николаевский монастырь и ознакомился с его святынями. В конце сентября – начале октября 1824 года епископ Дионисий встречался с Александром I во время его визита в Пермь и получил из его рук орден св. Анны I степени. Возможно, это сыграло определенную роль в решении пермского архиерея добиваться канонизации первого и единственного святого в своей новой епархии.

Император Александр I Павлович (1801–1825)

Необходимо указать на особую роль тогдашнего настоятеля Николаевского монастыря архимандрита Афанасия в деле официальной канонизации св. Симеона. Можно сказать, что именно с него начался новый этап истории монастыря. Переведенный из Уфимской губернии в 1818 он руководил обителью до 1837 года. При нем был построен монастырский Преображенский храм, установлены «лучшие порядки» в монастыре, а главное образцово поставлено делопроизводство монастыря и хранение архива. Афанасий в 1824 году в письме епископу Пермскому и Верхотурскому указывал на то, что: «Для поклонения оным мощам не только из Верхотурского уезда и из других уездов Пермской губернии, но и из других губерний империи Российской по временам нарочитое бывает стечение христиан[489]». Именно им по устному распоряжению епископа Дионисия было проведено третье исследование мощей Симеона Верхотурского чудотворца в конце 1824 – начале 1825 годов.[490], которые до того уже дважды подвергались исследованию: верхотурскими архимандритом Тихоном и протоиереем Кириллом Яковлевым в апреле 1763 года, тобольским протоиереем Василием Русановичем в ноябре того же года. Исследование архимандрита Афанасия оказалось решающим и, очевидно, послужило своеобразным сигналом для начала активной эксплуатации чудесных свойств нетленных останков св. Симеона.

1.3.2. ВЕРХОТУРЬЕ В 1823–1848 ГОДАХ. ОСОБЫЙ ПУТЬ

Кризис городов отразился на Верхотурье, очевидно, еще тяжелее, чем на других городских центрах страны. А.П. Словцов, побывавший в Верхотурье во второй четверти XIX века, в следующих словах охарактеризовал состояние города: «в 1828 г. я нашел этот город опустелым, не лучше села, и видел 2 ряда беднейших лавчонок[491]». Комитет министров в 1826 в целях улучшения санитарного состояния городов империи принял постановление о переносе в течение 10 лет вредных промышленных заведений из городов вниз по течению рек[492]. Однако, хотя в Верхотурье эти распоряжения были выполнены, соответствующая территория отведена, но на планах города отмечены только «места» для заводов, а самих предприятий так и не было построено.

Верхотурское Градское общество, стараясь хоть как-то активизировать экономическую жизнь, постановило 6 мая 1829 года 7.000 рублей, пожертвованных купцом 1 гильдии Ф.И. Поповым, израсходовать на постройку гостиного двора[493], что выполнено в полной мере не было. По завещанию умершего в 1834 А.Я. Попова предназначалось до 500.000 рублей «на разные богоугодные и благотворительные заведения – преимущественно по городу Верхотурью». За вычетом 350.500 рублей, предназначенных на организацию Томского женского Мариинского института, «из этого полумиллиона, в Верхотурье на 100.000 рублей построены: больница, гостиный двор и училище[494]». А в 1837 из остатков капитала «50.000 руб. покойного коммерции советника А.Я. Попова» был учрежден общественный банк[495]. Из доходов банка положено было отделять ежегодно один процент на содержание Сиротского Детского Дома в Верхотурье, полпроцента на содержание больницы, устроенной иждивением С.И. Попова, и (наравне с сиротами) один процент начислялся на содержание Городской Думы и Магистрата[496]. 10 марта 1837 года Верхотурскому банку было право делать ссуды лицам своей губернии, «когда местное городское общество, по оборотам банка признает то полезным».

Нетрудно заметить, что все средства, вложенные в экономическое и культурное развитие города во второй четверти XIX века, не были взяты из внутренних городских доходов, а были привнесены извне. Однако ими все и исчерпывалось.

29 мая 1836 года «по недостаточности городских доходов» Верхотурья на содержание полиции правительством разрешено начислять средства из казны в сумме 2.000 рублей ассигнациями[497].

А 4 мая 1848 года Верхотурью в числе прочих бедных городов губернии (Камышлов, Красноуфимск, Оса, Оханск, Соликамск, Чердынь) для покрытия издержек «на разные надобности» было повелено отпускать пособие из общего земского сбора Пермской губернии ежегодно по 4.000 рублей, представляя гражданскому губернатору право распределять эту сумму между поименованными городами «по мере действительных потребностей каждого[498]». К середине XIX века Верхотурье окончательно стало дотационным городом.

Современники отмечали общий упадок Верхотурья, который отражался даже на внешнем виде города; так академик Гельмерсен, побывав здесь в 1833 году, писал: «В местах, где кипит теперь людская деятельность, все носит отпечаток новизны. Только Верхотурье представляет исключение из этого. Его живописные, хорошо сохранившиеся руины, остатки сильной крепости, чудно выделяются в этой пустыне и удостоверяют о прежнем значении города[499]».

Ямская слобода и Знаменская церковь (слева). Конец XIX века

«Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1832 г.» сообщает о Верхотурье: «11. ...В нем домов обывательских каменных 2, деревянных 339, казенных каменных 2, деревянных 1, улиц 17, площадь, где и рынок 1, церквей каменных 7 и 1 деревянная. Земли под домами и усадьбами 243 десятины, под выгоном 839 десятин; жителей обоего пола всех званий 2.332 человека[500]». По сведениям того же «Описания...» винокуренных заводов в уезде не было, ближайший находился в Ирбитском уезде[501], интересны также сведения о том, что на «Богословских заводах вырабатывается металлов: меди до 26000 пуд., золота промывается из песку до 50 пудов[502]. В 1826 население Ямской слободы было причислено к крестьянскому званию и в этом статусе находилось по 1836 года[503], когда оно было причислено к званию мещан[504].

На смену феодальному делению города по слободскому принципу пришло новое буржуазное чисто механическое административное деление на участки. Что касается «промышленности и просвещения», то игумен Макарий следующим образом описывает их состояние в Верхотурье на 1854 год: «Торговля в Верхотурье не может быть значительною, хотя и числилось еще в 1838 году купцов 1-й и 2-й гильдии по одному, а 3-й – три, торгующих мещан по 27, крестьян со свидетельствами на право торговли 3-го разряда 8 и 4-го – 2.

Ныне верхотурское общество состоит из 102 купцов и 939 мещан мужского пола. На содержание же города и городских повинностей в год расходуется около 2.000 руб. серебра, а городских доходов всего бывает не более 1.130 руб. недостача покрывается личным взносом от местных купцов и мещан. Оборот капитала в Верхотурье ... незначительный ... Общая и почти главная промышленность граждан, постоянно живущих в городе, не исключая и торгующих, есть хлебопашество и сенокошение... По зимнему же пути многие занимаются перевозкой на заводы разных тяжестей, состоящих из закупленного в других местах хлеба и харчевых припасов ... С наступлением осени, при первом снеге ... многие из верхотурцев уходят с малопульными ружьями и собаками в окружающие город леса. Здесь при помощи собак сыскивают серую белку или векшу, а нередко убивают и соболей, продавая шкуры этих зверьков, они удовлетворяют не только необходимым своим нуждам, но и прихожих. Кроме того, иногда, с наступлением августа, уходят в леса за кедровыми орехами ... Цеховых мастеров в г. Верхотурье нет. Работы по устройству города и домов обывательских производятся ... иногородними, приходящими из Европейской России крестьянами.

Да и между женщинами ремесленниц незаметно ... Заниматься чужою работою, а тем более находиться у кого-нибудь в услужении почитают для себя унизительным ... Впрочем, разврат и воровство редки. В 1836 году купцом Трофимом Казанцевым на реке Неромке были устроены заводы свечно-сальный и мыловаренный, где находилась маслобойня и салотопня. Но теперь их уже нет. Нет также и винного завода, бывшего на той же речке Неромке. Теперь в самом городе остаются в ветхости кирпичные сараи, в которых делается кирпич, а за восемь верст от города, на речке Черной, купцом Юшковым устроена лесопильная мельница. Есть, впрочем, и в самом Верхотурье один кожевенный завод, но он остался почти без действия.

Что касается собственно просвещения или грамотности, то она поддерживается в Верхотурье учебными заведениями и нуждами горожан. Из казенных учебных заведений одно духовное приходское училище существовало с 1824 до 1848, а другое светское или народное училище с 1790 года продержалось и доныне. В народное училище до 1840 года учеников было от 40 до 75 человек. А теперь в одном училище учащих шесть, учащихся 47 человек, да в приходском учащих 2, учащихся 55... Уездное училище содержится казною, а приходское – обществом, и помещается в доме, пожертвованном от верхотурского 1-й гильдии купца Бронникова. В конце 1837 года открыто еще одно заведение – для воспитания безденежных из мещанского сословия детей, которых и воспитывалось с самого начала 8 человек, на особо назначенную для того сумму из процентов с капитала в 50.000 рублей асс., обращающихся в верхотурском банке г-на Попова ... Крайняя ограниченность в местной промышленности заставляет граждан отдавать деньги для обучения грамоте с тем, чтобы они могли снискать себе пропитание вдали от города теми занятиями, в которых нужна грамота и письмоводство. Отныне в 1839 году в Верхотурье приходилось по одному учащемуся на 12, а ныне на 10 человек градских жителей[505]».

По сведениям собранным верхотурским городничим для Статистического отделения Департамента полиции исполнительной МВД в городе на 23 октября 1824 года насчитывалось: мужчин 1.082, женщин 1.154, всего – 2.236 человек, а на 4 ноября 1827 года: мужчин 859, женщин 993, а всего –1.852 человека. В Статистическом отделении специалисты (начальник отделения Карл Герман) наметанным глазом сразу определили, что отрицательная разница в 411 человек маловероятна, и направили запрос в губернию о причине такой резкой убыли населения[506].

Губернатор переадресовал претензии в Верхотурье, на что судья И. Попов доносил рапортом, что «в оной ведомости (1827 года – П.К.) показаны жители те только, которые действительно ныне находятся налицо в городе Верхотурье, также и в представленной от меня к вашему превосходительству при рапорте от 19 мая 1826 года ведомости тоже показаны одни налицо находящиеся, а в ведомости представленной в 1824 году написано видно число ревижское, а как города Верхотурья купцы и мещане большею частию находятся в отлучке с семействами, следовательно, оказалось противу той ведомости в таковой же представленной от меня в 1826 году менее 411-и душ, да в ныне представляемой при сем рапорте показаны жители всех состояний одни находящиеся по настоящее время налицо, но выбывшие по разным случаям исключены, от чего последовала разность, т.е. показано противу прежде написанного числа в упоминаемой ведомости 1826 года менее 12-ю душами[507]».

Рядовой уездной команды

В архивном деле содержится «Ведомость Верхотурского городничего правления о числе жителей в городе Верхотурье» за 1826 год, из которой следует, что на этот период в городе проживало: военных 97 душ м.п. и 83 души ж.п., статских служащих соответственно – 44/53, разночинцев, «то есть казаков и отставных солдат» - 94/114, духовных – 16/16, купцов – 13/18, мещан – 552/667, крестьян – 24/13 и дворовых людей – 6/13. Всего 846 душ м.п. и 967 душ ж.п. Итого 1.813 человек[508]. Представителей податных сословий в наличии – 1.250 человек, в отсутствии – 411, всего – 1.661.

Таким образом, судья И. Попов оказал исследователям большую услугу, указав в ведомости наличное число жителей. Теперь нам известно, в чем, кроме прямой (ревизской) убыли населения, и даже в какой мере, выразилось кризисное состояние Верхотурья. 411 человек вынуждены были добывать себе пропитание за пределами города или почти четверть всего податного населения Верхотурья! Интересно, что еще в 1808 в г. Ирбите записался в купечество III гильдии с объявлением капитала в 2.050 рублей верхотурский мещанин Дмитрий Маслов, а в 1839 в купцы III гильдии г. Шадринска записался его земляк Яков Веселов[509]. Это, очевидно, самые удачливые из «отлучившихся» верхотурцев.

По ревизии 1834 года в Верхотурье насчитывалось «купцов и мещан» 1.513 человек (711 мужчин и 802 женщины[510]). Положение в сравнении с 1826 г. отнюдь не улучшилось.

Каково же было состояние купеческого сословия во второй четверти XIX века? В 1823 численность купцов Верхотурья достигла минимума – 12 человек м.п., а затем начала медленно возрастать. В 1825 С.В., З.С. и Г.С. Юшковы, П.К. и И.К. Шубниковы приписаны из верхотурских мещан в купцы III гильдии. В 1832 году С.Ф., П.С., А.С. и Пав.С. Минаевы (III гильдия) приписаны из купцов г. Ялуторовска. С.В., З.С., С.З. и Г.С. Юшковы переписаны из купцов III во II гильдию, а в 1833 И.А., С.А., И.С., М.С. и В.А. Бронниковы, В.Я. и Г.В. Выборовы (III гильдия) приписаны из крестьян Салдинской волости Верхотурского уезда. С 1835 по 1840 год прирост купечества в городе практически не наблюдался. Резкий и скачкообразный рост численности купцов Верхотурья начался с 1842 года когда их стало больше сразу на 10 человек: Фед.Фил., Фед.Фед., Н.Ф., М.Ф. и П.Ф. Неклюдовы (III гильдия) причислены из Мотовилихинских мещан. И.Ф., Е.И., В.И., Н.И. и Г.И. Нехаевы (III гильдия) причислены из купцов III гильдии Кушвинского завода. В следующем 1843 прибавились еще 16 человек: Ф.П. и С.Ф. Соловьевы (I гильдия), И.С., И.И. и Д.И. Макаровы, Т.А. и И.А. Дерябины (III гильдия) перечислены из купцов III гильдии Кушвинских заводов. А.М., Е.А., Г.А. и Н.А. Шаравьевы (III гильдия) перечислены из купцов III гильдии г. Кунгура. И.А. Мартемьянов (III гильдия) перечислен из купцов г. Ирбита. А.Х., П.А., В.А. и Н.А. Могильниковы причислены из мещан г. Верхотурья (до 1841 – мещане Богословского завода).

Характерно, что в эти годы в верхотурское купечество в основном записываются некрупные торговцы заводских центров, ранее составлявшие конкуренцию верхотурцам, и третьегильдейское купечество крупных торговых центров Урала, возможно, выдавленное из них конкуренцией.

После некоторой заминки 1844 года, когда только Е.Я., Ф.Е. и В.Е. Выборовы (III гильдия) были причислены из мещан г. Верхотурья, начался подъем 1845-1847 годов: Е.Р. и В.Е. Белкины, Г.Ф. Ошмарин (III гильдии) причислены из мещан г. Верхотурья. Т.К., С.Т., Г.С., И.Т., Н.Т., К.Т. и Х.Т. Переваловы (III гильдия) перечислены из купцов III гильдии с. Долматова. М.Г., И.М. и Н.М. Виноградовы (III гильдия) причислены из купцов III гильдии г. Медыни Н.Г., А.Н. и Е.Н. Григорьевых, А.И. и И.А. Ивановы, Т.И., Е.Т., и Н.Е. Коробовы, Я.И., К.Я., И.К., В.К., Р.Я. и Ф.Р. Бахаревы (III гильдия) причислены из вольноотпущенных крепостных крестьян. В эти годы впервые было отмечено явление записи в купечество вольноотпущенных крестьян (всего 13 человек). 1848 год был тяжелым для верхотурского купечества, но все же П.Я. Копырин (II гильдия), В.Д. Ворошилов и А.Ф. Федоров (III гильдия) причислены из мещан г. Верхотурья. Таким образом, в 25-40 годах XIX века численность городского купечества стабилизировалась на низком уровне, а после стала медленно расти. С 1840-го года темп роста купеческого сословия резко ускорился, хотя и происходил скачкообразно. Одним из основных отрядов, пополняющих купечество на этом этапе, стало крепостное крестьянство, представители которого, составившие капитал в первой четверти века, выкупались на свободу.

Лавки на Торговой улице (ныне улица Ленина). Конец XIX века

После 1848 динамика темпов роста верхотурского купечества приобретает новые черты. 1849 год стал рекордным по числу записавшихся в купечество: А.В., В.А., И.А. и П.И. Глазуновы, В.С. Дьячков (до 1841 мастерской сын Нижнетуринского завода), С.С., В.С., В.В., И.В., Н.В. и М.С. Лапины, П.Г., Н.П., П.Н., А.П., С.А., Я.П., В.Я., И.Я., Я.Я. и А.Я. Выборовы (II гильдия) причислены из мещан г. Верхотурья. Всего 21 человек. И лишь один человек – С.З. Юшков (II гильдия) был перечислен в купцы II гильдии г. Минусинска. Начиная с этого года, становится заметным влияние на численность купечества естественного прироста. В 1849 году родились И.З. Юшков (II гильдия), Я.И. Бахарев, В.А. Глазунов, А.Т. Дерябин, А.Я. Выборов, К.Е. Коробов, В.И. Неклюдов, М.А. Мухлынин, М.А. Федоров и А.С. Перевалов (III гильдия), таким образом, в Верхотурье за год прибавилось 30 новых купцов. Власти, воспользовавшись моментом, даже установили особый денежный сбор с поступающих в купеческое и мещанское сословие[511].

И хотя уже в 1851 году верхотурское купечество понесло большие потери: П.С. Минаев (III гильдия) исключен в домашние учителя, В.И. Корчемкин, Е.Г. и Г.Е. Мельковы, А.Х., П.А. и В.А. Могильниковы, Е.Р. и В.Е. Белкины (III гильдия) отчислены в мещане, в итоге удар оказался несколько ослабленным высокой рождаемостью мальчиков. В тот год родились Ф.Р. Бахарев, Петр М. Лапин, П.Я. Выборов, Н.В. и П.А. Глазуновы (III гильдия). Далее по 1858 году отрицательных показателей прироста уже не отмечено.

Итак, наблюдение за темпом роста численности купечества в Верхотурье позволили уточнить сроки выхода города из кризиса, достигшего своего апогея в 1823-1824 годах. Меры правительства, принятые в эти годы, несколько облегчили положение торгового сословия, но некоторая депрессия продолжалась до начала 1840-х годов, после чего начался интенсивный рост его численности.

Интересно исследовать причины подобной динамики. Предполагая обнаружить в изменениях темпа роста численности купечества периодические закономерности, мы подвергли имеющийся статистический ряд гармоническому анализу. Выяснилось, что он колеблется с периодами 2,48; 3,17 года (цикл Китчина) и 8,14 года (цикл Юглара). Цикличность большей продолжительности уверенно проследить невозможно ввиду хронологической ограниченности статистического ряда.

Зная по материалам XVII века насколько экономика феодального города зависима от периодических колебаний производства сельскохозяйственной продукции в их округе, сравним моменты отрицательных показателей прироста с датами неурожаев зерновых. Известно, что особенно сильные неурожаи в этот период XIX века имели место в 1833-1834 и 1839-1840 годах[512]. Характерно, что именно после первого из отмеченных всероссийских неурожаев купечество стало быстро пополняться крестьянами, выкупившимися из крепостной зависимости. Очевидно, что новые конкурентные условия сельским торговцам стали невыносимы, и они поспешили записаться в гильдейское купечество, чтобы воспользоваться его правами и выгодами. Второй общероссийский недород вызвал новый прилив в ряды купечества, на этот раз преимущественно из местного мещанства, которое быстро воспользовалось возникшей конъюнктурой.

Император Николай I Павлович (1825–1855)

Сравнивая изменение численности купечества Верхотурье во второй четверти XIX века с ситуацией первой четверти столетия, можно заметить, что одни и те же экономические причины (хлебные недороды) приводили к различным результатам в зависимости от политики правительства. В условиях покровительства дворянской торговле сельскохозяйственной продукцией купечество разорялось, но когда налоги на городскую торговлю были нормализованы, купеческое сословие стало быстро восполняться за счет недавних конкурентов (прежде всего, частновладельческих крестьян, выкупившихся на волю).

Правительство Николая I, распространяя реакционный политический курс на области идеологии и просвещения, приняло 8 декабря 1828 года Устав гимназий, уездных и приходских училищ, существенно усиливший сословность школы. Приходские училища по новому уставу предназначались для «распространения первоначальных, более или менее всякому нужных сведений между *людьми самых низших состояний*» (выделено мной – П.К.). В связи с политикой государства на ликвидацию непрерывности обучения и затруднение получения детьми широких народных масс, «приготовительные классы» Верхотурского уездного училища, предназначенные для подготовки учеников к поступлению в это учебное заведение, были в 1835 преобразованы в Верхотурское приходское училище Министерства народного просвещения. И хотя внешне данный факт выглядел, как повышение статуса учебного заведения, на деле это было ограничение образовательных возможностей детей рядовых жителей Верхотурья. Более того, финансирование приходских училищ было возложено на городское общество, в то время как ранее уездное училище (и, соответственно, приготовительные

классы при нем) содержались за казенный счет. Естественно, приходские училища бедствовали, по крайней мере, до 1847 г., когда Кабинет министров утвердил положение, разрешавший (!) использовать средства из городских доходов на нужды начального образования «по крайней бедности» городских обществ.

С другой стороны, Верхотурское уездное училище, целью которого по уставу 1828 года стало «доставление необходимого и по возможности полного образования детям купцов, ремесленников и других городских обывателей», из двухклассного было реорганизовано в трехклассное. Но это положительное нововведение было сведено на нет существенным сокращением учебных планов 1804 года[513]. Руководство Николаевского монастыря продолжало дело, начатое в 1824 году. Пользуясь уже известными и распространенными в русской православной церкви методами, братия вела широкую пропагандистскую деятельность и рассылала частицы св. мощей по ближним и дальним обителям. «Усердием рабов божиих Василия, Параскевы, Симеона 1827 г. 6-го августа» частицы мощей из Верхотурья попали в Московский женский Страстной монастырь.

Не позднее середины XIX века фрагменты мощей оказались в Шадринском Спасо-Преображенском соборе, Соликамской Спасской церкви, Екатерининском соборе города Екатеринбурга, в Посольском Спасо-Преображенском женском монастыре и Новодевичьем монастыре в Москве[514].

Обитель продолжала по мере возможности восстанавливать свои земельные владения. В 1846 по данной из Верхотурской городской думы Николаевский монастырь получил 4 десятины 161 сажень усадебной земли к северо-востоку от монастырской ограды; Кроме того, воспользовавшись указом 1838 года, согласно которому монастырям разрешалось иметь до 150 десятин леса, братия приобрела участок лесной дачи такой площади при реке Актай (Октай). Изменился характер приобретаемых земель: это уже не столько сельскохозяйственные угодья, сколько территории необходимые для развертывания, если так можно выразиться, «производственных мощностей». Городские земли понадобились монастырю для расширения своей территории, а земли на Актае послужили для размещения монастырского филиала.

Особой статьей дохода были доходы церковные: свечные деньги (около 130 рублей в год), просфорные и кошельковые деньги (2.900 рублей), молебенные и другие – доля этих средств в монастырском бюджете все возрастала. Не оставляли своим вниманием монастырь и доброхоты-почитатели св. Симеона: дарили богато украшенные иконы и церковную утварь, крупные денежные суммы. Денежные пожертвования старцы помещали чаще всего в банк, с тем, чтобы проценты с капитала составляли еще один источник доходов. Казна кроме ежегодного содержания в трудные моменты выделяла единовременные пособия. Имели монахи и такой своеобразный источник пополнения бюджета, как продажа мест на престижном монастырском кладбище; средневековая традиция погребать вкладчиков внутри монастырской ограды в XIX веке превратилось в прибыльное предприятие.

К середине XIX столетия перечень доходных статей Верхотурского Николаевского мужского монастыря выглядел следующим образом: церковные доходы; проценты с монастырских капиталов; капиталистическая земельная рента (сдача в аренду и т.д.); продажа мест на монастырском кладбище; штатные суммы (казенные средства). Структура монастырских доходов не оставляет сомнений – перед нами хозяйство, организованное на капиталистических принципах. Парадоксально, но факт: перестройка экономики на новый лад или, как принято ныне говорить, экономическая модернизация, казалось бы, идеологически самого консервативного института началась едва ли не раньше, чем в других отраслях народного хозяйства.

Заимка Свято-Николаевского мужского монастыря на реке Актай. Конец XIX века

Основной чертой экономической политики администрации обители стало всемерное привлечение паломников к мощам св. Симеона Верхотурского, а, стало быть, в Верхотурье. Именно Николаевский монастырь стал стержнем, вокруг которого стала преобразовываться экономика Верхотурья. Вторая четверть XIX века стала периодом начала медленного выхода города из состояния экономического упадка характерного для первой четверти столетия. Генеральной линией эволюции городов в первой половине XIX века была утрата ими аграрной и совершенствование промышленной и торговой функций[515]. Однако, в случае с Верхотурьем мы имеем дело с несколько иным типом буржуазного развития города. Внешне же в нём не было заметно никаких признаков экономического прогресса.

1.3.3. ВЕРХОТУРЬЕ В 1848–1871 ГОДАХ. ВОЗРОЖДЕНИЕ

В 1848 году катастрофический недород, голод и эпидемия холеры, охватившие ряд губерний, вызвали обострение социальных противоречий, в этом году в стране произошло более 160 крупных крестьянских выступлений, во много раз больше, чем в предыдущие. Третья четверть века стала для верхотурья переломным периодом, но в его начале город пребывал экономическим ничтожеством.

Верхотурье в середине XIX века утратило практически все свои экономические позиции. Особенно это заметно в сравнении с другими уральскими городами. Ирбит, давний соперник Верхотурья, к середине XIX века стал важнейшим торговым центром Урала. В 1857 в него по установлению санного пути прибыло 19.652 воза, в том числе через Екатеринбург – 8.264, в то время как через Верхотурье всего лишь 252. В том же году по окончании ярмарки из Ирбита отправилось: в Екатеринбург – 3.495 возов, в Верхотурье – 840[516]. Данные красноречиво свидетельствуют о неутешительных для Верхотурья итогах исторического соревнования трех уральских экономических центров. Ирбит бесповоротно перехватил торговую инициативу, в XVII-XVIII веках находившуюся в руках Верхотурья, о чем свидетельствует огромная цифра привоза товаров на Ирбитскую ярмарку. В то же время, Верхотурье не стало заметным промышленным центром: если Екатеринбург вывозил на ярмарку в 2,36 раза больше, чем привозил с нее, то Верхотурье, наоборот, вывозило в 3,3 раза меньше, чем ввозило. Причем необходимо учитывать, что часть товаров (очевидно большая), доставляемых и увозимых с Ирбитской ярмарки, производилось и потреблялась не собственно в Верхотурье, а на Богословских заводах, а другая часть проходила в Соликамск и Чердынь через еще функционировавшую Верхотурскую (Бабиновскую) дорогу. Экономическое положение Верхотурья по сравнению с началом XIX века нисколько не изменилось в лучшую сторону, транзитная функция города сократилась до минимума, его торговый баланс был отрицательным.

По данным «Военно-статистического обозрения Российской империи» 1852 года в Верхотурье действовал один кожевенный завод, производивший продукции на 1.600 руб. в год[517]. По свидетельству историка М.М. Погодина, посетившего Верхотурье в 1862, в городе исчез рогожный промысел, дававший ему некоторую известность в конце XVIII – начале XIX века, рядовые горожане промышляли сбором кедровых орехов[518].

А вот как оценивает положение экономики Верхотурья в третьей четверти XIX века Х. Мозель: «В торговом отношении Верхотурье не имеет в настоящее время никакого значения. Главнейшие предметы местной торговли составляют хлеб, шелковые, бумажные и суконные материи. Вообще, все товары покупаются торгующими на ярмарках: Ирбитской, Нижегородской и на торжках в соседних заводах: Алапаевском, Нижнетагильском, Кушвинском, а также в Долматове и Шадринске. Торгующее сословие занимается преимущественно мелочною продажей рыбы, соли, сахару, табаку, пеньки, сала, масла, кожи и кожевенных изделий, шерсти, рухляди и проч...

Фабричное производство Верхотурья заключается в одном кожевенном заведении, в котором работает 6 человек. Ценность годового производства этого заведения составляет около 2.000 рублей сер.»[519].

«Некоторые ярмарки и торжки, будучи учреждены правительством с целью развития торговли без соображения с местными потребностями и обстоятельствами, существуют с самого своего учреждения только на бумаге. В доказательство можно привести 2 ярмарки в г. Верхотурье ... привозу вовсе не бывает и ярмарки вовсе не открываются...[520]».

Как отмечал Б.Н. Миронов, таких недействующих ярмарок по стране было не так уж и много – 115 из 14.048 (т.е. всего 0,8%)[521]. При свободе и легкости открытия ярмарок и базаров самый факт бездействия в Верхотурье торга такого рода свидетельствует не о правительственных ограничениях торговли, а незначительности местного торгового оборота, о мизерности городского ремесленного производства.

Чтобы точнее представить уровень экономического развития Верхотурья, приведем для сравнения аналогичные данные по городу Трубчевску Орловской губернии. В 1870 году здесь при населении 4.892 человека было 39 пенькообрабатывающих промышленных заведений с 815 работниками, выпускавших продукции на 345.000 рублей в год, 2 кожевенных, 2 свечно-восковых, два «гамарных» (мелкие железоделательные заводы), 13 кирпичных заводов с годовым объемом производства 9.913 рублей. В городе работало 674 ремесленника, считалось 65 купцов I и II гильдии, 219 мелочных торговца. Постоянно действовало 100 лавок, ежегодно проходили две семидневных и одна трехдневная ярмарка. В 1868 году в Трубчевск было ввезено товаров на сумму 1.237.860, а вывезено – на 742.000 рублей[522].

В начале 60-х годов XIX века годовой доход Верхотурья составлял 4.924 рубля 45,5 копеек (обыкновенные – 4.298 рублей 63 копейки, чрезвычайные – 625 рублей 82,5 копейки), годовой расход также – 4.924 рубля 45,5 копеек (текущие – 2.583 рубля 4,75 копеек, единовременные – 2.341 рубль 40,75 копеек). Имелся и неприкосновенный капитал – 136 рублей 81 копейка.[523] Баланс Верхотурья чрезвычайно показателен для оценки финансового состояния города: совпадение до долей копейки расходов и доходов (даже не «копейка в копейку»!) свидетельствует о существенной напряженности городского бюджета, «чрезвычайные» доходы это личные взносы верхотурских купцов и вспомоществование из губернского бюджета. Неприкосновенный капитал целого города недостаточен даже для того, чтобы (если бы принадлежал физическому лицу) записаться в купцы третьей гильдии.

Л. Крупецкий – поляк, сосланный в Верхотурье в 1863 году, застал в городе до 50 своих соотечественников. Его письма в Польшу разносторонне характеризуют город с точки зрения европейца, привыкшего к капиталистическому укладу и темпу жизни на родине. «Хочу поведать вам о Верхотурье, которое лежит между непроходимыми лесами, летом, полными трясин и болот, без дорог, а зимой недоступных из-за снегов и морозов. Земли эти до сих пор не слишком изучены. По распоряжению правительства специальные отряды вырубают в лесах просеки в различных направлениях для изучения местности. До сих пор удалось вымерить 11 миллионов десятин леса, а сколько его всего, не известно…

В Верхотурском уезде действует около 60 золотых приисков, еще двести ждут разработки. Из-за этих приисков, считающихся самыми богатыми в Пермской губернии, здесь же совершается большое число криминальных преступлений, до 13% от числа, совершаемых по всей Российской империи…

Каждый житель города имеет несколько десятин земли и это является его единственным содержанием. Кроме церквей здесь стоит лишь несколько каменных домов. Если продать всю эту недвижимость, едва ли хватило на один дом в Варшаве».

«Крестьянам и ремесленникам за работу платят так же, как и в Варшаве. Крестьяне живут зажиточно. Другим профессиям приходится трудно, так как кроме казенных владений других нет. Земля здесь второго и третьего класса, но пшеницы озимой не сеют, а яровой сеют немного, так как не успевает дозревать[524]».

Верхотурье продолжало осуществлять пенитенциарные функции: старую и новую городские тюрьмы охраняла инвалидная команда, состоявшая из 1 офицера и 176 нижних чинов, размещавшаяся «в деревянных казармах… и имеющая отдельные здания для швальни, плотничной, кузницы со слесарной, экзерциз-гауза, провиантского магазина, цейх-гауза и бани». Конвоирование осужденных осуществляла казачья этапная команда из 1 офицера и 22 нижних чинов, размещавшихся «по обывательским квартирам»[525].

Здание уездного земства. Конец XIX века

Накануне городской реформы в Верхотурье находились следующие государственные и общественные органы, «предназначенные для заведывания городским хозяйством и делами общественными и судебными лиц городских сословий: 1). Городская Дума, 2). Магистрат, 3). Сиротский Суд, 4). Словесный Суд, 5). Городовое Депутатское Собрание, 6). Квартирная комиссия и 7). Общественный Попова Банк»[526].

Реформа городского управления была последней в ряду буржуазных реформ 60-70-х года XIX века. Правительство всеми силами затягивало принятие проекта реформы, опасаясь, что городские думы станут трибунами для выдвижения политических требований. Однако 16 июня 1870 года все же было высочайше утверждено Городовое положение, определявшее статус новых всесословных учреждений городского общественного управления, основные функции городского управления и порядок взимания средств на городские нужды. В связи с судебной реформой 13 апреля 1866 года по указу Сената Верхотурский городовой магистрат был ликвидирован.

В 1869 первым городским головой был избран купец И.А. Мухлынин, который, прежде всего, озаботился открытием в городе библиотеки, на что истратил 1.200 рублей из собственных средств[527].

В 1870 в Верхотурье были открыты земские учреждения. Здесь была учреждена Земская Управа. Но так как большинство гласных земского собрания во главе с председателем Управы проживали в Нижнем Тагиле, то уже в 1871 был поставлен вопрос о переводе исполнительного земского органа в Нижний Тагил как более людный и имеющий более высокоразвитую промышленность и торговлю, что и было сделано. Немаловажное значение в решении этого вопроса сыграл и тот факт, что с 1868 года в Нижнетагильском горном округе существовал частный телеграф, а в 1870 после введения в строй линии Екатеринбург-Невьянск-Тагил в городе была открыта казенная почтово-телеграфная контора[528].

По 10 народной переписи (ревизии) в Верхотурье на 1858 год насчитывалось: купцов II-III гильдии – 142 м.п. и 151 ж.п.; мещан – 988 м.п. и 1.077 ж.п.; отставных нижних военных чинов и кантонистов – 23 м.п. и 23 ж.п.; солдатских детей – 14 м.п.[529]

В то время когда большинство городских пунктов России к середине XIX века вышло из кризиса, превращаясь из военно-административных центров с ведущим аграрным сектором экономики в преимущественно промышленно-торговые, Верхотурье еще оставалось отсталым в социально-экономическом смысле. Но в нем подспудно и незаметно на первый взгляд вызревали предпосылки превращения в город капиталистической формации, но в данном случае мы снова сталкиваемся с особыми условиями, со специфическим путем развития городского поселения как религиозного центра.

Наиболее интенсивно развивающейся частью Верхотурья оказался Николаевский монастырь. Администрация обители умело использовала ситуацию возрастающей социальной и психологической напряженности в обществе, предлагая свои средства для ее разрешения.

В 1857 году архимандрит Макарий с дозволения Святейшего Синода опубликовал «Подробное сказание о жизни и чудесах святого праведного Симеона Верхотурского», составленное на основе рукописных монастырских материалов. В мае следующего года он передал Николаевскому монастырю право на дальнейшие публикации книги[530]. После издания «Подробного сказания...» стали поступать письма от частных лиц, «свидетельствовавших чудесные исцеления

с поминальных молитв к праведному Симеону». Их копии за 1857-1865 годы сохранились в монастырском архиве[531]. Неудивительно, что такая отдача подтолкнула братию более широко использовать возможности печатного слова. К 1860 году была разработана целая система распространения монастырских изданий[532].

Уже в 1864 в монастырской лавке было продано 2.524 книжки о Симеоне Верхотурском на сумму 697 рублей и 1.591 икона с его изображением на сумму 522 рубля[533].

В 60-е годы XIX века появилось еще одно направление пропаганды мощей св. Симеона Верхотурского, который можно было бы условно назвать «монументальной пропагандой». 11 сентября 1863 года архиепископом Пермским и Верхотурским Неофитом был освящен придел к монастырскому Николаевскому храму во имя св. праведного Симеона Верхотурского, а вскоре в различных уездах губернии было воздвигнуто несколько одноименных церквей и часовен.

Панорама Свято-Николаевского мужского монастыря. Конец XIX века

В 1865 году в с. Багарякском Шадринского уезда во имя Симеона Верхотурского был освящен придел Георгиевского храма, а в 1874 была построена деревянная однопрестольная церковь в с. Медведковском Верхотурского уезда, освящен придел Свято-Троицкого собора в Кушвинском заводе того же уезда. В 1877 году в Кунгурском Иоанно-Предтеченском женском монастыре был заложен, а через 2 года освящен каменный домовой храм в честь праведного Симеона. В 1879 в Пермской богадельне была устроена деревянная Симеоновская церковь, которая в 1885 году была перестроена в каменную домовую. На Булзинском хуторе Екатеринбургского женского монастыря в 1881 году возводится каменный Симеоновский храм. Кроме того, были воздвигнуты часовни во имя св. Симеона: в д. Филькино Верхотурского уезда (1888), в деревне Тарасовой (1894) и Малой Ефремовой (дата постройки не установлена) Камышловского уезда[534]. Скорее всего, их было даже больше.

22 июля 1869 года архиепископ Пермский и Верхотурский Аркадий (Федоров) освятил Николаевский придел Меркушинской церкви, таким образом, подготавливалось к приему паломников еще одно место, связанное с Св. Симеоном.

Оставшиеся после закрытия Покровского монастыря сестры, а затем и другие женщины, проживающие в кельях около ставшей приходской Покровской церкви, добились того, что их частное общежитие по указу Пермской Духовной Консистории от 10 февраля 1853 года было принято в епархиальное ведомство со статусом богадельни[535].

Панорама Покровского женского монастыря. Конец XIX века

В 1849 году по сведениям Военно-статистического обозрения Российской империи в «составе народонаселения» Верхотурья насчитывалось (м.п.–ж.п.): духовенство черное 8–0, белое 25–22; дворян потомственных 9–7; чиновников и приказнослужителей 25–22; купцов I гильдии 1–1, II гильдии 2–7, III гильдии 31–60; мещан 1003–1060; крестьян: государственных 20–10, удельных 13–2, дворовых 8–9; военнослужащих: офицеров 1–1, нижних чинов 195–24, отставных 28–25, бессрочно-отпущенных 1–1; городовых казаков: служащих 30–12, отставных 17–20. Итого: 1.414 душ м.п. и 1.281 душ ж.п. – 2.698 о.п.[536]

А уже в 1860: «Жителей в 1860 г. считалось в Верхотурье 3.158 человек, в том числе 1.589 мужские и 1.569 женского пола». Распределение населения г. Верхотурья по сословиям: дворян потомственных 8, личных 109, духовенство православное 54, городских сословий 2.467, военных 276, иных 239[537]. Справочник «Городские поселения в Российской империи» дает на 1863 г. следующие сведения о населении Верхотурья: душ м.п. – 1.664, ж.п. – 1.577, о.п. – 3.241[538]. Налицо некоторый рост городского населения.

«Список населенных мест Пермской губернии по сведениям 1869 года» содержит несколько меньшие цифры: число домов – 408, число жителей м.п. – 1.773, ж.п. – 1.436. В том числе в подгородных селениях Заречье дер. – 30/95/88, Ямской слободе – 103/577/527. Итого 3.209 о.п.[539].

В третьей четверти XIX века определились основные приемы и направления экономической и пропагандистской деятельности Николаевского монастыря: строительство церквей (в том числе придельных) и часовен во имя св. Симеона Верхотурского, распространение икон святого и печатных изданий житийного и религиозно-краеведческого содержания, началось складывание сети пунктов приема паломников, направляющихся в обитель. Однако система экономической деятельности монастыря пока не оформилась окончательно, а, главное, к ней не была подключена городская экономика, еще находившаяся в состоянии депрессии.

1.3.4. ВЕРХОТУРЬЕ В 1871–1897 ГОДАХ. РЕШИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕЛОМ

Буржуазные реформы 60-70-х года XIX века завершили период повышательной волны второго кондратьевского цикла и с середины 1870-х началась понижательная волна, продолжавшаяся до 1896 года. Относительная стабилизация экономики и снижение уровня социальной напряженности в стране позволили правительству сначала существенно затормозить процесс реформ, а позднее и провести контрреформы. Так городская реформа проводилась не сразу во всех городах империи. В 1871 новые формы управления были введены только в 104 городах из 707, а к 1892 (когда вышло новое городовое положение) – в 621. Но, так или иначе, после проведения в России преобразований 1860-х годов русский город, как и все общество, вступило в капиталистическую эру.

В Верхотурье этот период характеризовался, прежде всего, постепенно разворачивающейся деятельностью земства. С 1 января 1873 года начала свою работу верхотурская земская почта (согласно постановлению Верхотурской уездной земской управы № 236 от 26 ноября 1872 года). Рассылка земской почты происходила по Алапаевскому, Зауральскому и Салдинскому трактам, по которым не «ходила» государственная почта[540]. В 1874 земством за 848 рубля 64 копейки был куплен дом для содержания городской аптеки[541]. По инициативе И.А. Мухлынина в Верхотурье в 1875 было открыто трехклассное женское училище[542]. В 1879 был проложен новый, более удобный почтовый тракт между Кушвой и Верхотурьем.

Земская Управа пробыла в Нижнем Тагиле до 1878 года, когда «Тагильское пленение» было признано ошибкой, и к Верхотурью вновь возвратились его административные функции в полном объеме. Характерны обстоятельства, предшествующие этому событию. В 1877 году была проведена телеграфная линия Нижний Тагил-Кушва, и сразу же верхотурские казначейство, воинское присутствие и полиция вышло с ходатайством к губернскому и уездному земству о продлении этой линии до Верхотурья. Летом 1878 года были проведены изыскательские работы и Верхотурье получило в свои руки важный довод в пользу возвращения земских учреждений в уездный центр. Телеграфная станция Верхотурья, построенная на земские средства, начала действовать только 22 сентября 1881 года[543].

В этот период одним из основных направлений земской и уездной администрации, кроме развития медицинского обслуживания и народного образования, стало налаживание в уезде дорог и почтово-телеграфной связи, без чего включение Верхотурья в системную городскую сеть, было невозможно.

11 июня 1892 года было издано новое городовое положение, которое устанавливало ценз для избирателей (в уездных городах – 300 рублей), тогда как раньше необходимо было иметь только недвижимость (частный дом). Из положения было удалено даже упоминание о том, что городского самоуправление действует самостоятельно. Городские головы и члены управ считались состоящими на государственной службе, таким образом, от декларированного «самоуправления» городов не осталось и следа. С 1893 в Верхотурье было введено упрощенное городовое положение, что было характерно для бедных и малочисленных городов.

Поскольку в Верхотурье наблюдалась затяжная стагнация экономической жизни, неудивительно, что в 1893 прекратили свое существование верхотурские ярмарки, случавшиеся ранее: Семеновская (с 5 сентября – 15 дней) и Рождественская (с 20 декабря – 15 дней). Даже на начало 90-х XIX века Верхотурье характеризовалось как «бедный и немноголюдный город ... промышленности почти нет, торговля ничтожна. Дома почти сплошь деревянные ... Часть мещан занимается хлебопашеством; другие скупают дичь, кедровые орехи, звериные шкуры, сбывая их по ярмаркам; иные ищут занятия вне города». Согласно полицейским сведениям население города содержали 413 лошадей, 524 коровы, 402 овцы, 32 свиньи и 22 козы[544].

Однако город все же медленно развивался, его население составило 2.712 человек по данным Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона[545], по данным полицейской статистики на 1 января 1894 года в городе насчитывалась 3.790 человек (2.089 мужчин и 1.701 женщин)[546]. Из них:

– дворян: потомственных – 19 (8 м.п. и 11 ж.п.), личных – 83 (34/49);
– духовенства: белого – 29 (12/17), монашествующих - 11;
– почетных граждан: потомственных – 4 (3/1), личных – 74 (43/31);
– городских сословий: купцов – 31 (17/14), мещан – 2.915 (1.534/1.381);
– крестьян – 365 (189/176);
– военных сословий – 258 (237/21);
– иностранный подданный – 1.

В 1893 в городском бюджете последний раз фиксируется дефицит в 761,21 рублей. Далее бюджет сводился только с положительным итогом; в 1894 – 3.303,58 рубля, в 1895 – 1.973 рубль, а в 1896 – 23,7 рубля[547].

Совсем иначе обстояли дела в экономике Николаевского монастыря. Определив основное направление экономического развития (капиталистическая модернизация), наиболее реальные источники доходов и эффективные способы пропаганды, администрация обители развернула энергичную деятельность по расширению поля деятельности.

Констатация факта капиталистической модернизации монастырской экономики в XIX веке – не новость в исторической науке, однако, было бы интересно установить хронологические рамки указанного процесса, выявить его мерность, если таковая существует.

Традиционными методами этого сделать нельзя, поскольку привычные статистические материалы практически отсутствуют. Но в нашем распоряжении есть данные, на основании которых искомое исследование провести можно, правда, для этого необходимо проявить некоторое научное остроумие. Речь идет, во-первых, о статистике чудес и исцелений, явленных мощами св. Симеона Верхотурского чудотворца. Она, по нашему глубокому убеждению, отражает субъективные устремления монастырской администрации, направленные на укрепление благосостояния обители, вызванные объективными экономическими условиями. Во-вторых, это сведения о каменном строительстве, которое оказывалось для монастыря своеобразным способом вложения капитала, во всяком случае, несомненно, что объемы подобного строительства свидетельствуют о темпах экономического роста. И те, и другие сведения с замечательной полнотой собраны В.С. Барановым[548].

Но сначала несколько слов о методике исследования. Данные о чудесах и исцелениях были обобщены за 211 лет с 1692 по 1901 год и представлены в настоящей работе (табл.5) – в сводке пропущены годы, в которые чудес не происходило. Часть чудесных явлений, приведенных в списках В.С. Баранова, точно не датирована, но ими можно пренебречь, так как их очень немного и они, в общем, равномерно распределены по времени.

Таблица 5

Количество чудес и исцелений от мощей
Св. Симеона Верхотурского (1692–1901 годы)

1692 – 5	1704 – 2	1749 – 2	1793 – 1	1833 – 3	1849 – 1	1857 – 1	1866 – 5	1873 – 2	1880 – 2	1898 – 1
1694 – 4	1705 – 1	1761 – 2	1795 – 2	1834 – 1	1850 – 1	1858 – 2	1867 – 2	1874 – 5	1881 – 2	1899 – 5
1695 – 6	1709 – 1	1762 – 2	1804 – 4	1837 – 1	1851 – 1	1859 – 1	1868 – 5	1875 – 3	1885 – 2	1900 – 1
1696 – 3	1710 – 1	1763 – 3	1811 – 1	1839 – 1	1853 – 1	1861 – 7	1869 – 3	1876 – 1	1891 – 1	1901 – 1
1699 – 1	1711 – 3	1776 – 5	1822 – 4	1840 – 1	1854 – 3	1863 – 5	1870 – 2	1877 – 3	1894 – 3	
1700 – 5	1730 – 1	1778 – 1	1828 – 1	1844 – 3	1855 – 1	1864 – 10	1871 – 3	1878 – 1	1896 – 1	
1702 – 1	1731 – 1	1780 – 1	1832 – 1	1848 – 1	1856 – 1	1865 – 3	1872 – 1	1879 – 1	1897 – 1	

Неурожаям 1820-21, 1833, 1843, 1854 годов соответствуют всплески чудес 1822 (4 случая), 1833 (3), 1844 (3), 1854 (3)[549]. Полученный статистический ряд (график см. рис.4) был обработан методом гармонического анализа, в результате чего удалось установить, что чудеса и исцеления распределяются по времени вовсе не хаотично, а периодически закономерно. В частности, в ряду исцелений отчетливо прослеживаются циклические колебания с периодами 105,5; 52,75; 42,2; 35,2; 30,14; 15,14; 10,0; 5,5; 5,15; 3,5 года. Интересен уже сам факт наличия периодических закономерностей – он свидетельствует о существовании объективных причин такого, казалось бы, спорадического процесса, как явление чудес святыми мощами.

Но еще более интересно совпадение периодичности динамики чудотворения с периодичностью, свойственной в целом экономическим процессам: с циклами Дж. Кичина (3,5 года), К. Югляра (Жюгляра) (7-11 лет), Н.Д. Кондратьева (48-55 лет) и вековыми циклами развития экономики[550].

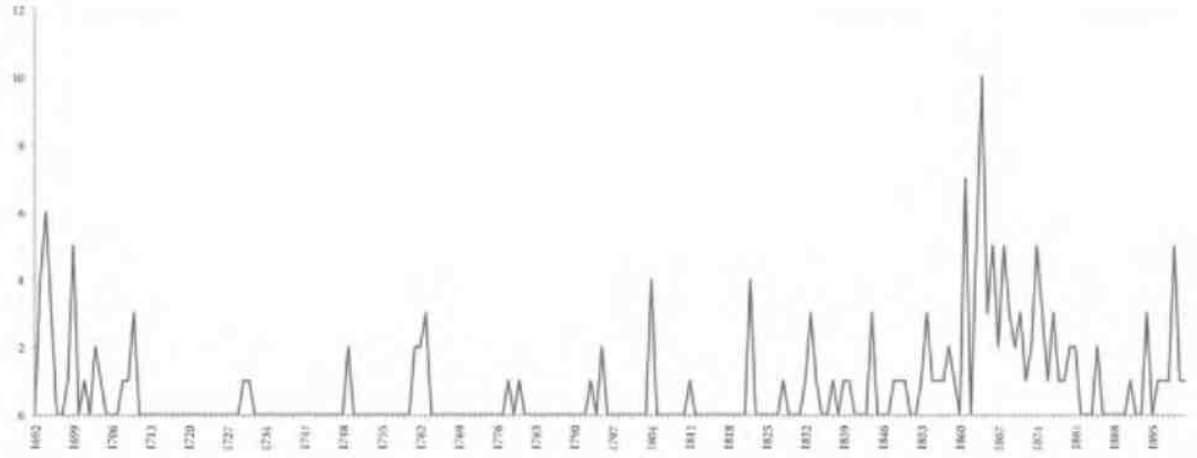

Рис.4. Динамика чудес и исцелений от мощей святого Симеона Верхотурского. 1692-1901 годы

Н.Д. Кондратьев в свое время уже указывал, что наибольшее количество социальных потрясений (войн, революций и т.д.) приходится на повышательную волну больших (пятидесятилетних) циклов, установив, таким образом, зависимость социальных процессов от экономических[551]. Применительно к нашим материалам необходимо признать наличие тесной, хотя и опосредованной социальной сферой, связи духовных, психологических явлений с изменениями, происходящими в экономике.

Социально-философские выводы относительно подобного рода фактов сделаны еще К. Марксом и мы не будем на них останавливаться, а рассмотрим явление в конкретно-научном плане. Ограниченность статистических рядов вынуждает нас отказаться от рафинированных методов исследования, поэтому ограничимся элементарной операцией пересчета количества исцелений по десятилетиям (табл.6).

Таблица 6

Количество чудес и исцелений от мощей св. Симеона Верхотурского по десятилетиям (1692-1900 годы)

1692-1700 – 19	1741-1750 – 2	1791-1800 – 3	1841-1850 – 7
1701-1710 – 11	1751-1760 – 0	1801-1810 – 4	1851-1860 – 11
1711-1720 – 3	1761-1770 – 7	1811-1820 – 1	1861-1870 – 45
1721-1730 – 1	1771-1780 – 7	1821-1830 – 5	1871-1880 – 24
1731-1740 – 1	1781-1790 – 0	1831-1840 – 8	1881-1890 – 6
			1891-1900 – 13

График, построенный по этим данным (рис.5), демонстрирует осредненные показатели динамики чудес и позволяет сделать некоторые наблюдения. Сосредоточим внимание лишь на той части графика, которая фиксирует резкое возрастание количества исцелений в период с третьего по девятое десятилетие XIX века.

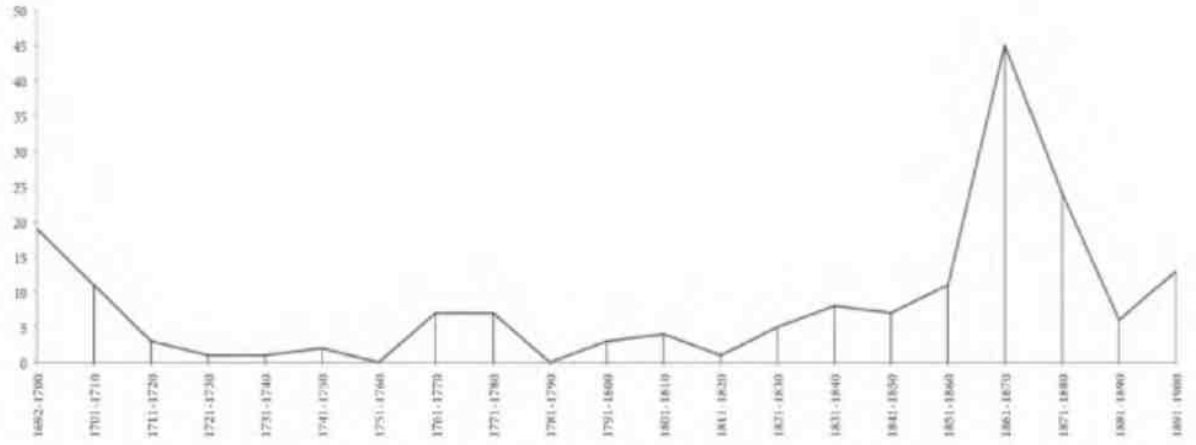

Рис.5. Динамика чудес и исцелений от мощей святого Симеона Верхотурского (по десятилетиям). 1692-1900 годы

Явление это беспрецедентно, и даже кратковременный спад в пятом десятилетии похож, скорее, на максимумы других периодов, чем на минимумы. Понять причину подобной активизации св. Симеона помогают любопытные эпизоды из истории Николаевского монастыря.

Для уточнения срока начала этого замечательного периода обратимся к табл.5 – первый всплеск исцелений (4 чуда) произошел в 1822 году. Известно, что в 1820-1821 Россию постиг серьезный неурожай, а на 1822 год пришелся пик роста хлебных цен[552]. В результате чего в стране резко обострилась социальная напряженность (восстание 14 декабря 1824 года тому подтверждение). Всегда сопутствующее подобным ситуациям психологическое напряжение, разрядилось в виде ряда чудесных исцелений внушаемых людей, что не укрылось от внимания тогдашнего настоятеля Николаевского монастыря архимандрита Афанасия, который очевидно и подал мысль новому епископу Пермскому и Верхотурскому Дионисию об официальной канонизации св. Симеона. Во исполнение указа Екатеринбургской Духовной Консистории 21 декабря 1896 года комиссия под председательством протоиерея Александра Удинцева, включающая представителей местного клира и полиции, произвела осмотр «письменных заявлений разными лицами о благодатной помощи по молитвам святого праведного Симеона» и составила акт, в котором указывала, что из 104 записей в книге копий 56 не имеют подлинных заявлений. Самое раннее из неподтвержденных чудес датируется 1837 годом, а самое позднее – 1881. В конце концов, было решено, что не имеющие соответствующих заявлений, но «означенные в копиях записи о благодатной помощи по молитвам св. праведного Симеона Комиссия считает достойным вероятия». Мы же обратим внимание на то, что после 1881 года в течение трех лет исцелений не происходило вообще, а далее число чудес резко снизилось по сравнению с 50-70-ми годами XIX столетия (с 24-45 до 6) и приблизилось к средним показателям XVIII – первой половины XIX века, которые, вероятно, и отражают среднестатистическое число людей, легко поддающихся внушению.

Совершенно очевидно, что перед нами случай целенаправленной деятельности, своеобразной пропагандистской кампании, направленной на привлечение в монастырь к мощам св. Симеона паломников, а значит и средств, в монастырскую казну. Поэтому не вызывает удивления совпадение хронологических границ данного процесса (1825-1881) и промышленного переворота (промышленной революции) в России (30-е – 80-90-е годы XIX века). В обоих случаях мы имеем дело с перестройкой экономики на капиталистических основаниях. Русская православная церковь не смогла остаться в стороне от идущих в стране социально-экономических процессов, и эксплуатация мощей святого была лишь одним из эпизодов включения Николаевского монастыря в капиталистические отношения.

Выводы о наличии в истории объективных процессов, сделанные на основе анализа процессов субъективных, разумеется, нельзя принимать без проверки. Такая проверка при отсутствии сколь нибудь полных данных о доходах монастыря во второй половине XIX века, хотя и затруднена, но все же возможна. Как уже отмечалось, каменное строительство, ведущееся монастырем, являлось своеобразным способом вложения капитала и достаточно точно отражало экономическое положение обители. Периоды интенсификации строительства представляли собой одновременно и периоды экономического роста. Для получения сравнимых результатов обобщим по десятилетиям все данные о каменном строительстве в Николаевском монастыре, почерпнутые у В.С. Баранова (см. табл.7).

Таблица 7

Количество каменных зданий, построенных
в Николаевском монастыре по десятилетиям (1692-1900 гг.)

1692-1700 – 0	1741-1750 – 2	1791-1800 – 0	1841-1850 – 0
1701-1710 – 0	1751-1760 – 1	1801-1810 – 1	1851-1860 – 7
1711-1720 – 1	1761-1770 – 0	1811-1820 – 0	1861-1870 – 1
1721-1730 – 1	1771-1780 – 2	1821-1830 – 1	1871-1880 – 0
1731-1740 – 0	1781-1790 – 0	1831-1840 – 0	1881-1890 – 1
			1891-1900 – 6

График, построенный по этим данным (рис.6), обнаруживает явное сходство с графиком исцелений, взятых по десятилетиям (рис.5) – выделяются 6 аналогичных полных периодов и начало седьмого.

Нас особенно интересует отрезок с третьего по девятое десятилетие XIX века: для него характерны те же два пика интенсивности (малый и большой), только минимум во втором случае выражен очень ярко. Но некоторое различие не должно нас смущать, поскольку совпадение и не может быть полным, в силу того, что динамика исцелений и динамика каменного строительства не взаимообусловлены, они детерминированы экономическими процессами и имеют собственные, присущие только им механизмы проявления.

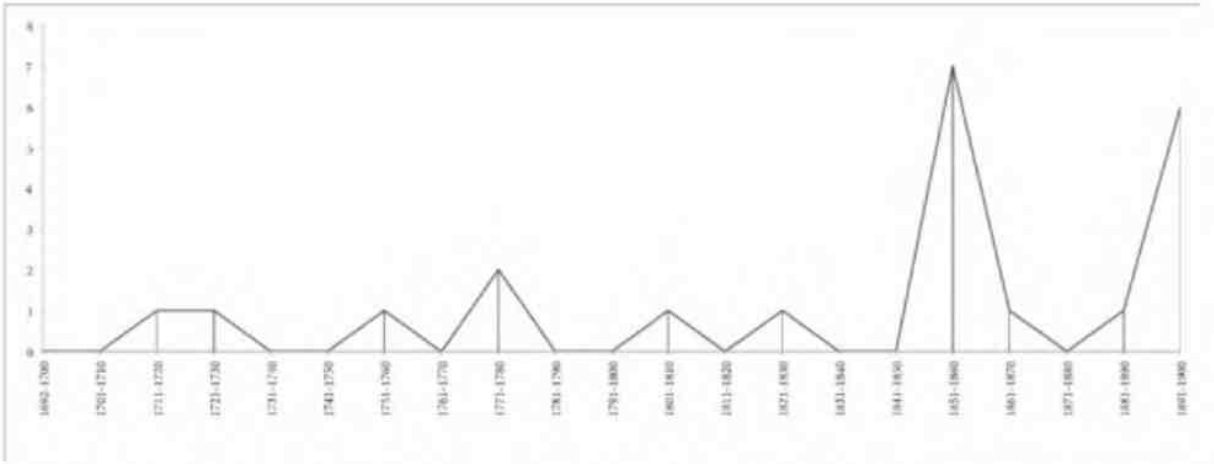

Рис.6. Динамика каменного строительства в Верхотурском Николаевском монастыре (по десятилетиям) 1692-1900 годы

Период капиталистической модернизации экономики обители, выраженный черезстроительство,оказалсянемногокорочеизаканчивается 80-ми годами XIX века. Однако налицо совпадение мерности двух различных процессов (духовного и материального), характеризующих капиталистическую модернизацию Николаевского монастыря.

Уточнить сроки завершения капиталистической модернизации экономики Николаевской обители помогают сведения о численности монастырской братии в 90-е годы XIX века. В последние пять лет рассматриваемого периода произошло резкое увеличение братии Николаевского монастыря: в 1893 году в Верхотурье числилось «монашествующих мужского пола» – 11 человек[553], в 1894 – 28[554], в 1895 – 32[555] и в 1897 – 90 человек[556]. В полицейскую статистику в графу «монашествующие» попали не только монастырские старцы, но и все люди проживающие в обители. Но даже в таком случае, более чем восьмикратное увеличение численности за шесть лет – этот факт может означать только одно - монастырю уже было по силам содержать такое количество «монашествующих». Очевидно, можно считать, что в 90-е годы XIX века в Николаевском монастыре закончился процесс модернизации, перестройки экономики обители на капиталистических основаниях. Завершение этого процесса было формально зафиксировано указом Святейшего Синода от 4 октября 1893 года за № 4584, согласно которому Николаевский монастырь с 1 января 1894 года обращался из штатного в общежительный по уставу принятому для Коневской обители.

Как же конкретно происходила модернизация экономической жизни Николаевского монастыря? В 1883 монастырь продал 2.755 книжек о Симеоне Верхотурском на сумму 1.308 рублей, и 9.702 икон на сумму 1.024 рублей[557]. Сравнение с данными 1864 года позволяет сделать некоторые наблюдения об изменении политики администрации обители в области пропаганды: число продаваемых брошюр увеличилась всего лишь на 9%, в то время как общая их стоимость возросла на 92,6%; за тот же период количество проданных икон выросло более чем шестикратно, а сумма продаж возросла менее чем вдвое.

Монастырские власти учли запросы двух основных категорий паломников: первой (образованнее и богаче), численность которой была относительно стабильна, предлагались дорожающие монастырские издания, а вторую (более бедную и менее образованную, но интенсивно растущую) снабжали недорогими литографическими иконками в соответствии с запросами и материальными возможностями.

Панорама главной площади Верхотурья. Справа Свято-Троицкий собор и стена кремля, слева – Спасо-Воскресенская церковь, прямо вдали храмы Покровского женского монастыря. Конец XIX века

Характерно, что в последней четверти XIX века уже не возникают новые способы и приемы экономической деятельности, а лишь совершенствуются найденные ранее. При этом используются появляющиеся технические возможности: рукописные иконы вытесняются более дешевыми литографическими и печатными.

В конце XIX века житие Симеона выходило уже девятым изданием, и только что назначенный из Валаама настоятель обители архимандрит Иов предпринял новый шаг по расширению печатной пропаганды. Он обратился к известному московскому церковному краеведу И.Ф. Токмакову с заказом на написание «подробного историко-статистического и археологического описания монастыря и жития Святого Праведного Симеона с чудесами сего угодника и рисунками в количестве 10 тысяч экземпляров[558]». Параллельно в 1895 году в газете Екатеринбургские епархиальные ведомости стала печататься отдельными выпусками статья «Верхотурский монастырь».

Пропаганда культа св. Симеона Верхотурского расширялась не только территориально. 17 января 1895 года депутация Перми и губернского земства по случаю восшествия на престол Николая II преподнесла царю икону св. Стефана Великопермского и Симеона Верхотурского, выполненную из цельного куска дымчатого топаза[559].

Верхотурский Николаевский монастырь развернул обширное собственное производство: швейную, столярную, сапожную, токарную, слесарную, малярную, живописную, переплетную и позолотную мастерские, а также кузницу.

В 1895 году монастырь приобрел 78 десятин 395 сажень пахотной земли под городом и 8 десятин 900 сажень сенокосу по р. Актай[560]. В итоге монастырь владел в конце XIX века 125 десятинами пахотной, сенокосной и приусадебной земли.

Актайскую заимку монастырская администрация использовала не столько в качестве сельхозугодий, сколько одного из филиалов обители. Здесь в 1879 и в 1880-х годах были выстроены здания для ночлега богомольцев, пребывающих в Верхотурье, а в 1894 часовня во имя Пресвятой Богородицы Живоносный источник[561]. После преобразования Николаевской обители из штатной в общежительный здесь был устроен скит с введением в нем общежительства и старчества, что очень способствовало духовному авторитету монастыря.

Пропаганда мощей св. Симеона давала ощутимую отдачу, так что к 1990-м годам перед обителью стала задача расширения площадей: в 1889-1890 выстроена полукаменная гостиница, в 1892-1894 – каменная, в 1895 – возводится каменное здание книжно-иконной лавки и деревянное для монастырской фотолаборатории.

В 1886 г. при монастыре была открыта больница на 10 коек с аптечным помещением, медицинский персонал которой был из земской больницы (врач А.А. Старцев и фельдшер С.В. Бабиков), а с 30 ноября 1889 г. при обители начала работу созданная по решению епархиального училищного совета церковно-приходская школа, где обучалось до 40 детей.

Превращение Верхотурья в крупный религиозный центр Урала нашло выражение не только в росте материального благосостояния Николаевского монастыря. В городе был создан своеобразный «дочерний» филиал славной обители. Существовавшая при Покровской церкви богадельня в 1889 году была превращена в «Богаделенное женское общежитие», состоящее под наблюдением совета под председательством настоятеля Николаевского мужского монастыря[562]. По указу Святейшего синода от 30 ноября 1895 года существовавшее в Верхотурье «Богаделенное женское общежитие» было «обращено» в Покровскую женскую общину, которая была открыта 27 марта 1896 года. По положению Комитета министров, высочайше утвержденному 6 июля 1897 года, общине были отведены из казенной дачи земельный и лесной участок площадью 1.000 десятин, находящийся в 6 верстах от города.

Однако не стоит думать, что процесс капиталистической перестройки автоматически приводил к экономическому расцвету и достижению общероссийской известности верхотурских монастырей. В известном своей полнотой и достоверностью словаре Брокгауза и Ефрона (1892) содержались не очень точные сведения о монастыре: «В Николаевском мужском монастыре (построен в 1604) стоят мощи св. Самсона (!? - П.К.) Праведного, верхотурского чудотворца, к которым стекается множество богомольцев даже из отдаленных мест России[563]».

Тоже можно сказать и о городе. В.П. Поляков так передает свои впечатления о Верхотурье середины 90-х годов XIX века: «Замечательно, что как прежде верхотурцы многое знали и были развиты, благодаря общению с проезжими людьми, так ныне очень мало коснулась их современная образованность.

Да и немудрено: город лежит в ста верстах от железной дороги, среди лесов и болот, и если бы не пребывание мощей праведника в г. Верхотурье, то скоро бы наступила естественная смерть этому городу…

К юбилею своему город Верхотурье является не чем иным как самым заурядным глухим уездным городком… По улицам летом везде трава и лужайки, манящие отдохнуть от летней жары где-нибудь у забора. Бывает оживление в городе только в великий пост, когда приходит и приезжает главная масса богомольцев (тысяч до 50 в год), и к 12-му сентября, дню перенесения мощей праведного Симеона из села Меркушино в Верхотурье. Жителей в нашем городе наберется не более 4-х тысяч, а домов – 421, с 1893 в г. Верхотурье введено упрощенное городовое положение, что также характеризует его малочисленность и бедность.

Вообще город Верхотурье только двигается вперед в умственном, промышленном, торговом и других отношениях, и поэтому и внешний вид его почти не улучшается. Местные жители занимаются, частию для домашнего обихода, земледелием да приемом на квартиры богомольцев… Верхотурье известно теперь благодаря пребыванию мощей праведника. С конца августа, т.е. после уборки со страдой, начинается усиленное паломническое движение к Верхотурью со всех трактов; богомольцы идут и прибывают в город «утугами»[564]; пешие, по внешнему виду небогатые, простые поселяне, с котомками за плечами и с посохами в руках. Таков, в общем, тип здешнего богомольца; он несколько отличен от типа «всероссийского богомольца». Но и среди верхотурских богомольцев, более или менее не из отдаленных пунктов, т.е. всей Сибири и Оренбургской, Уфимской, Вятской губерний, встречается нередко и тип того опытного странника, который уже не первый раз завершает круг по святым местам России и побывал даже за границей.

… в настоящее время город Верхотурье в религиозном отношении занимает весьма видное положение среди обширной Сибири и Восточной России[565]».

Надо отдать должное проницательности автора, он очень точно обрисовал положение города, отметил основное направление и уровень развития Верхотурья. Город и его главный монастырь в 1890-е годы именно «двигались» во всех отношениях, не достигнув еще максимума. В.П. Поляков верно указал основное препятствие прогресса – отдаленность от железной дороги, иными словами, оторванность от системной городской сети. Столь же верно он определил и единственно возможный путь развития – как религиозно-паломнического центра, сначала регионального, а затем и общероссийского масштаба.

Пожалуй, только в одном он ошибся – в оценке приобщенности населения Верхотурья к «современной образованности». Мы уже видели, как много усилий прилагали верхотурцы для того, чтобы дать своим детям образование, у того же Полякова упоминается купец И.А. Бронников, пожертвовавший 5.000 руб. на местные учебные заведения. Приобщение к культуре не происходило только в образовательной форме.

31 января 1882 года «с разрешения начальства» в городе состоялся любительский спектакль. Местные театралы поставили комедию в трех действиях В. Крылова «К мировому!» Очевидно, это был не первый и не последний спектакль в городе.

В последней четверти XIX века окончательно сложился новый способ экономического существования Верхотурья. Усилиями городских властей, органов местного самоуправления и монастырской администрации была проведена система организационных и экономических мероприятий, направленная на оптимальное осуществление культурно-конфессиональной функции города (в рекреационной ее форме).

1.3.5. ВЕРХОТУРЬЕ В 1897–1926 ГОДАХ. ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ

В 1897 году началась полоса неурожайных лет, которая породила самый тяжелый кризис относительного перепроизводства 1901 года. Всё это вкупе ознаменовало начало динамического периода в истории страны. Три революции и две войны, произошедшие в первой четверти XX века делают излишним напоминание о второй правильности Кондратьева. Хотя, Верхотурье, не имевшее промышленности (а, значит, и рабочего класса), не стало центром революционного движения, скорее наоборот. Политически инертные купеческое и мещанское сословия решительно преобладали.

Панорама Торговой улицы (ныне улица Ленина). Конец XIX века

В первом десятилетии XX века в Верхотурском уезде насчитывалось 547 населенных пунктов. Это средний показатель среди уездов Пермской губернии (Оханский – 3275, Ирбитский – 317). Но по плотности размещения городов и сел Верхотурский уезд занимал последнее место в губернии: 1 населенный пункт на 11.202 кв. десятины. Для сравнения, в Оханском уезде 1 населенный пункт приходился на 420 кв. дес., в Ирбитском – на 2.946 кв. дес. Некоторые населенные пункты уезда далеко превосходили Верхотурье по количеству жителей. Так, в Нижнетагильском заводе проживало 30.061 человек, в Нижнесалдинском – 12.983, Кушвинском – 9.279 и Алапаевском – 8.652 человека.

В конце XIX – начале XX века экономика Верхотурья стабилизировалась на новых основаниях. Бюджетный год заканчивался практически всегда с остатком: 1897 – 39,05 рублей, 1898 – 92,90 рубля, 1899 – 81,90 рубль[566]. Правда, в 1902 был дефицит бюджета, но просто смехотворный – 4 рубля 33 копейки[567].

Первое казенное промышленное предприятие появилось в городе в 1897 году, когда был открыт Верхотурский казенный № 10 винный склад[568], к городскому обществу были приписаны некоторые золото- и платинопромышленники. Добыча золота и платины сосредотачивалась главным образом в Верхотурском и Екатеринбургском уездах[569].

По всеобщей переписи населения России в 1897 году в Верхотурье проживало: дворян – 202, духовенства – 70, почетных потомственных граждан – 39, купцов – 40, мещан – 1455, крестьян – 1.345, казаков – 7, разночинцев – 21, всего: 1.771 м.п. и 1.408 ж.п. – 3.179 о.п.[570] По полицейской статистике на этот же 1897 год в городе насчитывалось: дворян: потомственных – 0; личных – 0; духовенства: белого – 26, монашествующих – 90; почетных граждан: потомственных – 0, личных – 12; городских сословий: купцов – 31, мещан – 3.081, цеховых – 0; крестьян – 12; военных сословий: войск – 145, отставные нижних чинов – 6. Итого: 3.403 чел. (м.п. - 1864, ж.п. – 1.539)[571]. При очевидной разнице в подсчетах мы склонны более верить данным полиции. 202 дворянина и 39 почетных гражданина для Верхотурья слишком много, скорее всего, перепись зафиксировала паломников из этих сословий, находившихся в тот момент в городе[572]. «Адрес-календарь Пермской губернии…» со ссылкой на материалы переписи 1897 год дает третий вариант исчисления населения Верхотурья: всего 2.939 человек, из них мужчин – 1.544, женщин – 1.393. Кроме того, «во временном отсутствии» 31 мужчина и 33 женщины[573]. Всего 3.368 человек (1.575 м.п. и 1.426 ж.п.).

По данным справочника «Города России в 1904 году» на этот срок в Верхотурье насчитывалось 3.154 жителя (м.п. – 1709, ж.п. – 1445)[574]. В Верхотурье был один банк, одна нотариальная контора и два страховых агента. Трое приставов, один помощник пристава и 5 нижних полицейских чинов следили за порядком в городе, а на единственной городской скотобойне забивалось 437 коров.

В 1904 году естественная убыль населения (исчисленная как разница между числом умерших и родившихся) составила 25 человек, а в 1905 – 29[575], в 1906 – 53[576]. В этих подсчетах земства зафиксировано явление, свойственное многим городам Сибири в первом десятилетии XX века. При отрицательном балансе рождений и смертности, население Верхотурья все-таки росло, видимо, за счет пришлого люда.

В 1904-1905 была проложена Богословская железная дорога, соединившая станцию Гора Благодать с г. Надеждинском (современный г. Серов). В 9 км от Верхотурья появилась одноименная станция. Трудно переоценить значение этого события для города. Верхотурье посредством железной дороги вновь оказалось включено в системную городскую сеть, теперь уже, главным образом, в качестве центра религиозного паломничества.

Понять состояние и направленность экономики Верхотурья в начале XX века помогает сравнение некоторых его статистических показателей с губернским центром и другими городами губернии на 1904 год, учитывая, что в Перми проживало 46.219 человек, т.е. в 13.5 раз больше[577]. В Верхотурье в 1904 жителей на одно строение приходилось 6,2 человека, в Перми – 11,1. Больниц, соответственно 1 (2), в них мест – 20 (926). Врачей – 4 (23), акушерок и повивальных бабок – 3 (12), фельдшеров – 3 (6), фельдшериц – 2 (8), ветеринаров – 1 (5). На одно больничное место приходилось: в Верхотурье – 158, в Перми – 50. То есть, жители губернского центра были в лучшем положении с размещением в больницах, а в Верхотурье было больше медицинских работников на душу населения (очевидно, здесь чаще лечились амбулаторно). Квартирный вопрос в Верхотурье стоял менее остро. По распространенности средств сообщения и связи уездный центр очень отставал от губернского: извозчиков – 6 (654), телефонных номеров – 0 (269). Но это и понятно, в Верхотурье за 20 минут можно было пешком пройти в любой конец города. Городской бюджет Верхотурья был невелик – 11,9 тыс. рублей, но этот показатель в расчете на душу населения (3,7 рубля) был средним по губернии. В Ирбите он равнялся 10,1 рублям, в Екатеринбурге – 8.0, в Чердыни – 7,1, Красноуфимске – 2,7, Дедюхине – 1,0, Перми – 0,9 и Алапаевске – 0,2. По количеству фабрик, заводов, ремесленных заведений и местных промыслов Верхотурье безнадежно отставало от Перми: фабрик и заводов – 0 (17), рабочих – 0 (1.241), сумма производства в тыс. руб. – 0 (50.118), ремесленных заведений – 2 (902), число ремесленников – 2 (182).

В области культуры и образования Верхотурье находилось вполне на уровне губернского города: учебных заведений (средних и низших) – 7 (32), учащихся – 588 (5.888), жителей на одно учебное заведение – 451 (1.444). Хотя в Перми спектр предлагаемых образовательных услуг был шире (в Верхотурье не было еще мужских средних школ), но в уездном центре образование получить было легче. Интересно, что в Верхотурье просто-напросто отсутствовали какие-либо учреждения благотворительности, очевидно, вся подобная деятельность была сосредоточена в городских монастырях.

Зато в области гостиничного сервиса и общественного питания Пермь оставалась далеко позади: гостиниц и номеров – 2 (10), постоялых дворов – 11 (9), трактиров, харчевен и чайных – 2 (18), жителей на один трактир – 1.577 (2.568). Такое развитие сферы услуг было вызвано спецификой городской экономики, нацеленной на обслуживание все возрастающего потока паломников. Кстати, цены на основные продукты и товары широкого спроса (хлеб, мясо, керосин) в Верхотурье были несколько выше пермских, как и положено в туристическом центре. В Верхотурье было 14 храмов против 28 в Перми, здесь приходилось 225 городских жителей на один храм – это самый низкий показатель в губернии. Для сравнения, в Чердыни он составлял – 247 человек, в Долматове – 282, В Перми – 1.401 и в Екатеринбурге – 2.059 человек. Численность приходов верхотурских храмов слишком мала для обеспечения достойного содержание причта, из этого необходимо заключить, что не приходы составляли главный источник их доходов.

Паломники, приходившие поклониться мощам Симеона Верхотурского, неизбежно посещали и немонастырские церкви города, оставляя в них часть своих средств. Таким образом, можно констатировать, что Верхотурье в первом десятилетии XX века превратилось в капиталистический город в особой форме, как бы мы сейчас сказали, туристического центра.

Городские доходы в 1905 годк составили 13.148,44 рубля, а расходы – 11.368,87, таким образом, финансовый год был закончен в Верхотурье с положительным сальдо – 1.777,57 рублей[578]. А в 1908 остаток составил целых 2.445,58 рублей, в 1909 было некоторое понижение – всего 224,04 рубля[579].

24 февраля 1907 года Верхотурской Земской Управой было получено предложение Пермского губернатора о переводе административных и земских учреждений в Нижне-Тагильский завод, которое бурно обсуждалось 21 сессией уездного земского собрания. Помня опыт «Тагильского пленения» Верхотурская земская администрация отчаянно сопротивлялась подобному решению вопроса, понимая, что лишение Верхотурья даже части его административных функций катастрофически скажется на экономическом положении города. В конце концов, все властные органы остались в Верхотурье. Отцы города, помня опыт 1870-х годов с телеграфом, для того, что бы избежать упреков в неоперативности управления, в том же году установили в земстве телефон, который, правда, был связан первоначально только с Алапаевском.

Крестный ход в Актае. Храм Божьей матери «Живоносный источник». Начало XX века

Верхотурье 1910 года уже разительно изменилось в сравнении с XIX столетием. В «Словаре Верхотурского уезда...» И.Я. Кривощекова говорилось: «Современное состояние города весьма заметно идет к улучшению, чему способствовало проведение Богословской железной дороги в 1904-1905 гг., а также увеличение населения в округе города путем переселения из других губерний ... Учебных заведений женская гимназия, городское училище, приходское мужское, городское женское и монастырская богадельня, детский приют, основанный

М.А. Мухлыниной, и два детских приюта при мужском и женском монастырях; больниц 2, земская и переселенческая, земская аптека, клуб и театр, общество потребителей, земская управа, ссудная касса для служащих при земской управе, городская управа и городской общественный банк Попова. Торговых лавок 115, книжных лавок 2, промышленных и ремесленных заведений 54, гостиниц 3, торговые бани, фотографий 3, ренсковых погребов 4, пивных лавок 8, типографии 2, лесопилок паровых 4, мельниц 2 паровых и 1 вододействующая, страховых агентов 3.

Правительственные учреждения: уездный съезд, казначейство, почтово-телеграфная контора, управление воинского начальника, помещ. управления, переселенческое управление, казенный винный склад и 2 винные лавки и 3 тюрьмы. Домов каменных 13 и деревянных 737, в них жителей мужского пола до 3.000 человек и женского пола 1.874[580]».

То есть общее население Верхотурья в 1908 составляло 4.874 человека.

Судя по этим цифрам, за 4 года численность мужчин выросла на 1.291 человека (в 1,76 раза), а женщин всего на 429 чел. (в 1,3 раза). В целом же население Верхотурья увеличилось на 1.624 человека (в 1,55 раза).

Причины такого бурного роста указал И.Я. Кривощеков, но стоит обратить внимание на непропорциональное умножение мужского населения – свидетельство того, что в город прибывали в основном молодые, не обремененные семьей люди, желавшие устроить свою судьбу в новом, перспективном месте. Видимо, Верхотурье становилось таковым.

Вольно или невольно Верхотурское уездное земство способствовало процветанию монастырей, хотя бы заботясь о поддержании в надлежащем порядке дорожной сети уезда, по которым и происходил основной приток паломников в Верхотурье. В 1910 году земство Верхотурского уезда расходовало на содержание дорожного технического персонала 4.320 рублей – больше, чем любое другое земство губернии[581].

В 1911 году на устройство и содержание дорожного полотна трактов, дорожных сооружений, перевозов и т.д. было израсходовано 28.628 рублей 18 копеек. На содержание имеющихся в городе «казенных учебных заведений» в 1911 году было потрачено: женской гимназии – 17.960 рублей; общеобразовательного городского четырехклассного училища – 2.020 рублей; ремесленного отделения – 300 рублей. На содержание городской публичной библиотеки – 150 рублей[582].

Однако не стоит думать, что духовная жизнь верхотурцев исчерпывалась исключительно религиозными интересами. Земские деятели активно занимались краеведческой работой, результаты которой легли в основу известного «Словаря Верхотурского уезда…» И.Я. Кривощекова, в 1909-1910 годах жившего в Верхотурье. В 1915 году выросшая городская общественная библиотека была преобразована в центральную земскую библиотеку. В Верхотурье гастролировала цирковая труппа[583]. Тогда же был выстроен Народный дом, аналог современных дворцов культуры, главной задачей которого было вовлечение населения города в различные формы внешкольного образования.

Бюджет Верхотурья начала второго десятилетия XX века наглядно характеризует политику местных властей. На конец 1911 финансового года в городской казне осталось 798,48 рублей, в 1912 – 1.808,48 рублей.

А вот в 1913 зафиксирован огромный по меркам Верхотурья дефицит в 2.253 рубля 69 копеек, хотя на следующий год баланс снова стал положительным – 1.849,44 рублей[584]. Не приходится сомневаться, что перерасход средств в 1913 году был допущен сознательно для обеспечения торжеств по поводу 300-летия дома Романовых и освящения нового Крестовоздвиженского храма в Николаевском монастыре, которые были проведены в начале сентября, чуть ранее чествования мощей Св. Симеона. На празднество ждали августейшее семейство и за расходами не постояли.

«Журнал о поверке торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий в г. Верхотурье»[585] 1912 года насчитывает 115 производственных предприятий и торговых точек от каменных магазинов до «передвижного помещения для торговли мануфактурой, отрезками и остатками» и будки с мелочными товарами. Годовой оборот 54 крупнейших городских торговых точек (оборот свыше 1.000 рублей) в сумме составлял 414.100 рублей.

Частных производств в Верхотурье было немного: типография и переплетная мастерская Н.С. Ананьина, переплетная мастерская Л.А. Бутыгина, кузнечно-экипажное заведение Ф.С. Верхорубова, медно-лудильно-никелировочное слесарное заведение Г.Е. Васильева, кожевенный завод Е.П. Желвакова, два кирпичный завода, принадлежащих Николаевскому монастырю и И.Н. Пенскому (7 работников), сапожная мастерская Л.Ф. Чайникова, часовая и ювелирная мастерская Берх-Цейта, две артели плотников М.М. Ведерникова и Я.А. Самоделкина (8 работников), а также паровая мельница с деревообделочным производством Т-ва Шевкуненко и Бурмантова (4 работника).

О расширении торговых связей с уездом свидетельствует большое количество заведений хлебной (зерновой, крупчатой и мучной) торговли, участники которой имели, как правило, самые большие обороты: А.К. и М.К. Жернаковы, М.П. Лебедев, К.В. Лихачев, И.С. Петров, И.А. Сумкин (1.200 рублей), П.А. Логинов (5.000), М.П. Постников (15.000), И.С. Петров (17.000), А.М. Ворошилов (20.000), И.Ф. Цыренщиков (25.000), А.Ф. Цыренщиков (30.000) и И.Н. Горбашев (35.000).

Портных, работающих на заказ в «Журнале…» не упоминается, зато в городе есть 5 магазинов и лавок, торгующих шапками, фуражками, готовым платьем и обувью (Д.И. Багина, В.М. Козлова, В.Н. Комарова, Л.Ф. Чайникова, Я.В. Швецова), обслуживавших, в основном, городское население. Кроме того, 8 лавок и будок с готовым «простонародным» или «крестьянским» платьем и обувью (В.Н. Комарова, С.А. Кротова, А.А. Михайловой, Т.Н. Поливкина, Н.С. Сибирева и братьев А.Г. и И.Г. Тюленевых), обеспечивающие этими товарами увеличивающееся население уезда.

В Верхотурье было 9 пивных лавок и оптовых складов (Александрова, М.А. Злокозова и Н.И. Гребельникова). Пивным королем в городе был купец Александров, его годовой оборот достигал 18.500 рублей.

Торговлю свежими фруктами сосредоточили в своих руках, главным образом, торговцы татарской национальности: Г. Хайбуллин (3.000 рублей), Г. Мухаметзянов (2.000), С. Исламкулов (три заведения), Х.Т. Валитов (8.000), бр. Гаевы (3.000 и 2.500 рублей). К услугам приезжих были ресторан II разряда Г.Л. Гаева с 2 официантами (2.500 рублей), трактирное заведение II разряда С.Г. Рагозина (1.500), буфет при Верхотурском общественном собрании (2.500), чайная-столовая М.Д. Глазунова, булочное и кондитерское заведение С.И. Золотиной, булочная и кондитерская П.Н. Буртова (2.400), на худой конец, рыночная будка с продажей горячей пищи М.А. Злобиной. Помимо монастырских гостиниц в городе можно было остановиться в меблированных комнатах А.А. Живилова и И.А. Артамонова (годовой оборот последнего составлял 1.500 рублей)

Чтобы определить рыночную конъюнктуру Верхотурья рассмотрим, какие торговые предприятия открылись непосредственно в 1912 году. Их можно разделить на две группы. Предприятия первой (меньшей) группы удовлетворяли постоянные и долговременные потребности населения Верхотурья и уезда. Среди них: торговля мануфактурными и бакалейными товарами иностранными и русскими Л.В. Власова, лавка с хлебным товаром И.С. Петрова и торговля готовым платьем и обувью Л.Ф. Чайникова. Вторая (большая) ориентирована на удовлетворение ежедневных потребностей, возникающих у людей, не имеющих собственного подсобного хозяйства или приехавших из других мест. Пивной оптовый склад (заметим, что уже третий в городе) и пивная лавка (шестая) Н.И. Гребельникова (всего 6 работников), очевидно, не были лишними в Верхотурье в связи с наплывом приезжих. Трудно предположить, что все это пиво выпивалось только местным населением. И.А. Артамонов, уже державший меблированные комнаты, в дополнение к ним открыл заведение для производства фруктовых вод и подвал с фруктами и бакалейными товарами, найдя незанятую экономическую нишу на рынке прохладительных напитков, в то же время, составив конкуренцию татарским купцам. Сферу общественного питания дополнила чайная-столовая М.Д. Глазунова. Небольшие, но досадные проблемы приезжим и местным жителям помогали решить в будке с мелочными товарами В.Л. Васенина, располагавшейся на рынке.

Как видно, вновь возникшие торговые точки, в большинстве своем были рассчитаны на прием и обслуживание людей, прибывающих из других мест России. Верхотурье первой четверти XX века – уже оформившийся крупный религиозно-паломнический центр, его экономика имела ярко выраженную рекреационную направленность.

В то же время, экономика города в некоторых чертах еще несла отпечаток прошедшего XIX столетия. Даже в 1911 году по докладу верхотурского уездного исправника: «Для части населения охота как промысел является единственным источником пропитания»[586]. Охота, сбор кедровых орехов, брусники, клюквы приходились на конец лета – начало осени и совпадали с пиком паломничества, что обеспечивало сбыт собранным запасам. Традиционное поневоле (хотя и не очень городское) занятие горожан удачно вписалось в новые экономические реалии.

В 1912 году на 43 сессии Верхотурского уездного земского собрания было принято решение о постройке моста через реку Туру у села Меркушино[587], что предполагалось сделать явно для удобства верующих, которые массой приходили на место обретения мощей св. Симеона Верхотурского к святому источнику. Заметим, что в это время в самом Верхотурье переправа в Заречную слободу осуществлялась посредством парома, а обсуждаемый в земской управе проект строительства шестипролетного моста около Покровского монастыря, остался неосуществленным. В то же время ходатайство Екатеринбургской Метеорологической Обсерватории об ассигновании 240 рублей на жалование наблюдателю Верхотурской станции, как и другие, были отклонены[588]. В 1913 была закрыта земская типография[589]. Город не оставался равнодушен к монастырским нуждам, прекрасно понимая, что во многом именно с притоком паломников связано его экономическое процветание.

Компания по пропаганде мощей св. Симеона и Николаевского монастыря в печати приобрела особый размах на грани веков. В 1899 году вышла книга П. Токмакова «Историко-статистическое и археологическое описание города Верхотурья с уездом (Перм. губ.) в связи с историческим сказанием о житии Св. Праведного Симеона Верхотурского чудотворца», на год опоздав к 300-летнему юбилею города. В 1904 в Петербурге был опубликован очерк И.Н. Божерянинова «300 лет со дня основания Верхотурского Николаевского монастыря и двухвековое пребывание в нем св. мощей чудотворца Симеона Верхотурского», название которого говорит само за себя.

В первое десятилетие XX века одна за другой стали выходить работы В.С. Баранова, ставшего своеобразным летописцем Николаевского монастыря и церковного Верхотурья: «Краткий исторический очерк Покровской женской общины» (1903), «Древний кремль гор. Верхотурья. Свято-Троицкий собор и часовня» (1908), «Летопись Верхотурского Николаевского Мужского Общежительного монастыря» (1910), «Новый Крестовоздвиженский собор (историческое описание) и торжества освящения главного престола сего величественного собора (11-12 сентября 1913 года» (1914), имевшие явную религиозно-краеведческую направленность. В отличие от книги П. Торопова работы В.С. Баранова представляли собой компиляцию сведений различных источников (прежде всего из монастырского архива), газетных публикаций и пр., дополненные личными впечатлениями автора о событиях, которым он был свидетелем.

Существовавшее в Екатеринбурге Братство Симеона Верхотурского в ознаменование обретения мощей Святого Праведного Симеона Верхотурского заложило с участием Екатеринбургского викарного епископа Иринея 27 июня 1901 года Симеоновскую церковь-школу. Ее открытие было приурочено к Симеонову дню – 26 сентября 1905 года[590]. А в 1904 году в Николаевском монастыре был торжественно отмечен двойной юбилей: 300-летие основания обители и 200-летие перенесения в него мощей св. Симеона.

Несколько слов к оценке состояния Верхотурского Николаевского монастыря в первом десятилетии XX века. В современных популярных работах роль и значение обители несколько преувеличивается, отчасти из-за некритического отношения к публикациям XIX – начала XX века, носивших апологетический, юбилейный характер, а отчасти из-за субъективного отношения к известным фактам. Общероссийская известность обители до некоторой степени гиперболизируется, иначе вряд ли «Полный православный богословский энциклопедический словарь» допустил бы досадную ошибку «Верхотурский Николаевский мужской общежительный, 2 класса, монастырь, в г. Верхотурове[591] (!?)...» Что касается численности иноков, то справочник «Православные русские обители», вышедший в 1910 году, оценивает ее как скромную: «Обитель немноголюдна. Управляет ею игумен[592]». Хотя монастырь возглавлялся не просто игуменом, а архимандритом. В самом деле, на 1 января 1906 года братии в монастыре было: архимандрит (заштатный) – 1, иеромонахов – 11, иеродиаконов – 6, монахов – 14, послушников, причисленных указами – 18, лиц, проживающих по паспортам – 123, малолетних и певцов – 15. Из 188 человек, проживающих в монастыре, только 50 принадлежали к духовному званию.

Вид на Покровский монастырь с Заречной стороны Верхотурья. Начало XX века

В 1912 году Николаевский монастырь по своей экономической мощи уступал не только Троицко-Сергиевской лавре, имевшей 1.369.076 рублей годового дохода, или Александро-Невской лавре, имевшей 30 доходных домов в Петербурге и 40 товарных складов, но по многим показателям и более молодой (с 1809 года) Екатеринбургской Ново-Тихвинской женской обители, которая принадлежала к 1 классу, была «весьма многолюдна», имела 6 храмов и 25 частиц святых мощей.

Всероссийскую известность Николаевский монастырь приобрел только на грани второго десятилетия XX века. И эти страницы истории обители связаны с именами членов царствующего дома и Г. Распутина (Новых).

В 1908 году, находящиеся тогда в Петербурге иеромонах Ксенофонт и инок Игнатий были приглашены посетить императрицу Александру Федоровну в Царском Селе. В тот же день она принимала министра финансов Коковцева, министра путей сообщения С. Шауфуса, обер-прокурора Св. Синода Извольского и генерал-лейтенанта Трепова[593]. В 1911 году императрица прислала игумену Ксенофонту облачение, перешитое из платья, в которое она была одета во время коронации.

Строительство Крестовоздвиженского собора. Начало XX века

В фонде Николаевского монастыря ГАСО хранятся несколько десятков телеграмм отправленных монастырской администрации членами императорской фамилии. Кроме многочисленных поздравительных (пасхальных и пр.) посланий имеются телеграммы, которые свидетельствуют о том, что отношения адресатов выходили за рамки обычного протокола. Так в телеграмме № 24, отправленной из летней резиденции Беззаботное 29 июля 1910 года, Николай II сообщал, что назавтра будет присутствовать при освящении храма во имя Св. Симеона Верхотурского. А спустя некоторое время он надиктовал текст телеграммы в Верхотурье непосредственно перед выходом на богослужение с просьбой братии совершить молитвы у раки Св. Симеона. Великая княгиня Анастасия Николаевна просила молитвенной помощи у верхотурских старцев перед поездкой в Крым и возвращением в Петербург. В телеграмме № 498 от 20 июля 1914 года великая княгиня Елизавета Федоровна, которая незадолго до того побывала в Верхотурье, писала следующее: «Очень прошу помолиться за всю мою семью и дорогую Нашу Родину ужасно скорбное и тяжелое время. Ваш небесный покровитель Симеон Праведный меня прошлую войну укреплял и теперь как бы получила его благословение» [594].

13 мая 1914 года произошло перенесение мощей св. Симеона Верхотурского из Николаевского храма в Крестовоздвиженский и по этому случаю августейшее семейство преподнесло обители «благолепную сень» к раке, где покоились мощи. Сень богато украшенная, несла на себе изображения ангелов-хранителей членов семьи Николая II и святых, чьи праздники совпадали с их днями рождения. Императрица с дочерями лично вышили покрова и воздуха для служб в Крестовоздвиженском соборе.

Насколько тесной была связь царской семьи с монастырем свидетельствует тот факт, что после смерти всех ее членов следователь Н.А. Соколов обнаружил среди оставшихся вещей: «образ Святого Симеона Верхотурского, принадлежавший Государыне, еще один образ Святого Симеона Верхотурского, но уже на эмали, «флакон с изображением на нем Святого Симеона Верхотурского, наполненный наполовину водой», освященная 12 июня 1914 года на мощах Святого Симеона Верхотурского икона Святого Николая Чудотворца с инициалами «А.В.»; красочный, чеканенный на гипсе и деревянный в металлической рамочке образки Святого Симеона, а также принадлежавшие великой княгине Татьяне Николаевне «Житие и чудеса Святого Праведного Симеона Верхотурского», подаренное её матерью в Тобольске в 1917 году, и закладка с образом Святого Симеона Верхотурского[595].

Когда комитет по сбору средств на строительство каменной часовни над могилой Козьмы Юродивого у Свято-Троицкого собора объявил подписку, то одним из первых прислал 100 рублей «Кронштадский пастырь – о. Иоанн Сергеев», тот самый, которого позднее стали именовать просто Иоанн Кронштадский (как святого)[596]. Бывал в Верхотурье и Г. Распутин, по крайней мере, дважды наезжал в июле и августе 1916 года[597].

Это были уже признаки общероссийского признания. По случаю освящения Крестовоздвиженского храма 12 сентября 1913 года в обитель поступили поздравительные телеграммы и письма из Ливадии и Беловежа, где были в тот момент члены царской семьи, из Москвы, Петербурга, Перми, Екатеринбурга, Ирбита, Нижнего Тагила, Невьянского, Каменского, Каслинского заводов, Долматова, Вятки, Иркутска, Крапивны, Казани, Челябинска, Чернигова, Тамбова, Уфы, Якутска, Кемли Нижегородской губернии и др.

Но администрация монастыря не останавливается на достигнутом. Регулярно издавалась литература об истории монастыря, разного рода путеводители, производились сувениры (типа пузырьков для святой воды с изображением св. Симеона) и т.д. После того как Николай II с семейством подарил обители драгоценную сень для раки св. Симеона администрацией обители и епархией с 6 по 24 мая 1914 года было организовано грандиозное паломничество из Екатеринбурга в Верхотурье[598]. Во втором десятилетии XX века количество паломников, прибывающих поклониться монастырским святыням, выросло до 90-120 тысяч человек в год[599]. Монастырь настолько обогатился, что мог позволить себе отчислять на нужды различных епархиальных учреждений ежегодно по 6.200 рублей, и, кроме того, содержать собственные школы и приюты.

Дешевым трудом «лиц, проживающих по паспорту», и вовсе даровым трудом паломников умножалось благополучие монашеского общежития. Наконец, определением Святейшего Синода от 4-22 ноября 1913 года за № 10785 Верхотурский Николаевский второклассный общежительный монастырь «во внимание к его древнему существованию и особенному религиозно-просветительскому значению для окрестного населения» возводится в степень первоклассного с 1 января 1914 года[600].

Монастырь обладал заметным духовным влиянием и авторитетом, особенно этому способствовал институт старчества, части братии, живущей по особенно строгим правилам. Среди них особенно были известны схимонах Илия (Чеботарев), приехавший с Валаама.

Вид на Свято-Николаевский мужской монастырь. Начало XX века

На 1 января 1919 года в Николаевском монастыре насчитывалось 192 человека[601]. Расцвет Николаевского монастыря благотворно отразился и на Верхотурье – оно вновь после длительного периода упадка стало бойким, оживленным городком. Роль монастыря проявилась даже в изменении облика города: огромный Крестовоздвиженский собор стал главной архитектурной доминантой, затмив собой более изящный, но менее внушительный Свято-Троицкий храм[602].

Бурно стала развиваться и женская обитель. Особая роль Николаевского монастыря в возрождении Покровского монастыря проявилась в том, что его настоятель архимандрит Григорий (Зеленин) лично принимал участие, как писал В.С. Баранов, «в осуществлении официального общежития и затем в преобразовании его в общину», а, кроме того, обеспечил новую общину капиталом в сумме 25.000 рублей, проценты с которого шли на ее содержание. Мать архимандрита Григория М.Т. Зеленина пожертвовала Покровскому монастырю свою усадьбу, на территории которой он и расположился. На средства Николаевского монастыря (10.000 рублей) был построен большой деревянный двухэтажный дом и капитально отремонтированы надворные постройки.

В 1902 году была освящена монастырская Покровская (Новопокровская) церковь, где было установлено несколько храмовых праздников: Покрова Пресвятой Богородицы – 1 октября, святого Великомученика и Целителя Пантелеймона – 27 июля, икон Божией Матери: «Иверския» – 13 октября и «Скоропослушницы» – 9 ноября. Как можно заметить, храмовые праздники Покровского храма приурочены к концу лета – осени, поближе к 12 сентября, дню поминовения Симеона Верхотурского, что было сделано явно с расчетом на приток паломников в монастырь-метрополию. Особенно привлекательными для богомольцев службы в монастырском храме были благодаря чудесному церковному пению, которым славились сестры. В 1905 году Покровской общиной была построена деревянная часовня в честь святого Алексея Митрополита Московского на станции «Верхотурье» Богословской железной дороги, что в 9 км от города, встречающая паломников, приезжающих железной дорогой.

Около 150 сестер проживало в Покровском монастыре в конце первого десятилетия XX века. Они занимались, кроме сельскохозяйственных работ, также шитьем полотну, тканьем холста, полотна и половиков, изготовлением искусственных цветов, выпеканием просфор для всех церквей города.

А в 1906 году была создана иконописная мастерская, которая, по замечаниям современников, начала «порядочно развиваться». В связи с существенными успехами, определением Святейшего синода от 17/31 января 1907 года за № 178 Верхотурская Покровская женская община была преобразована в женский общежительный монастырь[603]. На Нижнетагильской кустарной выставке, устроенной в 1908 году Верхотурским уездным земством, изделия мастериц монастыря получили большую серебряную медаль[604]. История повторялась: Николаевский мужской монастырь, как и в 1621 году, приобрел монастырь-спутник, совместно с которым бы он более успешно мог выполнять свои функции. Заметим, кстати, что в 90-е годы XX века история повторилась в третий раз.

Экономика верхотурских монастырей продолжала развиваться на путях, определенных во второй половине XIX века, и, казалось, наивысший подъем еще впереди, но известные события круто изменили историю обителей, приведя, в конечном счете, к их закрытию.

* * *

Победа Октябрьской революции коренным образом изменила обстановку в стране и в Верхотурье.

Еще в мае 1917 года Уралобком РСДРП(б) командировал в Верхотурье опытного партийного работника Б.В. Дидковского, который очень энергично повел дело, стал председателем продовольственной управы уезда, и в октябре 1917 года, получив известия о победе большевиков в Петрограде, разоружил местную милицию и распустил уездное земство.

21 января 1918 года в Верхотурье возник стачечный комитет в защиту Учредительного собрания, распущенного большевиками в Петрограде, возглавленный В.Я. Бахтеевым и В.А. Ардашевым. Члены комитета призвали общественность к бойкоту Советской власти, забастовке в поддержку Учредительного собрания, восстановления земских учреждений.

Организаторы комитета были сразу же арестованы и отправлены в Екатеринбург. Других серьезных проявлений сопротивления большевистской власти в городе отмечено не было[605]. III Уральский областной съезд Советов резолюцией от 29 января 1918 года постановил, что «все городские, волостные и земские самоуправления упраздняются по мере охватывания советами хозяйственных функций». Взамен старых полицейских и судебных органов, согласно полученному комиссаром Советской власти верхотурского уездациркуляра Пермского губисполкома Советов от 16 марта 1918 года создавались рабоче-крестьянские следственные комиссии, народные суды и милиция. Окончательно земские учреждения были ликвидированы как «самостоятельные единицы» резолюцией Пермского губернского совещания представителей уездных советов от 1 апреля 1918 года. Аналогичное решение принял I объединенный Пермский губернский съезд Советов: «является не только излишним, но даже вредным дальнейшее участие в государственной жизни городских и земских самоуправлений. Поэтому съезд предлагает всем Советам на местах ликвидировать городские думы и земства там, где они еще существуют, и взять их работу на себя[606]».

В Информационном листке № 91 отдела местного управления Народного комиссариата внутренних дел сообщалось: «В уездном исполнительном комитете 17 человек, из которых 11 большевиков. Все декреты и указания центральной власти проводятся в жизнь безотлагательно. Старые правительственные городские и земские учреждения упразднены... Милиция упразднена и создается уездная советская охрана[607]». С 1918 года в Верхотурье стала выходить городская газета «Новая жизнь» – старейшая районная газета в Свердловской области[608].

Капитан колчаковской армии Н.Н.Казагранди

Наиболее богатая часть населения Верхотурья покинула город. Это становится ясно из «Списка жителей города Верхотурья, подлежащих обложению подоходно-прогрессивным налогом за 1918 год». На месте остались всего четверо предпринимателей с годовым доходом свыше 700 руб.: братья Исматкуловы, А.Г. Габитов, Ф.Е. Шведов и А.Г. Опокин – не самые известные верхотурские фамилии. А на 1 августа по адресам Свияжская, 5 (Вера Ивановна Мухлынина), Постниковская, 1 (Алексей Васильевич Лапин), Большая, 15 (Семен Николаевич Лапин) и еще в четырех домах никто не представил сведений о доходах[609].

Начавшаяся в стране гражданская война вскоре докатилась и до Верхотурья. Его стратегическая важность для обеих воюющих сторон заключалась в том, что обладание городом открывало путь на Пермь, поэтому и ход боевых действий в уезде определялся ситуацией вокруг губернского центра. В ходе наступления на Пермь 13 октября 1918 года в Верхотурье вошел полк белых во главе с капитаном Казагранди. Колчаковские части находились Верхотурье почти десять месяцев. Братия Николаевского монастыря во главе с игуменом о. Ксенофонтом, которая при большевиках была практически выселена на монастырскую заимку «Актай», активно сотрудничала с белогвардейцами[610]. В декабре 1918 года монахи совместно с земством подарили полку знамя с надписью «С нами Бог»[611].

19 июля 1919 года Верхотурье было занято красными: полком И.В. Боряева и партизанским отрядом А. Никитина. С 30 июля в городе начал работать Военно-революционный комитет под председательством Казанцева. Игумен Ксенофонт вместе с монахами, забрав мощи св. Симеона, предприняли попытку эвакуироваться в Тобольск, но не смогли выехать и укрылись в Красносельском женском монастыре на границе Ирбитского уезда. Братия вернулась в Верхотурье только в 1920 году.

В 1920-1921 экономическая жизнь Верхотурья стала постепенно налаживаться: заработали немногочисленные предприятия: кожевенный завод и паровая мельница. Открылись школы. В январе 1921 года в Верхотурье стараниями краеведа Л.М. Каптерева были созданы Общество по изучению Верхотурского края и при нем краеведческий музей, разместившийся в бывшем монастырском доме для почетных гостей[612].

В 1920 в Верхотурье насчитывалось 4.556 человек обоего пола: 1.912 мужчин и 2.644 женщины, ведущих 616 «наличных хозяйств». Если прибавить к этому числу еще 530 человек проживающих на одноименной железнодорожной станции в 22 домах, то всего в городе насчитывалось 5.086 человек в 638 дворах[613].

Игумен Свято-Николаевского монастыря Ксенофонт

Перемены, происходившие в стране, не миновали и Николаевский монастырь. В марте 1922 года на основании решения ВЦИК РСФСР от 13/26 февраля местными органами Советской власти была произведена реквизиция из церквей «всех драгоценных церковных вещей». После изъятия в обители осталось всего 19 серебряных предметов культа[614].

В 1923-1924 имела место попытка возрождения Николаевского монастыря. 17 священнослужителей во главе с бывшим игуменом обители Ксенофонтом (Петровым) обратились в Нижнетагильский окрисполком с просьбой зарегистрировать на основании инструкции НКВД и НКЮ «православную Николаевскую общину при храмах мужского монастыря в городе Верхотурье[615]». Из документов неясно, как именно разрешилось дело, но известно, что в 1924 года мощи Св. Симеона были подвергнуты осмотру «представителями советской власти и общественности», а в мае 1929 года окончательно изъяты из Крестовоздвиженского собора и переданы в Нижнетагильский музей[616], сам собор закрыт, а в помещениях бывшего монастыря расположилась, созданный по решению Свердловского облоно трудовой дом для несовершеннолетних, преобразованный в 1935 году в Верхотурскую трудовую колонию при НКВД[617].

В начале 1920-х территория Верхотурского уезда Екатеринбургской губернии, а затем Верхотурского района Уральской области существенно сократилась. Правительством Советской России было принято «Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках» утвержденное ВЦИК РСФСР 15 сентября 1924 года, по которому к категории городских поселений относили населенные пункты с числом самодеятельного населения не менее 1.000 человек при условии, если сельское хозяйство является основным занятием не более чем для 25% населения[618]. Судьба Верхотурья как города была предрешена. 5 апреля 1926 года Решением ВЦИК город Верхотурье был переведен в разряд сельских населенных пунктов[619].

На этот момент в нем насчитывалось 4.647 жителей и оно представляло собой, как писала Большая Советская Энциклопедия издания 1928 года: «Ничем не замечательное в настоящее время село[620]».

Верхотурье даже по стандартам конца XVIII – первой половины XIX века так и не вышло за рамки малого города, численность его населения не перешла рубежа в 5.000 человек, который отделял малые города от средних[621]. И уж тем более население Верхотурья не достигло той численности (20-30 тыс. человек), которая, по мнению социологов, необходима для перехода от связей общины к связям общества[622]. В Верхотурье как малом городе, межличностные связи носили по преимуществу родственный и соседский характер, велика была социальная роль семьи, традиций в общественной и личной жизни, оставался неослабным социальный контроль поведения личности, наблюдалась известное однообразие в деятельности населения города. Вследствие чего, образ жизни населения был еще в значительной степени «сельским», не приобретшим в полной мере черты буржуазной урбанистичности. Вот почему Верхотурье так легко утратило свой городской статус, несмотря на более чем трехвековое обладание им.

1.4. ИТОГИ

Основание Верхотурья в конце XVI века стало закономерным результатом предыдущего исторического развития региона и страны в целом. Конец XVI века явился завершением первого этапа русской колонизации Сибири, когда был освоена западная ее часть и возникла потребность обеспечить отряды землепроходцев всем необходимым, прежде всего, продовольствием для дальнейшего продвижения на восток. Именно к 1597 году была проложена Бабиновская дорога и уже в следующем году основано Верхотурье, сменившее в роли перевалочного пункта Лозьвинский городок, оказавшийся в стороне от нового пути. Место и время строительства города было предопределено ходом русской колонизации Сибири. Он возник на самом удобном месте кратчайшего пути в Сибирь, на стыке трудного сухопутного участка (Бабиновской дороги) и речного пути, который обеспечивал выход в любую точку Обь-Иртышского региона. При возведении Верхотурья использовался опыт колонизации западного склона Урала, когда русские поселения ставились на месте или рядом с поселениями аборигенного населения региона.

XVII век в научной и краеведческой литературе часто называют «золотым веком» Верхотурья и в этом есть доля истины. Выстроенный на границе Европейской России и Сибири город очень быстро стал важнейшим транзитно-транспортным пунктом, через который проходили огромные людские и товарные потоки, обеспечивающие беспрецедентно быстрое освоение новых азиатских территорий страны.

Однако не только и, возможно, не столько развивающиеся торгово-транзитные функции стали основой роста города. Верхотурье практически сразу же стало центром земледельческого освоения обширнейшего региона, охватывавшего практически все Среднее Зауралье.

И уже к концу первой четверти XVII века окончательно оформилась основная градообразующая функция Верхотурья – функция перераспределения прибавочного продукта между городом и его сельской округой. Город стал центром большого сельскохозяйственного района и крупным хлебным рынком Сибири. В этом проявилась отличительная черта возникновения городских центров в районах колонизации: города здесь не вырастали естественным образом из необходимости организации сельской округи, а, напротив, основывались правительством для создания вокруг них сельскохозяйственной периферии. Чтобы как-то поддерживать существование городов в местности, где земледелие еще отсутствовало, правительство прибегло к отправке за Урал «сибирских отпусков», главным образом, зерна и муки из поморских городов.

Что же касается таможенных функций Верхотурья (а именно они особенно известны), то следует заметить, что их расцвет пришелся на период, когда в европейской России повсеместно в результате деятельности А.Л. Ордина-Нащекина шла ликвидация внутренних таможен. Таким образом, мы должны констатировать особенность сибирской таможенной системы, возникновение которой было связано не с феодальной раздробленностью, а с особым колониальным статусом недавно присоединенных сибирских земель. «Золотой век» Верхотурья это век колониальной Сибири, а упадок города во многом был предопределен превращением колонии в обычную область страны. Именно в конце XVII века площадь Верхотурского уезда достигла наибольшего размера, в него были включены практически все зауральские земли, частично приуральские и территории, относящиеся ныне к Западной Сибири.

Первым признаком грядущего упадка Верхотурья стал таможенный кризис конца XVII века, который показал, во-первых, необходимость изменения таможенной и в целом экономической политики правительства в отношении Сибири, а, во-вторых, относительные успехи сибирского земледелия и ремесла, свидетельствующие о завершении в основном колонизационных процессов.

В конце XVII – начале XVIII века в силу своего административного положения Верхотурье на краткое время стало центром горнозаводского освоения Урала. Городские воеводы обеспечивали строительство Невьянского, Алапаевского, Выйского и других заводов, но после создания специального органа для строительства и управления металлургической промышленностью, Сибирского обер-бергамта, город утерял эту важную для его развития роль. Вместе с тем произошло и резкое сужение территории, реально зависимой от Верхотурья, за счет выделения Екатеринбургской казенной и частных горных дач, что негативно сказалось на полноте его административных функций.

Петровские реформы, расширение торгово-экономических связей России с Западной Европой привели к тому, что начавшаяся революция цен подхлестнула процесс складывания единого национального рынка, окончательно завершившегося в первой четверти XIX века, но уже в 60-е годы XVIII века Сибирь была включена в российские экономические связи на общих основаниях.

В 20-70-х XVIII века верхотурская таможня существовала, главным образом, для обслуживания торговли с Китаем, но после временного ее прекращения (в 1764 году) окончательно прекратила свою деятельность. В результате произошедшей одновременно с этим секуляризационной реформой Екатерины II оказалось подорванным хозяйство городских монастырей, важной составляющей экономики Верхотурья.

Во второй половине XVIII века некоторое время Верхотурье играло роль региональной горной столицы в особой форме «рассеянного города», обслуживая частный горный округ М.М. Походяшина, но с его смертью и продажей медеплавильных заводов в казну город утратил и эту функцию, практически сохранив из былого разнообразия функций только чисто административную.

Неуклонно сжималась территория, тяготевшая к Верхотурью, общая площадь уезда уменьшалась в ходе всех административно-территориальных преобразований в стране: в ходе реформ 1781 года из его состава был выделен особый Ирбитский уезд, и в зависимости от города осталось лишь 52,7 тыс. кв. верст.

Особенно тяжела была для города первая половина XIX века, эпоха, получившая название периода «упадка русских городов». Снижение экономической значимости Верхотурья в системной городской сети страны и региона была в этот момент максимально. Этот момент хорошо маркируется резким снижением численности верхотурского купечества с 40 в 1803 году до 12 в 1823 году. Но в Верхотурье нашлась основа для экономического и культурного возрождения города. Причем процесс трансформации феодального города в капиталистический, которому в это время подвергались практически все российские города, превращаясь в торгово-промышленные центры, в Верхотурье имел свои особенности.

Основой обновления Верхотурья в конце XIX – начале XX века стала капиталистическая модернизация, перестройка экономики Николаевского монастыря, происходившая в 1820-1890-х гг. XIX в. Эти преобразования были частью «промышленной революции» - широкого процесса, охватившего практически все сферы развития общества: промышленную, экономическую, социальную и культурную, повлекшего за собой кардинальные изменения жизни общества.

Панорама приречной части города Верхотурья Реконструкция Е.К.Золотова, 1987

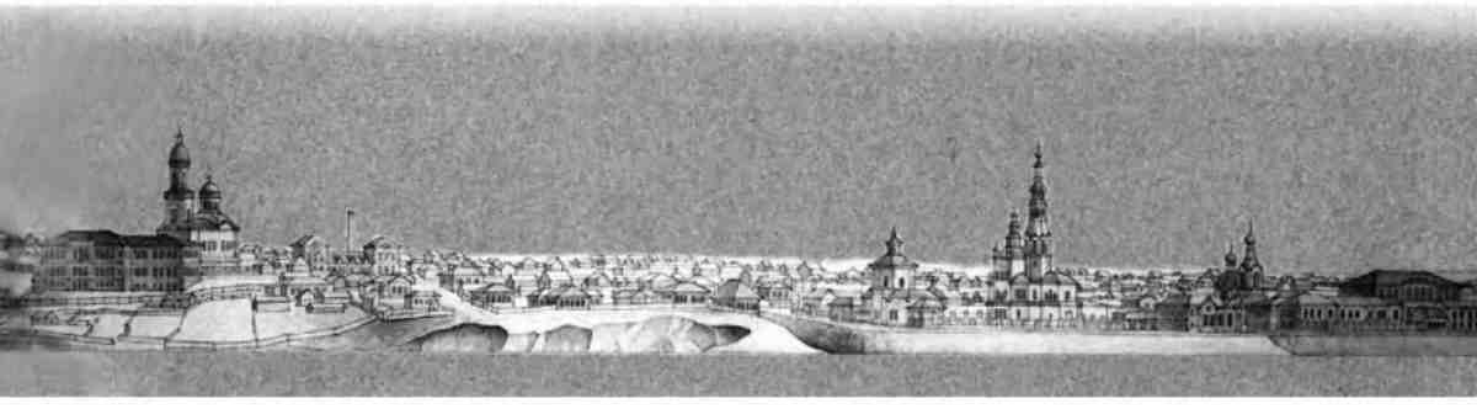
Администрация Николаевского монастыря всеми мерами привлекали паломников к мощам Св. Симеона Верхотурского и их все нарастающий поток стал основой экономического благополучия обители и города.

Во второй половине XIX – начале XX века ведущей функцией Верхотурья стала рекреационная, которая с современных позиций, как известно, включает в себя организацию туризма, отдыха и лечения людей, обслуживание лиц, удалившихся от дел. Она основывалась на традиционных занятиях жителей города, издавна связанного с торговой и обслуживающей деятельностью. С этой функцией оказалась тесно связана (как оборотная сторона) и другая – культурно-конфессиональная – функция, присущая городу. Она имела две составляющие: религиозную и образовательную. Люди, занятые в этих сферах, составляли заметную часть городского населения.

Проведение в начале XX века рядом с городом железной дороги, появление телеграфа и телефона, усовершенствование грунтовых дорог способствовали развитию внешних связей Верхотурья, в конечном счёте, «возвращению» его в системную сеть российских городов. Одновременно основная градообразующая функция организационного центра сельской округи заметно расширилась в связи с массовым притоком в уезд переселенцев в ходе столыпинской аграрной реформы.

Революционные события 1917 года, резкое изменение идеологических устоев общества, ориентация властей, в первую очередь на развитые промышленные города, где победивший пролетариат составлял большинство, привели к тому, что культурно-конфессиональная и рекреационная функции Верхотурья оказались насильственно пресеченными, а административная функция и функция перераспределительного центра сельской округи существенно сократились. Исчезла достаточная экономическая основа существования города в своем традиционном качестве и в 1926 году Верхотурье утратило городской статус и вновь обрело его только 2 апреля 1947 года в ознаменование своего 350-летнего юбилея.

Поступательное движение города осуществлялось не линейно, а через множественные спады и подъемы. Социальный и экономический прогресс Верхотурья реализовывался через периодические кризисы (относительного перепроизводства и структурные), заставлявшие власти и общество искать новые пути развития во всех сферах жизни.

2. ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ВЕРХОТУРЬЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ СКЛАДЫВАНИЯ АРХИТЕКТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ГОРОДА

Исторически сложилось так, что изучением истории людей, народов, стран занимаются профессиональные историки, а историю зданий и городов как объемно-пространственных и функционально-планировочных структур исследуют специалисты-архитекторы. Существует даже, уже ставшее привычным, деление зданий, охраняемых государством как культурные ценности, на памятники истории (если в них происходили какие-либо заметные события общественной жизни) и памятники архитектуры (имеющие выдающиеся эстетические качества). Но если вдуматься, такое разделение не только очень условно, но и в корне неверно методологически, так как при этом невысказанно подразумевается, что в истории принимают участие только люди, а здания только своеобразные декорации, которые вполне могли быть другими, или их могло не быть вовсе.

На деле же напротив – размещение, планировка, внешний облик городских и сельских построек и поселений до такой же степени детерминированы объективным историческим развитием, как и действия людей. История общества и история его архитектуры неразделимы, тесно переплетены и взаимозависимы. Образно выражаясь, как невозможно в реальной жизни отделить развитие «города людей» от развития «города зданий», так и в научном исследовании эти относительно самостоятельные стороны существования города должны изучаться параллельно.

Архитектурные памятники, элементы благоустройства, древняя планировка городов являются историческими источниками не менее значимыми и информативными, нежели письменные, этнографические и археологические. Комплексное исследование подразумевает выявление социально-экономических, социально-политических и прочих факторов, влиявших на формирование городской архитектурно-исторической среды, изучение динамики строительства отдельных зданий и ансамблей (ремонты, перестройки и их этапность), развитие городской планировки и реконструкцию внешнего вида отдельных объектов и частей города.

Задачей подобного исследования становится выявление характера и степени отражения в строительстве и архитектуре закономерностей социально-экономического, политического развития общества в целом или его части (например, населения отдельного города). Некоторые соображения подобного плана автор уже имел возможность изложить в печати[623], однако небольшой объем этой работы и некоторая популярность, продиктованная условиями издания, не позволили в необходимой мере раскрыть закономерности взаимосвязи истории и архитектуры города.

2.1. «ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД» ОСНОВАНИЯ ВЕРХОТУРЬЯ

Мы уже писали в первом разделе о необходимости рассматривать время, предшествующее основанию города, как особый период его социально-экономической истории. То же требование справедливо и для изучения истории городского строительства.

Известно, что первоначально Верхотурье предполагалось возвести на месте вогульского городища Неромкар, однако место это, вполне подходящее для поселения десятка мансийских семей, оказалось непригодным для размещения более чем 250 семейств постоянного населения русского города. Невысокий (немногим более 10 м) мыс на левом берегу речки Неромки не подходил не только по своим размерам, но и не удовлетворял целому ряду требований, которые предъявляли древнерусские строители к месторасположению будущего «града». Как известно, русские городские населенные пункты до начала XVIII в. при всем разнообразии их планировки имели, в целом, единообразную структуру и пути архитектурно-планировочного развития: как правило, древний русский город располагался на мысу в устье малой реки. Это, кстати, также характерно и для средневековых городищ местных уральских народностей, но на том сходство и заканчивается.

Неромкар – несостоявшееся место закладки города Верхотурье. Начало XX века

Русский город должен был иметь еще и простор для дальнейшего развития, поскольку при дальнейшем расширении площади, занятой городскими кварталами, он обычно сначала «переваливал» через малую реку, а затем распространялся и на противоположный берег большой реки. Кроме того, почти всякий более или менее крупный городской центр окаймлялся укрепленными монастырями, которые при необходимости служили передовыми бастионами обороны города[624].

В той или иной степени, это характерно для всех основных исторических городов Прикамья: Чердыни, Соликамска, Кунгура.

Очевидно, именно из-за отсутствия перспектив дальнейшего расширения территории воевода Сарыч Шестаков, производивший предварительное обследование местности, и отказался от первоначального варианта строительства Верхотурья на Неромкаре. В самом деле, если через Неромку вверх по течению Туры город еще мог простираться по участку поймы, который ныне называется «Яблоневый сад», то на правый берег Туры подобное продвижение было невозможным: он являет собой скалистый обрыв («камень») высотой в 2-3 раза превосходящий Неромкар. И со стратегической точки зрения Неромкар был неудобен, поскольку не занимает господствующие высоты – и с соседнего Кликун-камня, и с правого берега Туры его площадь не только хорошо просматривается, но и подвержена прямому обстрелу.

С. Шестаков, видимо, исходя из подобных соображений, остановил свой выбор на другом «камне», который получил позднее название Троицкого (видимо по аналогии с Троицкой горой в Чердыни – поскольку и С. Шестаков и первый верхотурский воевода В. Головин были в свое время чердынскими воеводами).

Однако он не стал заострять внимание московской администрации на таком вольном выполнении ее распоряжений, поскольку Троицкий камень находился достаточно близко от назначенного пункта, а о местной топографии в столице не знали практически ничего. Поэтому в царских грамотах по-прежнему указывалось, что город «ставити» необходимо «на старом на чюцком городище на Неромкуре[625]». А, в общем-то, невинная хитрость С. Шестакова ввела в заблуждение не только правительство, но и многих исследователей не только XVIII-XIX веков, но даже и XX столетия[626].

Новое место было удобно во всех отношениях. Высокий Троицкий камень не только обеспечивал удобства обороны (высокий ровный мыс) и транспортировки грузов (между Троицким и Покровским камнями имеется понижение удобное для устройства пристаней), но и соответствовал предъявляемым эстетическим требованиям, и даже позволил сэкономить немалые средства за счет отказа от строительства кремлевских стен вдоль высокого обрывистого берега Туры, что было немаловажно при ограниченности выделенных на строительство средств.

Таким образом, место для строительства Верхотурья было предопределено не только экономическими и политическими причинами, но и в не меньшей мере ландшафтом. Остается заметить разный «вес» этих причин при выборе местоположения города, если первые определяли его в самом общем плане (в месте «встречи» сухопутных и речных путей, рядом с населенным пунктом местного населения), то вторые обуславливали точную привязку городских стен в рамках выбранного района.

2.2. УКРЕПЛЕНИЯ ГОРОДА ВЕРХОТУРЬЯ

Крепостные сооружения Русского государства играли огромную роль в исторической жизни отечественных городов, являясь одновременно и цитаделями, и центрами их хозяйственной, политической, а зачастую и культурной жизни. Давно стали общим местом рассуждения об исключительно важной роли деревянных и каменных укреплений в формировании архитектурного ансамбля и планировки русских городов феодальной эпохи. Еще И.Е. Забелин совершенно верно отмечал, что с деревянных крепостей «мы можем начинать историю нашего зодчества[627]». К этому можно добавить, что не только зодчество, но и вообще само существование русского города вплоть до XVIII века начиналось обязательно с возведения крепостных стен. Кремль и острог были такими же обязательными атрибутами города, как и наличие воеводской власти и гарнизона. Неразрывное единство городского населенного пункта и его стен проявилось уже в том, что само слово «город» («град») долгое время обозначало одновременно и «крепость, крепостца, укрепленное место внутри селения, кремль», и «населенное место, признанное за город, которому правительство дало городское управление[628]». Сигизмунд Герберштейн, посетивший Россию в начале XVI века, сообщал: «...все то, что окружено стеной, укреплено тыном или огорожено другим способом, они (русские – П.К.) называют городом[629]».

Городские стены «не только выполняли защитные функции, они определяли и параметры города, служили своеобразным фоном для гражданскихикультовыхзданий[630]».Этозамечаниеабсолютносправедливо, но существовала и обратная зависимость: история города, особенно социально-экономическая, оказывала серьезное влияние на планировку и состояние городских укреплений. Известно, что еще в средневековой Руси сложился своеобразный тип города, характеризующийся мысовым местоположением укреплений, подчиненный свойствам топографии местности. Многие уральские и сибирские города (особенно часто в XVI-XVII веках) также были основаны на высоких мысах при слиянии притока с основной водной артерией[631].

Кремль всегда был ядром города, лишь в некоторых случаях (в связи с утратой населенным пунктом, полностью или частично, административных функций) происходило перемещение центра из кремля в другую часть города. Нам не встречалось исследований на эту тему, тем не менее, данный факт можно проиллюстрировать примерами Чердыни (где деловой центр был перенесен на соседний мыс к гостиному двору) и Соликамска (где центр мигрировал ближе к соляным промыслам). В то же время, в тех местах, где административные функции сохранялись, а так происходило чаще всего, средоточием общественной жизни оставалась городская крепость. Так было и Верхотурье, но для того, чтобы понять закономерности функционирования Верхотурского кремля, необходимо прежде рассмотреть обстоятельства, приведшие к основанию Верхотурья как города в узком смысле слова.

2.2.1. ИСТОРИЯ ДЕРЕВЯННОГО КРЕМЛЯ ГОРОДА ВЕРХОТУРЬЯ В XVII ВЕКЕ

Строительство укреплений началось одновременно со строительством нового города Верхотурья на месте выхода прямой дороги через Уральские горы, проложенной А.С. Бабиновым. Город ставился на высоком скалистом мысу левого берега реки Туры, имевшем форму почти правильного прямоугольника, обрывающегося прямо к реке «крутого камени горы от воды вверх высотою саженей с двенадцать и больше» шириной «60 сажень больших». Со стороны реки площадка не требовала дополнительных укреплений, так как здесь «никоторыми делы взлесть не можно». По мнению С. Шестакова «место и без городовые стены всякого города крепче» и для усиления обороны он предлагал лишь «по тому месту велеть хоромы построить в ряд, что город же, да избы поделать и дворы б поставить постенно[632]», то есть сплошную стену должны были образовать стены домов, поставленных впритык друг к другу. На углах мыса предлагалось поставить башни, обращенные к реке. Общая площадь мыса (по более поздним источникам составила 4.756 кв. сажен[633] – около 21 тыс. кв. м.).

Строительство города было поручено очередному чердынскому воеводе В.П. Головину, ставшему первым воеводой Верхотурья, и И.В. Воейкову – первому «письменному голове». Правительство согласилось с предложением С. Шестакова и указало строителям «...и вы б сделали нового города 3 стены, а с 4-й стороны от реки Туры, велели поставить хоромы в стену ... постенно, а городовые стены не ставити[634]».

Строительство предполагалось вести на основе найма («по договору»), набрав в Чердыни «охочих людей». Однако суммы для оплаты работ была отпущена слишком малая (300-400 рублей, в то время как минимально требовалось 900). Когда желающих работать на невыгодных условиях в необжитом краю не нашлось, то было приказано набрать строителей принудительно, превратив эту работу во временную повинность. К ее выполнению весной 1598 года были привлечены служилые люди из Лозьвинского городка: «а стрельцов с Лозвы послати на Верхотурье для городового дела и для его строения[635]». К лету 1598 года были возведены башни и стоячий острог: по дозору Ф. Тараканова в 1621 году на мысу над Турой находились «государева два двора, а на них стоят воеводы[636]», а в 1624 в его восточной части по дозору М. Тюхина «в городе... соборный храм Живоначальные Троицы... губа съезжая... двор гостиной[637]». Построенный наспех из невыдержанного леса острог уже в 1625 «во многих местах повалился» и нужно было «поделывали... места худые и полые[638]».

О некотором преувеличении оборонительных функций Верхотурья в исторической и историко-географической литературе уже было написано в первом разделе и одной из наших публикаций[639]. Л.Е. Иоффа прямо писал, что в отличие от Соликамска «Верхотурье было не только экономическим центром, но, находясь в центре мансийского (вогульского) расселения, должно было быть и было в действительности крупным военным форпостом-крепостью.

При выборе места для постройки Верхотурья это учитывалось даже в большей мере, чем его транспортное значение[640]». По нашим сведениям, такой взгляд до сих пор принципиально никем не опровергался, однако, анализируя источники, мы засомневались в истинности расхожего мнения.

Чтобы сформулировать объективную точку зрения, применим простейший аналитический прием: изложим все известные нам сведения о верхотурских укреплениях в хронологическом порядке, обращая особое внимание на наличие в тексте документов терминов «кремль», «городни», «тарасы», свидетельствующие о наличие внутренней крепости. Термин «город» как многозначный[641], очевидно, не может быть точно интерпретирован. Позволим себе также некоторые комментарии по ходу изложения.

Итак, строительство города Верхотурья готовилось в 1597 году, когда чердынский воевода С. Шестаков выбрал место «крутого камени горы от воды вверх высотою саженей с двенадцать и больше», а шириной «60 саженей больших». По мнению воеводы, настоящее «место и *без городовой стены всякого города крепче*» (курсив здесь и далее мой – П.К.), поэтому для усиления естественной неприступности Троицкого камня он предлагал лишь «по тому месту велеть хоромы поставить в ряд, что город же, да избы поделать и дворы поставить постенно[642]».

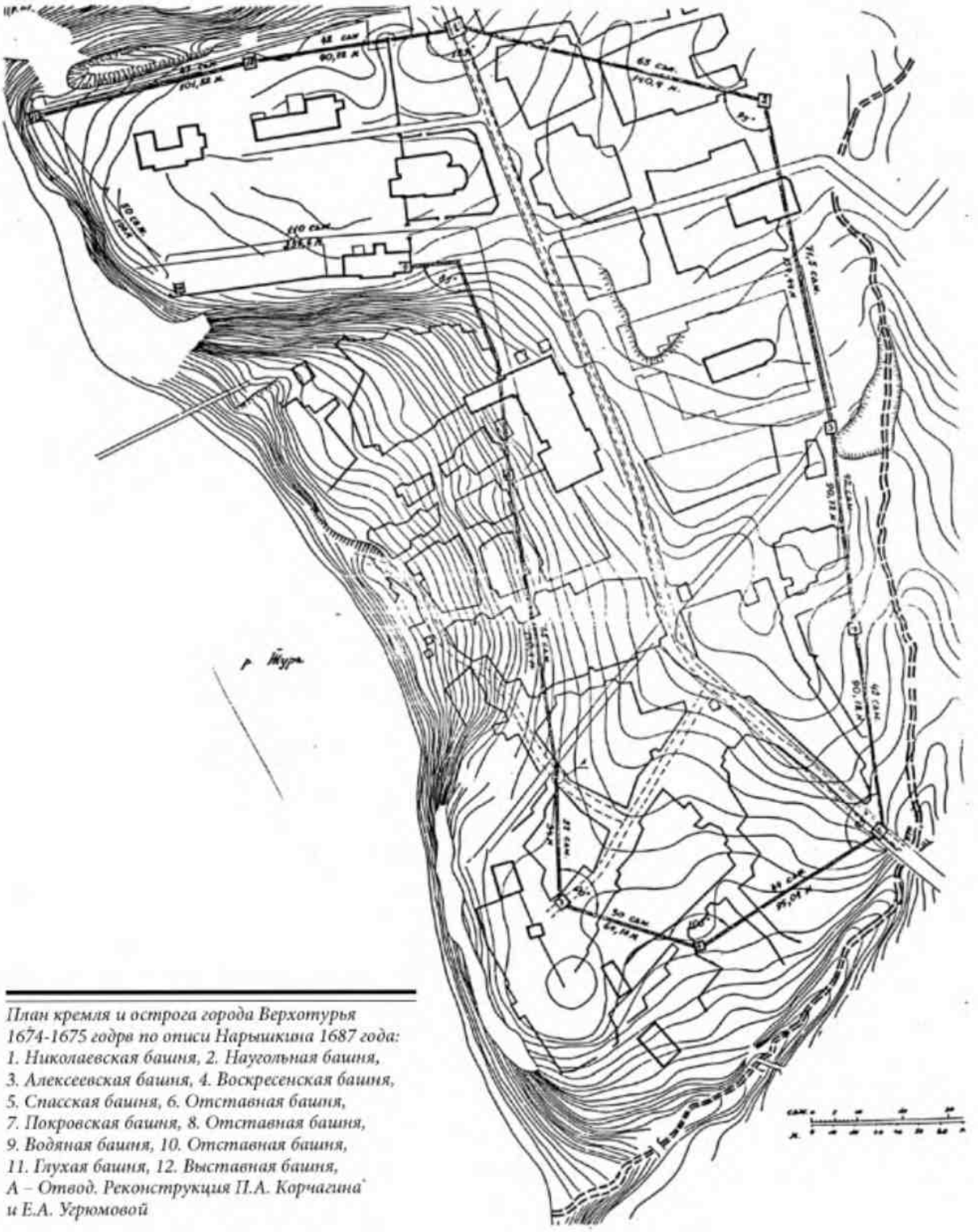
Правительство поручило строительство нового города еще одному чердынскому воеводе В.П. Головину и, согласившись с «росписью» С. Шестакова, указало «...и вы б сделали нового города 3 стены, а с четвертой стороны от реки Туры, велели поставить хоромы в стену ... *а городовые стены не ставити*[643]». Странная получается цитадель...

Видимо, Р.М. Кабо, утверждавшему, что у Верхотурья не существовало сначала острожных укреплений, не была известна грамота Бориса Годунова В.П. Головину, в которой сообщалось: «отпущен с Москвы на Верхотурье верхотурский казак Богдашко Федоров, который был прислан с городовым и *острожным* чертежем...[644]» Источник свидетельствует – городской острог (а, значит, и посад им ограждаемый) сразу же были отстроены. Верхотурье строилось не как крепость для размещения гарнизона, а городом с нормальными жилыми кварталами в посаде.

Эта же грамота, кстати, помогает установить срок окончательной постройки укреплений, который логично было бы считать моментом основания города. На ее обороте указана дата доставки на место – август 1598 года (числа, к сожалению, не сохранилось). Зная по другим грамотам, что путь до столицы у нарочного занимал около месяца (грамоты, посылаемые с оказией, шли до двух месяцев), а гонцу пришлось съездить в два конца, легко вычислить, что возведение города завершилось в июне 1598 года.

Город быстро рос и уже в 1605 году жители Верхотурья били челом царю об увеличении размеров острога «и улицу новую строить», что было разрешено сделать уже 8 мая того же года[645].

С реконструкцией общего вида и плана укреплений дело обстоит несколько сложнее. Упоминаемый в грамоте «чертеж» не сохранился, археологическое изучение деревянного «города» невозможно, поскольку он практически полностью разрушен при возведении каменного кремля, а показания письменных источников настолько отрывочны, что допускают, по крайней мере, два возможных варианта.

План кремля и острога города Верхотурья 1674-1675 годов по описи Нарышкина 1687 года:
1. Николаевская башня, 2. Наугольная башня, 3. Алексеевская башня, 4. Воскресенская башня, 5. Спасская башня, 6. Отставная башня, 7. Покровская башня, 8. Отставная башня, 9. Водяная башня, 10. Отставная башня, 11. Глухая башня, 12. Выставная башня, А – Отвод. Реконструкция П.А. Корчагина и Е.А. Угрюмовой

Первый: оборонительные сооружения Верхотурья были построены в полном объеме. Возможно, под формулировкой «городовой и острожный чертеж» следует понимать описание кремлевских (городнями) и посадских (тыном) стен.

Однако есть основания признать более вероятным второй вариант: вокруг всей территории Верхотурья (кроме 60 саженей вдоль обрыва Троицкого камня) был возведен «стоячий острог». Капитальные городни отсутствовали изначально, иначе как объяснить то, что в 1621 году. Ф. Тараканов, описывая Верхотурье и слободы «не заметил» кремля[646]. Симптоматично, что правительство посылало его «Верхотурский ... *острог сметить, сколько в ... том остроге ворот и башен*[647]». Складывается впечатление, что в Верхотурье «города» не было. Если исходить из данного положения, то логично объясняются многие особенности планировки, конструкции и режима содержания верхотурских укреплений.

Когда первые наспех выстроенные укрепления пришли в негодность царской грамотой о 29 августа 1624 года верхотурскому воеводе кн. Никите Барятинскому велено было «на Верхотурье ... *острог поставити и башни ... зделати* верхотурскими всякими людьми», по смете «... *острогу по мере ... печатных 630 сажен да 8 башен*, а лесу доведется на Верхотурский ... *острог ... и на башни* 10000 бревен...[648]».

В 1625 году воевода Д.П. Пожарский-Лопата, сменяя на этом посту Н. Барятинского, который не сумел выполнить указания о постройке новых городских укреплений, должен был «печать и ... *острожные ключи* и в съезжей избе всякие дела и ... *городовых и острожных крепостей* и наряду пересмотрети». По результатам «высмотра» воевода докладывал, что «...на Верхотурье ... *остроге и башнях наряду никакого нет ... а острог весь ... сгнил...*». Той же грамотой Михаила Федоровича Д.П. Пожарскому и И.А. Уварову строго предписывалось, чтобы за зиму заготовили лес и «на весну б однолично велели на Верхотурье ... *острог и башни делати....*[649]». Во исполнение царского указа разваливающиеся укрепления Верхотурья были коренным образом перестроены воеводой Пожарским зимой 1625-1626 годов.

В отписке воеводы Н. Мещерского (1641-1642) прямо сообщается: «И Верхотурский ... *острог поставлен тыном, а тарасов и обламов и никаких ... крепостей нет, тот острог прогнил* и во многих местах повалился, а которые прясла и стоят, и те с обеих сторон на подпорах... острогу поделать не уметь: весь подгнил. А около, государь, того Верхотурского острогу меж башен пять прясел, мерою в пяти пряслах твоих государевых печатных 643 сажени, оприч того, что по каменю от Туры реки порозжего места 50 сажен. А острогу на том месте, государь, ставить ненадобно, потому что место крепкое, и без острогу тому мочно быть, только государь, надобно поставить на том месте одна башня. А лесу на *острог* и на щек да на 4 бои отводные надобно 8228 бревен, по полутретье сажени бревно, а в отрубе пять вершков, да на угольную башню да в ней на два мосты и на лешницы 240 бревен, по три сажени бревно, да на тое башни на обламы 10 бревен, по получетвертые сажени печатные бревно; проезжие, государь, трои ворота да наугольная башня только надобно вновь покрыть драницами; а старая кровля погнила да развалялась, а на кровлю на трои ворота да на старую и на новую башни надобно 1.500 драниц[650]».

Мы позволили себе такую обширную цитату, по нескольким причинам: во-первых, чтобы убедиться в том, что в документе нет упоминаний об укреплениях кремлевского типа; во-вторых, потому, что здесь приводятся стандарты заготовки строевого леса; и, в-третьих, отписка воеводы Мещерского содержит косвенное описание «острога Пожарского» и набросок плана «острога Мещерского». Как видно из текста, «острог Пожарского», простоявший с 1626 по 1642 год, состоял из 4-5 башен разной конструкции, между которыми заключены 5 прясел острожной стены с проезжими воротами. В состав «острога Мещерского» добавилась еще одна «новая» двухъярусная башня, установленная на Троицком камне, в дополнение к «старой» и 4 «боям отводным» (своеобразным одноэтажным башням). Работы по реконструкции острожных укреплений производились, судя по документам о высылке крестьян для исправления острога, починки колокольни и воеводского двора в 1644 году[651].

1657 – в отписке воеводы И. Хитрово о пожаре упоминается, что сгоревший «...*острог ставили* и двор (гостиный – П.К.) строили ... всяких чинов людьми[652]». «Острог Хитрово» был выстроен после пожара 9 октября 1657 года течение 1657-1658 годов.

В 1666 – иностранный офицер на русской службе, проехав через Верхотурье в Сибирь, оставил следующее описание: «Этот город – первый город в Сибири и представляет собою, по местному обыкновению, крепость, обнесенную ... *деревянным тыном*, как стеной, не очень высоким, но довольно прочным...[653]»

И, наконец, в 1674 году произошел новый большой пожар, в котором «...*острог и башни* и соборная церковь ... и приказная изба ... воеводский и подьяческий ... дворы сгорели без остатку[654]». Этот источник интересен тем, что упоминает объекты, находившиеся на Троицком камне, т.е. бушевавший там пожар неминуемо должен был уничтожить и кремль – если бы тот существовал.

Таким образом, мы можем определенно считать, что до конца третьей четверти XVII века верхотурские укрепления представляли собой острог поставленный тыном с несколькими башнями, а более совершенных укреплений так и не было выстроено. Это неудивительно, если вспомнить, что город был построен как перевалочный пункт в стратегическом тылу уже освоенного Обь-Иртышского региона Сибири, и ни разу за свою историю не подвергался осаде.

При строительстве Верхотурья был использован весь опыт возведения русских городов, в частности Чердыни и Тюмени, однако особенности местной топографии и своеобразие экономических функций города наложили определенный отпечаток на его планировку. Военное значение города было весьма скромным, укрепления и вооружение довольно слабыми, гарнизон небольшой. К тому же и этих укреплений нередко касались пожары. Если пожар 1614 года[655] не дошел до зданий на мысу, то пожар 1627 года начался на воеводском дворе «и тот воеводский дом выгорел». Очевидно, он дошел до стен стоячего острога, так как царской грамотой было предписано «береженье в остроге от пожара[656]». Кроме того, воевода жаловался, что в остроге много «худых мест».

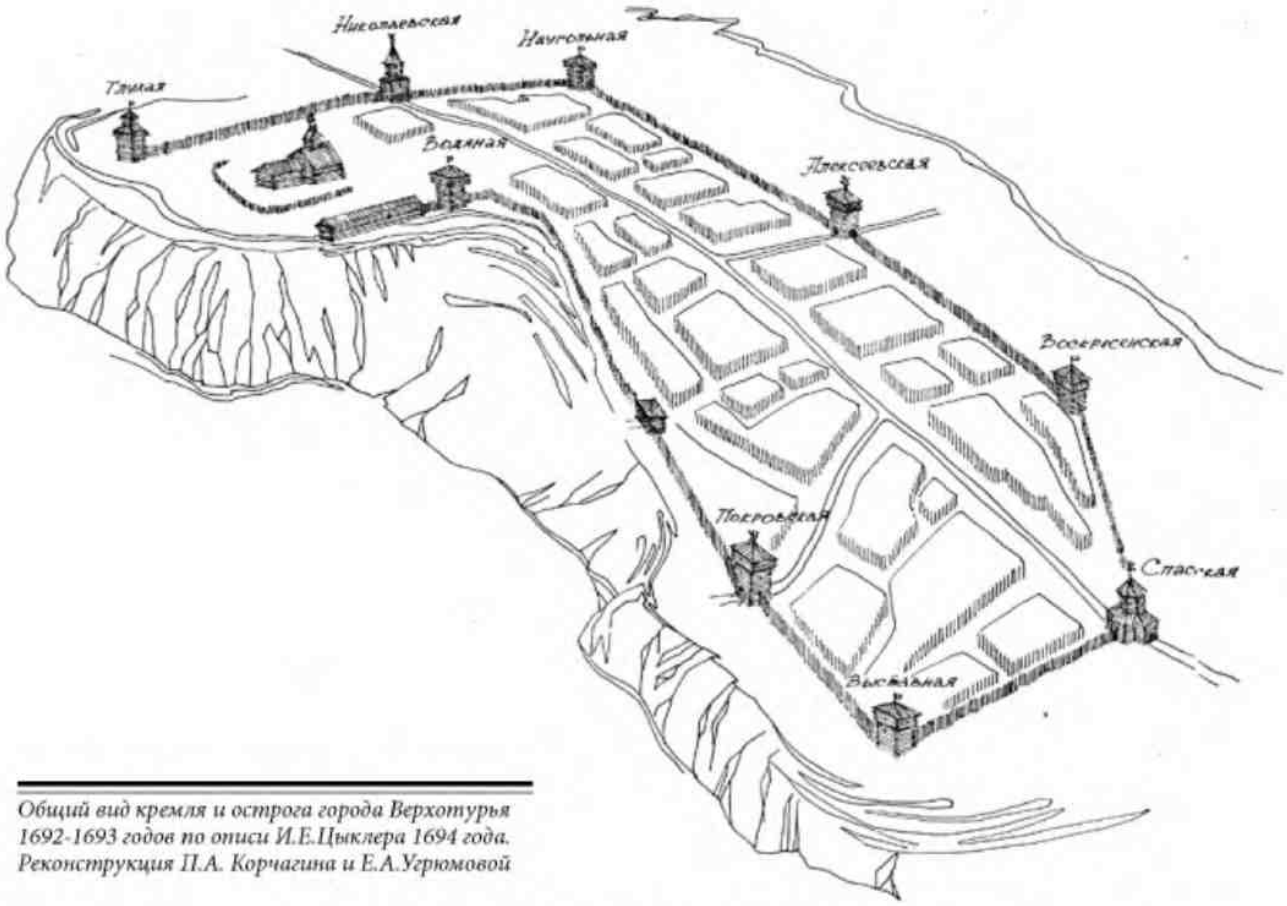
В том же 1627 году были переведены из Пелыма в Верхотурье служилые люди, которым было приказано «забор перебрати и прясла новые сделать[657]». На протяжении довольно длительного времени оборонительные сооружения Верхотурья исчерпывались «острогом с башнями». Однако в третьей четверти XVII века кремль все-таки был поставлен: он упоминается в описях Г.Ф. Нарышкина 1687 года[658] и И.Е. Цыклера 1694 года[659]. Причины этого строительства и точные даты сохранившиеся источники (а их всего два) не отражают, кроме того, не сохранилось ни одного изображения деревянного кремля Верхотурья, что чрезвычайно затрудняет задачу его реконструкции. Поэтому мы вынуждены были использовать источники, ранее не привлекавшиеся для подобного рода исследований. Для начала попытаемся определить время и причины возведения кремля, описанного Нарышкиным, и кремля описи И.Е. Цыклера.

Третья четверть XVII века на Урале была насыщена событиями чрезвычайного порядка: неурожаи, башкирское восстание 1662-1664, расквартирование даже в слободах военных отрядов для отражения предполагаемых повторных нападений (вспомним рост гарнизона Верхотурья в 1669 по переписи И. Корякова – раздел 1.1.4). В 1664-1665 проводились оживленные ремонтные работы[660]. А.А. Преображенский отмечал, что подъем народных движений на Урале и в Западной Сибири начала 70-х годов XVII века совпали по времени с тем моментом, когда главные очаги крестьянской войны С.Т. Разина выходили из борьбы. В 1671 были отмечены выступления крестьян кунгурского и верхотурского уездов, а в 1673 произошли волнения в некоторых слободах Верхотурского уезда и большое восстание в Кайгородке и уезде.

Именно социальная нестабильность в регионе стала непосредственной причиной начала строительства верхотурского кремля в 1672 году, работы, прерываемые пожаром, продолжались до 1675 года. В 1672 на Верхотурье высылались крестьяне окрестных слобод для починки городского острога[661]. Тогда же из слобод в уездный центр вызывались плотники для доделки гостиного двора[662]. В 1674-1675 из Ирбитской слободы в уездный центр отправлялись крестьяне для строительства новой приказной избы[663]. Руководил строительством воевода стольник Федор Григорьевич Большой Хрущев, а завершил работы, видимо, сменивший его в 1675 году стольник Иван Федорович Пушкин[664]. Мы не имеем точного описания городских укреплений, и можем только предполагать, что стены «тарасами» появились именно в эти годы – уж больно вовремя они пришлись бы (рис. на стр. 156 и 160). И, очевидно, не случайно «на приезде из Тобольска» была поставлена Спасская башня, рубленная «на 12 углов», использование крепостных башен в идеологических целях случалось и ранее. Вот как мангазейским воеводой была определена роль главной проезжей башни города: «а башня проезжая высока построена для приезду иноземцев и аманатов[665]».

В 1681-1682 годах со слободских пашенных и оброчных крестьян воеводой И.А. Лопухиным собирались деньги на «городовое дело», а те подавали челобитные об отсрочке или даже освобождении от их уплаты[666]. О том, что в 1682-1683 годах в Верхотурье строились острог, колокольня, мельницы и дороги свидетельствуют другие документы[667].

По прошествии менее десятка лет «кремль Пушкина» (по крайней мере, городской острог) был серьезно отремонтирован, однако неизвестно, была ли в ходе поправления произведена перепланировка укреплений (изменено количество и конструкция башен, трасса острога). Оборонительные свойства северной стены, возможно, были усилены путем возведения тарасов. Данное место являлось наиболее уязвимым при осаде, так как со всех других направлений кремль прикрывался посадом с острожной стеной. Подобная перестройка предполагала наличие страха у главы гарнизона именно перед внешней опасностью.

Общий вид кремля и острога города Верхотурья 1692-1693 годов по описи И.Е.Цыклера 1694 года. Реконструкция П.А. Корчагина и Е.А.Угрюмовой

Судя по существенному различию описей Нарышкина и Цыклера, в период с 1687 по 1694 год кремль и острог подвергались еще одной перестройке. Воеводские памяти и отписки этого времени свидетельствуют о высылке в 1693 году из уездных слобод на Верхотурье плотников «для городового и домового строения» (воеводского двора, острога и башен)[668]. Окончательно вопрос о дате постройки «кремля Нарышкина» решает «Дело о посылке работников подгородними и слободскими оброчными и пашенными крестьянами для постройки города после пожара на Верхотурье», датированное 1692 годом[669].

В последующее время северная степа-тарасами заменена вновь на острожную, уменьшено количество башен, так что можно обоснованно утверждать, что в 1692-1693 после большого пожара в июле 1692 года[670] верхотурский кремль был восстановлен воеводой М.Г. Нарышкиным[671]. Несколько позднее, в 1694 году из Туринска прибыли плотники для постройки гостиного двора и церкви[672].

В «Городовом списке...» 1701 года[673], зафиксировавшем результаты пожара 22 апреля 1700 года, упоминается деревянная башня на южном углу Троицкого камня, которой не знала опись И.Е. Цыклера. Опись кремля, составленная в 1697 практически идентична описи Цыклера 1694 года. В фондах РГАДА отыскана «Роспись острожной стены…» на Верхотурье, датируемое 1699 годом, которая зафиксировала плачевное его состояние: «от Никольской башни… острог повалило… длине 5 сажен[674]». Но в этом же году было заведено «Дело об отстройке верхотурского острога после пожара[675]». Очевидно башня, уцелевшая в пожаре 1700 года, была срублена в 1699 году вместе с другими сооружениями верхотурского острога. А это значит, что к списку этапов строительства верхотурского кремля необходимо прибавить ещё один – «кремль Козлова».

Дальнейшая судьба верхотурского деревянного кремля печальна, но закономерна. В 1699 году Петр I потребовал все основные постройки в городе во избежание пожаров возводить каменными[676] и словно для расчистки места 22 апреля 1700 года в городе случился огромный пожар, в котором погибло 170 домов и почти весь острог[677]. Городовой список 1700 года упоминает «на Верхотурье круг города в остатке от пожарного разорения острогу и башни по три башни, башня Покровская с проезжими воротами, в вышину 8 сажен, а в ширину две стены по пол 4 сажени, другие стены по пол 3 сажени (в описи И.Е. Цыклера башня – квадратная, со стороной в пол 4 сажени – П.К.), а в ней три моста, а подле той башни с двух сторон острожной стены 8 сажен, водяная с проезжими вороты в вышину 9 сажен, а в ширину полу 4 сажени, а в ней 3 моста, а острожной стены подле той башни к покровскому камени и к гостиному двору 43 сажени, да после гостиного двора к камени троицкому башня глухая, а в вышину 5 сажен, в ширину 3 сажен, а в той башне для ссыпания великого государя хлебных запасов сделана житница (эта башня была построена, очевидно, в 1699, т.к. в описи И.Е. Цыклера отсутствуют), а от той башни башня выставная глухая на камени троицком в вышину 8 сажен, а в ширину 3 сажен, а в ней три моста, лесница сходная, а осторожной стены подле той башни 35 сажен[678]».

По «Списку Верхотурского города остаточному строению» за 1711 год отмечается, что Покровская башня «изломана», острожная стена возле Водяной башни протяженностью всего четыре аршина, Глухая башня возле гостиного по-прежнему использовалась для ссыпки зерна, а Глухая башня в северо-западном углу Троицкого камня не упоминается совсем, скорее всего, она была разобрана около 1703 года во время постройки каменной башни[679]. Таким образом, «век» верхотурского деревянного кремля оказался на самом деле веком: сосновые стены и башни просуществовали чуть более ста лет.

Суммируя вышеизложенное, в несколько обобщенном виде этапность строительства верхотурских укреплений можно представить в следующем виде:

1598 – «острог Головина»;

1605 – расширение – «острог Плещеева»;

1625 – «острог Пожарского» – вероятно, горел в 1627 году;

1644 - «острог Мещерского» – реконструкция;

1657 – «острог Хитрово» – после пожара того же года;

1672-1675 – «острог Пушкина» – строительство прерывалось пожаром 1674 года;

1682-1683 – «острог Лопухина – Г.Ф. Нарышкина» – фиксируется в описи Г.Ф. Нарышкина 1687 года;

1692-1693 - «кремль М.Г. Нарышкина» – после большого пожара в июле 1692 года - фиксируется описью И.Е. Цыклера 1694 года;

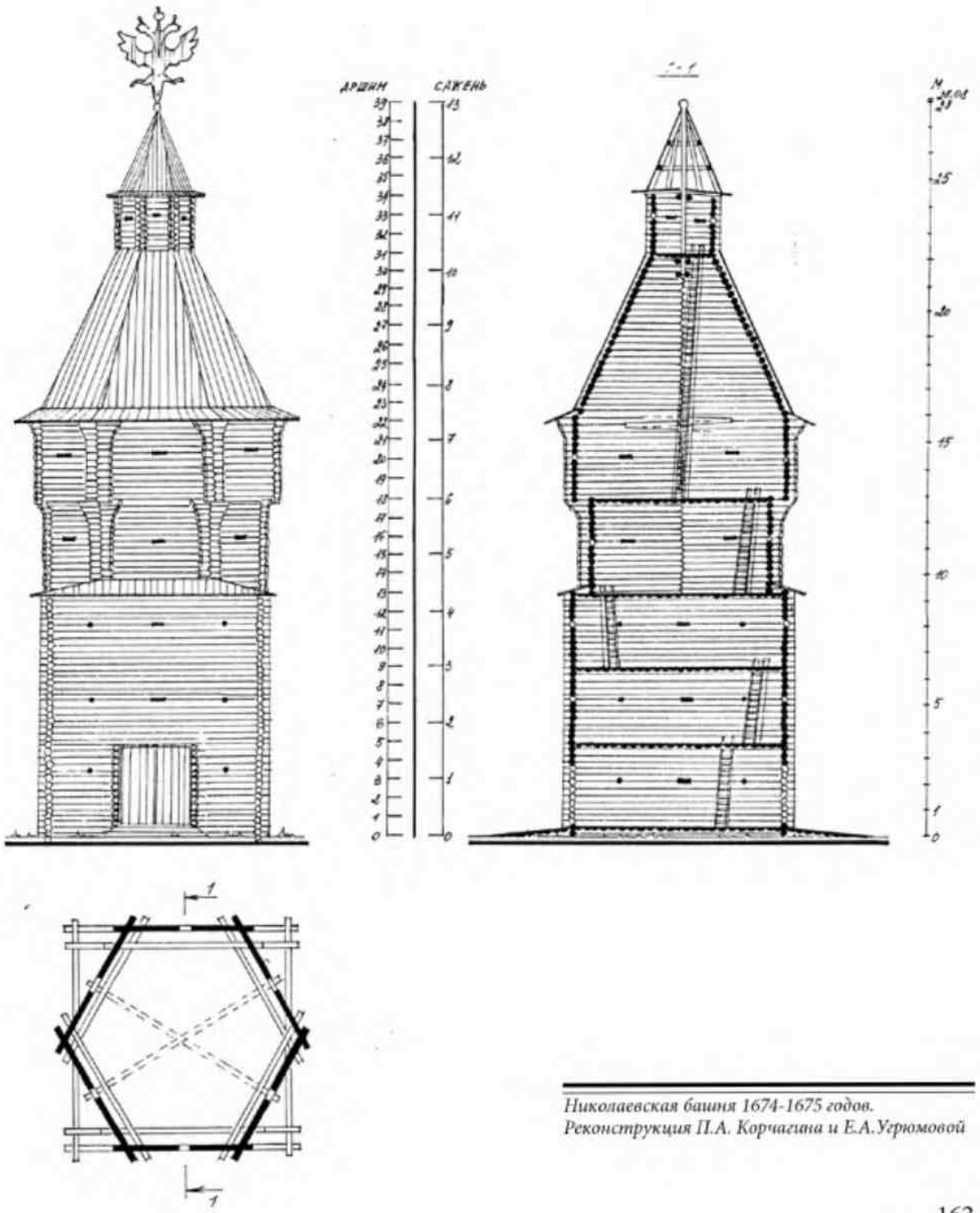
1699 – «кремль Козлова».

Сугубый интерес и особую сложность представляет проблема реконструкция трассы городского острога. В настоящее время существуют две точки зрения: Е.К. Золотова, который располагает западный отрезок острожной стены по берегу р. Туры между Покровским и Троицким камнями, и В.А. Шмырова, предлагавшего проводить линию острога по территории школьного сада. Мы (с известными оговорками и поправками) присоединяемся ко второй точке зрения и несколько ниже докажем ее истинность.

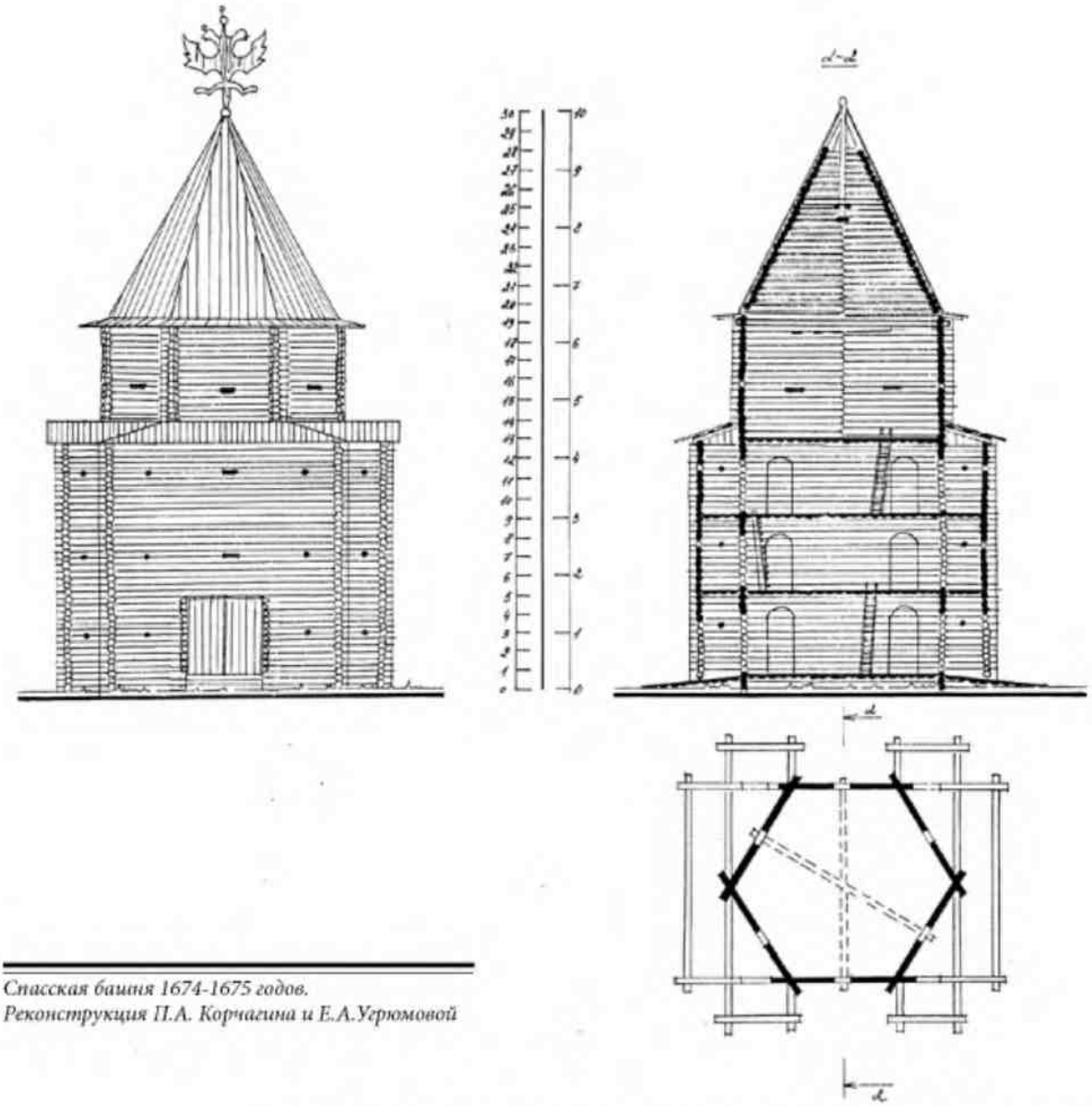
К сожалению, не сохранилось ни одного изображения верхотурского кремля XVII в., если не считать одного (очень обобщенного) на карте Сибири С.У. Ремезова. Поэтому автором совместно с Е.К. Угрюмовой была предпринята попытка комплексного историко-архитектурного исследования и реконструкции деревянного кремля г. Верхотурья XVIII в. с учетом всех возможных факторов, влиявших на его формирование, как сугубо архитектурных, так и социально-экономических.

В нашем распоряжении оказался «Историко-архитектурный план и проект охранных зон г. Верхотурья», на котором нанесена дорегулярная планировка города с плана конца третьей четверти XVIII века, а также предлагаемая Е.К. Золотовым трасса острога XVII века[680]. Если дорегулярная планировка нанесена очень точно (что проверено нашими раскопками), то предлагаемая трассировка западного участка острожных стен не может не вызвать возражений. Во-первых, неясно на какой момент времени (по какой описи) реконструируется острог. Во-вторых, при реконструкции Е.К. Золотов руководствовался только данными о длине острога, но, к сожалению, не учитывал традиции русского оборонного зодчества, ландшафтные условия и показания имеющихся исторических источников.

Если с общим расположением стен острога г. Верхотурья с северной и восточной сторон (вдоль русел рек Свияги и Дернейки) предлагаемым автором, необходимо согласиться, то его вариант проведения трассы острога между Покровским и Троицким камнями по берегу Туры не выдерживает критики, ибо:

Николаевская башня 1674-1675 годов.
Реконструкция П.А. Корчагина и Е.А.Угрюмовой

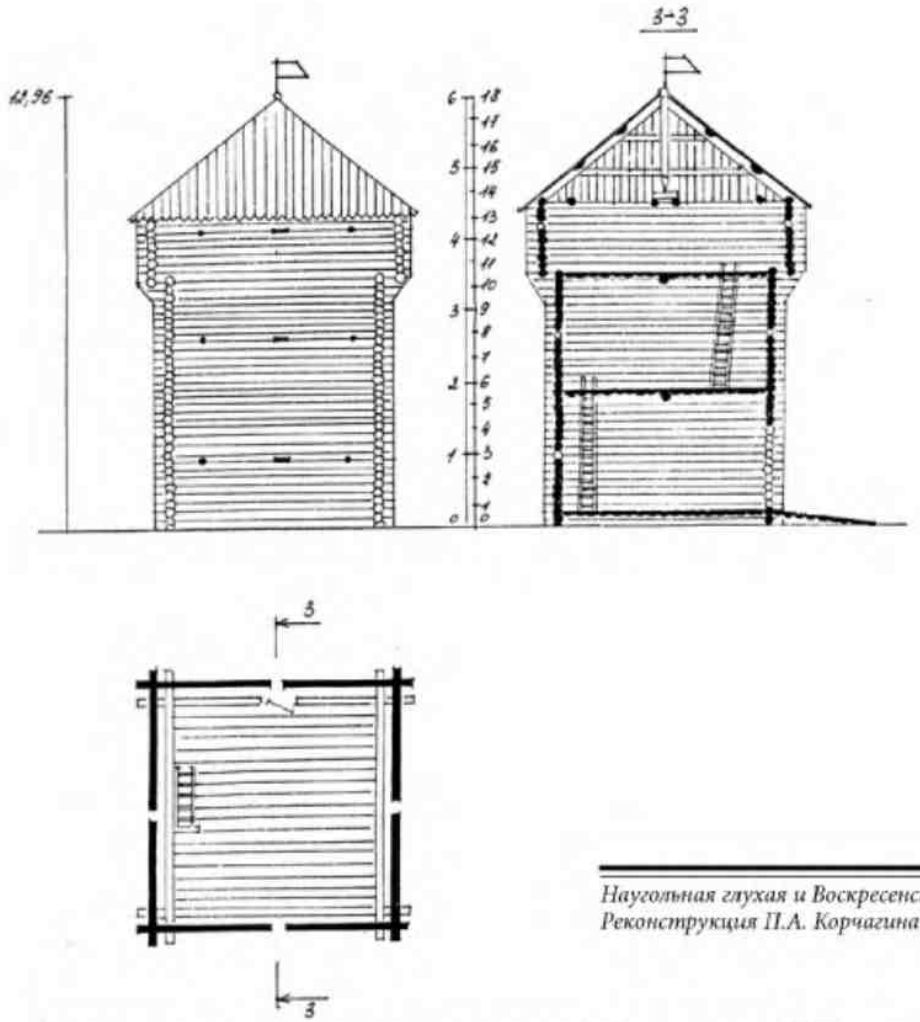

Спасская башня 1674-1675 годов.
Реконструкция П.А. Корчагина и Е.А.Угрюмовой

– понижение между камнями, через которое происходит сток подпочвенных вод со всей территории города, заболочено, и укрепления, установленные здесь, были бы крайне недолговечными;

– если бы острожная стена была выстроена вдоль берега Туры, она бы сделала невозможным функционирование пристани, располагавшейся по указаниям источников именно в этом месте[681];

– и, наконец, в раскопах Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета зафиксированы остатки острога, располагавшиеся совсем в другом месте, около юго-западного угла каменного кремля.

Наугольная глухая и Воскресенская башни 1674-1675 годов. Реконструкция П.А. Корчагина и Е.А.Угрюмовой

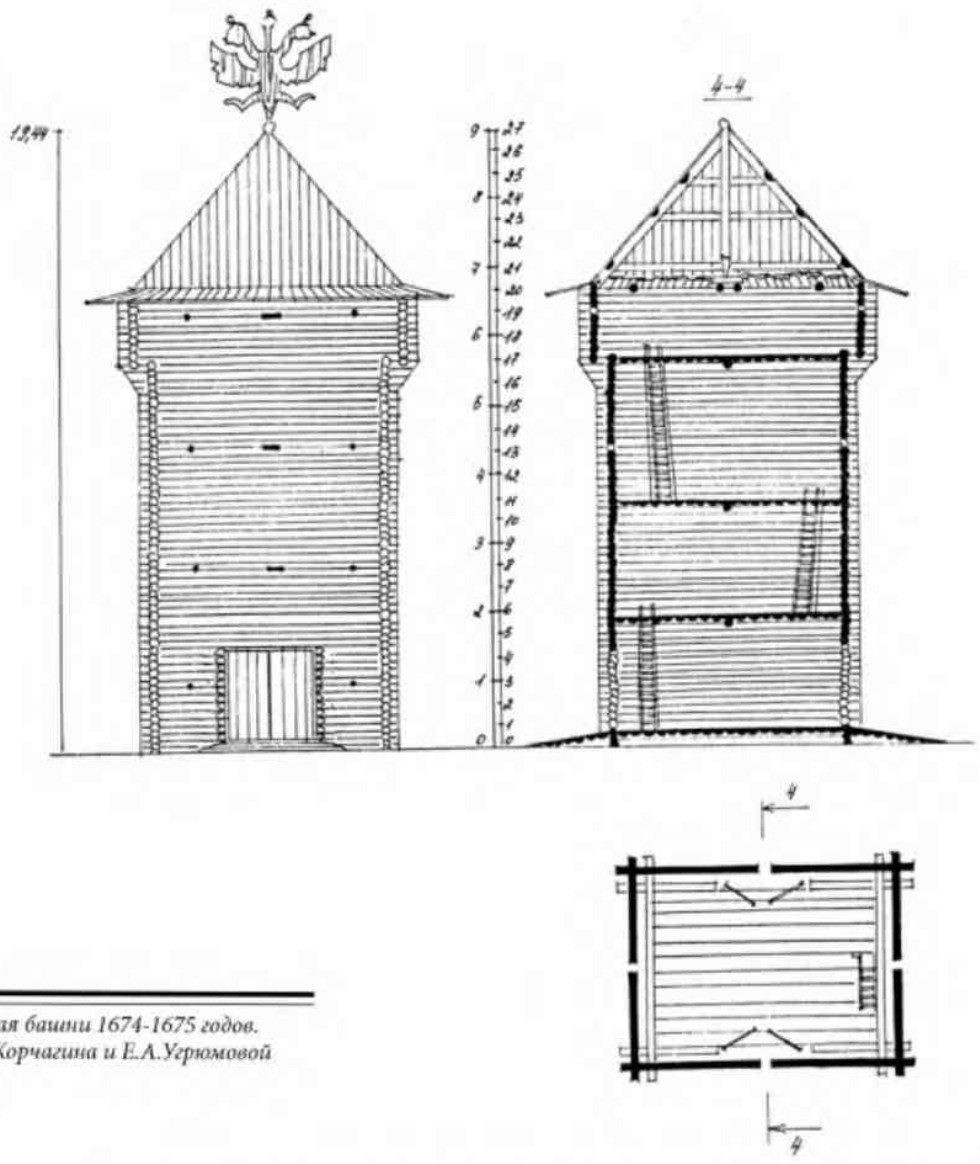
Приступая к реконструкции укреплений Верхотурья XVII века мы принимали в расчет все эти обстоятельства и руководствовались следующими принципами:

– обязательный учет влияния социально-экономической истории города на развитие его архитектурно-планировочной структуры, для чего необходимо возможно более полное извлечение информации из комплекса имеющихся письменных и иного вида источников;

– максимально полное использование знаний о традиционном русском оборонном зодчестве и применение их для нужд реконструкции;

– взаимопроверка результатов, полученных посредством различных методов.

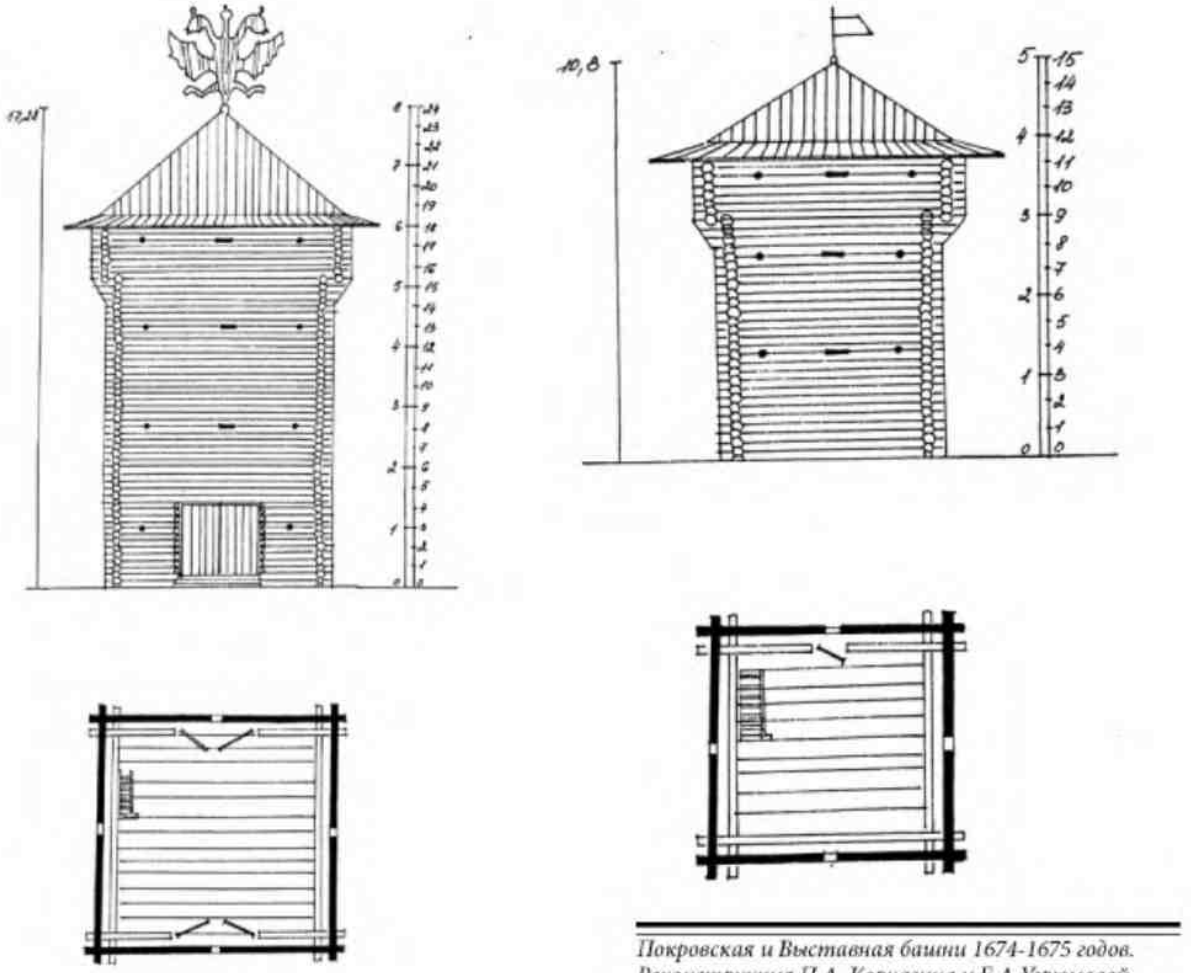
Вариант реконструкции, разработанный автором в сотрудничестве с Е.А. Угрюмовой (Уральский филиал Российской академии живописи, ваяния и зодчества (Пермь) тоже не является истиной в последней инстанции, но, по крайней мере, лишен неустранимых противоречий, и подвергся множественной комплексной перепроверке.

Алексеевская и Водяная башни 1674-1675 годов. Реконструкция П.А. Корчагина и Е.А.Угрюмовой

Как видно из плана (рис. на стр. 156), башни стоят в окончаниях проезжих улиц, западная стена проходит по одной из таких улиц, и, таким образом, дорегулярная планировка города. Углы кремля и острога содержат целое число делений «московского угломера», что соответствует традиции древнерусской архитектуры[682]. Частично трасса острога проверена археологически, что дает основания для целенаправленных поисков остатков укреплений Верхотурья и, в конечном счете, объективной и возможно более полной их реконструкции[683].

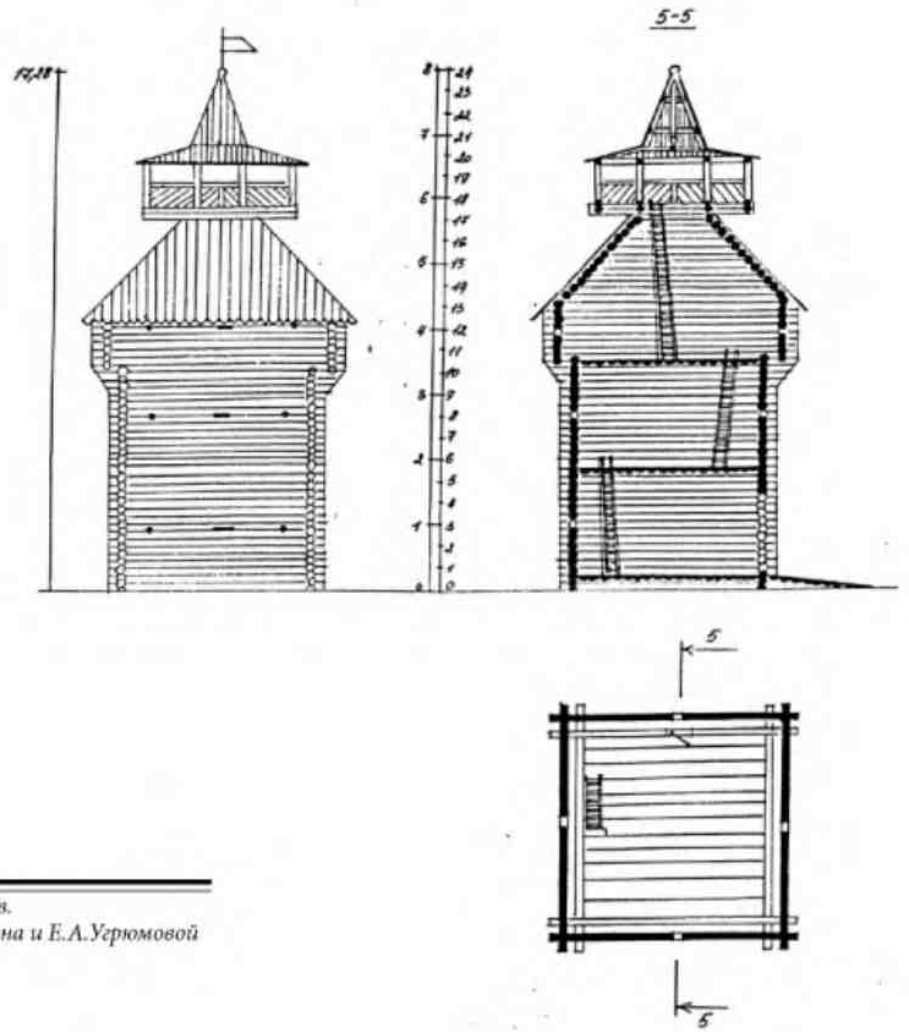
Как уже отмечалось, не сохранилось ни одного изображения башен верхотурского кремля – случилось так, что С.У. Ремезов, составивший множество рисованных планов уральских и сибирских городов,

Покровская и Выставная башни 1674-1675 годов. Реконструкция П.А. Корчагина и Е.А.Угрюмовой

побывал в Верхотурье вскоре после большого пожара и, естественно, не мог отобразить на плане того, чего уже не существовало. Поэтому он ограничился обобщенным видом (скорее даже условным обозначением) города на карте в «Чертежной книге Сибири».

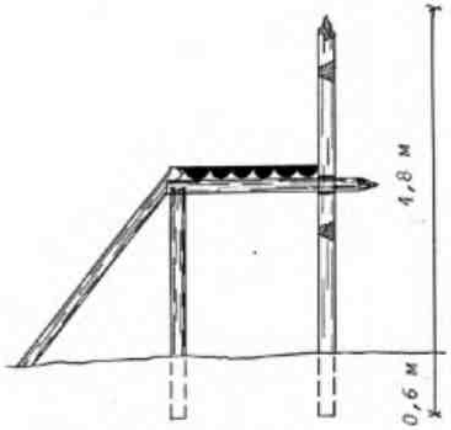
Однако это не должно смущать исследователей, поскольку сохранились подробные словесные описания башен, сделанные Г.Ф. Нарышкиным и И.Е. Цыклером. Кроме того, известно, что деревянное оборонительное зодчество Руси было, в некотором смысле «типовым»: в «сметах» на строительство указывалось точный размер и количество бревен, потребных для возведения определенных крепостных сооружений. И, наконец, установлено, что во второй половине XVII века в Енисейске сложилась «школа» сибирских военных инженеров и зодчих, характеризующаяся единством пропорций и модульной основы в компоновке сооружений, где за модуль был принят аршин печатной сажени (или три диаметра пятивершкового бревна).

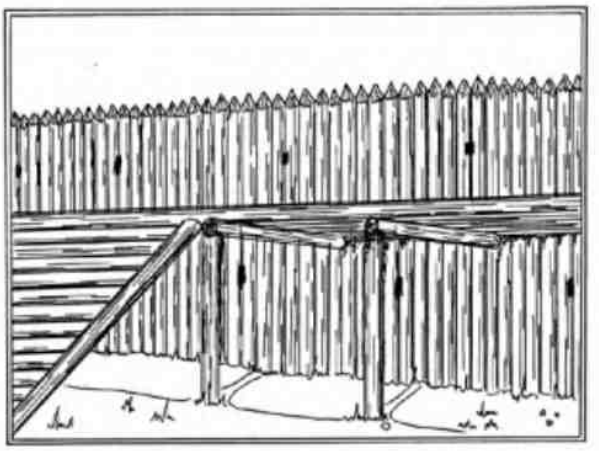

Глухая башня 1674-1675 годов.
Реконструкция П.А. Корчагина и Е.А.Угрюмовой

Подобный и, очевидно, во многом схожий центр средоточия мастеров существовал и в Западной Сибири – в Тобольске, в городе в «разряд» которого входило Верхотурье.

Поэтому не будет большой натяжкой считать, что пропорции башен русских крепостей Западной и Восточной Сибири очень близки, тем более что в источниках о строительстве в Верхотурье содержатся сведения о заготовке бревен именно «в отрубе пять вершков», т.е. стандарт заготовки стройматериалов был един для всей Сибири. И если, как писал С.Н. Баландин: «Подобная размерность сооружений значительно облегчала организацию и процесс строительства сооружений»[684], то и их реконструкция намного упростится, и (что важнее) станет значительно объективней при условии учета присущей им модульной соразмерности.

Конструкция и общий вид острожных укреплений Верхотурья 1674-1675 годов. Реконструкция П.А. Корчагина и Е.А.Угрюмовой

Подобный подход особенно плодотворен при восстановлении облика башен с простыми конструктивными решениями (рис. на стр. 165–168), хотя следует упомянуть, что кроме «аршинного модуля нами использовался и еще один – человеческая фигура – для определения общей высоты ярусов боя, уровня прорезки бойниц и т.д. При реконструкции башен более сложных форм использовались аналоги: сохранившиеся башни сибирских острогов и изображения укреплений XVII века. Так Николаевская башня (рис. на стр. 163) оказалась чрезвычайно схожей с Проезжей башней Николо-Карельского монастыря[685].

Спасская башня, стоявшая на выезде из Верхотурья в Тобольск, была также построена «на 12 углов» (рис. на стр. 164), как и одна из башен внешних укреплений Кунгура, зарисованных С.У. Ремезовым в 1703 году[686].

Особый вопрос – реконструкция внешнего облика острожных стен. Из опыта исследования оборонительных укреплений сибирских городов XVII века (а именно к ним первоначально относилось Верхотурье) известно несколько типов острожных стен: «стоячий» острог, «стоячий» острог с помостом для верхнего боя, «стоячий» острог с «иглами», «косой» острог на «козельчатом» помосте[687].

Почти каждый из них имел не только характерные конструктивные особенности, но и отличался способом установки на грунте, а, значит, и следами, остающимися в культурном слое после разрушения.

В 1993-1995 годах Верхотурским отрядом КАЭ ПГУ в раскопах XIV-93 и XIV-95 около здания воеводской канцелярии на юго-восточном углу каменного кремля, где ныне располагается районный ЗАГС и отдел архитектуры, были обнаружены и исследованы на площади 40 кв.м. остатки острожной стены XVII века. В непосредственной близости от стен канцелярии ширина раскопа составляла 4 м, что позволило полностью изучить конструктивные особенности острога, а далее (по условиям местности) острог исследовался метровой траншеей, благодаря чему удалось проследить трассу острога на протяжении 23 м и обнаружить место поворота стены на юг по направлению к школьному саду.

В раскопе XIV–93 были зафиксированы: траншея шириной по дну около 40 см и глубиной от дневной поверхности до 60 см, в которую устанавливались прясла (секции) острога: в ней сохранилась темно-коричневая древесная труха (хвойные породы, скорее всего, сосна), а иногда пустоты по диаметру острожных бревен. Диаметр бревен колебался от 12 до 24 см, что приближается к принятому в XVII веке пятивершковому стандарту – 22,5 см. Чередование столбовых ям большего и меньшего диаметра свидетельствует о том, что строители, помещая стволы в траншею, то вверх, то вниз комлем, старались, по мере возможности, сделать острог более плотным.

Тем не менее, судя по расстоянию между соседними бревнами, которое достигает иногда 10 см, они не прирубались друг к другу и острог был щелястым. Нижние концы острожных бревен были плоско обрублены, для удобства установки на дно траншеи, но не обожжены, как это иногда делалось для большего сопротивления гниению. С северной (внутренней) стороны тына на расстоянии около 2 м были расчищены столбовые ямки, которые можно интерпретировать как остатки столбов, поддерживающих помост для верхнего боя[688].

В раскопе XIV-95 была выявлена интересная деталь: у места поворота на юг на дно траншеи под тынины была заложена колотая плаха длиной 5,4 м, вероятно для выравнивания и во избежание неравномерной осадки острога. Из отписки воеводы Н. Мещерского известно, что по смете наибольшее количество заготовленных бревен имело «полутретьи сажени» длины, т.е. самые 5,4 м. Вычитая глубину траншеи, определяем высоту острога – 4,8 м. Высота подобных укреплений в сибирских крепостях колебалась от 4 до 6 м[689].

Таким образом, в конце XVII века Верхотурье было окружено «стоячим» острогом общей высотой до 5 м с помостом для верхнего боя (рис. на стр. 169), который описывался источником 1697 года следующим образом: «А около всего Верхотурского острогу к стене мосты обходные на столбах с переклады. И верхние столбы с переклады подкадки по всем же стенам[690]».

Планировка верхотурских деревянных укреплений (рис. на стр. 156, 160) уникальна и характеризуется тем, что замкнутая внутренняя крепость отсутствует, – восточная кремлевская стена затрудняла бы подход обозов из Соликамска с «сибирскими отпусками» из Соликамска, – территория плотбища и пристани, хотя и не заключена в острог, но с напольной стороны находиться под надежной защитой двойной городской стены.

В окончательном виде она сформировалась к третьей четверти XVII века под воздействием различных факторов социально-экономического и социально-политического порядка. Своеобразие Верхотурья как транзитно-транспортного, административно-полицейского и финансово-фискального центра, конкретные события XVII века существенно повлияли на конструктивные особенности и планировку его укреплений.

2.2.2. ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА КАМЕННОГО КРЕМЛЯ ВЕРХОТУРЬЯ

Для изучения хода строительства кремля города Верхотурья привлекались документы, собранные в центральных и местных архивах и музеях. Собранный материал можно подразделить на две группы: письменные источники и иконографический материал (планы, гравюры, фотографии). Письменные источники составляют наиболее обширную и информативную группу источников. В нее вошли: городовые списки Верхотурья, переписка верхотурских городничих с губернским правлением, описания казенных зданий Верхотурья, составленные по заказу различных учреждений.

Городовые списки 1700-1708 годов содержат описания укреплений города в самом начале каменного строительства и позволяют проследить все его этапы[691]. К городовым спискам можно отнести и перечень городовых укреплений г. Верхотурья, составленный 24 марта 1741 года[692]. Переписка, которую вели городские власти с различными учреждениями, содержит сведения о разрушении, ремонтах, перестройке отдельных зданий кремля, участков крепостной стены[693], в том числе и разборке кремля в период 1852-1854 годов[694].

Выше перечисленные группы документов содержат наиболее достоверную информацию, так как включают сведения о событиях, происшедших недавно. К описаниям же Верхотурья, составленным в первой половине XIX века следует подходить более осторожно. Подобные описания, содержащие сведения о возникновении города, занятиях жителей, наличии каменных зданий, составлялись не только с целью учета государственного имущества, но и в связи с интересом к истории России. Один из первых опытов такого описания был произведен Г.Ф. Миллером в первой половине XVIII века[695]. Однако, при изложении событий XVII-XVIII веков составители нередко путают даты или ссылаются на то, что сведения о событиях не сохранились[696]. Поэтому описания, составленные в XIX веке требуют перепроверки информации по более ранним источникам.

Иконографический материал представлен планами города XVIII-XIX веков, гравюрой 1742 года и рядом фотографий конца XIX – начала XX веков. Наиболее детальные планы города, с указанием местоположения не только каменных, но и деревянных сооружений, были составлены в XVIII в. На самом раннем из имеющихся планов, датированным концом 1770-х годов[697] показана еще нерегулярная планировка города. Два других плана XVIII века, датированные 1780-1781 и 1780-1785 годами[698] показывают уже перепланированный город. Некоторые каменные сооружения (пороховой погреб, поварня) обозначены только на планах XVIII в. Планы города, составленные в XIX веке (1823,1837,1844) в целом более схематичны, выполнены часто небрежно, с нарушением пропорций сооружений[699]. Пользуясь планами города, а также гравюрой 1742 года[700] было проведено изучение изменений в составе и конфигурации кремлевского комплекса, слома или строительства новых сооружений (в том числе и некоторых деревянных).

В самом конце XVII – начале XVIII века в Верхотурье развернулось интенсивное каменное строительство. Старые деревянные казенные постройки заменялись по требованию царя на каменные[701]. Петр I проявлял живой интерес к строительству Верхотурья, приказывая местному воеводе, чтобы избежать последствий пожаров «впредь ... стараться ... городовые башни, воеводские житья...» и другие постройки «сделать каменные из кирпичу и каменю, а камень, который вы для образца к Москве прислали по скаске московских каменщиков в теску совершенно годится». В грамоте от 2 июля 1700 года даются подробные инструкции строителям крепости, чтобы «башни ... ставить бы подале», «смотреть, как... ставилось дешевле... делать кирпичом и плитовым и всяким каменьем, стесав с одну или с двух сторон окладными кирками, чтобы вонная и путреняя стороны были гладки и ровны...». Так же подробно предписывается использование различных строительных материалов: «песок с крупными камешки и дресвою ... большими решетами ... просевать, а остатки, смешав с глиною, класть меж кирпичами или каменми ... и набивать твердо ступами, а кирпич ... лутче делать против московского... в стенах в середку буде одною известью бутить убыточно, в иных рядах класти и с щебнем и хрящем крупным... с глиною набивать плотно, а с вонную сторону по спаям намазывать известью, чтобы дождем и мокротою не размыло, а снутри те спаи смазывать глиною и по глине, как засохнет попрыскать известью... а... которые на камне твердом будут основаны железных связей, где сводов нет, ...класть не надобно, потому что город Верхотурье стоит на камени и по той причине тем зданиям осадки впред быть невозможно[702]».

Таким образом, царь заботился не только о хорошем качестве, но и об удешевлении строительства. В заключение он требует: «И каким образцам и строениям башни и воевоцкие полаты сделать о том послан чертеж и описание особое» – то есть требовал вести стройку по данному из Москвы проекту.

Строительство началось одновременно созданием новых укреплений, амбаров и административных зданий. По специальным указам Петра I от 17 января и 8 марта 1699 года в Верхотурье были присланы «каменного, известного, кирпичного дела подрядчик и подмастерья Тимошка Гусев с товарищи, двадцать три человека» и строители из других городов. Они должны были жечь известь, копать и мять глину, делать и обжигать кирпич, копать рвы, бить сваи и «всякая каменная подошва к каменному строению крепить», а также делать черепицу «красную и муравленую[703]». Подрядчики приступили к работе весной 1698 г., начав со строительства амбаров, совмещенных с каменной стеной на Троицком камне – в этом сказалась основная транзитно-транспортная функция города.

Для обеспечения строительства создавалась серьезная база. В 1699 году Тимофей Гусев нашел месторождение «известного камня» около реки Талица[704]. Производство извести было делом очень хлопотным, поэтому ее заготовка была передана на подряд крестьянам слобод Верхотурского уезда[705]. В этом же году «против города за Турою рекой» были поставлены кирпичные сараи, крытые драницами.

Было налажено кирпичное производство по стандарту несколько отличному «против московского». Если «государев кирпич» имел размеры 7х3,5х2 вершка, то верхотурский воевода требовал от мастеров соблюдения иных пропорций, а именно 7х3,5х1,5 вершка. В 1700-1701 в Верхотурье прибыли кроме «скаски как ... черепицу делать» два станка и образец глины, «ис которой делают на Москве печные образцы и черепицу».

Однако строительство затормозилось из-за отсутствия подсобной рабочей силы и неурядиц с оплатой труда. Когда не нашлось добровольцев из местного населения «каменному строительству учиться» воевода П.К. Козлов набрал кадры «изневольно» с принудительной оплатой труда. Московские и уральские каменщики, их ученики из числа верхотурских служилых и посадских детей построили как каменный Троицкий собор, так и стены и здания в кремле. Участвовали в этом строительстве мастера из Нового Усолья на Каме, тобольские кузнецы, изготовившие железные связи, дверные петли, клинья и ажурные решетки для Троицкого собора. Кроме артели Т. Гусева в числе строителей была и местная артель каменщиков во главе с П. Сибиркиным – «верхотурские люди наемщики», также работавшая на подрядных условиях, как и В. Рязанцев и Л. Петелин, поставившие на стройку 2.000.000 штук кирпича[706].

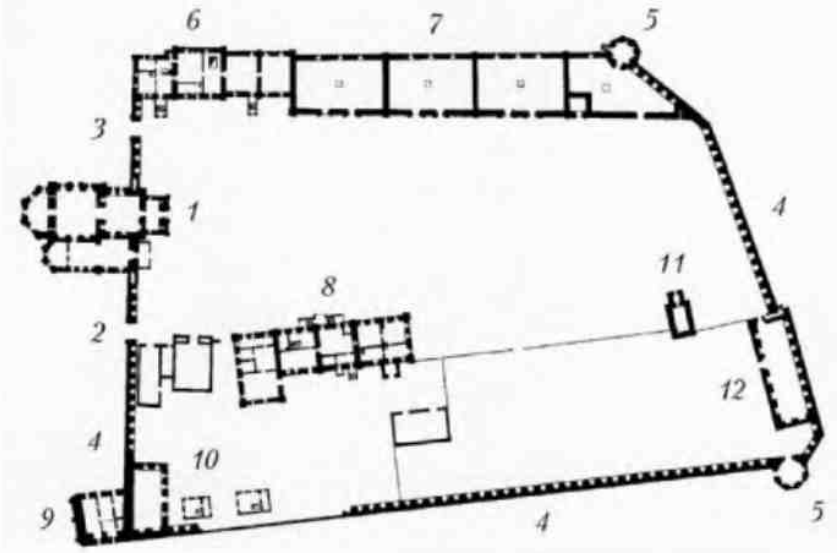
Не вторгаясь в сферу интересов историков архитектуры, должны отметить, что в их исследованиях роль Тимофея Гусева как основного руководителя строительства кремля, вероятно, несколько преувеличивается[707]. Т. Гусев во всех платежных документах фигурирует либо как «подрядчик», либо как «подмастерье каменного дела», а его денежный оклад составлял 1 рубль 25 копеек, в то время как Василия Рязанца именуют «мастером» и ему положили оклад 1 рубль 50 копеек[708].

Каменному строительству в кремле и в других частях города отчасти помешал большой пожар, происшедший 22 апреля 1700 года[709] «близости соборной церкви ... и от того пожару верхотурский острог и башни и соборная и приходские церкви ... и приказная и таможенная избы ... и воеводский двор ...погорело все без остатку ... остались башня Водяная, башня на камени наугольная. А острожной стены подле тех башен малое число и то все поломано и посечено».

В «Строельных книгах города Верхотурья» за 1701 год указано: «В 1700 году построена приказная палата». Сохранился графический чертеж палаты одновременный строительству[710]. В них же содержится перечень каменных зданий возведенных в 1701 году: «В 1701 годе построены на воеводском дворе для житья воеводам каменные палаты, в длину 19 саженях попереч от камени на 5 саженях с аршином, а от проезжей улицы на 8 саженях, с накатными потолки, а в них же пять верхних житий, столовая, сени, передняя комната и ... столовая, длиной 5 сажен с аршином; сени, длиной 4 сажени без аршина; комната с кладовой - 4 сажени без полуаршина; а в широту столовая и сени и передняя по 4 сажени с аршином; комната 4 сажени; кладовая 3 сажени, меж ними деревянная перегорода, а меж столовою и переднею 3 перегороды каменные, а под ними погреб каменный с выходом кирпичным, два подклета жилые[711]».

В «Городовом списке города Верхотурья» за 1702 год упоминается «из каменных строений: приказная палата и воеводский двор[712]». Планы построек можно увидеть в «Плане ныне существующему каменному строению в городе Верхотурье» конца XVIII века[713].

В «Городовом списке города Верхотурья» за 1703 год после повторения текста «Списка...» 1702 года добавлено: «...подле анбар, анбар для жита, башня наугольная, стена с другой стороны приказной палаты...[714]» Из «Записи о строении Верхотурской Свято-Троицкой Соборной церкви» В.Н. Шишонко, основанной на утраченных документах, почерпнута информация о том, что «нынешняя Верхотурская Соборная церковь построена по указу Петра I и строилась с 1703 по 1710 год.

План Верхотурского кремля, XVIII век:
1. Троицкий собор,
2. Северо-восточные ворота,
3. Юго-восточные ворота,
4. Крепостная стена,
5. Крепостные башни,
6. Приказные палаты,
7. Житные амбары,
8. Дом воеводы,
9. Караульная,
10. Поварня,
11. Пороховой погреб,
12. Каменная палата

В «Городовом списке города Верхотурья» за 1704 год вслед за вышеперечисленными зданиями упомянуто следующее: «А в нынешнем 1704 году каменного строения от соборной церкви складено камнем и кирпичом 12 сажен с зубцами, да в той стене сделаны проезжие ворота, да от наугольной деревянной башни складено городовой стены 8 сажен каменем в вышину пол 2 аршин[715]». Упоминаемая в тексте деревянная угловая башня находилась в северо-западной части кремля[716].

В тексте «Городового списка города Верхотурья» за 1706 год объединено описание построек, законченных в 1705-1706: «...а в прошлом 1705 и в нынешнем 1706 году каменного ж строения в малом городе башня наугольная на троецком камени обложена и взбучена по земле (одно слово не разобрано) кругом 15 сажен, поперёк 4 сажени, в вышину поднята от реки 2 сажени, а от той башни до николаевской проезжей башни городовой стены сделано каменем с известью в длину 8 сажен, в высоту 4 аршина, а у никольской башни приделана караульная изба меж стен в длину 5 сажен, ширину 4 сажен, а никольская башня сделана в высоту каменем и кирпичом 2 стены по 4 сажени без аршина, 2 стены по 3 сажени без 1/2 аршина и в них ворота проезжие[717]».

Это единственный документ, где проезжие Никольские ворота упоминаются как строящаяся башня. К сожалению, в «Списке...» даны размеры не по периметру, а по вертикали, поэтому более или менее точно определить ее местоположение нельзя. Можно лишь предположить, что она находилась на месте деревянной Никольской башни, то есть на проезжей части современной улицы Советской возле северо-восточного угла кремля города Верхотурья.

В «Городовом списке города Верхотурья» за 1707 год построенные в данном году здания перечислены следующим образом: «...от Никольские проезжие ворота городовой стены к наугольной башне к Туре поднято стены на 9 сажен в высоту 2 сажени да поперешной стены к соборной церкви до проезжих ворот поднято наготове ж ... сажен в высоту и с зубцами по 4 сажени, да к тем же городовым стенам в углу на прежнем выбученном месте ... прикладена поварня[718]».

В наиболее полном «Городовом списке...» 1708 года верхотурский воевода Б.Г. Глебов так описывал царю ход строительства: «...с прошлого 1706 и в нынешнем 1708 г. построено на Верхотурье... каменного строения малого города... две башни наугольные, городовой стены 84 сажени, а в стенах построены двои проезжие ворота, невдостройке ... стен и житного амбара 120 сажен ... На достройку в малом городе надобно изготовить ... стенового серого камени триста сажен, двести тысяч кирпичу, тысяча бочек извести ... песку». Не достроены были караульная изба - «без потолков и непокрыты городовые стены с зубцами» и «два анбара городовой стены». Одновременно строились и укрепления острога вокруг кремля, в том числе проезжая Никольская башня «с приезду московской стороны складена кирпичом и камнем». В 1707 г. была в основном закончена постройка соборной Троицкой церкви. По новому плану южную стену кремля составляли каменные амбары. В строительстве принимали участие «верхотурские градские всех чинов жители и подгородные и слободские крестьяне», а «бутовой и стеновой камень ломан верхотурскими казацкими детьми[719]».

В «Городовом списке» за 1710 год указывается: «...а от ... Наугольной башни складено городовой стены камнем и кирпичом к Николаевским воротам в 1709 г. в длину 18 сажен, в вышину стена до зубов 3 сажени с аршином. Да того же малого города в 1709 г. меж двумя каменными башнями камнем и кирпичом городовой стена длиною 40 сажен, в вышину 5 аршин, да подле той же стены складено кладового анбару в длину одна 13 сажен с аршином, поперечные стены 4 сажени». Там же содержится описание строительства кремля в 1710 году: «Да в нынешнем 1710 годе сделано городовой стены меж Николаевскими и Краеугольной башне длиною по старому буту 54 сажени, в вышину до развала зубчатого 7 аршин[720]».

Из «Докладов департамента разсмотрения проэктов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий» от 16 октября 1845 года видно, что существовала пояснительная записка к смете на ремонт кремля, в которой указывалось, что строительство стен было завершено в 1710 году[721]. Уже цитированная «Запись...» В.Н. Шишонко позволяет этим же годом датировать окончание строительства Свято-Троицкого собора.

Из «Списка...» за 1711 год следует, что основная часть строительства была закончена. Южную стену кремля составили «приказная палата с накатными потолки, подле той палаты амбар в стене кладовой каменной со сводами да 3 амбары больших кладовых каменных с накатные потолки. А подле тех анбаров построен анбар с два жилья с подгорной стороны 4 сажени, а в городовую сторону 13 сажен, в вышину с подгорную сторону 4 сажен без аршина, а с другой стороны 3 сажен без аршина. А подле того амбара в стене башня наугольная мерою кругом 13 сажен, в вышину, от Туры реки 6 сажен с поларшином...». С восточной стороны Троицкого камня «подле другой стороны приказной палаты в городовую сторону сделаны ворота шириною в проезду 2 сажен, в вышину 5 аршин ... городовой стены длина 11 сажен, в вышину стена от земли и до зубцов 5 аршин, зубцы 3 аршина без четверти». На северо-западном углу находилась «башня наугольная на Троицком камне мерою кругом 15 сажен с аршином, в вышину до шатра с подгорной стороны от реки 7 сажен 5 четвертей, а с горной стороны 7 сажен без аршина, а шатер караульной сход деревянные в вышину 6 сажен с двумя аршины. А от той башни до Николаевских ворот городовой стены сделано ... в длину 80 сажен... зубцов 3 аршина» – это северная стена. На углу ее – «у Николаевских ворот караульная изба меж стен в длину 5 сажен, шириною 4 сажен да у той же караульной избы поварня со сводом и покрыты тесом длиной 7 сажен с аршином, поперек 3 сажен, а Николаевские ворота 2 стены... в высоту по 4 сажени без аршина..., а от тех ворот городовой поперешной стены к соборной церкви...» (текст обрывается).

Таким образом, в 1711 году с тех сторон (южной, восточной и северной) по периметру площадке Троицкого камня были поставлены стены кремля. Южную стену составляли приказная палата и амбары, северную – собственно стена с караулкой и поварней на углу, восточную - стена с двумя проезжими воротами по обе стороны Троицкого собора. На углах камня, обращенных к Туре, находились каменные башни. Западная сторона не была еще укреплена. Кроме того, внутри прямоугольника, ограниченного стенами, были поставлены «воеводского двора каменного строения 5 житий верхних, под ними погреб с выходом 2 подклети, 2 подвала каменных» и рядом с амбарами, образующими южную стену «анбар о два жилья длиною с подгорной стороны 4 сажен, а в городовую стену 13 сажен, в вышину с подгорную сторону 4 сажен без аршина, а с другой стороны 3 сажен без аршина[722]». Таким образом, на этот срок в кремле дополнительно построено: северная башня и 18 сажен северной стены. Городовых списков за последующие годы нами не обнаружено. Не найдено также и других подлинных документов этого периода, касающихся динамики каменного строительства, хотя определенные сведения можно почерпнуть из документов более позднего периода.

Автор «Экономических примечаний» в 1790 году также считал, что город «… был в 1698-ом по 1712 год укреплен и украшен крепостною стеною с башнями…[723]» Авторы многочисленных работ по истории архитектурных памятников Верхотурья обычно связывают прекращение строительства в верхотурском кремле с указом Петра I от 9 октября 1714 года «О запрещении на несколько лет строить во всем Государстве каменные домы»[724].

Однако, как мы видим, реально строительство в кремле прекратилось несколько ранее, а значит, на то были другие причины. Стоит принять во внимание тот факт, что в 1705-1711 годах на Урале не строилось ни одного завода, а построенные ранее были переданы в частные руки. С 1712 началось строительство частных заводов, в отношении которых верхотурский воевода никакими правами не обладал. И только в 1714 и 1716 годах были основаны два казенных завода (Кунгурский и Романовский), но они были далеко от Верхотурья и существовали очень недолго (до 1718) Стало быть, причины прекращения каменного строительства в кремле Верхотурья связаны не с возведением Петербурга, а с приостановкой заводского строительства на Урале и пересмотром правительства своей горнозаводской политики. Прекращение строительства была связана с тем, что в Москве перестали рассматривать Верхотурье в качестве центра горнозаводского освоения Урала, а раз так, то и не стало смысла вкладывать средства в его развитие.

Интересно, насколько проявилась преемственность в планировочной структуре между деревянными и каменными укреплениями города. Новый кремль уже являлся «регулярной» крепостью и не мог быть незамкнутым. Расположение амбаров и житниц гостиного двора XVII века в южной стене и вдоль обрывистого западного края Троицкого камня своеобразно повторилось в новых условиях. Каменные кладовые палаты расположились именно в южной и западной стенах. Северная стена деревянного кремля в хозяйственных целях не использовалась, так же и в каменном исполнении она осталась чисто фортификационным сооружением.

Как показали археологические исследования КАЭ ПГУ 1989-1995 годов[725] и НПЦ Свердловской области[726], существенно не изменилось и расположение воеводского дома: остатки деревянной усадьбы верхотурских воевод XVII в. были расчищены в непосредственной близости к северо-востоку от каменного здания, где ныне располагается администрация Верхотурского района. А деревянная поварня воеводской усадьбы оказалась даже частично перекрыта каменной постройкой аналогичного назначения XVIII века. Обнаружение следов кладбища на кремлевской площади позволяет считать окончательно доказанным, что расположение каменных построек по периметру Троицкого камня унаследовано от аналогичной планировки XVII века.

Несколько сложнее ситуация со Свято-Троицким собором. До сих пор в литературе не ставилось напрямую вопроса об изменении места расположения Троицкой церкви в момент перестройки ее в камне. Исследователи Верхотурья игумен Макарий и В.С. Баранов, не утверждают, что каменный Свято-Троицкий собор воздвигнут на месте сгоревшего в конце XVII в. деревянного, но и не опровергают этого. А.А. Дмитриев указывает, что: «в 1709 году, под наблюдением архимандрита Израиля, на казенные средства *перестроили* (курсив мой – П.К.) деревянный храм Живоначальной Троицы[727]», таким образом, молчаливо соглашается с тем, что каменная Троица была построена на традиционном месте. В. Кочедамов, реконструировавший план Верхотурья 1687 года, помещает на плане деревянный Троицкий храм на месте позднейшего каменного[728].

Еще в январе 1702 г. по указанию Сибирского приказа для изучения «науки черепицы и обжигу» в Москву были отправлены два кирпичника Яков Единый и Афанасий Посников. Посников уже через два года вернулся на родину и работал в качестве «черепишного мастера[729]». Очевидно, с деятельностью А. Посникова и его учеников можно связывать существование в XVIII в. в Верхотурье особой школы изразечного ремесла. В пользу этого предположения говорят многочисленные находки фрагментов изразцов и черепицы в Николаевском монастыре (в раскопках екатеринбургского археолога Е. Курлаева)[730] и верхотурском посаде (в наших раскопках).

2.2.3. ИСТОРИЯ ВЕРХОТУРСКОГО КРЕМЛЯ В XVIII–XIX ВЕКАХ. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И СУДЬБА

Опубликованная в 1785 году в четвертом издании книги Н.С. Витсена гравюра[731], отражающая вид города в начале XVIII века, очень схематична и малодостоверна, поскольку, вероятнее всего сделана не с натуры, а по памяти.

Вид Верхотурья в конце XVII в. Гравюра из книги Н.С.Витсена. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

На ней город изображен с правого берега Туры и под рисунками зданий даны краткие подписи на староголландском. Из кремлевских построек на рисунке обозначены Троицкий собор (автор показал его неверно – на самом краю Троицкого камня), воеводский дом в виде длинного прямоугольного здания с двухскатной крышей и 12 окнами, воеводская двухэтажная канцелярия на юго-восточном углу Троицкого камня и примыкающий к ней с востока пакгауз в виде длинного одноэтажного здания на южном склоне камня.

Стены и башни кремля показаны очень схематично, а сам посад на рисунке огорожен стеной с шатровыми башнями, похожими на северную кремлевскую с рисунка Люрсениуса. Стена посада идет по правому берегу реки Дернейки, защищая город с востока, выходя на запад к берегу Туры.

Первое по времени описание кремля и находившихся в них зданий по завершении строительства было обнаружено А.А. Дмитриевым и отнесено им к промежутку между 1728 и 1754 годами[732]. Но, судя по тому, что в описании не отражены следы пожара 1738 года, датировку рукописи можно сузить до десятилетия 1728-1738. К этому времени очертания кремля приняли законченный вид: на южной стороне камня, образуя сплошную стену, стояли «канцелярия ... подле той канцелярии кладовая палата со сводом..., три палаты кладовых больших ... подле тех полат к Туре реке полата ж о двух жильях...» – то есть 6 каменных построек, поставленные впритык друг к другу, а на юго-западном углу «башня мерою кругом тридцать сажен, в вышину шесть сажен с полуаршином, а шатер и караульный сход деревянные в вышину пять сажен» – то есть общая высота башни с шатром составляла более 22 сажен. Была построена и «западная стена длиннику двадцать семь сажен, в вышину пять аршин. А подле той стены складено до кладовой палаты в длину тринадцать сажен с аршином, поперек стены по четыре сажени, и та городовая стена и полата невдоделке». То есть и в западной части кремля в состав кремлевской стены вошла, как и на южном склоне, стена кладовой. С небольшим разрывом от этой кладовой находилась на северо-западном углу каменная башня: «подле той городовой стены и полаты в углу башня ж мерою кругом пятнадцать сажен с аршином, в вышину до шатра семь сажен пять четвертей, а шатер и караульный сход деревянные в вышину шесть сажен два аршина» – то есть общая высота этой башни вместе с шатром составляла более 13 сажен. От нее шла северная стена: «от той башни городовой стены в длину семдесят пять сажен, в вышину стена с зубцами четыре сажени с аршином». На северо-восточном углу «подле той городовой стены в городе на углу поварня со сводом каменная длиной семь сажен с аршином, шириною три сажени». А по восточной стене «от той поварни к соборной церкви городовой стены в длину двадцать пять сажен с аршином, в вышину с зубцами три сажени с полусаженью, да в той стене ворота».

В центре восточной стены находилась «церковь каменная соборная во имя Живоначальные Троицы с приделом священномученика Харлампия. А от той церкви к канцелярии городовой стены одиннадцать сажен, в вышину две сажени два аршина, в той городовой стене ворота ж». Зубцами была украшены только северная и восточная стены, что явно подчеркивало их скорее архитектурное, нежели военное значение, поскольку именно эти стены и самая высокая северная башня были обозримы с въезда в город по Бабиновской дороге и от Николаевского монастыря.

К северо-восточному углу кремля примыкали еще две каменные постройки: «За городом, подле городовую стену к Никольским воротам, изба караульная каменная... в длину пять сажен, шириною четырех сажен.

А Никольских ворот две стены в вышину по четыре сажени без аршина, одна стена три сажени без полуаршина и те ворота невдоделке. А от тех ворот кругом посаду выкопан ров и выбучен камнем длиною сто четырнадцать сажен. Внутри площадки Троицкого кампя, ограниченной кремлевскими стенами, находились две каменные и одна деревянная постройки: «в городе ж воеводских каменных пять полат ... под ними погреб с выходом, два подклета, два подвала. В длину те полаты двадцать сажен, поперег пять сажен с аршином. Да в городе же зелейной погреб каменной, а свод и выход кирпишные, покрыт черепицею, длиною пять сажен с аршином, поперег две сажени, в вышину полторы сажени, а выход трех сажен ... да в городе же провиантский ... амбар деревянной...»

18 июня 1738 года в городе случился грандиозный пожар, во время которого пострадали почти все каменные постройки кремля. В Портфелях Миллера содержатся ответы на «Запросные пункты» из Верхотурской канцелярии 1740-1742 годов. В них указано, что: «От пожарного случая в 1738 г. июля 18 дня в городе Верхотурье казенного и прочего сгорело ... на соборной Троицкой церкви 6 глав деревянных, которые обиты были черепицей..., на колокольне кровли деревянные крытые тесом, на канцелярии кровли и в сенях потолок, на 4 кладовых полатах потолки, кровли и двери, наугольной башни шатер...[733]»

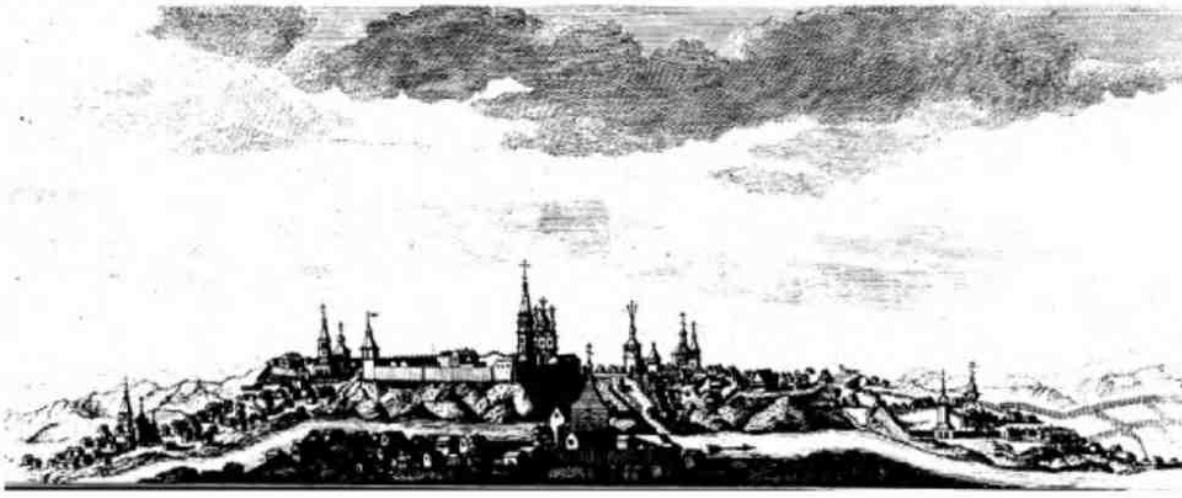
«Росписной список», составленный при сдаче дел воеводой подполковником Воробьевым капитану Бартеневу 24 марта 1741 года последствия пожара фиксирует более полно. «Три полаты кладовых больших без потолков и без кровель к Туре реке горелые ... Подле той полаты на углу башня ... деревянная вся сгорела ... поварня каменная, а свод у той поварни пал ... изба караульная каменная без накатного потолку ... и вся обвалилась[734]». В 1741 воеводской канцелярии и воеводской палате были переложены 3 печи и очаг, побелены стены и потолки[735].

Во время экспедиции Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина по Сибири в 1733-1742 годах И.В. Люрсениусом был сделан рисунок, передающий панораму центра Верхотурья с правого берега Туры, по которому была сделана гравюра П.А. Артемьева. Датировка рисунка 1742 годом была проведена сотрудником Русского музея М.А. Алексеевой[736]. Кремлевский комплекс изображен на гравюре довольно четко и несколько отличается от вышеприведенных описаний. Лучше всего на рисунке видна западная стена. Она изображена полностью построенной, без зубцов с небольшим выступом, очевидно, на стыке стены палаты с собственно стеной, идущей к южной башне. Не виден переход от стены к северной башне. Эта башня изображена граненой, имеющей высоту большую, чем примыкающая к ней западная стена, в верхней части башни видна узкая длинная бойница. Верх башни крыт шатром, увенчанным флажком на шпиле.

Между верхом шатра и шпилем виден еще короткий ярус и на нем узкий шатрик. Вдоль западной стены, башен и южной стены намечена узкая площадка, видимо, для прохода у основания стен.

Южная башня находится на стыке западной и южной стен. Она изображена невысокой, округлой, с несколькими квадратными бойницами в верхней части, не имеющей шатрового покрытия.

На южной стене хорошо видны зубцы с бойницами. В конце южной стены просматривается высокое, длинное двухэтажное здание воеводской канцелярии под двухскатной крышей. Северная стена изображена довольно схематично, но на ней, как и на восточной стене над воротами видны зубцы. Троицкий собор на рисунке несколько смещен к югу по сравнению с его реальным расположением. Внутри кремля видна верхняя часть воеводского дома, довольно высокого, с окнами, под двухскатной крышей. На углу между северной и западной стеной просматривается двухскатные крыши двух небольших помещений, показанных почти вдвое более низкими, чем воеводский дом. Справа от кремля изображен наклонный спуск к реке Туре. На нижнем уступе его смутно прослеживается какая-то деревянная стена. Слева от кремля между ним и Николаевским монастырем изображена, идущая к кремлю Бабиновская дорога.

Вид Верхотурья в начале XVIII века, гравюра с рисунка И.В. Люрсениуса, 1742 год

На гравюре Люрсениуса в северо-западном углу кремля изображены деревянные постройки, которые в описаниях не упоминаются. Очевидно, это артиллерийский цейхгауз и надворные постройки, принадлежащие воеводскому дому и указанные на более поздних планах Верхотурья. Между восточной стеной кремля и воеводским домом в 1990 г. отрядом КАЭ ПГУ были произведены раскопки[737], в результате которых было установлено, что деревянное сооружение, изображенное за воеводским домом, является конюшней.

Рисунок отличается от описаний тем, что западная стена и кладовая, входящая в нее, изображены вполне законченными, в то время как в описаниях они значатся «внедоделке». Почти не отражены (если доверять датировке рисунка) последствия пожара 1738 года, во время которого сгорели крыши зданий, трещины и временные укрепления стен на юго-западном углу кремля (по описанию 1741 года). Художник, видимо, идеализировал состояние кремлевского ансамбля, показав его состояние гораздо лучшим, чем было на самом деле.

Сооруженные в спешке и подневольно кремлевские каменные стены дали трещины как раз в том месте, где фундаменты были устроены в глине, а не опирались на скальный материк. По описанию 1741 года «городовой каменной стены от ворот к Туре реке к башне с фундаменту пошатилось мерой 25 сажен с половиной и та стена для безопасности подперта слегами токмо весьма ненадежно... паче чаяния та стена с фундаменту повалится, то причинится немалый вред, да у той же стены в городе у наугольной палаты каменной свод пал на землю и стена расселась» – то есть разрушение кремля началось с его юго-западного угла. Указом Сибирской губернской канцелярии, пришедшим в Верхотурье 21 июня 1754 года, велено было искать подрядчиков «к починке в городе Верхотурье городового строения, канцелярии и кладовых палат[738]», что и было исполнено на следующий день[739].

И как будто специально в ночь на 9 июля 1754 года рухнул участок северной кремлевской стены длиной 7 сажен 11 вершков, а на следующий день произошло «таковому и той же стены». Было велено «свалившейся стены кирпич в пристойное место собрать[740]».

Состояние кремлевских построек в середине 50-х годов XVIII века обрисовано в «Доношении в Сибирскую губернскую канцелярию из Верхотурской воеводской канцелярии» от 25 февраля 1754 года. Оно свидетельствует, что разрушение, простоявших более 15 лет без ремонта зданий кремля продолжалось: «наивяще повреждение от дождевой погоды приключиться может, а паче кладовые полаты, у которых стены уже дали разселины немалые и без крыжки от дождя размокаются...». Все постройки южной стены, крыши которых сгорели в 1738 году и не были восстановлены, давали протечку и усиливали разрушения: «в летнее время от дождей вода яко не на покрытое льется, от чего ... кладовая полата на углу к реке Туре дала немалую с фундамента разселину ... как верхней так нижней той полате своды гораздо пообсели и во многих местах дали разселины ж..., под воеводскою канцеляриею ... кирпич вывалился ... у городовой стены коя с фундаменту на 25 саженях с половиною пошатилась и для безопасности была подперта бревнами, те бревна все погнили и надежды в них никакой ... и опасно, дабы та стена, у которой в двух местах с фундаменту дало немалые разселины не могла повалиться ... в каменных воеводских полатах ... у трех полат нижние и верхние потолки и у двух уже обвалились и полы погнили и впредь к житию воеводам надежды в тех полатах никакой нет да и весьма опасно, чтоб совсем не задавили». Тогда же было предложено в качество неотложных мер: «на кладовой полате разобрав ... верхней и нижней связи и зачиня являющуюся к Туре ... разселину ... кирпичом ... и, паслав ... прочные потолки..., крышку..., полы и насыпать на те потолки землю ... и на башне потолки ж и караульной сход ... и в трех воеводских каменных полатах верхние и нижние потолки и крышку ... и каменную стену как возможно крепче подпереть[741]».

Состояние кремля на начало 70-х годов XVIII века отражено в описании И. Лепехина 1771 года: «...кремль ... огорожен каменной стеною с зубами по ряду деревянного укрепления ... Городское укрепление произвело четыре части города ... кремль, или укрепленный город, в котором кроме каменной церкви изрядная каменная воеводская канцелярия[742]».

Этократкоеизвестие,вкоторомупомянутытолькоотремонтированные постройки, дополняет «План города Верхотурья» конца 1770-х годов[743]. Часть северной стены показана разрушенной, что согласуется с источниками. Неиспользуемые, стоящие без крыш поварня и кладовые палаты обозначены на нем как «пустые места, обнесенные каменными стенами». К северу и востоку от воеводского дома на плане нанесен комплекс из пяти деревянных сооружений, который в легенде к плану назван «Комиссарский дом с протчими к нему постройками». В северо-западном углу кремля, между северной стеной и пороховым погребом, изображен деревянный артиллерийский цейхгауз, а южнее порохового погреба – два корпуса деревянного же казенного амбара.

Тюремный острог (ранее бывший караульной избой) показан действующим с деревянной оградой и стоящим рядом «обывательским строением». Не ясно, что именно отражают зеленые очертания вокруг Свято-Троицкого собора – границу газона или же алтарную ограду, которая в источниках не упоминается.

В «Деле по предложению верхотурского комиссара Салманова о смене его от должности...» 1777 года содержится наиболее подробное описание кремлевских построек[744], настолько подробное, что может служить основой не только для реконструкции внешнего вида зданий кремля, но и для воссоздания интерьеров. Коллежский асессор Салманов был, очевидно, человеком дотошным и в «Росписном списке ... к здаче города Верхотурья» перечислил даже оклады на казенных образах, однако и принимающий должность секунд майор Давыдов не уступал ему, пометив на полях около образа Алексея митрополита московского - «венца не явил». В 1777 году в «Верхотурье в кремле ограда обнесена каменной стеною, от которой в восточную сторону казенного каменного строения соборная Троицкая церковь с пределом великомученика Харлампия о восми глав при ней колокольна на которой часы русские с семь колоколов... (возможно, это те самые часы, которые были установлены еще на деревянной соборной колокольне), кругом церкви к городовой стене забрана деревянная в столбы брусщатая в решетках. ...От оной соборной церкви городовая на левую руку до канцелярии стена ... и городцкие круглые ворота... Канцелярия о трех покоях и архива... (далее доскональное описание планировки помещений, конструкции крылец, окон и дверей, встроенной и подвижной мебели, икон и прочего). У архивы в строениях до первой нижней по течению реки башни стена на тритцати шести саженях, у которой изнутри четыре магазина... (следует описание планировки складских помещений и их состояния - два отремонтированы после пожара, а два без кровли); четвертой от стены третьева к самой вышеописанной нижней башне анбар же внедоделке у того двои двери без притвору ж одними идучи в ту башню в нижний партамент... ис той же башни ... нижние двери к реке Туре ... от дверей к реке лесница с тетивы с перилы... (единственное указание в источниках на существование выхода из башни на обрыв мыса); а от самой той первой нижней до верхней другой башни ... стена на пятьдесят одной сажени в вышину дву сажен вневдостройке без зупцы х которой изнутри приделана каменная ж ... полата ... полу и потолоку нет;

помятуя же верхняя другая башня о трех портаментах...; от оной башни до никольских красных в восток ворот городская каменная стена ... ис которой развалилось самого фундаменту шестнадцать сажен, а вместо той обвалившейся стены поставлен высокой деревянной стоячей полисад и тот ветхий; красная же никольская башня, у которой верх невдостройке поперек той два по сторонам третеи в средине одни круглые своды, па которых с полуденною и северную стороны образа в выкладенным оным местом за слюдой в оных красных воротах, в оных каменем фундамента выкладено в восток сто четырнадцать сажен; ...каменная полата в углу построенная к городовой же стене, где случаются в содержании колодники, и та тюрьма огорожена деревянным высоким полисадом...; внутрь города от никольских же ворот в углу кухня каменная...; внутри города каменный дом, где воеводы жительствуют о четырех покоях и одни сени... (далее подробнейшее описание планировки и обстановки); при вышеописанных комиссарских полатах поблизости каменной стены баня построена в 773 году ... деревянная конюшня рубленная в углы о два жила ... сараи ... огород немалый забранной брущатыми стоячими меж столбами балясинами...; от того огорода каменной выкладенной в земле из него выход пороховой цейхгауз ... сверху крыт черепицей зеленой и крыша тесовая[745]». «Росписной список изобилует терминами, характеризующими упадок и запустение: «ветхий», «старый», «двери бес притвору», окна «без окончин» и т.д. Как видно из документа, для поновления некоторых построек были использованы материалы разобранного в начале 70-х гг. гостиного двора и таможни.

В начале 1780-х годах в связи с образованием Пермского наместничества, были сняты три плана Верхотурья. «План Пермского наместничества уездного города Верхотурья», составленный в 1781-1786 годах, довольно подробно передает застройку кремля, хотя в экспликации она описана обобщенно: «кремль или крепость, пришедшая в совершенную негодность, которая частью уже разрушилась, а оставшаяся часть подвержена так же опасности[746]». Из каменных зданий показаны Свято-Троицкий собор, воеводская канцелярия, три каменные палаты по южной стороне, северная и южная башни, недостроенная каменная палата в западной стене, пороховой погреб, воеводский дом, поварня и тюремный острог. Северная стена частично разрушена. Через дорогу от тюремного острога отмечен Г-образный отрезок стены, которая по первоначальному плану должна была огораживать всю посадскую часть Верхотурья. Деревянных сооружений указано меньше, чем на плане 1772 года. Рядом с воеводским домом нанесена каменная постройка, в северо-восточном углу кремля, южнее и западнее каменной поварни нанесены две деревянных сооружения из комплекса воеводского двора. Видимо, это, упоминаемые документами XIX века «деревянная изба, баня и конюшня[747]». Таким образом, деревянные цейхгауз и казенный амбар, а также две из пяти надворных построек воеводского дома были разобраны в период с 1772 по 1781 год.

Изображение кремля на «Плане Пермского наместничества уездного города Верхотурья» 1780-1785 годов[748] сходно с изображением на плане 1780-1781 годов.

Единственное различие заключается в том, что на нем не указаны два деревянных сооружения западнее и южнее поварни. На обоих планах не обозначена решетка-ограда вокруг собора.

Следующее по времени описание состояния кремлевских построек содержится в рапорте старосты И. Зеленцова из верхотурского городского магистрата от 3 июня 1781 года, в котором он, отвечая на запрос из Пермского наместничества о состоянии зданий города, сообщал, что «в крепости казенного строения комендантский дом, канцелярия архива, винные, соляные и хлебные, пороховой погреб каменные, хотя после бывшего в 1738 г. пожару как на башнях так и на кладовых палатах крыши погорели; однако же, оные впредь для употребления годны». То есть и в это время на башнях, кладовых южной стены и воеводской канцелярии крыши не были полностью восстановлены.

Кроме южной части западной стены разрушение коснулось и северной – «северная городовая стена на 16 сажен обвалилась да и на полуденную сторону в некоторых местах строение весьма непрочно[749]», т.е. никаких серьезных мер для укрепления юго-западного угла кремля после 1741-1754 годах так и не было принято. Хорошо еще, что кремля не коснулись пожары 1716 и 1762 годов, возникшие в других частях города[750].

Описание Верхотурского кремля, которое должно быть отнесено к концу 80-х – началу 90-х годов XVIII века находим в «Вифлиофике» Н. Новикова. Сведений о состоянии поварни и порохового погреба нет. О кремле сказано: «укреплением ... составляет каменная стена с башнями, весьма обветшалая и местами развалившаяся; внутри оной находятся два каменных корпуса, заключающие присутственные места, при самой стене стоит соборная каменная церковь с приделом[751].

По данным неизданного Атласа Пермского наместничества 1793 года в Верхотурье «укрепление, существовавшее в 1793 году, состояло из каменной стены, с полуразрушившимися башнями, внутри находились два каменных корпуса, помещались присутственные места; при самой крепости соборная церковь[752]». Скудные ресурсы городской казны тратились только на самое необходимое: 8 апреля 1793 года по указу Пермской казенной палаты поправка двух магазинов в гостином дворе, «где содержится казенное вино[753]». Ремонтные работы тянулись и в течение следующего 1794 года[754].

На плане Верхотурья, выполненном в 1790-е годы при пермском и тобольском генерал-губернаторе А.А. Волкове четко нанесены очертания кремлевских стен и построек. Южная стена состоит из соединенных наглухо зданий воеводской канцелярии и складских помещений, которые на юго-западном углу примыкают к шестигранной башне и к западной стене. От южной башни идет уступ стены и дальше она продолжается на север до стыка с другой кладовой. Стык подходит к средине поперечной стены кладовой, одна из продольных стен которой входит в состав стены до угла, к которому подходит короткая перемычка стены, упирающаяся в шестигранную северную башню. Северная стена имеет разрыв (в месте разрушения), затем продолжается до северо-восточного угла, который образует с внутренней стороны здание поварни, а с наружной – караульня.

Восточная стена поварни входит в состав восточной кремлевской стены, имеющей двое ворот по обе стороны Троицкого собора, и к югу от собора прямо стыкуется с углом воеводской канцелярии. Внутри площадки кремля ближе к северной стене обозначено здание воеводского дома – длинное с выступом к северу. Между его северо-западным углом и стеной расположено еще одно почти квадратное небольшое здание, а к северо-востоку от угла кладовой палаты, входящей в западную стену изображено небольшое прямоугольное здание с выступом на юг, возможно, пороховой погреб. К востоку от караульни на небольшом расстоянии от нее нанесены две короткие стены, сходящиеся под углом. Это – или остатки стен Никольских ворот или недостроенные стены посада около этих же ворот.

В «Рапорте г. Верхотурья городничего 7-го класса Черкасова» Пермскому губернатору К.Ф. Модераху от 15 октября 1802 года содержится достаточно подробное описание кремля на начало XIX века: «кремль, обнесенный каменной стеною с двумя башнями, в нем бывший воеводский дом и канцелярия, винные магазины и по другую сторону для содержания преступников палатка, построенные в 1700 г... но поелику с того времени стояли без всякого поправления, то кремль и протчие здания пришли в ветхость и во многих местах обрушились и обвалились. Из них 2 магазейна по указу Пермской казенной палаты от 8 апреля 1793 г. поправлены и содержится казенное вино; бывший воеводский дом по указу оной же казенной палаты от 24 декабря 1801 г. поправляется для присутственных мест; а в бывшей воеводской канцелярии помещается нижний Земский суд и уездное казначейство. Казенных деревянных: при воеводском дворе строений – погреб, изба, конюшня и сарай, от ветхости обгнили и развалились[755]». В «Рапорте» не упомянута поварня, вероятно, разобранная до 1802 года.

Сохранился целый ряд документов, описывающих сооружения верхотурского кремля, датированные 1804 годом. Тогда Верхотурье посетил пермский вице-губернатор, составивший «Описание, учиненное Пермским вице-губернатором князем Волконским. О состоящих в Пермской губернии и нижеописанных городах казенных заведений». В разделе «Верхотурье» изложено следующее:

«1е ... который кремль подвержен разрушению от долгого время служения, а потому вследствие предписания Пермской казенной палаты оной разбирается для возведения строющихся там каменных всех вообще присутственных мест уездного казначейства и кладовой, что самое и велено продолжать до окончания того строения...

2е. Каменная соборная церковь ... а как на стенах той церкви в некоторых местах оказываются трещины и деревянная крыша обветшала...

3е. Бывшая воеводская канцелярия ... имеет во всех частях такую ненадежность, что подвержена совершенному разрушению, ибо одна стена и ныне уже обрушилась...

4е. Вновь строющийся для присутственных мест уездного казначейства и денежной кладовой корпус, возведенный из прежнего каменного здания, состоящего в кремле, и той постройкою приводится уже по окончанию которой к помещению упомянутых мест достаточное иметь пространство и удобность.

5е. Каменный винный магазин ... имеет достаточную в стенах крепость.

6е. Каменный пороховой выход, ничем не занимаемый, на котором кровли вовсе нет, отчего свод и стены дальней прочности не имеют, а потому надлежит оной сломать.

7е. Тюремный каменный острог обнесен деревянным тыном, у которого есть деревянные постройки, крайне ветхи... Велено городничему в всех ветхостях сделать смету...

9е. При бывшем Воеводском доме стояла деревянная изба, баня и конюшня, которые от гнилости вовсе уже разрушены[756]».

В рапорте городничего Черкасова от 11 апреля 1804 года пермскому гражданскому губернатору в качестве здания, требующего немедленного ремонта, указана каменная тюрьма, на ремонт которой Пермской казенной палатой отпущено 1.332 рублей и для этих работ заготовлен строительный материал, а сами восстановительные работы должны были быть закончены к лету этого года. «Прочие каменные строения как-то кремль с двумя башнями и тремя воротами в таком состоят разрушении, что оный поправить уже невозможно[757]». В рапорте от 1 июня 1804 года городничий докладывал, что «разбираются ветхие места в стенах и состоящие при оном остроге башни, также в надлежащих местах разбираются стены для окон и дверей[758]». В своих рапортах Черкасов, возможно, несколько преувеличил степень разрушения кремля, ибо по всем ранее составленным описаниям восточная стена с двумя воротами, большая часть северной стены и часть восточной стены (винный магазин) находились во вполне удовлетворительном состоянии.

Капитальному ремонту подвергся и Троицкий собор, работы в котором были произведены в 1812-1813 годах[759], очевидно, за счет церкви и прихожан. В 1821 году Свято-Троицкий собор был обнесен оградой с деревянной решеткой [760].

По «Описи, учиненной в 30 день апреля 1818 г. верхотурским городничим майором Силиным…», отмечены следующие отремонтированные здания: «1. Каменный корпус в два этажа, крытый железом ... построенный в 1801 г., длиной 20, шириною 5 сажен и 3/4 аршина в вышину 3 сажень с аршином... В верхнем этаже: уездный суд, в котором имеется 4 комнаты ... печей 2, окон 12, дверец 4 ... Нижний земский суд, в котором так же 4 комнаты ... в нижнем этаже. Городничие правление ... 2 комнаты ... печей 2, окон 3, дверей 2 ... Вход ... через сени и сверх того совокупно с тем же казначейством состоит каменная кладовая с таковыми же внутри дома отделяющейся только стеною с 3 окнами железными в них ставнями и большими двумя дверями с наружи деревянными и внутри железными. 2. Винный магазин, разделенной заделанной внутри каменной же стеною на две половины... 3. Соляной деревянный магазин, длиною 8 сажен двух аршин, широтою пять и высотою три сажень, деревянною для входа на верхнею лестницей ... о 4 внутри перегородках ... построен в 1808 г... 5. Тюремный острог каменный, длиною 6, шириною 5 сажень с одним аршином, в вышину 2 сажени, крыт тесом, в котором имеется 1 печь, 3 окон, 1 дверь и комнаты 5 ... требует вторичного поправления[761]. Воеводская канцелярия в «Описи» не упомянута, потому что разобрана.

В «Хозяйственном описании Пермской губернии» Н.С. Попова за 1813 год состояние каменных строений Верхотурья описывается следующим образом: «Ныне же все строения обветшали ... Знатнейшие строения ... составляют: каменная древняя крепость с двумя башнями, отчасти уже развалившаяся ... Подле крепостного угла находится каменная тюрьма, от которой в самом близком расстоянии построены ворота, от которых начата была кругом городского строения, называемого предместьем, стена из дикого камня, оставшаяся незаконченною.

Внутри крепости видны 2 каменных корпуса, в которых были помещены прежде канцелярия и воеводский дом ... Бывшие же при них разные деревянные службы от ветхости уже разрушились ... Винный магазин, так же каменный, разделенный на две части, в крепости[762]».

На «Плане Пермской губернии уездного города Верхотурья» за 1823 год[763] в описании «градского строения» на территории кремля перечислены: Свято-Троицкий собор, присутственные места, винный магазин, крепость с двумя башнями, «отчасти уже разрушенная», общественный дом, тюрьма. Часть северной стены показана разрушенной. План 1823 года почти совпадает с «Описанием» Попова, за исключением деревянного соляного амбара внутри кремля, отсутствующего на плане.

Последние штрихи в картину строительства и ремонта верхотурского кремля в первой четверти XIX века вносит «Описание ... имеющимся в оном городе Верхотурье древней постройке остаткам» уездного судьи Попова за 1827 год[764], в котором, кроме беглого перечисления строений, указывается, что «в 1825 г. начат на означенном месте строиться общественный каменный дом для помещения городового магистрата и других мест, который совершенно постройкой и отделкой не закончен». О внешнем виде строящегося на месте воеводской канцелярии общественного дома (здания для городового магистрата и других присутственных мест) можно судить по чертежу с фасадом и планами двух этажей, датируемому 1827-1828 годами[765]. Департамент Государственного Хозяйства и Публичных зданий 5 июня 1828 года решил, что «означенные планы и смета были поручены к рассмотрению Строительного комитета, который нашел, что по доставленному плану и фасаду Архитектора Комарова, достройку упомянутого здания допустить можно…[766]»

В первой четверти XIX века в результате ремонта и перестройки в кремле появились новые постройки: здание для присутственных мест, выстроенный на фундаменте воеводского дома, общественный дом – на месте воеводской канцелярии, деревянный соляной амбар, капитально отремонтированы винный магазин (бывшие кладовые палаты), тюремный острог (бывшая караульная изба). При восстановлении старых зданий использовался в качестве строительного материала кирпич разбираемых сооружений.

В 1827 году по распоряжению пермского гражданского губернатора в Верхотурье был направлен гиттенфервалтер Иосса «для снятия плана и фасада древней тамошней крепости», который сделал «план крепости, виды ея с северной и южной стороны, виды с восточной и западной стороны, план и фасад развалин бывшего гостиного двора и ... общий вид города Верхотурья с северо-западной стороны[767]».

Это обследование было проведено для оценки возможности реставрации кремля и старинных зданий в центре города («можно ли поддержать строения и что будет сия работа стоить»).

В том же году городничий и уездный судья И. Попов и члены городской Думы и магистрата направили губернатору рапорт и описание состояния архитектурных памятников в центре города.

В описании говорилось, что «оные не только в прежние годы, но и ныне по искусному расположению строений и по местному положению не смотря на повреждения и сделанные изменения ... еще сохранили свое величие и ту важность, с которою целию премудро предположено иметь» – то есть, давалась более оптимистическая оценка, нежели местные власти давали ранее. Описание было составлено в качестве пояснения к планам, сделанным Иоссой.

Вид Верхотурья. С акварели 1829 года

По оценке городничего соборная церковь была уже частично отремонтирована и заготовлен материал для завершения ее ремонта. В худшем состоянии были другие части кремля: «стена ж каменная во многих местах повреждена..., с северной стороны от тюрьмы ... на углу, стена разломана, материал как то кирпич и камень употреблены на построение ... тюрьмы, а на полуденном угле бывшая воеводская канцелярия тоже разломана, материалы проданы с торгов верхотурскому градскому обществу в 1803, а в 1825 начат на означенном месте строиться общественной каменной дом, для помещения городового магистрата, ... которой ... постройкою и отделкою не окончен ... от оного на той же стороне к реке Туре состоит винный каменной магазин ... внутри крепости каменной бывший воеводский дом, в котором в 1801 году помещены присутственные суды, градская полиция и уездное казначейство, оного кладовая помещена в земле, ... выкладена камнем, и имеется прочно сделанный кирпичный свод..., крепость же как складена на берегу реки Туры и на возвышенной

скале вид имеет величественный, материалы употреблены прочные и самая кладка доказывает искусство древнейших мастеров и бдительное за сею работою смотрение», однако в ней «башни без крыши, а равно местами не только по зубцы, но и до половины в некоторых местах ... стена раскладена, однакож ни кирпич ни самая известка не размокла, известка весьма плотно к кирпичу пристала, и ежели бы оная не имела белизны, то почесть можно и что как бы стена складена имянно из одного материалу». О хорошем качестве кладки говорит и то, что хотя «у столбов ... при воротах довольно много выбрано кирпичей и фундаменту от земли, но столбы не качнулись и далее к верху ряды кирпичей не отпадывают и не отделить оные с большим трудом можно, не иначе как инструментом». Городничий считал также, что вряд ли стоит реставрировать тюремный замок на углу крепости, «как здание построенное не на приличном месте, ибо близко Собору и не соответствующее величию крепости, ибо оный складен самой дурной архитектуры и при нем имеется снаружи и с двух сторон деревянный тын[768].

В рапорте городских властей состояние стен и башен описано более детально: «крепостная стена с двумя по углам к реке Туре в западную сторону башнями, в каждой снизу как изнутри так и с наружной стороны двойные ворота, а вверху у каждой посереди по одним дверям, пониже без полотенцев и без всякого запору ... стена состоящая над рекою Турою ... неизвестно когда почти до половины разрушилась, а башни хоть и стоят на прочном фундаменте, но без крыш и потолков, ... а крыши сшибло погодою, также вокруг оных выкладенные были наверху ходы, которые с давнего времени ... разломаны.

С полуденной стороны той стены внутрь замка сделаны винные казенные магазейны, ... а с северной стороны от башни на нескольких саженях та стена кладена на известь из серого камня почти до самых зубцов, которая на северную сторону имеет к падению наклонность только поддерживается с одного конца, имеющеюся на углу башнею, а с другого бревенчатыми подпорами. Таковая стена продолжалась как по фундаменту ... до тюремного острога, от оного к башне на 28 сажен с давних времен разрушилась, от оного же с правой и до левой стороны Соборной Троицкой церкви продолжается в виде таковом в каком она построена, а в ней для входу в крепость большие со сведенным круглым сводом ворота, ... полотенец же в обеих воротах не имеется, токмо под оными, а особливо близ ворот имеющиеся в фундаменте каменные многие уже выпаденные ... из воеводского дому прежде бывшего об одном, а в 1802 году выстроен по указу Пермской казенной палаты двухэтажный корпус ... с кладовою ... бывшей воеводской канцелярии корпус в 1803 году проданы верхотурскому градскому обществу ... выстраивается ... общественный дом для помещения городского магистрата, думы, сиротского и словесного судов и прочего... Тюремный замок вместо предбывшего строенного вообще с крепостью выстроен и на прежнем фундаменте и частию оказавшихся прочными стенах...[769]»

В 1828 году Верхотурье посетил академик А.Я. Купфер и по его заданию К.К. Клаусом был сделан акварелью рисунок центральной части города, с северо-запада с правого берега реки Туры (илл. на стр. 189).

На нём хорошо видна восточная стена кремля с зубцами, северная с зубцами, третья, часть которой с северо-восточного угла разрушена, западная стена – значительно ниже северной без зубцов. На северо-западном углу показана башня, у которой видны три грани, а по направлению к реке от нее отходит выступ полуразрушенной стены. С внутренней стороны к этой башне примыкает здание кладовой палаты.

Южная сторона крепости прослеживается нечетко, но на юго-восточном углу можно различить здание городских присутственных мест. Хорошо виден двухэтажный воеводский дом с выступом на северо-восточном углу. Троицкий собор и колокольня показаны на своем реальном месте, но в очень удлиненных пропорциях. Слева от кремля виден подъём Бабиновской дороги, идущей к северо-восточному углу крепости.

Следующее по времени описание кремля относится к 1837 году. В нем указаны параметры крепостных стен «вышиною 3 сажен, толщиною 2 аршина» и отмечено, что «стены сей крепости разрушились от долговременности и бывшего пожара в 1738 году на севере 26 сажен до основания, на западе до половины высоты, также две башни не имеют крыш, потолков и полов». Отмечено также, что в 1821 г. Троицкий собор «обнесен каменною оградою ... на добровольные пожертвования[770]».

На «Плане Пермской губернии города Верхотурья» 1837 года[771] нанесены Свято-Троицкий собор с алтарной оградой, здание присутственных мест, тюремный острог, деревянный соляной магазин, остатки кремлевских стен и башен. Изображения построек верхотурского кремля на двух планах Верхотурья 1844 года[772] совпадают в деталях между собой и планом 1837 года.

В 1841 году был сделан еще один рисунок Верхотурского кремля по заказу английского геолога Р. Мурчисона с северо-западной стороны от устья речки Калачик (илл. на стр. 193). На нем изображена часть восточной стены с зубцами и нишами, примыкающая к Троицкому собору, часть северной стены и башня на северо-западном углу. Северная стена сохранилась на две трети, имеет зубцы и по средней линии стены вытянутые параллельно земле бойницы. На башне четко видны три грани, квадратные бойницы на двух гранях нижней ее части, отделенной от верхней карнизом с контрфорсами, более крупные бойницы на всех трех гранях верхней части. Башня не имеет крыши. Очень слабо намечена западная стена, выходящая к башне. На месте тюремного острога у восточной стены и у края сохранившейся части северной стены изображены два деревянных здания (одно из них с пристроем)[773].

Из пояснительной записки к не отысканному плану Верхотурья, цитированной в «Докладе департамента разсмотрения проэктов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий» от 16 октября 1845 года становится ясно, что разрушение кремля продолжается. Восточная стена сохранилась в удовлетворительном состоянии, за исключением 4-х зубцов у окончания стены. Северная стена разрушена до основания «на протяжении 32 1/2 сажени от северо-восточного угла кремля[774]».

В середине 40-х – начале 50-х годов XIX века хозяйственный департамент Министерства внутренних дел и департамент искусственных дел предпринял попытку частичного восстановления архитектурного ансамбля Верхотурского кремля. Это было связано с взглядами Николая I, которые определяли общеполитическую концепцию его царствования, концепцией официальной народности.

Изучавший этот вопрос Е.П. Кириченко отмечал, что «кремли – сложный, многосоставный, наделенный максимальной значимостью в допетровской Руси архитектурный организм – казался идеальным объектом материализации новых ценностей.

Каждый из элементов кремлевского ансамбля выступал их знаком и носителем … Культурный и политический поворот обнаружился уже в первый год царствования Николая I. В декабре 1826 года вышел закон, запрещавший разрушать древности и предписывающий наладить сбор сведений об их наличии[775]».

Во исполнение закона Пермскому губернатору и губернской строительной комиссии в 1844 году было сделано предложение: «В городе Верхотурье необходимо привести в прежний вид те части древней крепостной стены с воротами и башнями, которые от времени подверглись разрушению», а в 1845 году направлен запрос: «в каком положении находится дело об исправлении древней крепости[776]». Пермским гражданским губернатором было предписано ирбитскому городскому архитектору Шабунину составить план и разрезы этой стены и дать рекомендации «предполагаемых исправлений». В том же году проект и смета были представлены Шабуниным в строительную комиссию. Он предлагал передний фас здания и разрушающуюся часть стены для отклонения опасности поддержать контрфорсами[777].

В более подробной справке, представленной в департамент, говорилось: «Передний фас крепостной стены, идущий по обеим сторонам от соборной церкви, сохранился в удовлетворительном виде, за исключением незначительного повреждения 4-х зубцов у оконечности стены ... противуположная стена на берегу р. Туры идущая и угловые башни ... подверглись столь значительным повреждениям, что не представляется возможности, определить первоначального вида оных и решить равнялась ли высота этой стены высоте прочих стен ... Третий фас крепостной (северной – П.К.) стены разрушен до основания на протяжении 31 с половиной сажени от угла..., далее на протяжении 14 с половиною сажен поврежден, остальное пространство по этому фасу находится в удовлетворительном состоянии. Местное начальство предполагает ... возобновить 4 зубца... разобрать по фасу 14 погонных сажен поврежденной стены и для поддержания остальной части ... устроить в конце стены ... контрфорс[778]». Остальные части стены предполагалось оставить в прежнем виде. И на все это по смете было рассчитано 391 рублей 47 копеек. Рассмотрев все представленные материалы, департамент «находит, что крепостная стена с башнями в г. Верхотурье и не представляет в настоящее время стратегической

Вид Верхотурского кремля на Троицком камне с рисунка Родерика Мурчисона, 1840-е годы

пользы, но, принимая в соображение, что постройка эта произведена в царствование ... Петра I, полагал бы, что не следует дозволять разобрание 14 сажен стены ... Судя по ... чертежу ... даже зубцы на протяжении этой части сохранились в первоначальном их виде, а в самой стене не обнаружилось ни каких трещин». На этом основании департамент исключал разборку стены и устройство контрфорса из проекта и сообщил губернатору, что для более подробного исследования стены в будущем году в Верхотурье будет направлен «член искусственной части[779]».

В июне 1846 года в Верхотурье прибыл поручик строительного отряда Демидов и на основании своего обследования в сентябре дал развернутое заключение: восточная стена «передний фас сохранился лучше прочих ... сама стена несколько треснула в двух местах, через что и отклонилась», северная стена «на 31 1/2 сажен разрушилась совершенно до основания и материала от обрушения стены на месте не имеется, далее стена по направлению сего фаса приняла весьма наклонное положение и во многих местах потрескалась и конец ее подперт бревнами с внешней стороны, почему еще несколько держится и то ненадежно, ибо скоро на этом месте стена должна пасть, при том верхняя часть ее разрушена и зубцов нет». С запада «фас стены со стороны береговой и две башни во многом разрушены, местами сделались расщелины и невозможно ... определить их первобытное состояние», с юга «находятся здания[780]».

Дальше Демидов характеризует кладку стены и выясняет причины ее разрушения: «складка ... стен состоит из 2-х сортов каменного материала – дикого камня и кирпича, которые как от времени, так и от неровной

складки материалов дали первопачально неровную осадку стен, от чего происходило и происходит наклонение стен ... не во внутрь крепости, а вне оной этому главною причиною то, что стены сложены из дикого камня наполовину по длине и высоте оных, то есть со стороны крепости или внутренней они выведены из дикого камня на извести, которая теперь большею частью уже вымыта дождем, со стороны же внешней или лицевой они обложены кирпичною кладкою, следовательно, при первоначальном наклонении стен, от неровной осадки на внешнюю сторону подало повод кладке из дикого камня иметь большее давление на кирпичную кладку ... Поэтому исправление стены невозможно, иначе надобно ее всю разобрать и снова переложить. Что же касается задней стены со стороны реки, оставшаяся часть ее состоявшая из большей части кирпича, хотя и потрескалась, но стоит довольно прочно. Фас этой стены и без того был не достроен через крутую скалу[781]».

Заключение департамента в июне 1847 года было доложено императору Николаю I и он «высочайше повелел ... часть этой стены со стороны собора показанную при сем плане исправить, а все прочие поврежденные части стены разобрать и совершенно уничтожить[782]». Департамент распорядился: «осмотреть на месте ... тех частей, которые будут подлежать к разборке, тем более что кладка стен и при них башен состоит из разнородных материалов, потому и способ разборки должен быть различным[783]». Однако, видимо, под давлением департамента искусственных дел император передумал и в апреле 1848 года на основании указа Сената «объявлена … высочайшая воля императора ... строго воспретить разрушать памятники древности и непременно блюсти за их сохранением...», а департамент «полагает восстановить вместе с исправлением лицевого фаса... и другие два фаса этой стены, дав им одинаковый вид с лицевою стеною, разрушенные же части башен восстановить, если не имеется в архивах чертежей оным, в соответствии им характере[784]».

То есть была предложена практически полная реставрация всех стен кремля и была составлена новая смета на это – 1.091 рубля 38 копеек, на что был получен ответ из Верхотурья, что» по крайнему недостатку в настоящее время доходов ... не представляется никакой возможности ... отпустить из городской казны» указанную сумму и было «признано необходимым отложить исправление означенной стены впредь приобретении городом достаточных для сего способов[785]». То есть в казне находились деньги только для ремонта тюрьмы и присутственных мест, но не архитектурных памятников.

В конечном итоге денег на полную реставрацию стен кремля так и не нашлось и местные власти с 1850 года начали искать подрядчиков для осуществления частичного ремонта восточной стены» и на разломку всех прочих поврежденных частей ... стены[786]». Однако долгое время желающих взяться за эту работу не находилось. И только в мае 1852 года пермская строительная комиссия сообщила, что «исправление крепостной стены в Верхотурье принял на себя пермский 2-й гильдии

Вид Верхотурского кремля и Свято-Троицкого собора, фотография начала XX века

купец Смирнов и работы будут начаты в нынешнее лето», а в сентябре сообщил в департамент, что «исправление крепостной стены в Верхотурье производит пермский купец Смирнов под наблюдением архитекторского помощника Сокольского, каковые работы будут проведены в два года[787]». Эти работы по разборке башен, северной и западной стен и укреплении восточной стены и ее 4-х зубцов были закончены досрочно – к марту 1854 года. В июле того же года Пермская Губернская Строительная и дорожная комиссия докладывала в Департамент Искусственных Дел: «...работы... освидетельствованы и оказались произведенными прочно и правильно из материалов хорошего качества[788]». Этим и закончились многократные попытки сохранить и восстановить комплекс архитектурных сооружений в кремле. Очередной ремонт Свято-Троицкого собора произошел в 1857-1859 годах параллельно с работами в кремле[789].

Отдаленный от оживленных торговых путей, не имеющий развитой промышленности город Верхотурье угасал. Обширное помещение винного магазина перестало использоваться как склад и в 1887 году было принято решение разместить в нем пожарную часть[790]. В 80-90 годах XIX века пошатнулась единственная сохранившаяся восточная кремлевская стена (на участке севернее Свято-Троицкого собора). На рисунке в книге В.П. Полякова стены кремля были показаны подпертыми бревнами[791]. Очевидно, на грани веков эта стена была укреплена кирпичными контрфорсами, по крайней мере, на фотографиях 1910-1914 года они зафиксированы. Во втором десятилетии XX в. было разобрано и здание тюремного острога на северо-восточном углу кремля.

В 1905 году была составлена смета на строительство каменного здания уездного казначейства[792], которое было возведено в 1912-1914 годах.

* * *

Новому статусу Верхотурья в XVIII веке соответствовал и новый каменный кремль. В значительной мере, утратив транзитные функции, город по мысли Петр I должен был стать горной столицей Урала, по крайней мере, административным центром восточного его склона. И эта задуманная, но не осуществленная «столичность», подразумевала наличие представительского сооружения, каковым и должен был стать кремль.

Было бы неверно считать, что верхотурский кремль XVIII века «представлял собой гигантскую усадьбу воеводы[793]», это недопустимо снижение его значение. Воеводская усадьба вместе со всеми деревянными надворными постройками и даже огородом занимала только северо-восточный угол кремля, как это было и в XVII веке (см. раздел 2.4.3.2). А величественный Свято-Троицкий храм приравнивать к домовой церкви, огромные кладовые палаты – к усадебным амбарам, просто некорректно. Повторение во многих чертах планировки деревянного кремля в камне есть свидетельство того, что Верхотурский кремль XVIII века был прямым наследником предыдущих городских укреплений и имел то же функциональное предназначение, главным образом, хозяйственное (две кремлевских стены – южная и западная – составлены из кладовых палат). В то же время, ему присущи и новые функции, в XVII веке не выраженные столь характерно.

Размещение Троицкого храма среди стены, а, кроме того, большие окна в кладовых палатах, воеводской канцелярии, небольшая толщина крепостных стен, расположение бойниц в два яруса, при котором стрелять совершенно невозможно, утонченный декор ворот свидетельствуют о том, что верхотурский кремль ни в коем разе не цитадель, а представительское сооружение, всего лишь подчеркивающее важность крупного административно-промышленного центра, каким должно было стать Верхотурье. Само по себе это не удивительно, поскольку, как писал С.В. Крючков представительская или репрезентативная функция «одна из изначально присущих укрепленному городскому центру, что подтверждается, в частности, важной ролью архитектурных и градостроительных форм в геральдике[794]».

Образно говоря, кремль это каменная корона, венчающая город как шапка Мономаха. В случае с Верхотурьем шапка оказалась не по Сеньке.

2.3. ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА МОНАСТЫРЕЙ ВЕРХОТУРЬЯ

2.3.1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Русский город, как и всякий другой, не состоит только из стен укреплений. С самого начала истории Верхотурья составной частью его планировочной структуры стали монастыри. Они прилегали к острогу с севера и юга, словно защищая его с двух сторон. Существовавшее внешнее сходство крупных монастырей с кремлями, по совершенно верному замечанию Л.А. Беляева, вводило в заблуждение ученых XIX-XX веков, которые «видели в этом внешнем подобии сходство функций; утвердилось даже мнение, что это связано с важными военными задачами обителей. Эта идея опиралась, во-первых, на впечатление от оград поздних монастырей (наивному взгляду они могут показаться весьма внушительными). Во-вторых, на хорошо известные в истории случаи обороны. В силу этого считалось возможным рассматривать укрепленные каменными оградами монастыри как аналог городским цитаделям Руси – кремлям». Монастырские ограды, безусловно, была важнейшим планировочным элементом, но не обнаружено ни одного монастыря с крепостными валами и рвами.

Л.А. Беляев, который в своей работе рассматривал монастыри, укреплявшиеся в XVI веке со специальной стратегической целью, отмечал, что они так и не обрели той роли центров промышленно-торговой округи, которую выполняли городские кремли. Отмечал он и другое их отличие: на Руси монастыри так и не стали градообразующими элементами. К сожалению, в работу вкралась ошибка: при перечислении монастырей, «призванных до известной степени играть роль «кремлей», в Архангельске, Вологде, Холмогорах упомянуто Верхотурье, в котором, как известно, Николаевский мужской монастырь возник только в 1604 году[795].

2.3.2. СТРОИТЕЛЬСТВО В НИКОЛАЕВСКОМ МУЖСКОМ МОНАСТЫРЕ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Первые сведения о строительстве в Николаевском монастыре относятся к 1604 году. Он был устроен «в убогом виде» с помощью «мирской дачи»[796]. Сначала в обители был выстроен небольшой деревянный храм во имя св. Николая Чудотворца с приделом св. великомучеников Бориса и Глеба. Но, очевидно, мирской дачи не хватило для завершения строительства и освящения церкви и черный поп Иона Пошехонец взял взаймы у администрации города необходимые строительные материалы: бревна, тес, «400 гвоздей прибойных» и «12 гривенок с полугривной» воска для освящения храма, причем удалось ему провести этот займ явно с благоволения Бориса Годунова.

26 мая или июня 1604 года последовала царская грамота на имя верхотурского воеводы Неудачи Плещеева, в которой Иону пожаловали тем, что «...заемного лесу имати на нем не велети, и велети на совершение храмов, и на кельи, и на ограду, бревен и тесу дати...[797]».

В следующем 1605 году Иона ездил в Москву, откуда кроме прочих пожалований привез «церковное строение»: колокола, церковную утварь, образа и т.д. Таким образом, согласно документам мы можем предполагать, что первоначально в монастырский комплекс входили деревянные Николаевский храм и кельи, обнесенные оградой.

К сожалению, источники содержат скудную и разноречивую информацию о дальнейшем строительстве в обители. Судя по формулировке грамоты царя Бориса от 26 мая, в монастыре предполагалось «совершить» не один храм. В дозорной книге М. Тюхина (1624) упоминается «предел» во имя Дмитрия Солунского, считавшегося покровителем Сибири[798], а в грамоте Михаила Федоровича воеводе Гагарину от 25 октября 1627 года он назван самостоятельным храмом. Ошибался ли М. Тюхин или за три года был построена новая церковь – этот вопрос придется оставить открытым.

В июне 1639 года от удара молнии в «городе» вспыхнул новый пожар и сгорела часть находившихся в нем зданий[799]. Если и существовал в Николаевском монастыре наряду с Николаевской церковью еще и храм Дмитрия Солунского, то оба они, видимо, были уничтожены одним из пожаров в конце XVII века, скорее всего, 19 апреля 1674 года, когда сгорела вся центральная часть города[800]. После этого пожара, в котором погибли все деревянные постройки, в монастыре была возведена также деревянная церковь во имя Покрова Пресвятые Богородицы. Она находилась там до 1740 года, когда после постройки новой Николаевской каменной церкви Покровский храм по прошению монахинь Верхотурского Покровского женского монастыря перенесен туда после бывшего в нем пожара[801]. Изображение Покровской церкви сохранилось на гравюре И.В. Люрсениуса (1742), правда уже не в Николаевском, а в Покровском монастыре, так как после перенесения конструкция ее вряд ли изменилась. Церковь эта деревянная, построенная «кораблем», ее венчает глава с восьмиконечным крестом, поставленная на барабан, украшенный, вероятно, бочками. Колокольня выстроена отдельно. Она представляет собой высокую трехъярусную башню, завершенную небольшим куполом с округлой главкой и восьмиконечным крестом. Нижний ярус широкий (10-15 м), рубленный, скорее всего, восьмериком, над вторым, высоким ярусом, расположен ярус звона. В целом ее конструкция соответствует канонам строительства церковным зданий.

Как известно, верхотурский кремль так и не был завершен строительством. Однако кадры и строительная база в городе оставались, духовный авторитет и богатство Николаевского монастыря росли и, чтобы поддержать престиж нового сибирского религиозного центра, решено было построить в Николаевской обители каменный храм. Средства для строительства составились из денег самого монастыря и местных властей. В 1712 году Тобольский губернатор Матвей Петрович Гагарин указом из Сибирской губернской канцелярии от 18 сентября приказал устроить в Верхотурском Николаевском монастыре каменную церковь во имя святого Николая с приделом святого Симеона Богоприимца и святой Анны Пророчицы.

Материалы было предписано заготовить без отлагательства за счет государевых таможенных и других доходов под наблюдением гостиного сотника Якова Маслова.

Храм по благословению митрополита Тобольского и Сибирского Иоанна был заложен в том же 1712 году. 16 октября тобольский житель «извезной обжигальщик» Василий Мачковский был подряжен поставить 1000 бочек извести, по 15 копеек за бочку, и в ту же зиму (с 18 декабря по 3 апреля) доставил 874,5 бочки[802]. На этом дело и остановилось до 1714 года.

В январе 1714 года губернатором Гагариным, по прошению архимандрита Герасима с братиею, было повторено распоряжение о постройке церкви, на устройство ее было ассигновано 1.000 рублей, выполнение было поручено верхотурскому коменданту Траханиотову. 26 мая 1714 года были подряжены московские каменщики Иван Борисов Сорока и Никифор Яковлев Грамотин с платою по одному рублю с тысячи кирпича и по 5 рублей с кубической сажени камня. Кирпич для постройки поставляли Кирилл и Василий Завьяловы по 70 копеек за тысячу. Строительство продолжалось без остановки до 1716 года, когда храм был возведен по окна и на постройку было затрачено: 128.400 штук кирпича (казенного – 15.300 штук), 8,5 саженей бутового камня (казенного – 6,5 саженей), казенной извести 500 бочек, песку – 2,5 сруба (1,5 из них казенного), лиственного казенного леса 34 саженных бревна, в окна было вставлено 10 железных решеток. В постройку монастырь вложил 178 рублей 20 копеек, а казна – 55 рублей 38 копеек, не считая расходов на стройматериалы[803].

На гравюре И.В. Люрсениуса Николаевский монастырь изображен в виде комплекса строений, окруженных прямоугольной оградой. Ограда состоит из вертикальных столбов, между которыми горизонтально вставлены длинные бревна, она производит впечатление серьезного укрепления. В юго-западном углу монастыря расположен каменный Николаевский храм, единственный в это время (Покровская деревянная церковь незадолго до создания гравюры была перенесена в женский монастырь).

В облике Николаевского храма чувствуется некоторая незавершенность[804]. Очевидно, он проектировался как аналог Свято-Троицкому собору, но в подражание ему были сделаны только фигурные кирпичные карнизы окон, сходно расположение главного и придельного храмов. На этом сходство и заканчивается. Материальные трудности привели к тому, что глава на храме сделана лишь одна (а не 5, как на Троицком) и та покрашена сажею, крыша тесовая, железом не покрыта. Стены в церквях не были оштукатурены, а только побелены по обмазке. Пол сначала деревянный, позднее был заменен плитовым и кирпичным. Трапезная от храма отделялась низкими арками. Николаевский храм был холодный, а Симеоно-Аннинский придел, первоначально отделенный от главного капитальной стеной, – теплым. Колокольня, построенная в одно время с церковью, как и было принято в традиционном храмовом зодчестве Урала и Сибири, стояла отдельно[805]. В северо-восточном углу ограды расположены деревянные кельи и подсобные помещения.

В 1754 году по описи, составленной в коллегию экономии, в монастыре находились следующие постройки: на окруженной каменной оградой территории стояли каменная Николаевская церковь с колокольней и несколько деревянных келий, был погреб, хлебня, пивная поварня, 5 магазинов, баня, две конюшни с сенником и т.п. В городе на базаре монастырь имел лавку, на реке Калачик – мельницу. Был свой скотный двор и конный завод.

О том, что время после «Духовных штатов» стало периодом испытаний для Николаевского монастыря, свидетельствует ограничение строительства. Даже необходимый ремонт крыши Николаевской церкви превращается в проблему. В 1765 году из-за ветхости тесовой кровли архимандрит Тихон просил Государственную коллегию Экономии о поправке крыши. Коллегия предписала Верхотурской воеводской канцелярии составить смету для ремонта, но было ли это сделано – неизвестно. А церковная кровля еще долго оставалась без поправки и обветшала так, что летом во время дождя вода капала внутрь церкви и мешала службе. В 1778 при архимандрите Александре заготовили было тес для ремонта, но после его перехода в другой монастырь, починка была еще раз отложена, и лишь в 1781-1782 кровля была сделана новая.

Хотя, может быть, администрация обители несколько прибеднялась, поскольку, несколько освоившись с новым статусом, в 1772-1774 монастырь позволил себе возвести первые каменные кельи, расположившиеся на север от Николаевского храма (разобраны в первой половине XIX века при строительстве Преображенского храма, т.к. находились на месте, предполагаемой по проекту постройки). В 80-х годах XVIII века в монастыре появляются каменные трапезная и кухня в юго-восточном углу монастырской ограды – одноэтажное здание с подвалом. Был несколько благоустроен и Николаевский храм: в 1789 вместо деревянных приступов было пристроено из плитняка каменное открытое (без стен и крыши) крыльцо. В 1797 был выстроен «главный каменный корпус», где помещались настоятельская и братские кельи[806].

По «Ведомости монастырского имущества» времен императора Павла I в обители было каменного и деревянного строения:

«1. Верхотурский Николаевский монастырь вокруг обнесен оградою каменною.

2-3. Внутрь онаго церьков каменная равно и колокольня. О коей показание будет в церковной описи.

4. Вновь строющиеся как для настоятеля, так и для братии кельи каменныя в два ятажа.

5. И ныне деревянного строения кельи для настоятеля…

Во оном же монастыре

105. Для казначея келья деревянная в двух покоях в них стены обиты обоями, а потолоки полотном и выбелены, а третья кладовая в них шесть в них шесть оконниц слудянных.

106. Для братствующих кельи в трех перерубах, в них окончин три.

107. Кухня и келарня. Для поставления братии трапезы каменныя в них два окна с оконницами стеклянными.

108. Анбар для хлебных и съясных припасов деревянные.
109. Два погреба каменныя из коих над одним анбар деревянной.
110. Баня.
111. Конюшня деревянная.
112. Завозня[807] деревянная[808].

В нем находится одна каменная церковь с двумя пределами, из коих один холодный с южной стороны во имя Святителя Николая, а другой теплой с северной во имя Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. При ней на особливом основании колокольна, под которою помещается духовное правление. К западу от ней в 10 саженях строится каменный о дву ж жильях настоятельских с братскими кельи на монастырском иждивении, основанные в 1794 году. Из деревянного строения одне настоятельские и особенные братские кельи, два хлебных амбара, два погреба с каменными выходами с двумя в них сушилами и другие принадлежащие к ним службы… Весь монастырь обнесен каменной стеною с зубцами; ограженное оное пространство имеет длины 65, ширины 60 сажен[809]».

В первой половине XIX века доходы Николаевского мужского монастыря были достаточно велики и это позволяло ему активно вести собственное строительство. В этот период практически каждый год в обители что-нибудь строится или перестраивается.

К 1808 году каменный, так называемый Настоятельский корпус был достроен. В нем расположились кельи настоятеля, иеромонахов и нескольких послушников, канцелярия и архив монастыря, а в нижнем этаже в течение длительного времени находилось Верхотурское приходское училище.

В 1808 была разобрана колокольня Николаевского храма, которая обветшала и стала угрожать падением. Тогда же архимандрит Парфений с братией ходатайствовали о возобновлении этой колокольни. Пермская духовная консистория указом от 30 июля 1808 года разрешила поставить колокольню над святыми воротами с небольшой под ней церковью. Но эта постройка не была осуществлена и только в 1818 при вступлении в должность архимандрита Афанасия вновь поступило ходатайство разрешить постройку, но теперь уже вместо небольшой церкви над Святыми воротами просили содействовать постройке большой церкви с колокольнею. Указом Пермской духовной консистории от 3 августа 1821 года это ходатайство было удовлетворено и принято решение построить новый большой каменный храм с колокольнею при нем во имя Преображения Господня с двумя приделами: в честь Благовещения Пресвятой Богородицы и Архистратига Божия Михаила с северной стороны неподалеку и в линию с Николаевской церковью по плану и фасаду, составленным пермским губернским архитектором Васильевым на основе высочайше утвержденных планов Тона[810].

Церковь была заложена 28 августа 1821 года по предложенному размеру: 18 саженей 2 1/2 аршин – длина с колокольней, ширина – 6 саженей 2 аршина, церковь высотой в 12 саженей 2 1/2 аршин, а колокольня 21 сажень.

Окончить строительство предполагалось за 3 года, но в силу разных обстоятельств, церковь была приведена к окончанию лишь в 1827 году, да и то не была завершена до конца штукатурка и побелка внутри и снаружи и часть крыши, покрытой железом, не была окрашена.

Во время пожара, бывшего в каменном братском корпусе на 13 мая 1828 года, как видно из архивных дел монастыря, было много уничтожено строительных материалов, приготовленных для строительства этой церкви, поэтому окончательная доделка ее была осуществлена лишь в 1829 году.

Преображенская церковь возводился на собственные средства монастыря и на пожертвования, собранные командированными по специальному разрешению монахами. 30 августа 1834 года главный Преображенский храм был освящен архиепископом Пермским и Верхотурским Аркадием при архимандрите Афанасии и при участии городского духовенства. 25 июля 1837 года архимандрит освятил придельные храмы: правый – в честь Благовещения Пресвятой Богородицы и левый – Архистратига Божия Михаила.

Одновременно со строительством Преображенского храма были сделаны некоторые переделки в Николаевской церкви. В 1819 году в западном конце нижней стены трапезной храма образовалась трещина, которая со временем все более увеличивалась и сделалась настолько опасной, что в 1831 г. юго-западный угол здания был разобран и вновь сложен на более прочном фундаменте, причем с западной стороны была пристроена новая паперть из камня. В 1840 году восточная стена старой ограды была разобрана и целиком заменена различными постройками.

Новый всплеск строительства в Николаевском монастыре приходится на 50-е – начало 60-х годов XIX века. В 1850 году обветшали и наклонились в южную сторону Святые ворота. Монастырское начальство, опасаясь их падения и несчастных случаев, т.к. около этих ворот часто толпились богомольцы, решило исправить их и построить над ними церковь. В связи с этим в 1835 году настоятель монастыря Герасим обратился с ходатайством о постройке церкви над Святыми воротами во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Просьба была удовлетворена и последовал указ Пермской духовной консистории от 23 июня 1854 года о строительстве этой церкви по присланному проекту и плану.

В 1855 году, в первый год управления нового архимандрита Гавриила, по благословенной грамоте архиепископа Пермского и Верхотурского Неофита от 13 мая 1855 года, церковь над Святыми воротами была заложена и в том же 1855 году доведена до половины под наблюдением нижнетагильского архитектора Комарова. Вчерне закончена в 1856 году. В 1858 году Святые ворота ограждены деревянными решетками с дверями посредине, чтобы предохранить от повреждений сделанное с внешней стороны ворот изображение перенесения мощей св. Симеона.

В 1861 году архиепископ Пермский и Верхотурский Неофит предложил архимандриту Гавриилу освятить новый храм во имя святого Симеона. Однако это предложение было реализовано несколько иначе. В 1862 году чиновники, купцы и мещане Верхотурья на общем собрании

составили и представили в монастырь приговор, в котором говорилось, что желательно, чтобы храм над Святыми воротами «был освящен не во имя Покрова Пресвятой Богородицы, как предполагалось, потому что в городе уже была Покровская церковь и могло произойти, что там будет оскудение поклонников, по случаю празднования двух местных одинаковых храмовых праздников; но чтобы этот храм над Святыми воротами монастырскими освящен был в честь Святого Праведного Симеона Верхотурского, которого они благоговейно чтут, видя его покровительство городу их и многоразличную помощь в нуждах, или – что для них еще желательнее было бы – чтобы храм бы над вратами (как малый и тесный для множества поклонников) освящен был во имя Святых Праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, а посвященный сим Праведным при Николаевской монастырской церкви храм освятить в честь Святого Праведного Симеона, которого и святые мощи нетленно почивают в этом храме[811]». Решение собрания горожан было доведено до сведения архиепископа Неофита, который, в свою очередь, сообщил о нем в Синод, а тот разрешил надвратную церковь освятить во имя Праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, а придельный к Николаевской церкви храм переименовать в честь Праведного Симеона Верхотурского, что и было зафиксировано в указе Пермской духовной консистории от 4 августа 1862 года.

В 1863 году после окончательной доработки надвратная церковь одновременно с Симеоновским приделом Николаевской церкви была освящена и получила, наконец, название Симеоно-Аннинской. В это же время были сооружены и четвертые, находящиеся рядом со Святыми, ворота. На четырех углах монастырской стены на основании указа Пермской Духовной консистории от 1 февраля 1856 года сооружаются каменные башни: в 1856 году возводится юго-восточная башня, в 1859 году - юго-западная и западная, в 1860 году – северо-восточная.

В 1856 году была произведена переделка Настоятельного корпуса: с юга и востока были сделаны балконы, под ними были крыльца с колоннами, а с задней стороны была пристроена особая кухня и подвал. Позже и этот пристрой был приспособлен под проживание братии.

В 1860 году возникла нужда в перестройке трапезной части Николаевского храма. Ремонт юго-западного угла трапезной не предотвратил разрушение стен; фундамент оказался не так крепок, как этого требовали слабость грунта и тяжесть здания, стены опять дали трещину.

Архимандрит Гавриил с братией писали архиепископу Неофиту: «Стены в притворе Николаевского храма растрескались, так что по всему протяжению их сверху до низу образовались щели немалого размера. При том бут под ними подмыло, и весною, а также в дождливое время летом и осенью, накопляется и стоит внутри его и под полом вода в большом количестве; прорытую же недавно из-под притвора того за ограду монастыря канавою вода вся не вытекает, по причине малого склона от храма к ограде. Сверх того, внутренность самого притвора для поддержания сводов, вся заставлена толстыми каменными столбами и застроена кладовыми и

печами, отчего крайне темно и тесно в нем, а иконостаса и раки Праведного Симеона, равно как и действий Богослужения, совершаемого в храме, и совсем почти не видно из-за него тех молящихся, коим приходится стоять в нем при Богослужении». В Синод было отправлено ходатайство перестроить всю трапезную часть и было получено разрешение. Эта перестройка была произведена в 1863-1866 годах.

Вся вторая половина XIX века связана с необычно бурным строительством в монастыре. В это время появляется специальное здание ризницы. Именно оно должно было вместить огромное количество ценных даров, которые во множестве стекались в Николаевский монастырь. Отметим, что ранее в обители особого помещения для этих целей не существовало, а церковные облачения и утварь хранились по храмам. После выполнения неотложных работ по ремонту храмов в 1862 году с северной стороны Симеоновского придела Николаевского храма возводится каменное здание, которое чуть позже укрепляют железной входной дверью, ставнями и решетками на окнах. В 1868 году в стене ризницы специально для хранения денег и документов устраивают железный ящик-сейф. Некоторое время в здании ризницы находились монастырские архив и библиотека, которые по мере заполнения ризницы в начале XX века были перенесены в одну из келий Настоятельского корпуса.

В 60-е годы XIX века в Николаевском монастыре возводится и еще один храм. Его появление напрямую связано с одним из важных источников дохода обители – созданием нового монастырского кладбища на землях за оградой обители с севера. Дело в том, что монахов традиционно хоронили в пределах монастырской ограды, но с ростом числа построек на территории обители погребение иноков в ограде из-за тесноты пришлось прекратить и их стали хоронить на общем городском кладбище, чем администрация монастыря была весьма недовольна. В указе от 11 мая 1772 года говорилось: «...Умерших монашествующим не погребать в монастырях; или на общих кладбищах, или в загородных только монастырях, или где пристойно, что оставлять на рассмотрение епархиальных архиереев[812]».

Монахи Николаевского монастыря ходатайствовали о разрешении на захоронение умерших братьев рядом с монастырской оградой, поскольку земля, расположенная непосредственно к северу от монастыря, являлась неудобицей, непригодной для пашни. Епархиальное руководство в лице архиепископа Пермского и Верхотурского Неофита, возлагавшего на Николаевский монастырь большие надежды и часто посещавшего его, дало положительный ответ на ходатайство 1866 года настоятеля монастыря Гавриила о дозволении распространить монастырское кладбище за ограду с тем, чтобы монахов не хоронить на общем кладбище. В том же году для кладбища было разбито место на 30 саженей в длину и 20 саженей в ширину; окружено канавой, которая проведена была за монастырское поле к реке Калачик, и обнесено земляным валом, обложенным с внутренней стороны дерном. На следующий год вокруг кладбища был устроен палисад и ворота, через канаву проложен мост с перилами, по периметру внутри ограды посажены деревья.

Устройство кладбища было выполнено целиком на средства обители, в связи с тем, что ранее в монастыре существовала негласная традиция платы за кладбищенскую землю: здесь хоронились только его богатые жертвователи. Теперь же продажа могильных мест приобрела официальный характер. Желающие покоиться на монастырском кладбище должны были внести «приклад» в пользу обители. Эта плата распространялась даже на самих иноков: первым в 1866 году на новом кладбище был похоронен монах Герман, пожертвовавший обители 100 рублей[813].

В 1868 году, после того как на монастырском кладбище были захоронены останки архиепископа Неофита, архимандрит Гавриил с братией ходатайствовали о возведении рядом с его могилой часовни или церкви во имя св. мученика Неофита. Ходатайство было удовлетворено и для постройки небольшой церкви был использован почти новый дом, пожертвованный в 1866 году ирбитским купцом Яковом Прохоровичем Андреевым. Первоначально дом использовался для поставления в нем покойников до отпевания и погребения, но уже осенью 1869 г. было перестроено по утвержденному плану в храм, а 9 сентября 1870 года освящено архимандритом Гавриилом по благословенной грамоте архиепископа Пермского и Верхотурского Антония. Деревянное здание церкви святого Неофита было оштукатурено внутри и снаружи, побелено снаружи, а внутри покрашено краской, снабжено железной крышей, железные кресты вызолочены.

Монастырь постоянно ремонтировал и благоустраивал и другие храмы обители. В 60-70-е годы происходит перестройка трапезной Николаевской церкви, храм вновь штукатурят, красят кровлю малахитовой краской, золотят две из пяти глав, подновляют позолоту на крестах. Производят капитальный ремонт внутри здания: окрашивают и вновь расписывают стены, реставрируют алтари в основном храме и в приделе, орнаментируют арки, устраивают киоты, золотят оклады икон[814]. Так же благоустраивался и Преображенский храм. В 1868 году «для благолепия в архитектуре» в верхнем ярусе его колокольни «устроены каменные кронштейны, покрытые белым листовым железом[815]». Неоднократно во второй половине XIX века производилась штукатурка и побелка здания внутри и снаружи, ремонт железной крыши, окраска куполов, золочение крестов.

Николаевский монастырь во второй половине XIX века одним из крупных центров религиозного паломничества и активно заботился об устройстве богомольцев, порой приходящих издалека. Для них в юго-восточном углу монастырской ограды после переделки каменного одноэтажного здания бывшей трапезной в 1856 возводится деревянная гостиница за восточной стеной обители. Но вскоре этого оказалось мало и в конце XIX века возводятся еще две гостиницы за восточной стеной: в 1889-1890 – полукаменная двухэтажная, а в 1892-1894 – большая каменная.

Но не только о богомольцах заботилась монастырская администрация, на условиям проживания братии обращалось особое внимание: в 1885-1886 специально для иноков и богомольцев было выстроено деревянное здание больницы на 10 коек с помещением для аптеки и служителей.

В 1894 к Настоятельскому корпусу был сделан каменный пристрой, где расположилась братская столовая, стены и потолок которой были покрыты живописными изображениями святых; там же была устроена кухня и два ледника. Для монахов в помещении, примыкающем к Настоятельскому корпусу, были устроены две кельи. В том же году с устройством новых каменных гостиниц здание монастырского приюта для богомольцев после ремонта было передано для проживания в нем братии, так как при введении в 1894 году общежительного устава одного каменного корпуса для братии, существующего в монастыре оказалось недостаточно.

Послетого,как1894вмонастыребылавведенакиновия(общежительный устав) в монастыре появляются постоянные мастерские: просфорная, свечная, столярная, слесарная и другие; изделия, изготовляемые для продажи, монахи сбывали централизовано: в 1896 году с правой стороны от надвратной церкви специально для этого было пристроено здание книжно-иконной лавки, доход от которой шел в монастырскую казну.

1895-1917 годы – время наивысшего расцвета Николаевского монастыря засчеторгнизациирелигиозногопаломничества.Ежегоднонапоклонение святым мощам в монастырь прибывало свыше 60.000 человек. Вместо обветшавшей и разобранной в 1902 деревянной гостиницы в монастыре между каменной и полукаменной гостиницами было возведено в 1903-1904 двухэтажное здание для проживания богомольцев. Таким образом был создан единый гостиничный комплекс.

Для увеличивающейся братии в 1899-1901 возводятся два больших каменных корпуса, а в 1900-1902 – еще один, поменьше, полукаменный. В них помимо братских келий располагались и различные мастерские: в братском корпусе № 3 – живописная и переплетная, в корпусе № 4 – портная, ризошвейная, сапожная, рухлядная и хлебопекарная; в корпусе № 5 – столярная мастерская. С 1905 года в монастыре была заведена собственная фотография, для фотолаборатории было выстроено даже специальное небольшое деревянное здание. Для церковно-приходской школы при монастыре в 1903-1905 годах было выстроено каменное двухэтажное здание за монастырскими гостиницами.

Монастырю становится тесно в старой ограде, возведенной еще в 1752 году, поэтому постепенно монастырь расширяет ее, возводя новые стены. В 1893-1896 годах юго-восточная часть монастырской усадьбы, где расположились гостиницы, ограждена стеной с двумя новыми воротами. В 1901 году возводится продолжение западной стены с башней, а старая северная стена в 1902 году упраздняется, так как она оказалась среди построек. В 1904 все обширное монастырское поле с северной и восточной сторон, было обнесено длинной стеной, а монастырская территория, в несколько раз превосходившая прежнюю, оказалась полностью окружена каменной оградой. Ведущая роль Николаевского монастыря в развитии города наглядно воплотилась в строительстве нового монастырского храма. Если первоначально главной архитектурной доминантой города Верхотурья служил Свято-Троицкий собор, то с 1913 года таковой стал огромный (до 9.000 человек вместимостью) монастырский Крестовоздвиженский храм.

Проект Крестовоздвиженского собора, подписанный архитектором А.Б.Турчевичем (1900-е годы)

Ходатайство о разрешении этой постройки было возбуждено еще в 1901 году и мотивировалось тем, что Николаевский и Преображенский храмы не вмещают большое число паломников, а Николаевский к тому же пришел в ветхость после 198-летнего существования. Разрешение последовало и 12 сентября 1905 года епископ Екатеринбургский и Ирбитский Владимир освятил закладку по выработанному и утвержденному плану нового каменного храма Воздвижения Честного и Животворящего креста Господня с двумя приделами: в честь Успения Пресвятой Богородицы и в честь святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца. Работы велись в 1905-1909 гг. под наблюдением пермского архитектора Александра Бонавентуровича Турчевича. Рабочая сила богомольцев, в большом количестве стекавшихся в монастырь, была почти бесплатной. К весне 1910 года огромный храм в псевдовизантийском стиле был вчерне закончен, и начались дорогостоящие отделочные работы: наружная и внутренняя штукатурка стен; возведение фирмой «Георг-Поль» кровли храма; покрытие пола плиткой; установка отопления и вентиляции; устройство иконостасов и т.п. Храм был оснащен по последнему слову техники и в 1913 году освящен. Тогда же в монастыре артелью плотников из д. Стёкольной Кунгурского уезда во главе с С.Е. Овчинниковым строится деревянный дом для почетных гостей[816], в который ждали приезда царской семьи.

Таким образом, в первой четверти XX века архитектурный ансамбль Николаевского мужского монастыря сложился окончательно и стал наиболее заметным в городе, затмевая даже некогда величественный, но к этому времени наполовину разрушенный кремлевский комплекс. Случилось то, что описывала И.Л. Бусева-Давыдова: «…после уничтожения ряда городских укреплений в Новое время облик многих русских городов стали определять ансамбли монастырей и архиерейских домов. «Градоподобность» монастырей позволила им в некоторых случаях взять на себя роль общегородского композиционного центра[817]». В Верхотурье это было особенно заметно, поскольку Николаевский монастырь был не только композиционным, но и экономическим центром города.

2.3.3. СТРОИТЕЛЬСТВО В ПОКРОВСКОМ ЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Во время своего пребывания в Верхотурье архиепископ Сибирского и Тобольского Киприана был организован женский монастырь из монахинь, проживающих в «рассеянии между жителями города» и «без соблюдения монастырских правил[818]». Место для обители было выбрано ниже города, в устье реки Дернейки. В царской грамоте от 28 июля 1621 года к воеводам Ивану Ивановичу Зубову и Дмитрию Ивановичу Пушкину так говорится о Покровском монастыре: «Архиепископ же Киприан писал, что на Верхотурье многие старицы в мире жили, постригшись от мужей своих, и он, поговоря с вами (воеводами – П.К.) и верхотурскими посадскими людьми, за острогом поставил храм во имя Пречистыя Богородицы Покрова и устроил девич монастырь вновь и попа поставил и дьячка и пономаря...[819]» Вскоре помимо церкви была выстроена еще и деревянная же келья «им де десяти старицам для прибежища[820]». В 1624 году дозорная книга М. Тюхина упоминает: «... под городом монастырь Покровский девич, а в монастыре ... храм Покрова Пречистые Богородицы да келья игуменьи, да две кельи – живут в них старицы».

Очевидно, строительство монастырских зданий осуществлялось спешно и не очень аккуратно, потому что уже в 1645 году игуменья Ираида, ссылаясь на челобитную первой настоятельницы Анисьи, просила обратить внимание на состояние дел в монастыре, тем более, что та церковь, что устроена при Киприане, стала «ветха гораздо и невелика, и у кельи углы отгнили и обвалились, и ограды де около монастыря нет, а ныне де их ... 20 старицы, скитаются меж двор...[821]»

В ответ последовали царские грамоты от 6 июня 1645 года и 14 февраля 1646 года на имя воеводы Максима Федоровича Стрешнева с предписанием выполнить то, что не сделали его предшественники, а так же представить в Москву описание состояния монастырских строений и сметную роспись на необходимые строительные материалы и «церковь новую воздвигнути, около монастыря ограду и святые ворота сделать и в ограде кельи с четыре или с пять со всяким строением поставить[822]». В 1647 по челобитью новой игуменьи Марфы к строящейся Покровской соборной церкви был пристроен придел во имя Иоанна Предтечи[823]. А в 1648 году работы по благоустройству обители еще продолжались[824].

Но в только что отстроенном монастыре 7 декабря 1650 года возник пожар, загорелась трапезная и от нее выгорели все деревянные постройки: «... церковь, местная икона Усекновения честные главы Иоанна Предтечи, и царские двери и запрестольные иконы и деисусы все згорели...[825]» Вновь сестры просили царской милости: «... есть де на Верхотурье две наших житницы, у водяных ворот, под Каменем, стоят пусти, хлеба в них не сыплют: и нам бы ... пожаловати, велети тое церковь воздвигнуть из тех житниц...[826]» В ответ была дана царская грамота в феврале и от 6 марта 1651 года воеводе Рафу Всеволожскому с указанием построить новую церковь, использовав для этого пустые житницы, и была выслана из Москвы церковная утварь и богослужебные книги.

Земельная карта Екатеринбургского ведомства и провинций Соликамского, Чердынского, Кунгурского, Верхотурского, Туринского уездов, вотчины господ баронов Строгановых, заводов статского действительного советника Акинфия Демидова и окрестных уездов. Составленная в 1744 году. Красной пунктирной линией показана Бабиновская дорога.
1 – город Верхотурье, 2 – село Меркушино, где жил Симеон Праведный

Рисунок центральной части города Верхотурья, с северо-запада с правого берега реки Туры, сделанный К.К. Клаусом по заданию академика А.Я. Купфера, посетившего Верхотурье в 1828 году (акварель, 1829). Из фондов Свердловского областного краеведческого музея

Справа вверху: план уездного города Верхотурье Пермской губернии 1781 года.
Справа внизу: план уездного города Верхотурье Перской губернии 1844 года.
Экпозиция Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Пермской Губерніи
Уѣздный Городъ
ВЕРХОТУРЬЕ

Открытка с видом города Верхотурья, конец XIX века.
Такая панорама открывалась путешественникам с дороги, ведущей в город из села Меркушино.
Река Тура пересекает дорогу в направлении с северо-запада на юго-восток. Слева направо расположены храмы – Знаменский в Ямской слободе (дальний план), Иоанно-Предтеченский Покровского женского монастыря (предений план), Свято-Троицкий собор кремля (средний план), Преображенский Николаевского мужского монастыря (дальний план), Спасо-Воскресенский (средний план)

Справа сверху: Свято-Троицкий собор и кремлевская стена на фотографии начала XX века.
Справа внизу: тот же ракурс на Свято-Троицкий собор и кремлевскую стену сто лет спустя.
Фотографии из фондов Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Эскизный проект реставрации, воссоздания крепостных стен и башен и реконструкции территории Верхотурского кремля. Объемная модель «вписана» в фотографию центральной части города Верхотурья - общий вид с юго-запада, со стороны Троицкого камня.
Проект выполнен авторским коллективом Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области в 1998 году.
В 2012 году по проекту воссоздана северная стена Кремля и здание Поварни-Караульни

Фото справа: крестный ход вокруг Свято-Троицкого собора в престольный праздник – День Святой Троицы. В торжественном шествии принимают участие братия Свято-Николаевского мужского монастыря, насельницы Покровского женского монастыря, духовенство городских приходских храмов и прихожане

«Боголепная сень» к раке, где покоились мощи Св. Симеона Верхотурского, преподнесенная Свято-Николаевскому мужскому монастырю императорской четой в 1914 году. Фотография начала XX века. Из фондов Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Справа сверху, фотография Свято-Николаевского мужского монастыря конца XIX века.
Справа внизу: фотография Свято-николаевского мужского монастыря начала XXI века.
Фотографии из фондов Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Крестовоздвиженский собор Свято-Николаевского мужского монастыря. Был построен по проекту архитектора А.Б. Гернгросса в 1905-1910 годах в честь 300-летия восшествия на престол Дома Романовых. Собор вмещает 9000 молящихся, это третий по величине храм в России после Храма Христа Спасителя в Москве и Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге

Справа сверху: Перспектива Свято-Николаевского мужского монастыря.
На переднем плане – Симеоно-Анненская надвратная церковь.
Справа внизу: Дом Почетных гостей, построенный по указанию Григория Распутина в 1913 году для приема императорской фамилии в Верхотурье

Корчагин П.А. История Верхотурья

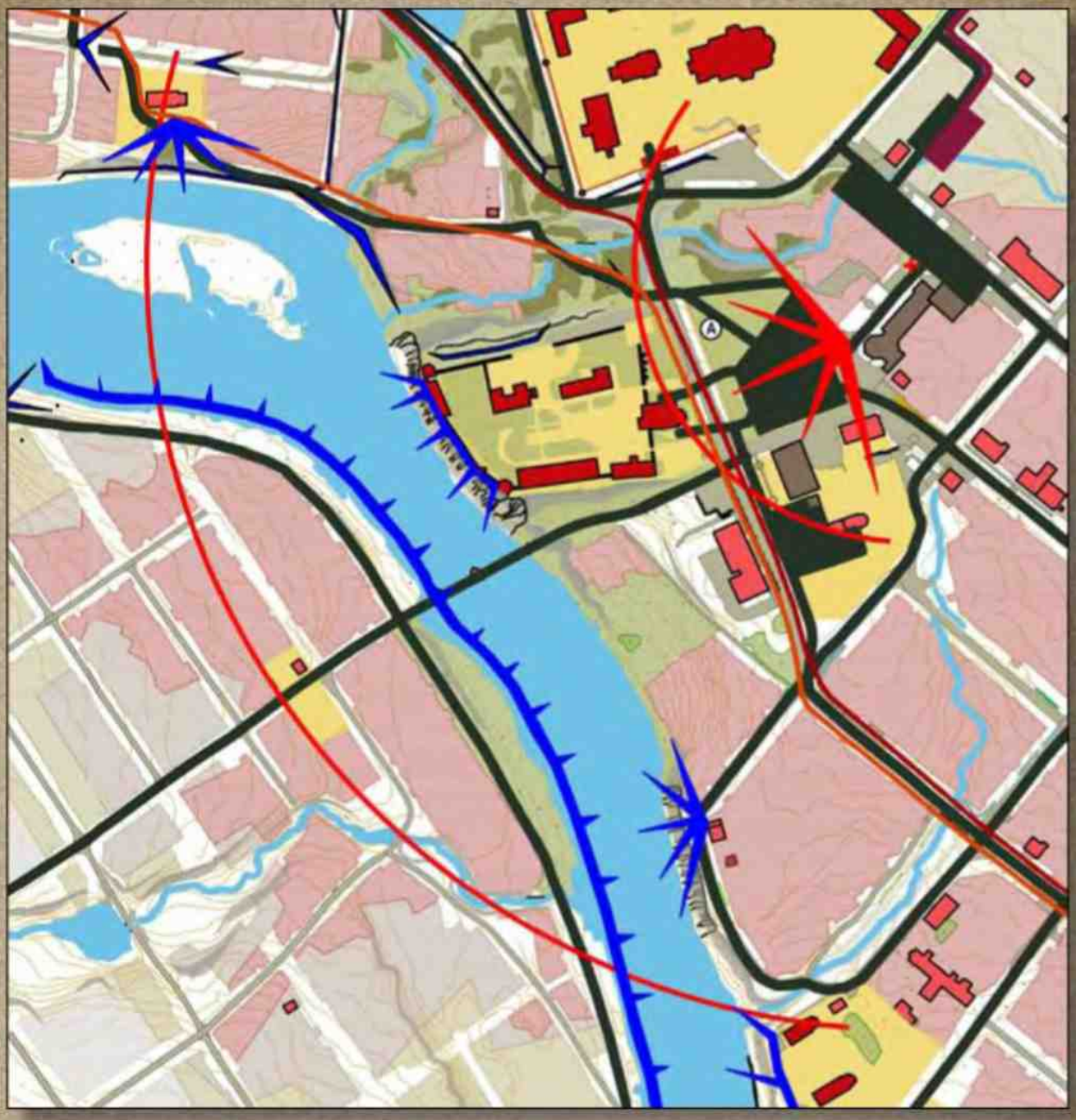

Свято-Троицкий собор Верхотурского кремля в лучах заходящего солнца.
Слева: Ажурное кирпичное кружево на фасаде собора и цветочный орнамент – характерный стиль северо-русского барокко (т.н. Нарышкинское барокко)

Фрагмент карты города Верхотурья с обозначенной объемно-пространственной структурой (автор Е.В. Двойникова)

Верхний и нижний ярусы постановки церквей исторически сложившейся объемно-пространственной модели города

Зоны и точки панорамного восприятия

Объекты культурного наследия федерального и регионального значения

Исторически сложившиеся градоформирующие ансамбли, комплексы, площади

В этом же году игуменья била челом архиепископу Тобольскому и Сибирскому Симеону о присылке антиминса, мира и масла для освящения отстроенного храма[827], но получили их только в следующем 1652 году[828].

Внешний облик и состояние обители в конце третьей четверти XVII века помогает реконструировать перечень необходимых ремонтных работ на 1672 год: «…В Покровском девичем монастыре подела надобе.

На церкве покрова пресвятая богородицы главы побить лемехом и либо железом, а железа по смете надобе по сту по шти десяти листов на главу.

Да на церкве и на трапезе переправить кровлю, а тесу надобе на починку тесниц в тридцать по 4 сажени.

Да у колокольни под лестницей переделать рундук, а лестницу перебрать.

Да кругом ограда перебрать, а по мере места 124 сажени, а длина звену по пол3 сажени, а бревен надобена ограду на починку 150, длины по 3 сажени без аршина, да 50 столбов длина по полтрете сажени.

Да на кельи на кровлю надобе 200 драниц, да в сенцах перекласть помост…[829]»

22 сентября 1681 года «...в ночи ... в Верхотурском Покровском монастыре згорели 5 келий ... от печи от тои кельи згорели четыре ... а которая келья загорелась и в той келье згорели две старицы[830]». В 1683 игуменья Феодора хлопотала о починке колокольни и ограды[831].

В 1686 году случился пожар в городе, который распространился и на монастырь. 3 октября 1686 года верхотурский воевода Григорий Нарышкин посылает приказчику Аятской слободы Александру Ушаковскому память о сборе денег и высылки крестьян для рубки и вывозки леса по случаю того, что «велено на Верхотурье в Покровском девичьем монастыре построить новую церковь во имя Покрова Пресвятые Богородицы, да в той же церкве учинить предел Усекновения честные главы Иоанна Предтечи...[832]» Строительство затянулось, о чем свидетельствуют документы об отказе беломестных казаков доправить с ирбитских крестьян деньги на постройку Покровского монастыря[833].

Еще раз Покровский монастырь горел в 1692 году, когда в городе произошел сильный пожар, в ходе которого был уничтожен практически весь город, кроме Николаевского монастыря, Ямской и Заречной слобод. Восстановление началось только в 1694 году. В памяти верхотурского воеводы И.Е. Цыклера приказывается выслать на Верхотурье крестьян с лошадьми и топорами для рубки и перевозки леса и «... по челобитной Верхотурского Покровского монастыря игуменьи Феодоры с сестрами велено в Покровском девичьем монастыре построить церковь Покрова Пресвятые Богородицы, Усекновения честные главы Иоанна Предтечи, ограду и кельи[834]». Челобитная о построении на Верхотурье новой Покровской церкви в 1694 году и к Тобольскому митрополиту Игнатию[835].

Не миновал Покровский монастырь и пожар 1738 года. В ответах на «Запросные листы» академика Г.Ф. Миллера в 1742 году Верхотурская воеводская канцелярия сообщала, что во время этого пожара «...в том монастыре церковь деревянная холодная настоящая Покрова Пресвятые Богородицы с двумя приделы Иоанна Предтечи и Дмитрия Солунского,

другая церковь во имя Иоанна [Предтечи] деревянная, да вокруг того монастыря ограда деревянная же и у монастыря кельи згорели[836]». Отстроиться вновь Покровской обители помогал Николаевский монастырь. В 1740 году «прошением того девичьего монастыря монахинь» из мужской обители в связи с окончанием строительства там каменной Николаевской церкви была перенесена и установлена «церковь деревянная во имя Покрова Пресвятые Богородицы[837]».

С середина XVIII века в Покровском монастыре начинается каменное строительство, которое развернулось благодаря богатому покровителю обители – крупнейшему заводовладельцу Максиму Походяшину. На его средства по грамоте митрополита Антония 19 сентября 1744 года была заложена Покровская каменная церковь без колокольни, освященная 31 марта 1753 года по грамоте митрополита Сильвестра.

На гравюре И.В. Люрсениуса (рис. на стр. 181) Покровский монастырь изображен в виде комплекса строений, окруженных прямоугольной оградой размерами 50х40 саженей (около 106х85 м), по своей конструкции напоминающей современные заборы: в вертикальные столбы врезаны горизонтальные брусья, на которые вертикально набиты доски. В западном стену (обращенную к реке Туре) включена колокольня, в нижнем широком (10-15 м) ярусе показаны два входа. То есть, колокольня была совмещена со святыми воротами.

На территории монастыря ближе к юго-западному углу расположена также деревянная церковь Покрова Богородицы. Описание церкви и колокольни уже приводилось выше в связи с историей Николаевского монастыря, где она находилась до 1740 года. Вдоль восточной стены монастырской ограды на гравюре изображены четыре здания, стоящие вряд, с двухскатной крышей, ориентированной по коньку по линии запад-восток: первая келья, принадлежащая игуменье монастыря, с сенями размером 4х3 сажени, вторая – с сенями размером 4 сажени 1 аршин на 2 сажени 1/2 аршина, третья – 4 на 2,5 сажени и последняя четвертая келья без сеней, состоящая из двух срубов размерами 2,5 сажени на 2 сажени 1/2 аршина и 2 на 2 сажени[838]. Пространство внутри монастырской ограды не застроено. С северо-востока, востока и юга к монастырской ограде примыкают различные постройки посада, не имеющие четкой планировки.

В описи женского монастыря города Верхотурья в 1763 году в нем называется, начатая одновременно с освящением Покровской церкви и строящаяся на деньги М.М. Походяшина двухэтажная Иоанно-Предтеченская церковь. Первоначально задумывалось освятить в ней 4 престола, посвященных «первый Иоанну Дамаскину, второй Варваре Мученице, третий Иоанну Предтече, четвертый Дмитрию Солунскому. Но была выполнена лишь половина замысла: в нижнем этаже Предтеченской церкви был устроен престол во имя великомученицы Варвары, освященный в 1768 году, а в верхнем – престол во имя рождества Иоанна Предтечи, освященный в 1776 году.

Старо-Покровская и Иоанно-Предтеченская церкви Покровского женского монастыря, фотография начала XX века

В это время, очевидно, была построена и каменная стена вокруг монастыря, примыкающая с северной стороны к восточному и западному углам Покровской церкви, описывающая неправильный шестиугольник, составляющий ограду в периметре около 162 сажен (примерно 348 м). Была построена также каменная келья для игуменьи (прямоугольное здание, включенное в северо-восточный угол ограды) и новые монашеские кельи.

На плане Верхотурья, составленном между в конце 70-х годов XVIII века[839], отразился момент, когда на территории монастыря стоит одновременно два Иоанно-Предтеченских храма. Старый деревянный располагался вплотную к юго-западному углу нового каменного.

Это была последняя постройка, заложенная в Покровском монастыре уже после его официального упразднения в 1764 году. Монастырское строительство прервалось до начала XX века и началось уже на новой территории, в соседнем квартале.

Во вновь открытом Покровском женском монастыре 12 сентября 1898 года для нужд сестричества был заложен каменный однопрестольный храм во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, законченный строительством и освященный 11 сентября 1902 года. На средства Николаевского монастыря для монахинь было выстроено большое деревянное двухэтажное здание. А около 1900-1901 началось строительство двухэтажного каменного корпуса для сестер, законченное также в 1902 году[840]. В 1905 году Покровской общиной была построена деревянная часовня в честь святого Алексея, Митрополита Московского на станции «Верхотурье» Богословской железной дороги, что в 9 км от города.

Покровский монастырь в начале XX века интенсивно застраивался, но все же оставался в тени старшего собрата. Насильственное прекращение его деятельности в 60-х годах XVIII века и в 20-х годах XX века не позволили окончательно ему сформироваться в значительный и целостный архитектурный ансамбль.

2.4. ПЛАНИРОВКА, КУЛЬТОВОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ВЕРХОТУРЬЕ В XVII–XIX ВЕКАХ. СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ И АРХИТЕКТУРА

2.4.1. ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ПРИХОДСКИХ ХРАМОВ ВЕРХОТУРЬЯ XVII-XVIII ВЕКОВ

Параллельно монастырским храмам в городе строились и приходские. Практически одновременно с возведением городских укреплений был поставлен «на Верхотурье соборный храм Живоначальной троицы да предел Федора стратилата без трапезы…[841]»

А.А. Дмитриев высказал интересные соображения относительно времени строительства соборного храма, с которым он связывал и дату основания города. «Этот древнейший храм был устроен летний и наименован Свято-Троицким, что указывает на то, что он заложен был именно перед наступлением лета, считаясь временным, требующим дальнейшего расширения, но на первое время все-таки удовлетворявшим насущным религиозным потребностям первых насельников и строителей нового города. Наименование же этого храма Свято-Троицким в то же время указывает на время его закладки или в самый праздник св. Троицы, или на ближайшее к нему время, т.е. скорее всего на май месяц 1598 года…

Наша догадка получит еще некоторое подкрепление, если мы примем во внимание следующие факты… По создании главного престола, тотчас был устроен возле него и придел во имя св. Феодора Стратилата, что бывает 8 февраля, очевидно в честь того, кто носил на себе имя этого святого, т.е. царя Феодора Иоанновича…[842]» Развивая логику А.А. Дмитриева, можно заключить, что Троицкая церковь была заложена одновременно с основными городскими сооружениями в мае 1598, а придел во имя Федора Стратилата был возведен уже в феврале 1599 года.

В течение пяти первых лет существования города Троицкий храм был единственным в городе, пока в 1604 году в Николаевском монастыре не была построена Свято-Николаевская церковь.

Однако, уже вскоре, два храма не могли удовлетворить потребности духовного окормления верхотурцев и поэтому уже вскоре «Верхотурского города служилые люди, дети боярские и стрельцы и казаки, и торговые люди и пашенные крестьяне и ямские охотники» выступили с инициативой строительства нового храма «Воскресенья христова да Илью пророка да Леонтия ростовского чудотворца». 3 мая 1606 года воевода С. Годунов по царской грамоте выдал жителям города бревна для возведения церкви во имя Воскресения Христова: «…на Верхотурье на площади лежат бревна, что [за]пасены были на городовое и на острожное дело, и тот де лес стал за расходом и гниет… велети им из тех бревен дати на церковное строение[843].

А уже через год 31 марта 1607 года, видимо, в ответ на инициативу верхотурских восвод С. Годунова и А. Загряского, которые жаловались, на неудобство Троицкого храма, мол «служат в нем летом, а зимой

поют в съезжей избе, потому что другого храма с трапезою нет», В. Шуйский, разрешил построить новый теплый Свято-Троицкий храм: «бревна на церковь и с трапезой на плодбище готовы… и вы б теплый храм велели поставить…[844]»

В июне 1639 грда от удара молнии произошел большой пожар, захвативший кремль и гостиный двор, судя по документам, в нем полностью погибла и Воскресенская церковь.

В 1645 во время общего ремонта в кремле была отремонтирована и кровля Свято-Троицкого собора[845]. По сведениям Макария этот ремонт произошел в 1648 году, тогда же был приобретен для храма новый благовестный колокол[846]. В.Н. Шишонко на основании известных ему документов считал, что оба события произошли в 1646 году[847].

В 1649 году (не ранее 15 ноября) верхотурские служилые, посадские, ямские охотники и подгородные крестьяне отправили в Москву челобитную о даче руги и церковного строения церкви Одигитрии[848]. 10 июня 1651 года по случаю поселения в Верхотурье стрельцов и пушкарей одигитриевскому духовенству царской грамотой велено было выдать жалование. В 1665 по челобитью прихожан и по просьбе черного попа Моисея с сыном Ивашкой одигитриевскому духовенству вновь было выдано жалование[849].

Первое упоминание Спасской церкви было встречено нами под 1658 годом, когда из Верхотурья в Москву сообщили, что «на Верхотурье Спасская церковь на гостином дворе и лавки и воеводский двор погорели[850]».

В 1666 указано возить бревна для строительства соборной церкви[851]. Отпуск (черновик) челобитной верхотурского воеводы И. Колтовского царю Алексею Михайловичу свидетельствует об устройстве часов на колокольне деревянного Свято-Троицкого собора[852]. Документ не датирован, но может быть отнесен к 1666-1667 годам (именно в эти годы верхотурским воеводой был Иван Яковлевич Колтовский, составивший челобитную). Источник свидетельствует, что часы в Верхотурье были сооружены на собранные с населения деньги, но часовщику был положен казенный оклад водолива.

Дважды – в 1668 и 1669 годах протопоп Свято-Троицкого собора ходатайствовал о строительстве новой соборной церкви[853] и, видимо, в начале 70-х гг. новый соборный храм был возведен, поскольку в приказных книгах М. Бибикова 1670 года упоминаются два соборных протопопа Иван и Тимофей. Сосуществование двух одноименных соборных храмов представить себе невозможно, поэтому второй был освящен во имя Рождества Христова[854]. К сожалению, эту информацию В.Н. Шишонко, приведенную им со сноской на собственный Верхотурский рукописный хронограф, нам не удалось подтвердить по другим источникам.

Оба соборных храма простояли недолго. В пожаре 19 апреля 1674 года, который начался во дворе пашенного крестьянина «подле острогу и Покровских ворот», погибли «старая и новая приходская церковь Пресвятые и Живоначальные Троицы, две приходские… без остатку» – т.е. Свято-Троицкая, Христо-Рождественская, Воскресенская и Спасская церкви[855].

В.Н. Шишонко ошибался, предполагая, что Рождественский храм был выстроен после пожара 1674 года взамен Свято-Троицкого, ему было неизвестно, что 25 февраля 1684 года воеводе Г. Нарышкину была дана грамота о постройке в Верхотурье соборной церкви вместо сгоревшей. Строительство ее было окончено в 1688, а освящение произошло по грамоте митрополита Павла в 1691 году[856].

Уяснение хронологии и номинации кремлевских храмов конца XVII века позволяет решить вопрос, который до сих пор в литературе не ставилось напрямую – об изменении места расположения Троицкой церкви в момент перестройки ее в камне. Исследователи Верхотурья игумен Макарий и В.С. Баранов не утверждают, что каменный Свято-Троицкий собор воздвигнут на месте сгоревшего в конце XVII века деревянного, но и не опровергают этого. А.А. Дмитриев указывает, что: «в 1709 году, под наблюдением архимандрита Израиля, на казенные средства *перестроили* (курсив мой – П.К.) деревянный храм Живоначальной Троицы[857]», таким образом, молчаливо соглашается с тем, что каменная Троица была построена на традиционном месте. В более поздней работе он прямо пишет по этому поводу: «Согласно царского повеления, деревянная постройка церкви, вероятно, была разобрана…[858]» В. Кочедамов, реконструировавший план Верхотурья 1687 года, помещает на плане деревянный Троицкий храм на месте позднейшего каменного[859].

Первоначально Троицкий собор располагался на западной стороне одноименного камня, о чем свидетельствуют результаты раскопок КАЭ ПГУ и НПЦ Свердловской области: могилы кладбища при Свято-Троицком соборе первой половины XVII века могли располагаться лишь с восточной, алтарной его стороны, а значит, деревянная церковь возвышалась на обрыве с запада Троицкого мыса. Об этом косвенно свидетельствуют изображения Верхотурья в книгах С.У Ремезова[860] и Н. Витсена[861]. При возведении новой соборной церкви при еще существующей старой ей было определено место восточнее на выезде из кремля. А в 1680-х Свято-Троицкий храм возвели не на обрыве, а на пепелище Рождественской церкви. Как показало время, выбор оказался удачен, поскольку более соответствовал новым условиям. Если бы строители каменного кремля возводили собор на обрыве, то им пришлось бы столкнуться с рядом проблем. Храм, вписанный в западную стену, было бы невозможно обойти во время крестного хода. Если его несколько сдвинуть к центру кремлевской площади, то он тогда бы вместе с приалтарным кладбищем занимал до четверти территории кремля, не говоря уже о нежелательной близости с кладовыми палатами. Зодчие нашли оптимальный вариант, поместив собор в восточной стене между северными и южными воротами, решив задачу красиво, остроумно и экономично. Кстати, перенесением храма в 1680-х объясняется и тот факт, что к XVIII веку кремлевское кладбище уже было основательно забыто и не упоминается при каменных работах на Троицком мысу. Первоначально каменный Троицкий храм был выстроен без приделов, однако уже до 1738 с северной стороны его был возведен Харлампиевский придел[862].

Посадские храмы были перестроены в камне почти сразу же за соборным кремлевским. Воскресенская церковь на юго-западном углу гостиного двора была заложена в 1705 году по приказу стольника А.И. Калитина[863]. Другая, Спасская церковь с колокольней на северо-западном углу гостиного комплекса начата строительством в 1712, а окончена в 1719 году тщанием верхотурского купца Петра Худякова.

Городские храмы очень пострадали «от пожарного случая в 1738 г. июля 18-го … сгорело… на соборной Троицкой церкви 6 глав деревянных, которые обиты были черепицей…, на колокольне кровли деревянные, крытые тесом… у Спасской церкви каменной кровли, пол, жертвенники и 2 крыльца сгорело…, у церкви каменной Воскресенской глава и кровли, пол и потолки, крыльцо и паперть, и в алтаре жертвенник…[864]»

В Ямской слободе в 1777 году началось строительство каменной Знаменской церкви по заказу общины и по грамоте митрополита Сибирского и Тобольского Павла. Храм был двухэтажный: в нижнем располагался Знаменский престол (освященный 6 ноября 1781 года), в верхнем – престол великомучеников Флора и Лавра[865].

В 1786 на месте гостиного двора была построена каменная двухэтажная Спасо-Воскресенская церковь из материалов, оставшихся после разборки каменных Спасской и Воскресенских церквей, расположенных в углах гостиного двора. В нижнем этаже размещался престол во имя Воскресения Христова (освящен 22 ноября 1786 года), а в верхнем – во имя Спаса Нерукотворного (освящен 29 июля 1806 года) [866].

История каменной Знаменской церкви изложена в ответах ее священника П. Торопова на «Программу для описания церковных зданий, монастырей и приходов Пермской губернии» 1901 года: «Каменный, двудепартаментный, заложен в 1767 г., нижний в честь Знамения Божией Матери Новгородской, иждивением прихожан, по благословенной грамоте Митроп. Тобольского Павла 2го Кон[нрзб.]шковича. Храм освящен в 1781 г. по благословенной грамоте епископа Тобольского Варлаама (Петрова). Верхний – в честь святителей Флора и Лавра, освящен в 1808 г. по благословенной грамоте Иустина Пермского и Екатеринбургского… До сего храма существовали два один после другого. Участь первого неизвестна. Второй был деревянный. Он сгорел 16-го августа 1777 года от грозы при десятилетнем существования настоящего храма – в заложении. …О существовании последовательно двух храмов свидетельствуют два памятника, поставленных на месте бывших святых престолов[867]». Отметим, что Макарий считает 1777 год датой начала строительства Знаменской церкви[868]. В остальном его данные совпадают с данными П. Торопова.

И. Токмаков в своем «Историко-статистическом и археологическом описании города Верхотурья…» (1899) также приводит несколько отличные сведения: «Знаменская каменная церковь построена на месте прежней деревянной, существовавшей с 1688 г. и сгоревшей от молнии в 1778 г. она построена тщанием прихожан двухэтажною: в нижнем этаже престол во имя Знамения Пресвятой Богородицы (празд. 27 ноября), который освящен 6 ноября 1781 г.; а в верхнем в честь святых мучеников Флора и Лавра (празд. 18 августа), освящен 11 мая 1808 г.[869]».

Церковь сразу же была построена с оградой на каменных столбах. В 1845 году деревянные решетки были заменены железными, пожертвованными купцом И.А. Мухлыниным. Иконостасы, стоявшие с момента возведения храма были заменены новыми: верхний в 1845, нижний в 1847 году. Стены в храме первоначально белились, а в 1897-1898 попечением прихода верхний этаж был расписан по штукатурке. С 1874 года вокруг храма усилиями П. Торопова был разбит сад из 90 деревьев и 200 кустарников[870].

На городском кладбище с северо-восточной стороны города по грамоте архиепископа Сибирского и Тобольского Варлаама в 1799 году была заложена каменная церковь во имя Успенья Божия Матери. Успенская кладбищенская церковь была освящена по указу пермского епископа Иустина в 1815 году [871]. Сведения Макария полностью совпадают с данными, содержащимися в «Ведомости об Успенской кладбищенской церкви…» и дополняют их только в той части, что храм был построен иждивением прихожан городских церквей, «причта при ней не положено, служение совершается соборным причтом по субботам», «земли при сей церкви, кроме ограды, где погребены умершие не имеется[872]».

В 1804 году Верхотурье посетил пермский вице-губернатор, составивший «Описание, учиненное Пермским вице-губернатором князем Волконским. О состоящих в Пермской губернии и нижеописанных городах казенных заведений». В разделе «Верхотурье» о Троицком соборе написано следующее:

«2е. Каменная соборная церковь ... а как на стенах той церкви в некоторых местах оказываются трещины и деревянная крыша обветшала...[873]»

В связи с чем в 1812-1813 годах Троицкий собор подвергся капитальному ремонту[874], очевидно, за счет церкви и прихожан. В 1821 году Свято-Троицкий собор был «обнесен каменною оградою ... на добровольные пожертвования[875]». Городничий и уездный судья И. Попов и члены городской Думы и магистрата направили губернатору рапорт и описание состояния архитектурных памятников в центре города. В описании говорилось, что «оные не только в прежние годы, но и ныне по искусному расположению строений и по местному положению не смотря на повреждения и сделанные изменения ... еще сохранили свое величие и ту важность, с которою целию премудро предположено иметь» - то есть, давалась более оптимистическая оценка, нежели местные власти давали ранее. По оценке городничего соборная церковь была уже частично отремонтирована и заготовлен материал для завершения ее ремонта.

На «Плане Пермской губернии города Верхотурья» 1837 года[876] нанесены Свято-Троицкий собор с алтарной оградой. Два плана Верхотурья 1844 года[877] совпадают в деталях между собой и планом 1837 года.

В «Клировой ведомости Свято-Троицкой церкви г. Верхотурья» 1880 года указывалось: «По случаю ветхости, с разрешения Святейшего Правительствующего Синода и по указу Пермской духовной консистории от 29 февраля 1856 г. за №1491, была исправлена в 1857-1858 и 1859 годах особою, на сей предмет учрежденной комиссиею, на каковое исправление из сумм Святейшего Синода ассигновано было 4500 рублей[878]».

Менее всего известно о верхотурской Богородской церкви, лишь то, что она возникла при городской тюрьме в 1888 году[879]. Она не имела собственного прихода и обслуживалась приходящим священником.

Екатеринбургский архитектор Е.В. Двойникова в своей работе о формировании объемно-пространственной структуры г. Верхотурья[880] изложила интереснейшее предложение, служащее своеобразным продолжением идей Г.В. Алферовой о ландшафтной планировке древнерусских городов[881]. В разделе о доминантах городской вертикальной структуры автор привела схему нижнего и верхнего ярусов размещения приходских храмов на местности (см. цв. илл.). Причем оказалось, что данные церкви расположены в городской планировке вовсе не хаотично, а отчетливо просматривается высотная и территориальная иерархия храмов.

Верхний ярус представлен главным городским Свято-Троицким собором (в кремле), ныне утраченным Николаевским храмом мужского монастыря и Спасо-Воскресенской церковью в посаде. Все они расположены приблизительно на одной высоте над рекой (116-118 м в Балтийской системе высот). Нижний ярус составляют Знаменская церковь в Ямской слободе, Покровский храм в женском монастыре и также в настоящее время утраченная деревянная (единственная из всех перечисленных) Одигитриевская церковь в Заречной слободе. Отметки рельефа, на которых поставлены эти храмы, от 102 до 108 м. Более того, церкви верхнего яруса попадают на воображаемую окружность радиусом около 650 м[882], проведенную из точки, находящуюся около зданий по ул. Ленина, 7 и 9. Храмы нижнего яруса находятся на окружности диаметром 960 м, проведенной из той же точки.

Случайно ли складывание столь стройной объемно-пространственной системы, была ли она результатом продуманного плана или имелись объективные предпосылки и условия для ее возникновения? Мы не склонны соглашаться с первой точкой зрения, хотя Г.В. Алферова предполагает подобное. По крайней мере, среди изученных нами источников не встречено документов, свидетельствовавших о наличии хотя бы чего-то похожего. В воеводской переписке затрагивались лишь экономические и организационные проблемы строительства, но ни разу не обсуждались вопросы выбора места (за исключением момента возникновения города) и внешнего облика объектов не находившихся в казенной собственности. Е.В. Двойникова видит основания для формирования радиально-ярусной иерархии церквей Верхотурья, прежде всего, в общей древнерусской традиции освоения ландшафта городской территории, т.е. признает, что она сложилась под воздействием объективных причин природного порядка. Скорее всего, нет смысла настаивать на существовании только одного из перечисленных путей складывания рассматриваемой иерархии. Можно предположить, что верхотурские зодчие творили, как подсказывала мера и красота городского ландшафта, увязывая свои эстетические представления с существующими на конкретный момент общественными, экономическими и иными реалиями.

Интересно выяснить зависимость интенсивности и планиграфии городского культового строительства от степени экономической значимости в городе того или иного сословия и того района, где это сословие компактно размещается. Прежде всего, свяжем воедино сведения о времени возникновения отдельных частей города (кремля, посада и слобод), даты строительства приходских церквей (сначала в деревянном, а затем и в каменном исполнении), а также учтем при этом планиграфию размещения этих церквей относительно городского ландшафта (прежде всего их высотные отметки и удаленность от центра). Результаты обобщены в таблице 8.

Таблица 8

Хронология строительства храмов Верхотурья в XVII-XVIII веках

Храм	Дата строительства в дереве	Место	Дата строительства в камне		Место	Сумма мест	Место (итог)	Высотный ярус
Свято-Троицкий собор	1598	1	1703-1710		1	2	1	1
Николаевская церковь	1604	2	1712-1736		3	5	2	1
Воскресенская церковь	1606	3	1705	1789-1806	2	5	3	1
Спасская церковь	до 1658*	6	1719					
Покровская церковь	1621	4	1744-1753		4	10	4	2
Одигитриевская церковь	1651	5	не перестроена		6	11	5	2
Знаменская церковь	1688	7	1777-1781		5	12	6	2

* по мнению А.А. Дмитриева, опиравшегося на работы П. Торопова, Спасская церковь возникла в 1640-е годы[883]

При таком способе организации сведений о культовом строительстве наглядно представляется экономическая роль каждого из районов города, роль и влияние их населения в городской жизни. На первый ярус попали кремлевский, монастырский и посадский храмы. Их прихожане (собственно городские сословия – служилые и посадские люди) играли ведущую роль в городе, они и выстроили свои храмы первыми, причем на самых выгодных (удобных, заметных и высоких) местах, там, где первыми же и поселились. На втором ярусе оказались храмы слободских (не городских) жителей (ямщиков, крестьян и монахинь женской обители). Применительно к XVII веку это, собственно, и не «градские», а слободские церкви.

Почем же объясняется их концентрическое расположение? Е.К. Золотов в своей диссертации обратил внимание на то, что «композиционный анализ Верхотурья дорегулярного времени выявил формальную схему размещения доминант в виде «шахматного двурядия» относительно транзитной дороги»[884].

В самом деле, архитектурные ансамбли левобережной части города чередуются по сторонам внутригородского участка Бабиновской дороги (ул. Советская): Знаменская церковь (западнее дороги), Николаевский монастырь (восточнее), кремль с Троицким собором (западнее), гостиный двор со Спасо-Воскресенской церковью (восточнее) и Покровский монастырь (западнее). Интересующие нас храмы первого яруса образуют треугольник, рассекаемый ул. Советской. Назовем его «городским».

Но в пределах города располагалась еще одна транспортная магистраль, не менее важная, чем Бабиновская дорога. Речь идет о реке Туре, по которой в Сибирь отправлялась основная масса грузов. Принцип «шахматного двухрядия», замеченный Е.К. Золотовым соблюдался относительно и данной оси. Пригородные слободы – Ямская, Заречная, Покровская, а стало быть, и слободские храмы также образовывали еще один, «слободской» треугольник подобный, но больший, нежели «городской». Оба треугольника были завязаны на кремле, объединяющем обе магистрали и образовалась удивительно стройная концентрическая композиция, о которой говорилось выше.

Она не могла быть результатом какого-то общего замысла, единого «генерального» проекта, так как складывалась веками, в первоначальном (деревянном) варианте – на протяжении пяти десятилетий. При отсутствии в XVII веке сколь-нибудь точных топографических планов города невозможно провести на местности искомые полукружия. Тем более, что их центр находился за пределами городского острога и оттуда храмы второго яруса были не видны. Кроме того, необходимо учитывать существование на этот момент еще и таких заметных вертикалей, как острожные башни. Субъективное вмешательство зодчих сказалось только в одном случае: они сознательно размещали церковные здания одного яруса на одинаковых высотных отметках исходя из своих эстетических и идеологических представлений, талантливо используя при этом особенности ландшафта, служившего основой для всей городской застройки.

Отмеченная нами правильность действительна только для XVII-XVIII веков. В XIX – начале XX века в городе сменился экономический лидер и сложившаяся ранее система вертикальных акцентов была искажена строительством Крестовоздвиженского собора Николаевского монастыря (см. раздел 2.3.2).

2.4.2. КАЗЕННОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ВЕРХОТУРЬЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА. ПЛАНИРОВКА ГОРОДА

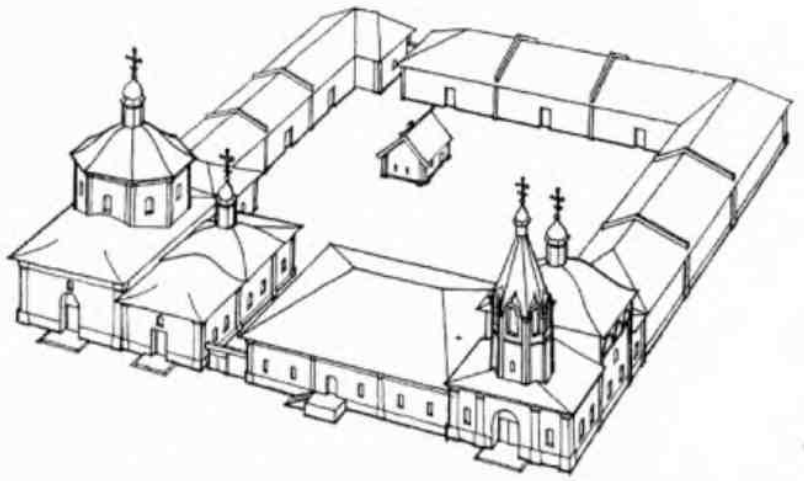
Крепостные сооружения и культовые здания играют огромную роль в формировании внешнего облика города, но все же они составляют лишь малую часть всех построек и без изучения частных домов и усадеб описание города будет далеко не полным. Кроме того, важно рассмотреть в комплексе все, что и образует в совокупности город.

Как уже упоминалось выше, изображений Верхотурья XVII века, по которым можно было бы охарактеризовать городскую рядовую застройку, не сохранилось. Поэтому исследователи должны обращаться к источникам иного рода. Прежде всего, это материалы археологических раскопок, в которых раскрывались остатки жилых построек, а также письменные источники, например, отдельные городские переписи, в которых указывались размеры усадеб горожан, и другие письменные источники.

2.4.2.1. ГОСТИНЫЙ ДВОР В ВЕРХОТУРЬЕ В XVII–XIX ВЕКАХ

Неотъемлемую часть всякого сколь-нибудь экономически развитого русского города составлял гостиный двор – комплекс торговых и складских помещений, как правило, расположенный около (вокруг) особой торговой площади. Размеры гостиного двора, строительный материал, использованный при его возведении, достаточно хорошо отражают состояние городской торговли (и экономики в целом) на момент возведения этого важного элемента городской архитектуры. Данное положение, видимо не особенно нуждается в доказательстве, достаточно сравнить огромный двухэтажный Гостиный двор в Петербурге с любым сохранившимся аналогичным зданием в уездных городах (например: Кунгуре или Чердыни). Является ли столь же показательным и какую информацию может нести место расположения гостиного двора в городе, отражает ли соседство его с какими-либо другими объектами специфику городской экономики - вот проблема, которую необходимо разрешить.

Хотя о строительстве гостиного двора XVII века речь уже шла, при описании кремля этого периода, позволим себе напомнить его историю в связи с наблюдениями за размещением его на территории города. Итак, гостиный двор Верхотурья был начат строительством в 1600 году, его основой стали «хоромы», поставленные вдоль обрыва Троицкого камня для усиления его естественной неприступности, а позже внутренние объемы кремлевских тарас и Наугольной башни, на что указывает опись И.Е. Цыклера 1694 года. Эта основная и большая часть гостиного комплекса называлась «государевым гостиным двором», состояла из 4 изб и 60 амбаров, в которых складировались «сибирские отпуска». Она находилась под неустанным надзором городской администрации, сосуществовала с таможней и предназначалась для обеспечения контроля над транзитной торговлей и бесперебойной отправки в Сибирь «хлебных запасов» и «русских товаров». Однако уже к 1624 году (моменту складывания Верхотурья как экономического организма и архитектурно-планировочного комплекса) появилась и другая, относительно автономная часть гостиного двора, предназначенная для внутригородской торговли. Перепись М. Тюхина зафиксировала на посаде 13 лавок, принадлежавших посадским людям, монастырю и церквям[885].

Гостиный двор 1710 года. Реконструкция Е.К. Золотова

В «Списке с дозорных книг ... М. Тюхина» расположение посадских лавок точно не указано, существует лишь топографическая привязка – деревянная Спасская церковь, которая, как известно, горела вместе с лавками в 1639 и 1658 годах. И хотя ныне известно только расположение каменной Спасо-Воскресенской церкви, вряд ли мы должны предполагать ее значительное перемещение, таким образом, скорее всего, она находилась в районе ограниченном современными улицами К. Маркса, Ершова, Советской и городским сквером, т.е. к юго-востоку от кремля. Можно уверенно предполагать, что упоминаемые лавки размещались около юго-восточного угла кремля, на месте современной школы №1. Как показывают планы Верхотурья, на этом месте торговые лавки находились и в конце XVIII, и, по крайней мере, до середины XIX века[886]. Документ 1738 года также подтверждает наше предположение: «...а, кроме того, гостиного двора (имеется в виду второй по времени – каменный – гостиный двор XVIII века – П.К.) имеется *в городе на горе и под горой* с мелочными товарами и съестные припасы 28 лавок деревянные[887]».

В 1627 на ремонт гостиного двора, скорее всего, пострадавшего в пожаре этого года, из поморских уездов были присланы плотники, которые должны были «старых изб и амбаров поделати и забор перебрати и прясла новые сделать» и дополнительно к сохранившимся старым возвести 10 изб и 40 амбаров[888], характерно, что во время этой перестройки велено было «забор перебрати и прясла новые сделать», т.е. можно предполагать, что гостиный двор располагался у острожной стены.

В 1657-1658 годах параллельно с ремонтом острога восстанавливались постройки гостиного двора[889]. А в 1659 году гостиный двор снова выгорел[890].

В 1669 верхотурский таможенный голова Сила Садилов подал в Москву челобитную о строительстве нового гостиного двора, параллельно челобитную подобного содержания отправили и верхотурские торговые люди[891], необходимость его восстановления обсуждалась и в следующем году[892].

Строительство новых зданий затянулось до 1672 года[893], но уже в 1674 году сгорели и они. Описание последствий пожара позволяет сделать вывод, что гостиный двор находился в тесном месте, между церквей Нерукотворного Образа Господа и Спаса Нашего Иисуса и Воскресения Христова[894].

В бытность верхотурским воеводой Ф.Г. Хрущева (1670-1673), скорее всего, в 1670 году (к сожалению, документ представляет собой черновик и не датирован) подьячим приказной избы Я. Федоровым и посадским человеком С. Шапауриным был произведен «досмотр и мера» под постройку новых лавок на верхотурском гостином дворе. Источник является своеобразным строительным проектом, поэтому приведем его полностью: «Августа 23 по приказу стольника и воеводы Федора Большово Григоревича Хрущева да с приписью подьячего Богдана Сафонова приказной избы подьячей Яков Федоров да плотник посадский человек Сенка Шанаурин ходили смотреть и мерить на гостин двор, где ставить лавки, а по досмотру и по мере подле гостина двора от башни к таможне порожжего места 36 сажен, а на то место надобе поставить 20 лавок одинаких об одном жилу, а на те лавки по смете надобе две стены в длину 500 бревен по 4 сажени печатных в отрубе по 5 вершков, да на поперечные стены и на мосты 400 бревен по 2 сажени, да в вышину те лавки рубить пятнадцать рядов до повалу, да длину и поперег всякая лавка по две сажени печатных и с углами[895]». После досмотра в 1671 году началось строительство ирбитскими плотниками нового гостиного двора, которое закончилось в 1672 году[896]. В 1674-1675 шло строительство торговых лавок вместо сгоревших[897] в грандиозном пожаре 1674 года, начавшегося со двора С. Исакова.

В 1697 при ревизии деревянных укреплений был описан и гостиный двор: «а от водяной башни к гостину двору 4 сажени острожные стены и под гостиным двором занято места вместо острогу 30 сажен рубленой стеной.

А подле гостина двора к камени Троицкому Наугольная построена башня, глухая… а в остатке от той Глухие башни порожжего места до камени Троицкого косогором 3 сажени[898]».

Таким образом, размещение обеих частей гостиного двора привязывается к административному центру города, что связано с особой связующей ролью, торгово-транзитной функцией города в торговле Европейской России и Сибири. Основные сооружения двора располагались непосредственно в кремле, а некоторое количество частных лавок жались к деловому центру. Была и другая причина такого размещения деревянного гостиного двора. Через проезжую Водяную башню был организован прямой выезд к пристаням, находящимся в низине между Троицким и Покровским камнями, так чтобы затраты труда при перегрузке товаров из амбаров на суда были минимальные. Такое взаиморасположение кремля, гостиного двора и пристаней, по сути дела, существование единого торгово-транспортного комплекса, было обусловлено наиболее заметной функцией Верхотурья XVII века – торгово-транзитной.

После того как в 1685 году правительство окончательно снято с поморских городов повинность по доставке в Сибирь «сошных запасов»[899], транзитная функция Верхотурья существенно сократилась, уменьшилась и необходимость в существовании такого узла. Но только с начала XVIII в. в связи с постепенной утратой Верхотурьем транзитных функций, в то же время становлением его в качестве центра региональной торговли и приобретением (хотя и на короткий период) функций центра горного освоения края, изменяется и характер организации городского торгового центра. Он выносится из кремля в посадскую часть города, а его «частная» составляющая заметно расширяется.

Выстроенный в 1705-1719 годах в камне он должен был отражать важную роль Верхотурья как крупного административного и торгового центра и представлял собой комплекс из 41 торговой лавки, таможенного здания и двух церквей, размещенных в виде каре. К сожалению, имеется немного документов, раскрывающих историю строительства гостиного двора XVIII века. Известно, что гостиный и таможенный дворы было указано строить в Верхотурье грамотой Петра I еще в августе 1698 года[900]. Воскресенская церковь на юго-западном углу гостиного двора была заложена в 1705 по приказу стольника А.И. Калетина, с выдачей средств на оплату рабочим из государевой казны и отпуском строительных материалов[901]. Строительство других объектов гостиного двора велось в следующем 1706 году[902]. Другая, Спасская церковь с колокольней на северо-западном углу гостиного комплекса построена в 1719 году тщанием верхотурского купца Петра Худякова.

Время возведения гостиного двора помогают определить другие документы. Подготовительные работы согласно «Книге … расходной верхотурского города каменного строения гостина двора», составленной таможенным головой В. Вышеловым, начались не позднее 17 октября 1701 года, когда зафиксированы выплаты Т. Гусеву и В. Рязанцу (в других источниках он упоминается как Рязанцев) с артелями каменщиков[903].

В 1706 строительство ещё продолжалось, о чем свидетельствует «Книга … строения каменного гостина двора … 1706 г.», составленная М. Августовым. Т. Гусев выступал в качестве «известного подрядчика», а от Г. Продева был принят «струб песку», верхотурский посадский И. Ватолин и усолец Т. Клупин обжигали кирпич в трех печах[904].

В отличие от истории строительства, расположение и общий вид каменного гостиного двора хорошо известно: он изображен на уже упоминавшихся планах Верхотурья. Гостиный и таможенный дворы, каменные лавки и церкви располагались по периметру ныне существующей Спасо-Воскресенской церкви. Обращает внимание то, что строители, по сути дела повторили планировку своеобразного комплекса гостиного двора и посадских церквей XVII в., в то же время, переосмыслив ее. В XVIII веке некогда зажатый между храмами гостиный двор расширился, включив в себя оба храма.

Судя по документу 1706 г., вокруг гостиного двора были предусмотрены свободные площади «где становятся всякие приезжие люди с продажным хлебом и иными всякими припасами и с сеном меж большим рядом.

От поперешного ряду до Воскресенской церкви длиннику 25 сажен поперешнику от лавок к дьяческу двору до улицы 23 сажени. (на юг от гостиного двора – П.К.)

По ряду ж меж лавками и гостиным двором до старой таможни длиннику ж 29 сажен поперешнику 10 сажен (на запад от гостиного двора – П.К.).

Судовой пристани привального и отвального берегу меж Троицким и Покровским каменем длиннику 103 сажени»[905].

Гостиный двор серьезно пострадал в пожаре 1738 года, но средства на его починку нашлись лишь в 1751 году[906].

Подробное описание данного архитектурного комплекса сохранилось в «Описи, учиненной города Верхотурья в комиссарстве к отдаче определенному в правление комиссарской должности господину секунд маиору Давыдову, имеющегося в городе Верхотурье казенного гостиного двора…» от 1 марта 1777 года:

«Гостин двор каменной, крыт тесом, ветхой и того гостина двора двои ворота створные ветхие проезжие, у передних одни малые дверцы с петлями и крюками, з задвишками и засовы железными; по входе в гостин двор в ворота на левой стороне два подвала со сводами двери деревянные с крюками и петлями железные, над обеими дверми своды поломались, и кирпичей немного выпало, на стенах и на сводах в оных же подвалах разселины; в том гостином дворе лавок сорок одна, а какие в них ветхости, о том значится ниже:

(Ниже следует описание 39 лавок гостиного двора, без указания их определенного места и размеров. Лавки 2,5,8,24,31 целы, остальные с «разселинами» – П.К.);

…под церковью всемилостивого спаса две лавки (40,41 – П.К.);

важня деревянная крыта тесом, у тои двои двери створные деревянные с крюками и петлями железными, мерою оная важня вдоль и поперёк по пяти сажен во оной важне пол деревянной изломался; вне гостина двора тринатцать лавок з дверми, в том числе и з затвора[ми] семь деревянными, крюками и петлями железными, потолки деревянные, особливо порознь каждая лавка значится под сим» (всего 13 лавок – П.К.).

Гостиный двор был возведён замкнутым четырехугольником, в котором с западной и восточной стороны были устроены проезжие ворота, в западных имелись «малые дверцы», аналогично кремлевским. Среди помещений гостиного двора перечисляются два подвала со сводами, сорок одна лавка, важня (помещение для взвешивания) и церковь «Всемилостивого Спаса». За пределами комплекса располагалось ещё 13 каменных лавок[907].

Как и ранее в XVIII веке, кроме основной «казенной» части, имелась и «частная»: 28 лавок «в предместии на крепостной стороне[908]», к которым не позднее 1770-х годах добавилась и большая каменная лавка для мясной торговли[909].

Однако менее, чем за век постройки гостиного двора пришли в совершеннейшую негодность и уже в 1771 году за ненадобностью и ветхостью были по большей части разобраны[910].

После разборки гостиного двора «оказалось кирпича целого 18 тысяч 200, половинчатого и щебню 19 тысяч 400 и того тридцать семь тысяч шестьсот», из которых в 1773-1774 годах были «на починку и поправление в канцелярии и воеводских полатах печей потреблено целого 2 тысячи 500[911]».

Н.С. Попов констатировал, что в начале XIX века «в юго-восточной от крепости стороне находится гостиный из деревянных ветхих в две линии построенных лавок ряд, которых числом 20[912]».

Судья И. Попов в ответ на циркулярный запрос Департамента Государственного Хозяйства и Публичных Зданий МВД от 31 декабря 1826 года сообщал: «а на площади у бывшего гостиного двора построенного по вышеписанной грамоте 1698-м году осталось пять каменных лавок, которые обращены в казенный соляной магазин, на оном имеется деревянная крыша, и от здания, в котором был таможенный двор, и где складывались товары, имеется часть и та уже повреждена так, что походит более на развалины. Сие здание, т.е. меновой двор проданы в одно время с корпусом, в коем находилась воеводская канцелярия, здешнему градскому обществу, которое большую часть разломало[913]». Т.е. к началу XIX века оставшиеся постройки каменного гостиного двора обветшали настолько, что остро встал вопрос о строительстве нового.

Но городу, выпавшему из системной городской сети, пребывавшему в глубокой экономической депрессии, было уже не по средствам возведение солидных каменных зданий. 6 мая 1829 года постановлением Верхотурского градского общества решено использовать 7.000 рублей, пожертвованных «купцом коммерции советником» Федотом Поповым на строительство гостиного двора. В 1829-1830 пермский губернский землемер Сущевский переработал план и фасад нового гостиного двора, присланный из Верхотурья, и составил смету на его постройку. «Чертежи сии[914] со сметою препроводил в Градскую Думу для предложения оных на рассмотрение Градского общества с тем оба ли корпуса согласится оно построить вдруг, или который либо один и получил донесение, что по ограниченности Градских доходов и по бедности граждан, градское общество вдруг выстроить оба корпуса находит себя не в состоянии» и решает «выстроить на первый случай один корпус». Однако Строительный комитет МВД в своем «Мнении…» от 16 января 1831 года счел, что «построение оных лавок (именно так! – П.К.) по присланному проекту не соответствует тому месту, которое по плану Города назначено под Гостиный двор, то Комитет и составил новый проект, соответственный означенному месту на полный Гостиный двор[915], дело затянулось, и даже на плане 1844 г. он обозначен как строящийся[916]. В марте этого же года пермский гражданский губернатор все еще согласовывает с министром внутренних дел вопрос о выделении средств «на постройку в Верхотурском гостином дворе вместо существующих ветхих деревянных лавок деревянного здания для помещения в нем 6 лавок и двух складских магазинов[917]».

Макарий в «Описании г. Верхотурья» (1854) указывает как использовались остатки старого каменного гостиного двора: «... северная часть прежней таможни и гостиного двора, которая

остается в ведении государственной казны; из пяти уцелевших, полуразвалившихся лавок в одной только хранится ныне соль, а прочие остаются по своей ветхости без употребления[918]».

Очевидно, третий по счету гостиный двор Верхотурья окончательно (с двумя линиями торговых лавок) был выстроен только в 80-х годах XIX века. Он представлял собой два ряда деревянных торговых лавок и скорее напоминал рынок в зажиточном селе, нежели городской торговый центр. Сохранились фото, запечатлевшие городскую торговую площадь начала XX века (на стр.130). Термин «гостиный двор» даже не очень подходит для определения характера этих сооружений. Но зато место для них было подобрано очень удачно. Торговые ряды располагались севернее прежнего каменного гостиного двора на площади перед Свято-Троицким собором, и, что особенно важно, в прямой видимости Николаевского монастыря. К ним сходились все основные улицы города, на которых позднее (в начале XX века, в период наивысшего экономического расцвета города) были выстроены основные торговые заведения.

Вторая половина XIX века стала временем, когда периодическая (ярмарочная) торговля особенно в городах стала существенно дополняться стационарной (лавочной и магазинной), доля которой все возрастала[919]. Развитие торгового центра в Верхотурье отныне пошло новым путем, каменные лавки поднимающегося верхотурского купечества располагались вокруг торговой площади: на грани веков купцом Мухлыниным возводится полукаменный дом (ул. К. Маркса, 7), ориентировочно, в начале 1900-х верхотурская купчиха В.И. Мухлынина выстроила каменную керосиновую лавку (ул. Ленина, 5), купец Злыгостев каменный магазин (ул. К. Маркса, 4), тогда же построен полукаменный дом (второй этаж – деревянный) купца Лапина (ул. Ленина, 1), летом 1912 года в нем произошел пожар, после которого был возобновлен лишь первый этаж, во второй половине 1910-х к нему был пристроен двухэтажный магазин. Новые экономические условия диктовали новые формы торговли. Ярмарки в городе уже не существовало. Основная масса покупок в Верхотурье совершались местными жителями и паломниками в местах розничной торговли. Поэтому, очевидно, и не было особой нужды в существовании гостиного двора, который в большей степени все же являлся местом оптовой торговли. Потребности населения и гостей города вполне удовлетворялись сетью лавок и магазинов.

Итак, в течение трех веков верхотурский гостиный двор не оставался на одном и том же месте. Наблюдение за его «дрейфом» наводит на мысль, что подвижки гостиного двора не случайны, а отражают крупные изменения социально-экономических условий существования города и изменение его функций, при этом указывают какие именно социальные слои населения города в данный момент определяли его хозяйственную жизнь.

В XVII в. одной из главных для Верхотурья была торгово-транзитная функция, а основным социальным слоем, на котором зиждилась транспортировка «сибирских отпусков» и обеспечение заселения

территории уезда, являлись служилые люди (главным образом «по прибору») и казенные ремесленники. Власть была кровно заинтересована в продвижении хлебных запасов в Сибирь. Неудивительно, что в это время «государев» гостиный двор располагался в кремле, а торговые лавки городских торговцев жались к нему и пристани, т.е. были ориентированы не столько на внутригородскую торговлю, сколько на обслуживание проезжающих, что не удивительно, поскольку в сезон в городе скапливалось до 600 человек только гулящих людей, не говоря уже о приезжавших с обозами.

Однако ближе к концу столетия, когда Верхотурье стало центром рынка большого земледельческого района, когда в 1685 году были отменены «сибирские отпуска», происходит постепенное отмирание транзитной функции города и на первый план выходят функции собственно экономические, в первую очередь, организация горнозаводского освоения края. В XVIII веке лидирующим в городе сословием становится посадское население: в первую очередь купечество, занимающееся винокурением, владеющее металлургическими заводами, и более мелкое купечество и мещанство, обеспечивающие заводские поселки всеми необходимыми товарами и продуктами. И как следствие, постройки гостиного двора перемещаются из кремля в посад, где городскому купечеству было удобнее вести дела. Решающая роль посадского населения в экономике города архитектурно подчеркнута тем, что обе посадские церкви Спасская и Вознесенская встраиваются в каменный комплекс гостиного двора Верхотурья. В то же время, вместительные и удобные каменные здания кладовых палат в кремле использовались лишь частично и то в качестве складов для помещения казенной соли и запасов зерна на случай неурожая. Роль городской администрации в организации торговли существенно снизилась.

Конец XVIII – первая четверть XIX века – период упадка Верхотурья, который выразился в развале городской торговли и (в буквальном смысле слова) гостиного двора. И только с середины XIX века, параллельно с возрождением Николаевского монастыря, постепенно, в две очереди строятся торговые ряды, само расположение которых в виду Николаевского монастыря указывает на основную их цель: обслуживание многочисленных паломников, приходящих на поклон к мощам св. Симеона Верхотурского. В то же время, новое место чрезвычайно подходило и для внутренних нужд, поскольку находилось в геометрическом центре города.

Перемещение гостиного двора по территории города отнюдь не случайно. Размеры, строительный материал, конструкция и расположение торгового центра относительно других городских объектов объективно отражает состояние экономики города и ведущую роль в ней того или иного слоя городского населения, того или иного общественного института.

2.4.2.2. ТЮРЬМА

В Верхотурье, как в любом городе, которым была свойственна в рамках военно-административной еще и пенитенциарная функция, имелась своя тюрьма. Причем практически на всем протяжении его дореволюционной истории.

Известно, что тюрьма в городе строилась в 1688 году[920]. В Наказе тобольскому воеводе Черкасскому 1697 года требовалось «для присланных вновь в Сибирские городы всех ссыльных людей на Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую…[921]»

В фонде Верхотурской приказной избы РГАДА сохранились документы, на основании которых можно реконструировать не только внешний вид, но и организацию строительства этого «тюремного строения». Коллективные подрядные записи 1697 г. фиксируют практически весь процесс строительства от заготовки леса до внутренней отделки помещений.

«Се аз[922] верхотурские стрельцы Федор Шабунин, Федор Тумашев, стрелецкий сын Дмитрей Корытов взяли на Верхотурье из казны великого государя у казенного целовалника у Федора Шанаурина сем рублев двацать шесть алтын четыре деньги (одно слово неразб.), а за те денги нам Федору с товарищи выронить и выскоблить шестьсот бревен сосновых добрых кондовых несуковатых длиною по получетверте сажени печатных, а толщиною в отрубе в пять и в полшести и шесть вершков аршинных и приплавить те бревна под город на срок троицын день в нынешнем в 7205 году, а выплавя те бревна, на тот вышеописанный срок на гору вывозить, скласти против приказной полаты на тюремном месте сполна…[923]»

Итак, к концу весны 1697 года подрядчики обязались срубить, сплавить по реке и складировать на месте строительства 600 ошкуренных сосновых бревен длиной 9,72 м и диаметром от 22,5 до 0,27 м. Драницы на тюремную кровлю подрядились поставить городские ямщики[924]. Судя по тому, что «тюремное место» располагалось «против приказной полаты», строительство намечалось в кремле, скорее всего, в юго-восточном его углу. Условия подряда были выполнены, о чем свидетельствует следующий документ:

«Се аз верхотурские стрельцы Иван Савин сын Разумов, ямские охотники Иван Деянов, Иван Гаврилов сын Павлихин, Иван Иванов сын Шестоперов, старик Василий Мезенин все мы наемщики, нанялись мы Иван с товарищами на Верхотурье приказной полаты у казенного целовальника у Федора Шанаурина построить на Верхотурье тюрьма со всем тюремным строением в нынешнем 7205 году августа к тридесят первому числу, а построит та тюрма на сколки саженях прикажут из государя готового лесу, а огородить тое тюрьму нам наемщиком стоячим острогом на две иглы, а ров вскопать в полтора аршина и сплотить тот тюремный острог в паз и доспеть на тюремном и на застеночном остроге двои двери малы водить у тюрем, да нам же плотником в той тюрьме срубить изба белая и сенцы и з зади той избы черную же избу, внутре сделать мосты и потолоку и в сенцах мосты тесанные вприплот и в тое

избу доспеть двери и окно колодные, а волоковых окошек в той избе и сенцах поделать сколько пригоже, и стены вытесать и выскоблить и опечек сделать рубленой и лавки впустить в сени и в задверцу(?) зделать двои двери з досками и с полотенцы, а делать у той белой избы дверной порог на третьем ряду, да нам же подрятчиком в той же тюрме срубити три избы тюремные в одну связь (два следующих слова зачеркнуты) з жгутом, и в тех избах двери сделать по тюремному и полы намостить тесаныя, а потолоки неколотые и опечки срубить и вместо лавок намостить полки колод из бревен, да в тех же избах зделать полати ис тесу и на те все избы ...(утрачено одно слово)... на потолоки земля наволочить нам же наемщикам и покрыть те все четыре избы и сенцы дранью, избы на бабках и сенцы и отход на один скат и в тех тюремных избах поделать окна волоковых, а рядились мы наемщики у него у казенного целовальника у Федора от дела всех тех тюремных изб найму и от сеней и от (одно слово неразб.) одиннатцать рублев денег, а за тюремный острог за в... 60(?)... сажен... (документ обрывается)[925].

Документ рисует надежное и крепкое сооружение, по сути дела острог. Тюрьма огораживалась «стоячим острогом на две иглы», т.е. вертикальным забором, в котором отдельные бревна были связаны в прясла двумя горизонтальными брусьями-«иглами»[926]. Такая конструкция, по мнению С.Н. Баландина «была очень прочной и плотной[927]». Острог делился внутренней стеной на две части: тюремную и застеночную. В первой располагалось здание для караула, шестистенок с черной и белой избами. Из тюремного двора через «двери малы» можно было попасть в застенок, где находилась собственно тюрьма – трехкамерное здание под одной крышей с отдельными, надежно («по тюремному») укрепленными входами в каждое помещение. Этот тюремный острог простоял до начала каменного строительства в городе. В описях строений верхотурского кремля начала XVIII века он уже не упоминается.

Следующий тюремный острог был уже каменным. Заключенные в XVIII веке помещались уже в небольшом здании (13,36х11,37 м) под четырехскатной крышей на северо-восточном углу кремля рядом с недостроенными Никольскими воротами. Хотя документ о его строительстве сохранился единственный – «Городовой список города Верхотурья» за 1706 год, где сказано, что: «...в нынешнем 1706 году каменного ж строения в малом городе ... у никольской башни приделана караульная изба меж стен в длину 5 сажен, ширину 4 сажен[928]», но можно заключить, что первоначально здание предназначалось для иных целей. Под тюремный замок оно было приспособлено позднее под давлением обстоятельств.

«Опись, учиненная в 30 день апреля 1818 года Верхотурским городничим майором Силиным... в городе Верхотурье казенным каменным и деревянным зданиям» упоминает на северо-восточном углу кремля:

«5. Тюремный острог каменной длинною шесть, шириною пять сажен с одним аршином, в вышину две сажени, крыт тесом, в котором имеется одна печь, семь окон, одна дверь и компаты, отделяющиеся внутри деревянными перегородками, пять. Построен на казенный

щет, как из дел прежних видно, в 1703 году, сверх того имеется при нем огороженное тыном з двух сторон и примкнутое к двум того же острога каменным стенам особое место длинною 4, шириною пяти сажень с аршином… тот тын высотою 3 ½ сажень, который в некоторых частях в прошедшем 1803 году и был на казенный же щет поправлен… требует вторичного поправления[929]».

Сохранившийся «План и фасад состоящему в уездном городе Верхотурье каменному тюремному замку» архитектора П. Васильева, датируемый примерно 1832 года[930], позволяет более точно представить внутреннюю планировку тюрьмы. Окон в здании 5 (а не 7, как писал майор Силин), дверь в южной стене вела в «караульню» с лавкой вдоль восточной стены здания. Из нее можно было попасть в «чулан с лестницей на чердак». Еще две внутренние двери вели в расположенные анфиладой в «покои для содержания преступников мужеска пола» и «покои для содержания женского пола», в которых также были устроены лавки вдоль каменных стен. Помещение отапливалось двумя печами, расположенными между мужскими и женскими камерами. Удобства («нужные места») находились на дворе.

Обращает на себя внимание разница в размерах здания XVIII и XIX веков. Очевидно, упоминавшаяся поправка за казенный счет не сводилась только к косметическому ремонту, тюрьма в начале XIX века была существенно расширена. Об этом косвенно свидетельствует описание кремлевских построек Глаголева: «однако стена (кремлевская – П.К.) во многих местах повреждена, а с северной стороны разломана, а кирпич употребили в городскую тюрьму, построенную в 1801 году»[931]. Что тюремный замок перестраивался в 1801-1803 годах доказывается и тем, что на планах XVIII века его восточная стена изображалась с тремя контрфорсами, оставшимися от недостроенных Никольских ворот[932], а на планах XIX века эта стена – гладкая[933].

К концу первой трети XIX века тюремный замок в кремле перестал удовлетворять нужды полицейского ведомства и было решено выстроить в городе новый тюремный замок. Строительный комитет МВД «по рассмотрении сего проекта переделал план с фасадом и сообразно сему исправил смету, исчислив по оной на упомянутое строение 35.730 рублей 90 копеек[934]» Известно, что место для тюремного замка первоначально было определено губернским землемером Сущевским внутри кремля, на месте, которое ныне занимает здание уездного казначейства. Но «при рассмотрении о сем предмете производящегося в Комиссии дела … открылось, что…» место «не может быть признано удобным для помещения упомянутого корпуса и весьма стеснительно может быть при многолюдном стечении народа в крепости... напротив же сего, более удобным и приличным признано устроить сие здание на конце Воскресенской улицы… по малому тракту города Ирбита, следуя от оной церкви, прошед 3 квартала, в начале 4 правой стороны…[935]»

4 июня 1837 года начались работы по строительству новой тюрьмы, которыми руководил подрядчик пермский I гильдии купец Крылов,

и в течение года она была вчерне закончена. 4 февраля 1838 года возведенный корпус был освидетельствован поручиком Гречановским, а 15 декабря того же года поручику Герольду из Главного управления путей сообщения и публичных зданий поручили принять готовое здание[936]. «Ведомость казенным Гражданским зданиям, состоящих в ведении Главного управления путей сообщения и публичных зданий, находящихся в Пермской губернии за 1840 год» упоминает «2. Каменный одноэтажный дом крытый железом, построен в 1703 году… Площадь 42 кв. саж... Бывшее тюремное помещение. 3. Каменный одноэтажный дом крытый железом. Построен в 1838 г. … Площадь 100 кв. саж. Тюремный замок[937]». Тюрьма на Воскресенской улице просуществовала до революции, здание ее сохранилось и поныне.

В Верхотурье, таким образом, фиксируется процесс, наблюдавшийся и в других российских городах – пенитенциарные учреждения, первоначально находившиеся в городских стенах, после их исчезновения переносятся на самую окраину города. В Верхотурье в силу чисто экономических причин этот процесс даже задержался.

2.4.3. ПЛАНИРОВКА И РЯДОВАЯ ЗАСТРОЙКА ВЕРХОТУРЬЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

При всей важности исследования отдельных выдающихся городских сооружений и ансамблей реконструкция архитектурно-исторической среды Верхотурья будет неполной, если оставить без внимания рядовую застройку и планировку, не использовать историческую информацию, содержащуюся в них.

Некоторые вопросы складывания планировки Верхотурья на первом этапе его развития уже затрагивались в разделе 2.1. К этому необходимо добавить, что Бабиновская дорога не заканчивалась в городе, а продолжалась до Тобольска. Первоначально ее сибирский участок от Верхотурья пролегал по левому берегу р. Туры, не пересекая ее. Таким образом, параллельно существовали речная и сухопутная трассы, проходившие по территории города. Это важно отметить для понимания в дальнейшем закономерностей складывания городской планировки.

Очевидно, первым связь городской планировки с Бабиновской дорогой заметил Е.К. Золотов, он отмечал, что: «Композиционный анализ Верхотурья дорегулярного времени выявил формальную схему размещения доминант в виде «шахматного двурядия» относительно транзитной дороги. Исторические обстоятельства формирования города и активное влияния ландшафтных условий на складывание его пространственной композиции – все это заставило рассматривать образовавшуюся расстановку как до известной степени случайный, но, вместе с тем достаточно выразительный момент, определивший своеобразие городского ансамбля»[938]. С этим выводом необходимо согласиться за исключением разве тезиса о случайности (пусть даже «до известной степени»).

2.4.3.1. ПЛАНИРОВКА ВЕРХОТУРЬЯ XVII – НАЧАЛА XX ВЕКА

После возведения городских укреплений (см. раздел 2.2.1) насущными стали вопросы внутригородской застройки. В отписке верхотурского воеводы 1603 года указывались нормы наделения городских жителей усадебной землей: «места под дворы давали не великия, детям боярским вдоль и поперег по восемь сажен, а стрельцам по пять сажен[939]». Но даже при таком экономном распределении земель внутри городского острога уже в 1605 году возникла необходимость расширения его площади и было разрешено «улицу новую строить[940]».

Но рост города на этом не остановился. Еще в 1600 севернее Верхотурья через речку Калачик возникает Ямская слобода, которая до XIX века считалась отдельным населенным пунктом, но жители ее принимали активное участие в экономической жизни города. В 1604 на северо-восточной окраине Верхотурья за острогом в междуречье Свияги и Калачика, был устроен Николаевский мужской монастырь. Некоторое время при нем существовала Николаевская слобода, которая, однако, быстро исчезла. В 1621 к югу от города за речкой Дернейкой был выстроен Покровский женский монастырь, послуживший основой для формирования одноименной слободы.

Летом 1625 года по царской грамоте воеводе Д.П. Пожарскому-Лопате велено было расширить острог[941]. Его стены распространились до естественных рубежей (русел рек Свияги и Дернейки) и город занял территорию, в границах которой просуществовал до XVIII века. К 1624 году заметно вырос гостиный двор, он включал в себя 4 избы и 60 амбаров[942], вместо 4 изб и 20 амбаров в 1600 году[943]. Судя по тому, что после пожара 1627 года двор был восстановлен почти в прежнем виде – 10 изб и 60 амбаров[944] – можно считать, что к концу первой четверти XVII в. он достиг своих оптимальных размеров. К середине 20-х годов XVII века Верхотурье уже имело все основные элементы планировки присущие древнерусскому городу: кремль, посад, монастыри и пригородные слободы, и можно утверждать, что к этому моменту оно сложилось как градостроительное образование. По срокам это совпало и окончательным формированием города как социально-экономического организма (см. раздел 1.1.1).

В 1621 был произведен «дозор» города Федора Ивановича Тараканова и подьячего Андрея Ермолина, в результате которого было установлено, что в городе 193 двора, 38 пустых дворов и дворовых мест[945]. Дозорная книга позволяет отметить некоторые интересные детали: 38 пустых дворов и дворовых мест – явное свидетельство того, что, во-первых, велика сменяемость населения города (скорее всего, служилых людей), а, во-вторых, острог еще не застроен до конца и значит, формирование городской застройки еще идет. Согласно переписи М. Тюхина 1624 года в Верхотурье насчитывалось всего 167 дворов[946].

О дальнейшем поступательном развитии города свидетельствует появление в 1649 году Заречной (Пашенной) слободы[947], которая, с одной стороны, стала местом проживания пригородных пашенных крестьян, а, с другой стороны, местом размещения стрелецкого отряда, присланного в город после восстания 1648 года (см. раздел 1.1.2).

По переписи Г. Черткова и А. Бернацкого 1666 года, в которой не учитывалось население городских слобод (ямские охотники и пашенные крестьяне), а также клир, в Верхотурье насчитывалось 202 двора[948]. Следующая перепись населения Верхотурья И. Корякова, имевшая место в 1669 году, зафиксировала 327 двора (их число сильно завышено, поскольку не разделены городские пашенные крестьяне от крестьян подгородных слобод, не учтены дворы подьячих). Следующая перепись проводилась М. Бибиковым и Е. Михайловым уже в 1670 году и в городе оказалось 250 усадеб.

После бурного роста в первой четверти XVII века во второй и третьей четверти столетия численность городских усадеб стабилизировалось на отметке 200-250. Это число дворов оказалось достаточным, чтобы разместить все население Верхотурья (500-750 человек) и людей, следующих через город транзитом.

В XVII веке застройка территории городского посада велась сверхплотно, усадьбы представляли собой в большинстве случаев просто дворы (см. раздел 2.5). Верхотурцы возводили традиционные жилища с самцовой кровлей на подклетах, вспомогательные и надворные постройки строились поземными (см. раздел 2.4.3.2). Каких-либо упоминаний о городском благоустройстве, за исключением противопожарных мероприятий, в источниках не обнаружено.

Первая половина XVIII века, очевидно, не внесла сколько-нибудь серьезных изменений в рядовую застройку города. Об этом можно судить по изображению Верхотурья на гравюре П.А. Артемьева, сделанной по рисунку И.В. Люрсениуса 1742 года[949] М.А. Алексеева считает, что «цели и задачи научной экспедиции требовали от художников точной фиксации местности»[950],асталобыть,мыимеемправоверятьрисункукакдокументу. Практически все обывательские дома города остаются одноэтажными. При всей условности показа деревянных зданий несомненно, что все (!) жилые дома имели двухскатную крышу, а у некоторых показаны малые оконца в середине фронтона-щипца, т.е. безгвоздевая конструкция крыш оставалась преобладающей, если не единственной. Не видно изображений каких-либо зеленых насаждений или огородов. Поскольку рисунок видовой, а не является «першпективой», какие часто употреблялись для изображения заводских поселков того времени, о планировке городских кварталов сказать что-либо определенное невозможно, кроме того, что она еще явно не регулярная.

Планировка города имела свободный характер еще и через 30 лет. Единственное ее изображение известно по «Плану городу Верхотурью», составленному до 1777 годов[951]. Застройка в центре города разрежается, в пределах бывшего острога располагается 43, может быть, немногим более усадеб (против 143 в 1670 году) и только четверть из них не имеет огородов, которых в 1670 году не было вовсе.

Огороды есть под стенами Николаевского монастыря, вплотную к южной стене гостиного двора, у дома М.М. Походяшина, даже в кремле около комендантского (воеводского) дома имеется обширный участок. Приусадебные участки занимают чуть ли не половину территории города.

Некоторые из них, особенно в слободах, размерами с небольшое пахотное поле. В пределах бывшего городского острога огороды поменьше, что объясняется традиционно плотной застройкой. Похоже, что огородничество стало знамением времени, и не удивительно – экономический упадок Верхотурья вынуждал горожан переходить на самообеспечение (см. раздел 1.3.1). Правда и то, что разреженная за счет огородов застройка была более безопасна от пожаров, вспомним, что Верхотурье после 1738 года уже никогда полностью не выгорало.

Что касается очертаний кварталов и направления основных проезжих улиц в границах посада, то в сравнении с XVII века они изменились не принципиально. Об этом свидетельствует совпадение на реконструкции деревянного острога 1674-1675 годов проезжих и глухих башен с линиями внутрипосадских дорог (см. раздел 2.2.1, цв. илл.). На плане вполне различимы «прообразы» современных улиц Советской и Ершова. А вот трасса будущей ул. Воскресенской (ныне Свободы) за речкой Дернейкой[952] по большей части пролегает по огородам.

Интересна планировка Ямской слободы: из всех районов города она наиболее близка к регулярной. Большинство улиц проходят параллельно Туре. Дорога из Соликамска в пределах слободы раздваивается – одна улица ведет к плотине на реке Калачик, другая – к берегу пруда выше плотины. Но переход по плотине был возможен лишь для пешеходов, никаких признаков дороги от моста к Николаевскому монастырю на плане нет. Мостовой переход организовывался в устье Калачика, спуск от Знаменской церкви в междуречье Калачика и Свияги был замощен бревнами. Мост через ручей Свияга находился много ниже современной дамбы, дорога к кремлю проходила далеко от монастырских стен.

В Покровской слободе планировка носила более запутанный характер, хотя будущая ул. Комсомольская (в XVIII веке поперечные улицы еще не имели названий) вполне просматривается.

В последней четверти XVIII века Верхотурье в числе многих других российских городов было подвергнуто перепланировке на регулярной основе. Верхотурье приобретало новый вид, уже будучи в составе Пермской губернии. В связи с перепланировкой снималось множество планов. Три из них по косвенным признакам датируются 1781-1786 годами и очень близки по изображенным объектам и очертаниям. «План Пермского Наместничества уездного города Верхотурья данной от бывшего в городе Тобольске господина Генерал Порутчика Сибирского Губернатора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина по которому до сего и строение перестроено как показано на сем плане вычерчено и покрыто тушью, по сему и кварталы разширить на сем плане вновь неполагается»[953], видимо, самый ранний из них. Изображение на «Плане Пермского наместничества городу Верхотурью»[954]. совпадает с предыдущим, за исключением отсутствующего «для торгу рыбного и мясного ряда» на юго-западе города. Третий план с таким же названием[955] отличается от других тоже только деталями.

Общим для всех является то, что на них совмещены контуры старой и новой планировки. Кроме того, нанесен вал, который должен был ограничить городскую застройку примерно по современным улицам Ямской, Мальцева, Ханкевича и Серова. Но такая планировка не стала окончательной. Руководство Пермского наместничества, видимо, несколько опьяненное масштабами задач по благоустройству новой административно-территориальной единицы, приравненной в императорской титулатуре к великому княжеству, щедро раздвинуло границы города.

В ГАПК сохранился «План Пермского наместничества уездного Верхотурья, по которому… прибавлено по повелению Его высокопревосходительства господина генерал-поручика, правящего должность генерал-губернатора Пермского и Тобольского наместника и кавалера Алексея Андреевича [Волкова] *для пространного заселения жителями и для промыслов довольное количество кварталов*»[956] (курсив мой – П.К.), который датируется 1788-1796 гг. По-видимому, этот вариант плана города и был высочайше утвержден, поскольку сохранилась также «Копия ...ставленного на высочайшую Конфирмацию Плана с разрешением неудобностей»[957], в правом нижнем углу которой повторен заголовок плана Волкова.

Городской вал отодвигался до реки Мостовой на севере и до Неромки на юге, в Заречной слободе к четырем имеющимся улицам добавлялись еще четыре. В таком виде план города 1797 года попал в «Атлас Пермской губернии»[958].

На «плане Волкова» нанесена прямоугольная глухая сетка кварталов, лишь в некоторых из них вычерчены отдельные усадебные участки, которые уже вписаны в регулярные границы. В левом верхнем углу плана имеется пронумерованный список лиц, которым принадлежат отмеченные усадьбы. Всего их 46.

В рамках новой планировки первым было выделено усадебное место «штатной команды солдату Михаилу Степанову Зарубину», за ним «верхотурской штабной команды драгуну Михаилу Иванову Зубанову», т.е. людям подневольным. Затем устраивать усадьбы начали мещанин В.Я. Юшков (возможно, это отец С.В. Юшкова – ставшего в 1825 г. основателем большой купеческой династии Верхотурья), купец Ф.Ф. Шестаков (в начале XIX века его уже нет в списках верхотурского купечества), мещанин А.М. Мельников. Затем озаботились перестройкой своих усадеб клан знаменитых купцов Поповых – Алексей Иванович, Иван, Алексей и Андрей Яковлевичи.

Далее начали планироваться участки восьми мещанам, государственному крестьянину, еще одному мещанину, солдату, казаку, цеховому, кату (палачу – П.К.) Федору Попову, мещанской вдове, мещанину, трем ямщикам, купцу Д.М. Бурылову, двум мещанам, купцу П.Е. Корчемному (два упомянутых купца скоро разорятся) и так далее без какого-либо предпочтения сословий. Участки разбросаны по всему городу: перепланировка шла не поквартально, перестраивались те, кто имел на данный момент такую возможность.

На плане 1797 года во всех частях города указаны 50 кварталов, помеченных литерой ***L*** – «вновь по прожекту застроенное строение», 122 квартала под литерой *c* – «для строения обывательских домов незастроенные», 7 кварталов, застройка которых еще продолжалась, и 4 участка в районе кремля и гостиного двора, помеченные литерой К – «старое обывательское строение». Возможно, автор плана в некоторой степени идеализировал степень приведения городской застройки к регулярному плану. Как мы видели выше, на момент составления плана в новую сетку кварталов было вписано вряд ли многим более 10-15% усадеб.

В Ямской слободе произошло изменение направления главного въездного пути в Верхотурье. Планируемая сетка кварталов привязывалась к направлению большинства улиц, а бывшая Бабиновская дорога, шедшая под углом примерно 20 градусов, оказалась неуместной. В XVII – начале XVIII века исследованный нами археологически участок дороги проходил от деревянной Николаевской башни или северо-восточного угла каменного кремля через деревянный мост, перекинутый через русло речки Свияги, к Святым воротам Николаевского монастыря. Затем полотно сворачивало на запад и спускалось параллельно современной ул. Революции к устью реки Калачик. Жители домов в междуречье Калачика и Свияги показали, что в огородах их усадеб находилась полоса каменной вымостки шириной несколько метров, которую они при весенней вскопке своих участков вынуждены были разбирать. Далее, проходя по несохранившемуся деревянному настилу или мосту, по искусственно нивелированному участку берега реки Туры дорога поднималась в Ямскую слободу к Знаменской церкви, стоявшей в центре небольшой площади.

Огибая церковь, дорожное полотно пересекало наискосок современные кварталы и подходило к улице Малышева напротив дома 48. На четной стороне улицы находятся два дома, поставленные с отступлением от красной линии. Этот сбой отмечен даже на современных планах города. Перед деревянным одноэтажным домом (Малышева, 48) сохранились оплывшие кюветы, ранее ограничивающие дорожное полотно. Остатки двух параллельных кюветов, расстояние между которыми чуть меньше 6 м, идущие от продовольственного магазина в сторону юго-западного угла школьной ограды, хорошо заметны на задернованной площадке около памятника Малышеву. Внутри ограды школьного сада кюветы не сохранились, скорее всего, они были перекопаны во время посадки яблонь. Далее следы полотна Бабиновской дороги были зафиксированы возле дома 6 по ул. Маяковского в виде булыжной вымостки шириной 5,3 м. Жильцы дома сообщили, что в 1953 г. еще выпимали ее камни из своего огорода. Мощение выполнено из бесформенных гранитных булыжников размеров 30-40 см. Затем полотно теряется в огородах, где оно проходит параллельно узкому коридорчику между приусадебными участками, выходящему на ул. Кирова между домами 10 и 12. Около дома по Кирова, 12 также обнаружен участок мощения. Бытующее мнение будто современная улица Малышева это и есть Бабиновская дорога неверно.

В Покровской слободе улица, шедшая восточнее женского монастыря на южную окраину города, оказалась искусственно оборванной. Ею пожертвовали в угоду сохранения равных размеров регулярных кварталов. Особенно серьезно были перепланированы территории нынешних ул. Свободы, Маркса, Ленина. Там практически не сохранилось старых улиц.

На протяжении веков принципиальная планировка Верхотурья, несмотря на преобразование квартальной сетки по регулярному плану, изменилась не столь значительно, как это можно было бы ожидать.

Е.В. Двойникова отмечала, что город «сохранил основные характеристики первоначальной объемно-пространственной модели, главными компонентами которой являлись: ландшафт и открытое пространство реки Туры, система вертикальных доминант и рядовая застройка»[959]. Прекрасно иллюстрирует сказанное совмещение плана верхотурского острога 1674-1675 годов с аэрофотосъемкой современного центра города (цв. илл.). Николаевская башня попадает на северную оконечность ул. Советской, а у пересечения этой улицы с речкой Дернейкой оказывается Спасская башня. С Наугольной башни начинается ул. К. Маркса, а Алексеевская – фиксирует перекресток ул. Свободы и Ершова. Даже отвод, ранее служивший проходом к пристаням, совмещается с началом ул. Ершова.

Покровская башня, глухая по описи Нарышкина и проезжая по описи Цыклера, фиксирует ныне утраченную городскую магистраль. То, что здесь существовала «нерегулярная» улица, известно из плана 1770-х годов, на планах 1781-1786 годов нынешний единый большой квартал показан разделенным на две части примерно там, где ранее располагалась Покровская башня. В XIX веке два квартала слились, но в современной планировке от древней улицы остался в качестве пережитка деревянный пешеходный мостик через Дернейку.

Таким образом, на течение XVII-XIX веков менялась лишь размеры и конфигурация отдельных городских кварталов, а основные проезжие улицы оставались неизменными. Это было связано с особым значением для города транзитной дороги в Сибирь и фиксации второстепенных направлений архитектурными комплексами, располагавшимися вдоль нее. Стагнация экономической жизни города в XVIII веке, отсутствие широкой застройки в капиталистическую эпоху привели к консервации очень древних черт городской планировки, что и делает Верхотурье уникальным историко-архитектурным комплексом.

«Топографическое описание Пермской губернии…» сообщает, что в 1786 г. «домов в городе числится 424, торговых лавок 40»[960]. «Экономические примечания» сообщают, что в Верхотурье на 1790 г. числилось «обывательского строения каменного два дома, деревянного триста восемьдесят три[961]». Поскольку уже существовал план регулярной застройки Верхотурья улицы получили названия: «1-я Набережная, 2-я Покровская, 3-я Походяшинская, 4-я Большая Вознесенская, 5-я Торговая, 6-я Посникова, 7-я Свияжская, 8-я Нагорная, 9-я Знаменская, 10-я Мостовая, 11-я Никольская, 12-я Ямская, 13-я Большая

Набережная, 14-я Заречная, 15-я Крестьянская, 16-я Мещанская, 17-я Большая Заречная, и коих Большая Воскресенская в некоторых местах вымощена бревнами, а прочие по крепости земляной почвы песчаного грунта остаются в естественном состоянии; в рассуждении благочиния составляют одну только часть, а для обсушения улиц выкопаны везде канавы и построены чрез канавки на режах мосты[962]». Остатки бревенчатого мощения зафиксированы археологически не только на Воскресенской, но и на Торговой улице, а также у юго-восточного угла ограды Николаевского монастыря.

Этот документ впервые сообщает о наличии в Верхотурье двух каменных частных домов. Оба они дошли до наших дней. Первый – двухэтажный на полуподвале с коробовыми сводами на углу Преображенской и Торговой (К. Маркса, 18). Второй – одноэтажный на полуподвале жилой дом по ул. Преображенской (Комсомольской, 19) или «белый домик», как его называют в Верхотурье[963]». Они отмечены на плане Верхотурья 1823 года[964], на плане города, который можно датировать по косвенным признакам 1826-1836 годами[965], планах 1837[966] и 1844 годов[967]. С одной стороны, их облик сродни архитектуре зданий, построенных в кремле в начале XIX в., а с другой – «белый домик» (если представить выполненным его в дереве) очень похож на деревянные жилые дома горнозаводских поселков этого и более позднего времени.

По сведениям Атласа Пермского наместничества 1793 года в Верхотурье насчитывалось: «обывательских домов 432, лавок 40 и 3 каменных магазина[968]».

В последней четверти XVIII – начале XIX века стало заметным изменение облика рядовой застройки. Это оказалось возможным благодаря подвижкам, произошедшим в экономике Урала. Развернутое строительство горнометаллургических предприятий в крае привело к удешевлению и широкому распространению такого, казалось бы, простого элемента строительства как гвозди. Внедрение продольных пил для роспуска бревен на доски началось в Верхотурье с третьей четверти XVIII в.[969], известно, что М.М. Походяшину в 1780-е годы принадлежала пильная мельница в Туринском уезде[970].

Наглядное представление о Верхотурье начала XIX века дает акварель из альбома К.К. Клауса, прилагавшегося к книге А.Я. Купфера (см. стр. 191)[971]. Вальмовые кровли жилых построек городских усадеб, в отличие от хозяйственных, сложены из пиленых досок и скреплены гвоздями, что следует из отсутствия изображений куриц и потоков.

По сведениям Н.С. Попова на конец XVIII – начало XIX века в городе насчитывалось «домов жилых каменных – 2, деревянных – 455; лавок деревянных – 26, кабаков деревянных – 4[972]». Жилые дома «построены по данным планам и фасадам; лучшие купеческие и мещанские расположены в подражание чиновничьим с большим числом покоев; а прочие сообразно состоянию о 2, 3, редко об одном покое. Последние из них обыкновенно состоят из избы и горницы, разделяемых сенями, в которых у некоторых построены из тесу чуланы для хранения платья

и иных вещей; у других для сего же намерения устроены под избой или горницей так называемые подвалы. Почти все сии домы имеют двои ворота, и потому по два двора по обе стороны, из коих в так называемом переднем находятся сушила или завозни и погреба, а в заднем содержится скот, для чего построены в нем разные клева, а за домами на огородах бани. Печи в горницах Голландские, в избах с очагами или пространными шестками, бани также у всех белые»[973].

Эпоха «упадка русских городов» очень тяжело отразился на застройке Верхотурья. За исторически короткий четвертьвековой период количество жилых домов сократилось более чем на сотню. «Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1832 г.» сообщает о Верхотурье: «11. …В нем домов обывательских каменных 2, деревянных 339… Земли под домами и усадьбами 243 десятины, под выгоном 839 десятин[974]». Академик Гельмерсен, побывавший в Верхотурье в 1833 г. следующим образом выразил свои впечатления о городе: «Его живописные, хорошо сохранившиеся руины, остатки сильной крепости чудно выдаются в этой пустыне и удостоверяют о прежнем значении города. Низменные дрянные домишки нынешних обитателей плохо гармонируют с величавыми каменными памятниками давнего времени процветания Верхотурья[975]». Оставим на совести академика его определение, насколько «низменны» были в это время жилища верхотурцев уже мы видели. Но, скорее всего, его неприятно поразили физический износ деревянных домов и почти полное отсутствие частных каменных зданий. Что неудивительно, если вспомнить, что четверть населения города, занятого в производственной сфере, жила за пределами города.

Не случайно с Верхотурья в течение первой четверти XIX века почти не снималось планов. В этом не было нужды – границы застройки не изменялись. Где-то в 1799-1808 годах появился план «Пермской губернии уездный город – Верхотурье»[976] небольшого размера и не очень подробным. Пауза была прервана планом 1823 года[977], таким же обобщенным, на нем даже не была показана Ямская слобода. Границы реальной застройки почти не изменились по сравнению с концом XVIII века, если не считать возникшего в конце XVIII – начале XIX века кладбища с Успенской церковью и одной неполной улицы на южной окраине города.

В конце 1830-х – начале 1840-х годах появились сразу несколько новых планов, что было связано с необходимостью высочайшего утверждения городских планов губернии: «План Пермской губернии города Верхотурья» (после 1836)[978], «План Пермской губернии города Верхотурья с показанием существующего строения и границ селитебной земли снятия учиненного в 1837 году»[979] и «План Пермской губернии города Верхотурья» (после 1837)[980]. На южной окраине Верхотурья планировалось устройство Приходской площади вокруг новостроечного храма, который так и не был возведен.

Итогом деятельности архитекторов стал «План Пермской губернии уездного города Верхотурья.

На подлинном плане Собственной Его Императорского Величества рукою написано: Быть по сему. Николай. Гатчина 23 сентября 1844 года»[981], по которому городские границы оставались практически неизменными, лишь места для несуществующих «заведений нечистоту производящих» переносились на Неромкар.

А город, хотя медленно, но рос. К 1852 году в городе было уже 7 каменных и 5 деревянных казенных и общественных зданий, а также 435 обывательских деревянных домов[982]. В 1855 году в «Ведомости о числе … домов, разрешенных к постройке в Губернском и уездных городах…» в графе Верхотурье отмечен как выстроенный всего лишь один деревянный одноэтажный дом «с числом окон по лицевому фасаду – 3[983]». Несмотря на краткость описания, не составляет труда представить вид этого домика «в три окошка», множество собратьев которого до сих пор встречаются, особенно в сельской местности.

«Список населенных мест Пермской губернии по сведениям 1869 года» указывает общее число домов – 408, в том числе в подгородных селениях Заречье дер. – 30, Ямская слободе – 103[984]. По сведениям В.П. Полякова к 1896 г. домов в городе набиралось до 421[985]. То есть до конца XIX века общее количество городских усадеб колебалось, так и не достигнув уровня грани XVIII-XIX столетий.

Существенно облик городских кварталов стал меняться, очевидно, в последней четверти XIX века в связи с деятельностью земства и общим оживлением экономической ситуации. В городе возобновилось общественное каменное строительство. В 1881 году купцом Мусатовым было построено каменное здание земской больницы.

В 1900 году в Верхотурье считалось:

«а) Земли и угодья.

Общее количество – 3.549 дес. 660 саж. … в черте города 411 дес. 2.127 саж., вне этой черты 3.137 дес. 933 саж.

II Из общего количества

а) под площадями 33 дес. 2.254 саж.

б) общественными садами, парками и бульварами 24 дес. 1.799 саж.

в) под улицами, переулками, проходами 41 дес. 2.316 саж.

г) под бечевниками, набережными и пристанями 50 дес. 1.540 саж.

д) под водными пространствами 150 дес. 1.372 саж.

е) усадьбою (строения) 77 дес. 1.721 саж.

ж) пашнею 304 дес. 2.242 саж.

з) огородами и садоводством 6 дес. 2.122 саж.

и) сенокосами и лугами 1.013 дес. 2.392 саж.

Б). Строений (т.е. зданий, находящихся под отдельной крышею):

I Общее число их 26 (казенных – П.К.)

II Из этого числа

а) каменных 3, в т.ч. жилых 2

б) деревянных 22, в т.ч. жилых 2

в) прочих 1, в т.ч. жилых 1.

IV Из всех строений

б) заняты для нужд городского управления, число 12

водопровод ---, колодец 1

е) гостиные дворы, крытые рынки – 2

мостов постоянных 10, в т.ч. каменных 3, деревянных 7

III Освещение города: число содержимых на городские средства уличных фонарей

керосиновых – 11.

№2. Имеется ли план расположения городских построек, когда и кем утвержден. План г. Верхотурья Высочайше утвержден 23.09.1844[986]».

С одной стороны, налицо заметный прогресс города: увеличилось городское хозяйство, количество казенных зданий, появились каменные мосты, керосиновое освещение, с другой стороны, Верхотурье так и не вышло за пределы определенные ему планом, более чем полувековой давности.

По данным справочника «Города России в 1904 году» в Верхотурье было 506 жилых домов, из них 15 каменных и 491 деревянных, из общего числа 57 было покрыто железом. 37 улиц и переулков имели общую протяженность 20,7 верст и ни одной сажени мощения. Но тротуаров уже 1,3 версты. 35 керосиновых фонарей освещали городские улицы[987].

В 1905 году в связи с проведением Богословской железной дороги, проложенной в 9 км от Верхотурья, возникла станция «Верхотурье» и станционный поселок, где было возведено здание железнодорожного вокзала. Для испомещения чиновников, ведающих вопросами переселения крестьян из Европейской России (в рамках столыпинской аграрной реформы) было построено здание конторы Переселенческого управления, созданного в Верхотурье в 1902 году. В первом десятилетии века было выстроено деревянное здание земской ветеринарной лечебницы (ул. Воинская, 9). В 1906 году была закончена постройка казенного винного склада. В 1910-х гг. к нему добавили пристрой с северо-восточной стороны ул. Воинская, 9.

В 1906 году по заказу городской управы подрядчиком Г.М. Клушиным возводится двухэтажное здание женской прогимназии, к которому в 1912-1917 годах, в связи с преобразованием ее в гимназию, делается также двухэтажный пристрой. В 1913 году по ходатайству Совета верхотурского четырехклассного мужского училища было построено новое двухэтажное каменное здание училища (ул. Сенявского, 12). Автор первоначального проекта уездный инженер Багинский, его предложения были переработаны после рассмотрения в Министерстве народного просвещения. На основании решения 50 чрезвычайной сессии Пермского губернского земского собрания в ознаменование пятидесятилетия земских учреждений в России на средства земства в 1915 году возводится Народный дом (ул. К. Маркса, 2)[988].

В начале XX в. в начале ул. Торговой и Постниковской возникает целое гнездо торговых заведений, выстроенных из кампя: керосиновая лавка купчихи В.И. Мухлынипой, каменный магазин купца И.Е. Злыгостева и полукаменный дом купца С.Н. Лапипа, двухэтажный кирпичный

оштукатуренный дом оптово-розничного магазина Кушелевского, одноэтажный дом купца М.Ф. Путимцева, дом купца Шведова и др.

Жилые дома обитателей Верхотурья стали приобретать иной облик. Знаменателен в этом смысле дом подрядчика А.М. Балашова, строителя Крестовоздвиженского собора, построенный одновременно с собором. Дом каменный двухэтажный с богатым декором и железным козырьком над крыльцом. Вообще стали очень распространенными жилые двухэтажные постройки, в том числе в дереве: дома по ул. Советской, 11, по ул. Володарского, 6. Характерной чертой стало обилие больших окон: служебная квартира протоиерея П.Д. Арефьева (ул. Ленина, 27), дом по ул. Советской, 33.

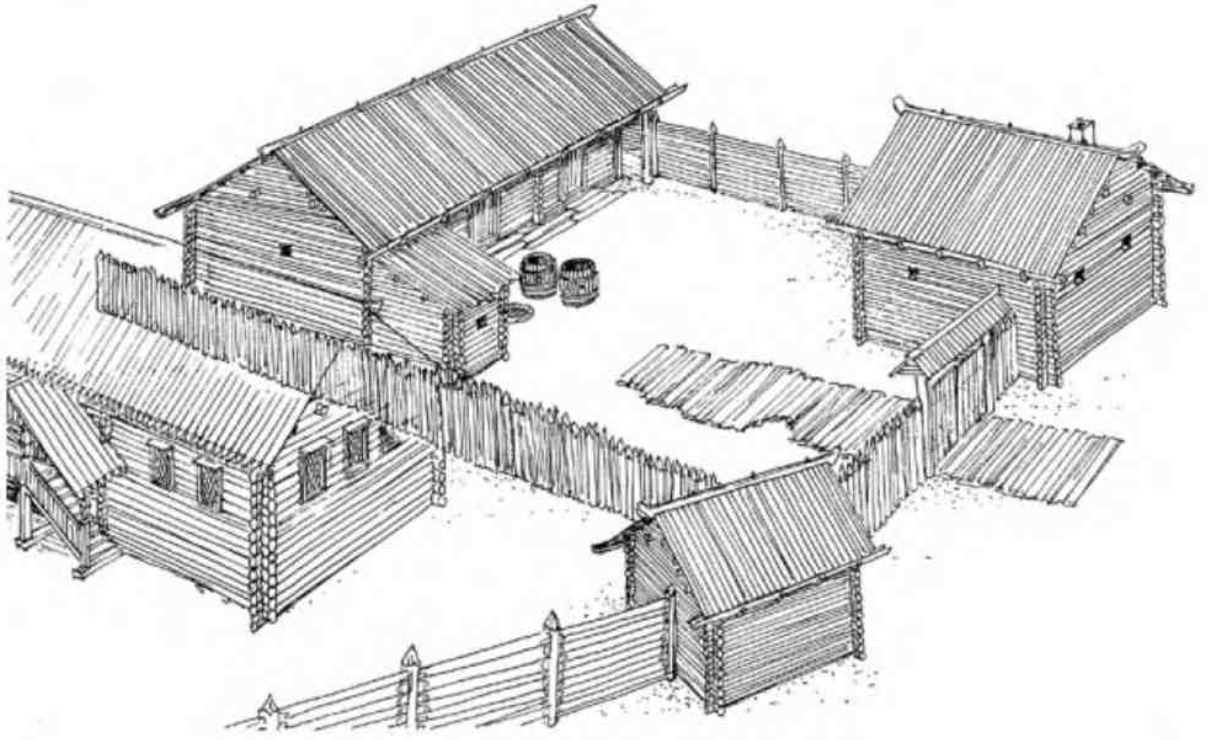
И.Я. Кривощеков указывает в 1910 году, что в городе домов каменных 13 и деревянных 737[989]. В 1920 году в Верхотурье насчитывалось вместе со станционным поселком 638 дворов[990].

Становится очевидным, что каменная застройка центра Верхотурья произошла в два первых десятилетия XX в., т.е. в период наивысшего расцвета Николаевского монастыря и, в то же время, наибольшего экономического подъема города. Рядовая застройка города этого периода характеризовалась появлением домов городского типа с нарядными фасадами.

Хотя внешне Верхотурье менялось медленно. По свидетельству В.П. Семенова-Тянь-Шанского Верхотурье выглядел в 1914 году как «ничем не замечательный, захолустный и малонаселенный городок и о былой славе его свидетельствуют лишь древние памятники»[991]. Аналогична оценка Верхотурья Ф.П. Доброхотова, даже в 1917 году город имел «внешний вид довольно непривлекательный: постройки деревянные старые, разрушающиеся, улицы не мощеные, освещение по ночам отсутствует, тротуаров нет»[992]. Но, возможно, авторы сгущают краски – в 1910-е годы уже сложилась каменная застройка торгового центра города, не заметить этого было невозможно, многочисленные двухэтажные деревянные дома с большими бревенчатыми амбарами в усадьбах, которые до сих пор во множестве сохранились в Верхотурье, как раз в это время строились и были вполне приличными постройками. Очевидно, для сравнения вышеназванные авторы выбирали крупные города, на фоне которых Верхотурье выглядело скромно, но относительно своего недавнего прошлого город очень украсился.

2.4.3.2. ВОЕВОДСКАЯ УСАДЬБА КОНЦА XVII ВЕКА

Единственной верхотурской усадьбой XVII века, которая изучена сколь-нибудь подробно, является двор служилого человека, располагавшийся в северо-восточном углу кремля. В 1989 году при археологическом исследовании отрядом КАЭ ПГУ фундамента каменной поварни из комплекса верхотурского кремля XVIII века (раскоп IV-89) в слоях, лежащих ниже каменной кладки фундамента, были зафиксированы остатки погибшей в пожаре избы XVII века. Впоследствии раскоп почти ежегодно расширялся, кроме того, в 1997 году отряд НПЦ по охране памятников Свердловской области проводил раскопки на месте строительства подстанции (на северной периферии усадьбы), а в 1998-1999 годах археологические исследования велись объединенным отрядом НПЦ и КАЭ. В итоге была исследована площадь более 600 кв.м, то есть большая часть территории усадьбы. Частично материалы раскопок были опубликованы[993]. Обилие грунтовых вод в данном месте способствовало очень хорошей сохранности древесины конструкций, особенно в восточной части раскопа, кроме того, к счастью для исследователей на данном участке каменного кремля не велось каких-либо строительных и земляных работ.

Усадьба верхотурского воеводы К.П. Козлова, 1700 год. Реконструкция Л.К. Елембаева и П.А. Корчагина

Таким образом, имелись все предпосылки для создания графической реконструкции, выполненной автором совместно с архитектором Л.К. Елембаевым (рис. на стр. 243). Работа над ней привела к необходимости пересмотра ранее сложившихся представлений. К сожалению, невозможно исследовать археологически главное здание усадьбы XVII века, поскольку на его месте позже была поставлена каменная воеводская изба, о внешнем облике деревянного воеводского «жительства» мы можем только догадываться. Поэтому на реконструкции она показана условно.

Северный край усадьбы занимала большая деревянная изба размером около 8х8 м. Изба была «поземной», то есть не имевшей подклета. Лучше всего сохранился ее юго-восточный угол: зафиксированы даже лаги и плахи полового настила шириной до 30 см, ориентированные в направлении запад-восток. Как известно, половые доски настилаются перпендикулярно стене, в которой прорублена входная дверь, и поскольку нельзя предполагать, что в помещение попадали непосредственно с «проезжей улицы», то вход реконструируется в западной стене, а не в южной как это можно было бы предполагать. Следов внутреннего членения избы на горницу и сени не отмечено. И это не единственные расхождения с традицией русского жилого домостроения.

У восточной стены постройки, то есть со стороны улицы была обнаружена линза пережженной глины – остатки печи, в которой расчищен развал корчаги. По русским поверьям печь ночью нельзя держать пустой, обычно в ней оставляли сосуд с водой. Рядом с печищем найден другой развал (тоже корчаги), но уже не пустой, а с обугленными остатками зерен ржи[994] и говяжьей костью – видимо на завтрак оставалась каша с говядиной. Была ли печь кирпичной или глинобитной утверждать определенно затруднительно, поскольку на территории усадьбы в слое XVII века был обнаружен отдельно лежащий большемерный кирпич, и таким образом, можно предполагать, что после несчастья пепелище перебиралось с целью сбора еще годных к использованию вещей и материалов. Расположение печи никак не согласуется с русской домостроительной традицией. При подобной установке невозможно устройство достаточно больших окон, выходящих на улицу. Таким образом, становится понятным, что перед нами не односрубная изба, и вообще помещение не жилое, а служебное.

Понять его назначение помогает керамика, происходящая из раскопа. Набор посуды представлен в основном горшками и корчагами разных размеров, которые являются кухонной посудой для хранения продуктов и приготовления горячей пищи (по типологии Л.В. Татауровой: тип I первой разновидности и тип I третьей разновидности)[995], причем процент иной (столовой) посуды минимален. Из чего необходимо заключить, что здание является поварней – специализированной постройкой для приготовления пищи.

Около юго-восточного угла поварни расчищены остатки воротных столбов диаметром около 45 см, ширина ворот составляла 2,46 м.

С проезжей улицы через эти ворота в усадьбу вела бревенчатая мостовая, шириной в среднем 2,3 м и общей протяженностью 11,3 м. Диаметр бревен около 25 см, верхняя поверхность стесана. Этот объект позволяет сделать некоторые занимательные наблюдения над русским национальным характером XVII века. Обратим внимание, что мостовая на уличном отрезке, т.е. там, где она была видна верхотурской общественности, набрана из аккуратно обрубленных бревен одинаковой длины, но сразу за воротами картина резко меняется. Края мостовой начинают плясать, концы бревен не отторцованы, а оставлены в том виде, в каком привезены из леса. Кстати, уличная часть мостовой регулярно подметалась, о чем свидетельствует находка стёртого березового веника-голика. Внутренняя же территория усадьбы была покрыта толстым слоем щепы, что не следует считать следствием неаккуратности ее хозяев. Строительный мусор был оставлен во дворе сознательно, таким образом создавалось своеобразное мощение: щепа дренировала воду, иначе (при близком залегании в этом месте глины) во дворе было бы постоянное грязное месиво.

От ворот на юго-восток стоял четырехметровый отрезок забора, поставленного по острожной «технологии». 16 вертикальных торцованных бревен были вкопаны в неглубокую канавку и являли собой довольно хорошую защиту. Только за таким забором мог отсидеться верхотурский воевода во время бунта, какой случился в Верхотурье, например, в 1648 году. Усадебный острог примыкал к небольшому срубу погреба-ледника (3х3 м). Это сооружение достойно подробного описания, так как было срублено без единого гвоздя. Углубленный на 1,8 м в землю сруб был собран из уже бывших ранее в деле бревен, о чем свидетельствуют полукруглые вырубки-чашки в середине некоторых из них. Половые бревна, как особо подверженные гниению, устанавливались в специальные пазы и при необходимости легко могли быть сменены. Собственно погреб перекрывался сверху накатом из бревен диаметром 15-20 см, в котором был устроен люк, через который по лестнице можно было спускаться вниз. Лестница, в отличие от люка сохранилась хорошо. В две толстые плахи-тетивы на пазах врубались широкие ступени, причем верхняя и нижняя проходили насквозь и скреплялись «в замок». О высоте наземной части ледника можно только догадываться, но достоверно установлено, что сруб был покрыт самцовой (щипцовой) крышей «на курицах и потоках». Одна такая курица (балка кровли с крюком для поддержки водотока) была найдена в завале ледника.

От ледника на юг продолжалась усадебная ограда, здесь она имела несколько иной конструкцию: зафиксированы остатки столба с двумя вертикальными пазами, в которые вставлялись сточенные с двух сторон бревна («забирка»). Этот строительный прием чаще всего применяется при строительстве помещений для скота (конюшен, коровников), так как делает возможным легкую замену нижних подгнивающих бревен. Этот участок ограды не выглядел столь устрашающим, как острог у ворот, но все равно был очень надежен. Внутри усадьбы у забора была расчищена вымостка из шести березовых бревен, на которую опирались два длинных бревна (одно практически сгоревшее).

Но так как эта площадь не была раскопана до конца, сказать что-либо определенное об их назначении невозможно. Тем более что пожар, в котором погибла усадьба, в этом месте был особенно силен, настолько, что подстилающая желто-серая дресва приобрела лиловый оттенок. Каким-то чудом здесь сохранился обломок красного теса, вероятно происходивший с кровли жилого здания усадьбы.

В метре к северу от внутренней ограды зафиксированы остатки еще одной хозяйственной постройки, бревенчатая вымостка вела именно к ним. Сооружение попало в раскоп не полностью, кроме того, частично разрушено поздними перекопами. Сохранившиеся размеры сооружения 6×7 м, однако, ясно, что постройка была больше. Расчищенные очертания свидетельствуют, что оно имело Г-образную. Размеры малого сруба (вероятно, чулана) составляли 2,6х3,3 м. Западная и северная стена сложены из бревен диаметром около 20 см, южная и восточная стены кажутся несколько толще (22-24 см). Судя по находкам подков, это конюшня. Сруб был возведен с применением нескольких плотницких приемов, бревна скреплялись в лапу и в забирку, конюшня имела двери в западной и восточной стенах.

В северо-восточной части раскопа IV-98 расчищены достаточно хорошо сохранившиеся днища трех деревянных бочек, из которых одно частично разрушено перекопом. Диаметр их составляет около метра. Рядом с ними зафиксированы остатки крышки от одной из этих бочек, которая собрана на двух шпонках в ласточкин хвост из трех толстых досок шириной до 2-3 см. Диаметр крышки был около 80 см, очевидно бочки сужались к верху.

Земляные полы в хлеву покрыты (без лаг) деревянными плахами разной длины и формы, шириной до 35-40 см и толщиной 3-4 см в два-три слоя в направлении север-юг. Взаимоперпендикулярные общему настилу доски вели к предполагаемому выходу. В восточном углу вход осуществлялся через открытый проем или же высоко расположенную калитку. Известно, что верхотурцы даже еще в XIX в. держали скот под открытым небом. Вдоль восточной наружной стены конюшни уложены (с севера на юг) дощатые деревянные мостки, служившие для прохода в дождливую погоду.

Внутреннюю территорию усадьбы разделяет, условно говоря, на жилую и хозяйственную части внутренний забор (расчищен на протяжении 11 м). Он тоже сделан по «острожной технологии», но диаметр бревен много меньше – 10-15 см, так что это скорее частокол, нежели острог. Возле ледника в нем имелась калитка. В раскопках таким образом, раскрыт задний двор, подобный тому, что отмечен в переписи М. Бибикова и Е. Михайлова 1670 года у Гришки Мелентьева. Основная (жилая) постройка усадьбы располагалась к югу от раскопа, на том же месте, где ныне стоит здание районной администрации.

По мнению Н.Е. Соколовой, изучавшей керамический комплекс усадьбы, керамика очень однородна и складывается впечатление, что она была изготовлена одним мастером в одно время. То есть, вся посуда для хозяйства была куплена единовременно.

Подобный заказ мог сделать только служилый человек, приехавший в Верхотурье с семьёй на достаточно длительный срок. Расположение усадьбы в самом центре города, её очень большие размеры, наличие двух домов, чрезмерная укрепленность усадьбы наводят на мысль, что её обитатель был городским воеводой.

К сожалению, две серебряные монеты, обнаруженные при раскопках настолько перегорели в пожаре, что определить по ним дату построек совершенно невозможно. Этот район Верхотурья выгорал несколько раз: в 1657[996], в 1674[997] и в 1700 годах[998]. Поскольку исследуемая территория после пожара не застраивалась вновь, есть все основания считать, что усадьба погибла в 1700 году, а её хозяином на тот момент был Козьма Петрович Козлов, который начинал каменное строительство в городе. Воеводские дворы находились «на мысу» по крайней мере с 1621 года, где они упоминаются переписью Ф. Тараканова[999].

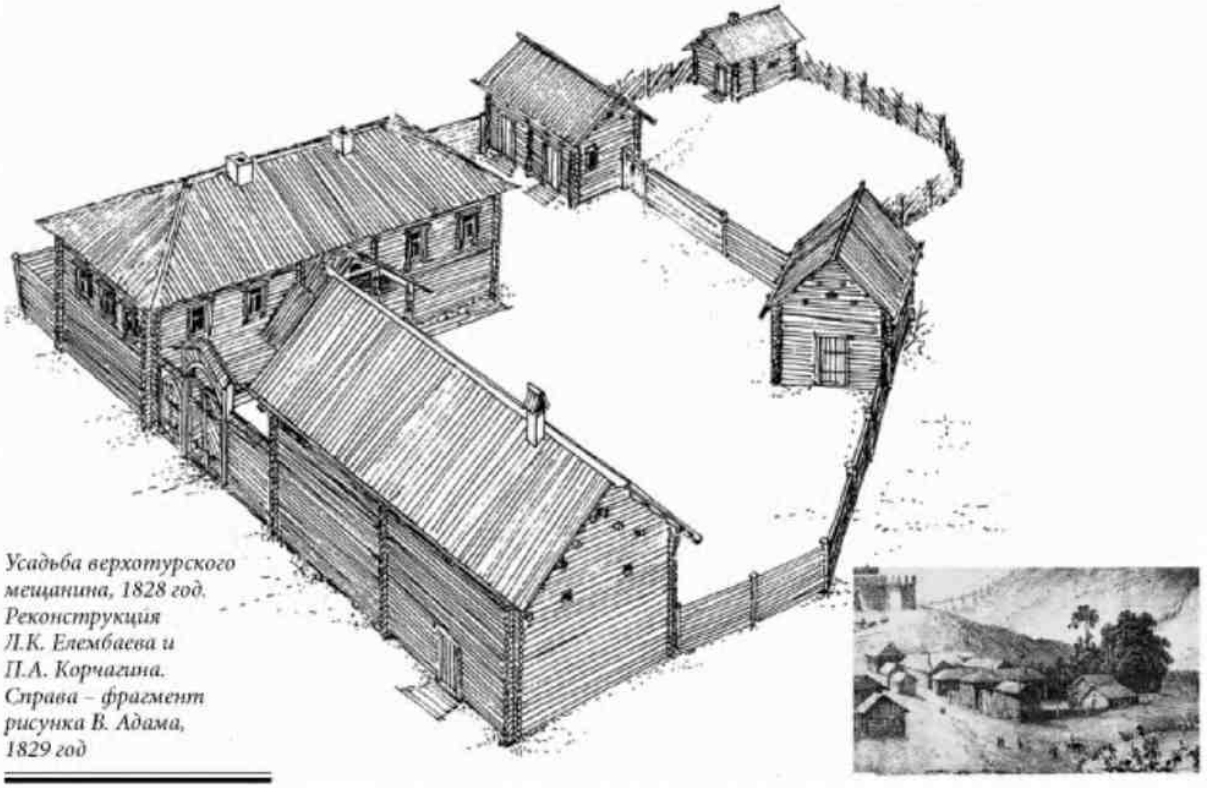
Обращает внимание один характерный момент: нижние венцы деревянной поварни XVII века перекрыто сверху каменной поварней XVIII века, а остатки деревянной воеводской избы полностью уничтожены при строительстве каменной. Примерно совпадает и общая площадь дворов. Налицо преемственность общей планировки воеводской усадьбы XVII и XVIII векаов, она оказалась повторенной в камне практически на том же месте, что и ранее.

2.4.3.3. УСАДЬБА ВЕРХОТУРСКОГО МЕЩАНИНА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

Приведенное выше свидетельство Н.С. Попова об устройстве жилищ верхотурцев в конце XVIII – начале XIX века. существенно дополняет литография по рисунку В. Адама с видом Верхотурья 1828 года из альбома К.К. Клауса, приложенного к книге А.Я. Купфера[1000]. На рисунке, сделанном из точки, находящейся недалеко от Знаменской церкви в Ямской слободе, можно хорошо рассмотреть три-четыре усадьбы, располагавшиеся на берегу Туры в междуречье Калачика и Свияги. Постройки и планировка одной из них различимы особенно детально (рис. на стр. 248). Необходимо учесть, что перспектива на рисунке оказалась несколько искажена. Точный план этой усадьбы хорошо известен благодаря подробнейшему «Плану городу Верхотурью…» конца 1770-х гг. XVIII в[1001] (см. фрагмент справа). Этих данных оказалось достаточно для создания графической реконструкции усадьбы и ее плана (рис. на стр. 249).

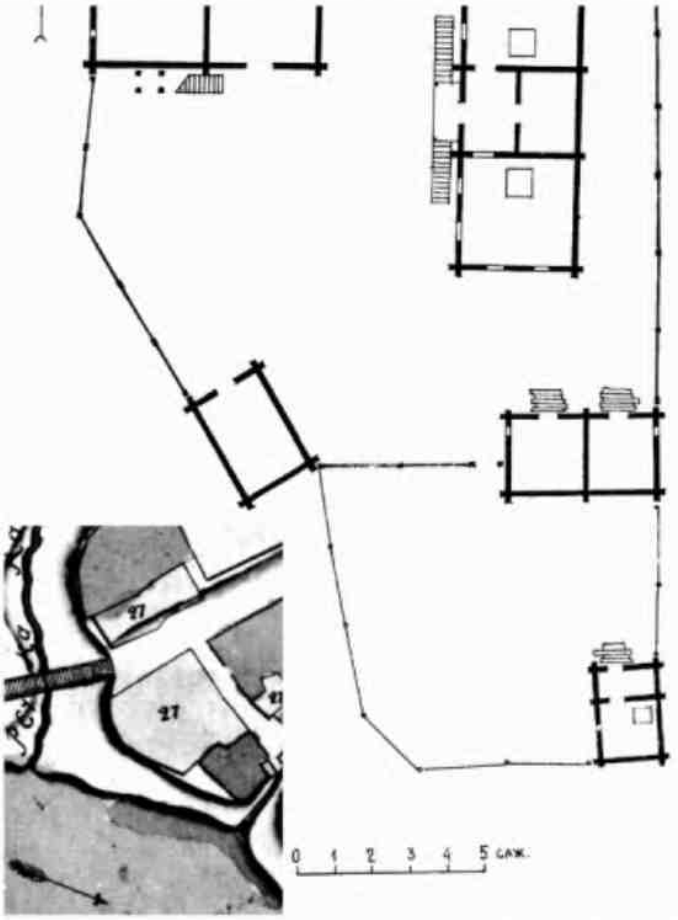
Главное здание на высоком подклете обращено к проезжей улице (на север) торцевым фасадом с тремя косящатыми окнами. Подобная ориентация основных жилых построек усадеб характерна для поселений с улично-квартальной планировкой. К сожалению, средняя часть этой постройки закрыта от наблюдателя вторым зданием, но судя по двум кирпичным дымовым трубам, это шестистенок с высоким крыльцом, в котором не только изба, но и горница жилая.

Крыша дома вальмовая, четырехскатная. От северо-восточного угла шестистенка на восток идет одно прясло бревенчатого забора «в заплот», который затем поворачивает на юг, таким образом, что три стороны дома остаются внутри двора. Кроме всего прочего, за счет подобной планировки обеспечивалась и большая пожарная безопасность в городе.

Усадьба верхотурского мещанина, 1828 год. Реконструкция Л.К. Елембаева и П.А. Корчагина. Справа – фрагмент рисунка В. Адама, 1829 год

К северо-западному углу шестистенка примыкают ворота с коротким участком бревенчатого тына, они отделяют основное жилое здание усадьбы от вспомогательного, расположенного на северо-западном углу усадьбы. Это здание очень интересно: оно являет собой двухкамерную постройку на высоком подклете под двухскатной крышей. Здание ориентировано длинной стороной вдоль проезжей улицы, на ней окон нет вовсе, но зато прорублена дверь из подклета непосредственно на улицу. Окна (очень небольшие, возможно, волоковые) имеются на западном фасаде. Одна часть его отапливалась по черному, о чем свидетельствует высокий дощатый дымник. Функциональное назначение этой постройки определяется достаточно уверенно благодаря описаниям середины XIX в.: «Зажиточные крестьяне имеют еще особые флигели, также в виде длинных корпусов, начинающиеся от служб и одним концом выходящие на улицу, в коих помещаются их чеботарни, кроельни и тому подобные заведения[1002]». Скорее всего, перед нами мастерская, соединенная с лавкой, погрузка-выгрузка товаров и материалов в которую могла осуществляться без заезда во двор усадьбы.

План усадьбы верхотурского мещанина, 1828 год. Реконструкция Л.К. Елембаева и П.А. Корчагина. Слева – фрагмент плана Веохотурья 1700-х годов

От лавки на юг шел забор заплотом в четыре прясла, где в юго-западном углу усадьбы был расположен невысокий сруб размером 2,5х3 сажени под самцовой крышей с дверью в середине торцевого фасада и оконцем на щипце. Несмотря на небольшие размеры это амбар, поскольку у бань не бывает окошек на фронтоне, в предбаннике они не нужны, кроме того, над ним нет трубы, а по Попову в Верхотурье бани были белые.

В юго-восточном углу двора стояло еще одно хозяйственное сооружение высотой и в плане больше, чем амбар, также под двухскатной кровлей. Его очертания и размеры определяются по плану 1770-х годов, где оно выделяется из ограды прямоугольником. Исходя из общего набора построек необходимых в городской усадьбе, есть все основания предполагать, что это конюшня. На реконструкции плана усадьбы внутренне членение конюшенного сруба дано условно.

Южная периферия усадьбы заслонена на рисунке конюшней, амбаром и густой растительности, однако из плана ясно, что там располагался огород, отмеченный на плане зеленой краской, и небольшая постройка, несомненно, баня. Огороды показаны и у других городских усадеб и это новая черта городской застройки, появившаяся только в XVIII веке.

Общие размеры рассматриваемой усадьбы без огорода около 15х20 сажен. В отличие от других городских дворов, которые имели сложные, но прямоугольные очертания, южная граница усадьбы выпукла, что предопределялось кривизной берега р. Туры в этом месте. Перед нами, несомненно, усадьба того типа, которая появилась в сельской местности много позднее. Все исследователи сходятся во мнении, что усадьбы с незамкнутыми дворами в крестьянской жилой архитектуре позднее явление, появляющееся в середине XIX веке в селениях, находящихся рядом городами и заводскими поселками. Еще позднее (в 1870-1880-х годах) в сельской среде утвердился порядок использования клети под постоянное жилье[1003].

В течение XVIII и в начале XIX века, несмотря на застойный характер экономики города, его застройка продолжала изменяться: при обывательских дворах появились огороды, бани (что ранее строжайше воспрещалось), горницы жилых домов оборудовались печами для проживания в течение круглого года.

2.5. СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ ВЕРХОТУРСКОГО ПОСАДА В XVII–XVIII ВЕКАХ

Знание и понимание социальной топографии, иными словами, закономерностей размещения различных социальных слоев населения города на его территории есть неотъемлемая необходимость исторического знания вообще, поскольку это дает возможность проникать в живую жизнь предков, понимать их взаимоотношения и иметь возможность реконструировать быт древних с максимальной достоверностью. Однако источников, на основе которых возможна подобная реконструкция, к сожалению, в распоряжении исследователей немного, особенно это относится к эпохе XVII века и ранее. Поэтому понятна важность наиболее полного извлечения исторической информации заложенной в них.

Подобным уникальным источником являются Приказные книги Верхотурья 1670 года – подворная перепись, проведенная сыном боярским верхотурским М. Бибиковым и Е. Михайловым[1004]. От прочих переписей они отличаются тем, что в них указывались не только имена и фамилии дворохозяев, но и размеры их усадеб и даже соседство «в межах» с другими городскими жителями. Благодаря таким подробностям, возможно определить размеры и конфигурацию отдельных кварталов в посаде, социальный состав их населения и иметь представление, хотя бы приблизительное, о размещении этих кварталов по территории острога.

Но сначала напомним о предыдущих переписях и обстоятельствах проведения переписи М. Бибикова. Как уже отмечалось в разделе 1.1.4. по переписи Г. Черткова и А. Бернацкого 1666 года, в Верхотурье насчитывалось душ мужского пола – 222, дворов – 202[1005]. Согласно следующей переписи населения И. Корякова, имевшей место уже в 1669 году(!), в городе зафиксировано: 1.247 душ м.п. или около 2.494 человек. То есть за 3 года наблюдался невероятно бурный рост населения города, вызванный введением стрелецкого гарнизона.

Очевидно, после его вывода и возникла необходимость в уточнении переписных данных и новая перепись проводилась М. Бибиковым и Е. Михайловым уже в следующем 1670 году, которая зафиксировала тяжелейшие последствия бунташного времени.

К исследованию был привлечен не весь текст приказных книг, а только та их часть, которая касалась посада, заключенного в остроге. Из топографических указаний, встречающихся в тексте, можно заключить, что переписчики начали ее с обхода дворов расположенных в северной части посада (от Николаевской башни) и, обходя двор за двором, следовали к противоположному концу острога, закончив перепись у южного выезда из города. Правда были некоторые нарушения в этой последовательности: посадского человека Ивашки Попова из 7 квартала на момент визита переписчиков не было, поэтому к нему зашли позже, когда переписывали дворы 9 квартала. При описи небольших 12, 13 и 14 кварталов переписчики разделились, поэтому в описи дворы этих кварталов идут вперемежку. Далее служилые люди снова действовали вместе и дворы в тексте идут по порядку, причем по характеру указаний на соседство «в межах» и прилеганию к «проезжим улицам» можно понять, что переписчики обходили кварталы по периметру.

В кварталах, где были два ряда дворов, межевание указано, как правило, с соседом по задней стороне двора и «с одной стороны проезжая улица». В тех же случаях, когда квартал состоял из одной линии дворов, указывался сосед по левую или правую руку и делалась пометка «а с двух сторон проезжая улица». Всего, таким образом, выделено 21 квартал, в которых было от 1 до 15 дворов. Самый маленький квартал – 8, в нем был только 1 двор (66-ой по списку) посадского человека Алешки Латмецина размером 12х11 сажен (132 кв. сажени). Это очень большая усадьба, наверное, потому, что никто не составил Алешке конкуренции, на неудобном, открытом со всех сторон месте, где «с четырех сторон проезжая улица».

В 1-м квартале проживали: 2 подьячих таможенных, 5 стрельцов, 1 стрелец отставной, 1 протопоп соборный, 1 посадский человек. Во 2-м: 4 стрельца, 1 стрелецкий сын, 1 неизвестный, 3 вдовы. И далее: в 3-м – 2 подьячих (приказной избы и площадной), 4 стрельца, воротник, сторож приказной избы, протопоп соборный, 2 попа (воскресенский и спасский), дьякон соборный, пономарь воскресенский, 2 посадских человека; в 4-м – сын боярский, 4 стрельца, пушкарь, посадский человек, вдова; в 5-м – 3 подьячих (таможенный и 2 – приказной избы), стрелецкий десятник, стрелец, дьячок церковный никольский, ямской охотник, 2 посадских человека, вдовья дочь; в 6-м – подьячий приказной избы, стрелецкий сын, смотритель житничный двора, часовщик, 2 посадских человека, вдова; в 7-м – дьячок церковный воскресенский, 3 посадских человека, вдова, крестьянин пашенный; в 8-м – посадский человек; в 9-м – стрелецкий пятидесятник, 3 стрельца (2 – отставных), кузнец, 2 посадских человека, вдова, крестьянин пашенный; в 10-м – писец, 2 крестьянина (пашенный и оброчный); в 11-м – вдова княгиня, стрелец, ямской охотник; в 12-м – 3 стрельца, 2 посадских человека; в 13-м – 2 подьячих приказной избы, посадский человек; в 14-м – подьячий приказной избы, 2 стрельца, 2 посадских человека; в 15-м – сын

боярский, стрелец, подьячий, 2 посадских человека, 3 крестьян пашенных; в 16-м – стрелецкий десятник и стрелецкий сын; в 17-м – 3 стрельца и вогульский толмач; в 18-м – сын боярский, подьячий приказной избы, 3 стрельца, 2 стрелецких сына, дьячок спасский, 5 крестьян пашенных; в 19-м – 2 стрельца, пономарь спасский, 2 посадских человека, крестьянин пашенный; в 20 -м – голова таможенный, 4 подьячих (площадной и 3 – приказной избы), стрелец, 2 посадских человека, крестьянин пашенный; в 21-м – 2 подьячих приказной избы, поп покровский, 3 стрельца и стрелецкий сын. Всего 143 двора. В переписи указан также и 144-й двор Богдашки Тюмикова неизвестной социальной принадлежности размером 8 кв. сажен, который мог располагаться в кварталах 7-9, но никаких уточняющих указаний в отношении его не встречено, поэтому мы не учитывали его при подсчетах.

Первоначально мы исчислили среднюю площадь двора у представителей отдельных социальных групп населения Верхотурья: у служилых людей по отечеству она равнялась 73 кв. саженям, стрельцы владели дворами в среднем по 68,55 кв. саж., подьячие разные – 69,71 кв. саж., клир имел по 72 кв. саж., посадские люди – 77,9 кв. саж., а крестьяне обладали дворами в среднем в 77,2 кв. сажен. Причем общая средняя площадь двора в Верхотурском посаде была 72,26 кв. сажени[1006]. Как видим отчетливая и прямая зависимость размеров усадеб от социального статуса отсутствует. Наблюдаются отклонения 4-5 кв. сажен от среднего размера двора. То есть выясняется, что площадь выделяемого дворового места зависела не от принадлежности новопоселенца к определенной социальной группе, а от конкретной ситуации со свободными дворовыми местами.

Не стоит полагать, что дети боярские и подьячие приказной избы были обеспечены хуже, чем посадские люди, наименьшие размеры их усадеб составляли соответственно 70 и 24 кв. саж., в то время как минимальная площадь двора посадского человека равнялась 18 кв. сажен. А часовщик Максимка Попов вообще имел двор в 9 кв. сажен.

Дворы верхотурских сыновей боярских Саввы Лисицына, Михаила Бибикова, Матвея Якубовского располагались в разных (4, 15, 18) кварталах, причем не в самых привилегированных, не образуя единой группы, что трудно объяснить каким-то определенным образом.

Дворы подьячих приказной избы, таможенных подьячих и голов, других канцелярских чинов, хотя и были распределены по территории острога достаточно равномерно, но образуют своеобразные «гнезда»: в 1 квартале жило двое таможенных подьячих, в 3 – также двое – площадной и приказной избы, в 5 - трое, в 6, 10 и 13 – по одному. Но в большей степени «крапивное семя» сосредоточилось в 20 квартале: таможенный голова Сила Садилов, площадной подьячий Потапка Ершов, подьячие приказной избы Яков Портнячий, Дмитрий Бабайлов, Федор Борзунов. Пять дворов – более половины квартала. А рядом с ними в 21 квартале еще двое приказных подьячих.

Стрельцы жили практически в каждом квартале верхотурского посада. В 1 их было шестеро, во 2 – пятеро, в 3 и 4 – по четыре, в 5 – 2, в 6 – 1. В 9 квартале мы наблюдаем своеобразный «уголок ветеранов», там

вместе со стрельцом Петрушкой Сусловым жили два отставных стрельца Мишка Портняга и Мишка Зыков, а с ними стрелецкий пятидесятник Мишка Шабунин, который вряд ли был в молодых годах – всего четверо. В 11-17 кварталах жили по 1-3 стрельца. Зато в 18 – целых 5. В последних трех (19-21) кварталах, как и 11-17, расселилось по 1-3 стрельца.

Другие служилые люди по прибору больше тяготели к кремлю: пушкари Ивашка Силуян и Ивашка Григорьев жили соответственно в 1 и 4 кварталах. Сторожу приказной избы Кузенке Борзунову и воротнику Володейке Митрофанову до их боевых постов было рукой подать из 3 квартала. Смотритель житничного двора Лаврушка Вятка и часовщик Максимка Попов, кузнец Оска Иванов имели дворы тоже неподалеку в 6 и 9 кварталах. И только толмач Афонка Борзунов оказался в далеком 17 квартале.

Крайне интересно и характерно распределились по посаду дворы клира. В 1 квартале располагался двор соборного протопопа Ивана, что, в общем-то, понятно – оттуда ему ближе к месту службы – Свято-Троицкому собору. Но более всего представителей церкви сосредоточилось в 3 квартале: здесь стояли дворы второго соборного протопопа Тимофея, соборного дьякона Степана, воскресенского попа Ивана Козьмина, спасского попа Ивана Яковлева и воскресенского пономаря Ивашки Щетинкова, что составило треть усадеб квартала. Практически все высшее городское духовенство расположилось здесь, за исключением попа Покровской церкви женского монастыря Прокопия Ларионова, который предпочел поселиться в крайнем южном 21 квартале в непосредственной близости от Покровского монастыря в Покровской же слободе за стенами острога. В 5, 7, 18 и 19 кварталах жило по одному дьячку или пономарю, которые поселились поближе к храмам, в которых служили.

Дворы посадских людей Верхотурья (по одному, по два) располагались практически в каждом городском квартале за исключением 2, 10-11, 16-19 и 21. Лишь в 7 квартале жило трое посадских. То есть наблюдается определенное тяготение посадских людей к проживанию в северных кварталах, которые располагались на более удобных, высоких местах вблизи от торгового центра города.

Напротив, пашенные крестьяне, имевшие усадьбы в пределах острога, в целом сосредотачивались в южных, относительно низменных кварталах 10, 15, 19 и 20 кварталах. Более всего крестьян (пятеро) расположилось в самом большом 18 квартале, они составили более трети всех его жителей. По одному крестьянину жило в 7 и 9 (самых непрестижных из всех северных) кварталах.

Обобщим известные нам сведения о площади дворов и социальном составе отдельных кварталов Верхотурья (табл.9). В ней исчислены средняя площадь двора в квартале и место, которое занимал каждый квартал по этому показателю. Кроме того, определен обобщенный социальный статус кварталов, исходя из экспертной (балльной) оценки социального положения его жителей, и также место по данному показателю[1007]. По сумме мест определялась престижность каждого конкретного квартала.

Таблица 9

Социальная топография посада Верхотурья 1670 года

№ квартала	число дворов	средняя площадь	статус (средний балл)	площадь (место)	статус (место)	сумма мест	место (итог)
1	11	63,73	3	16	7	19	9
2	9	64,11	2,56	14	14	28	16
3	15	75,27	2,8	8	10	18	5
4	8	56,14	3	18	8	26	14
5	10	70,73	2,9	9	9	18	6
6	7	46,30	2,71	21	12	33	19
7	6	55,82	1,83	19	20	39	21
8	1	132	2	1	19	20	10
9	9	61,22	2,44	17	15	32	18
10	3	80	1,76	5	21	26	15
11	3	66	3,33	11	2	13	4
12	5	51,44	2,6	20	13	33	20
13	3	84	3,33	3	1	4	1
14	5	67,68	2,8	10	11	21	11
15	8	78,66	2,25	6	17	23	12
16	2	65,4	3	12	6	18	7
17	4	102,15	3	2	4	6	2
18	13	65,28	2,38	13	16	29	17
19	6	76,17	2,17	7	18	25	13
20	9	82,3	3	4	5	9	3
21	6	64	3,33	15	3	18	8

Итак, лучшим оказался маленький, расположенный в средней части города, 13 квартал (площадь дворов 72-90 кв. саж.), где жили подьячие и посадский человек. На втором месте – также небольшой 17 квартал, где проживали три стрельца и вогульский толмач (дворы по 208, 77, 40 и 84 кв. сажен). И на третьем – 20 «подьяческий» квартал с усадьбами площадью от 54 до 124 кв. сажен. Как видим, среди оптимальных для жизни (приличные соседи и немаленькие дворы) нет элитарных северных кварталов. Наихудшим местом верхотурского посада был 7 квартал с маленькими (27-77 кв. саж.) дворами, кроме того, он был расположен непосредственно у восточной острожной стены в заболачиваемой пойме речки Дернейки. Предпоследние 20 и 19 места заняли 12 и 6 кварталы тоже по причине мелкодворья (соответственно 28-72 и 9-72 кв. саж.) Здесь проживали в основном стрельцы, посадские, реже крестьяне и только один подьячий приказной избы.

Что же касается остальных кварталов, то заметна следующая закономерность: северные кварталы имеют место по «престижности», как правило, выше места по «простору», для южных же характерна обратная картина. То есть за привилегию проживать в «центре» приходилось расплачиваться относительной теснотой на дворе. На непрестижной южной окраине конкуренция за площади была ниже, поэтому и дворы были больше. Этим и объясняется уже отмеченный факт, что средние размеры дворов крестьян и посадских превышают таковые у служилых людей, подьячих и клира. В пределах посада заметно выраженное ограничение крестьянских дворов южной периферией, практически крестьян «не пускали» далее 10 квартала: каким-то образом по одному человеку попали в 7 и 9 кварталы (занимавшие, кстати, только 18 и 19 места), но, видимо, на то были особые причины, и очень характерна в этом смысле фамилия самого «привилегированного» крестьянина – Федька Барин.

Из приказных книг 1670 года можно почерпнуть очень немного данных о планировке городских усадеб. Ясно, что из-за тесноты в остроге, все они не имели приусадебных огородов и других дополнительных площадей, за исключением стрелецких дворов Петрушки и Гришки Мелентьевых, которые кроме основных площадей имели позади двора: первый – «под баней и хлевом – место» 6 на 3 сажени без аршина, а второй – «задний двор» 7 на 6 сажен, и посадского человека Ивашки Попова, у которого был «против двора огородец в остроге» 9 на 8 сажен. Об остальных дворах сообщаются только их размеры, из которых можно заключить, что жилищные условия верхотурцев были самыми скромными, а у отдельных верхотурцев даже стесненные, как у Богдашки Тюмикова (8 кв. саж.) или Максимки Попова (9 кв. саж.), скорее это просто дома без подворья.

Итоги исследования социальной топографии уральского города XVII века дали важные и не совсем ожидаемые результаты, которые позволили лучше понять реалии той исторической эпохи. В Верхотурье не существовало ярко выраженного территориального разделения дворов различных слоев городского общества. Усадебные скопления представителей некоторых сословий (например, городского священства или подьячих) вызваны не социальными, а бытовыми причинами. Водораздел в данном случае пролегал не между верхами и низами городского общества, а между городскими и негородскими сословиями.

Учитывая вышеизложенное, можно уверенно считать, что рядовая деревянная застройка Верхотурья XVII века была достаточно однородной и одноэтажной (источник указывает даже достаточно мелкие отличия в планировке и устройстве усадеб, очевидно, переписчики не прошли бы мимо двухэтажной постройки).

Уже упоминавшийся «План Пермского наместничества уездного Верхотурья… для пространного заселения жителями…»[1008] 1788-1796 годов позволяет сделать некоторые выводы о социальной топографии Верхотурья конца XVIII века, хотя и не такие развернутые как это оказалось возможным применительно к XVII веку. 46 вписанных в регулярную сетку кварталов усадеб распределились по городу в общем

равномерно, а в двух центральных кварталах по ул. Торговой оказались сосредоточены дворы купцов А.И. и А.Я. Поповых, Д.М. Бурылова, мещан Е.Н. Титова, Я.А. и Г.И. Салтановых, Я.А. Шмонина и одного церковного дьячка. Можно считать, что принципы социальной стратификации городских кварталов Верхотурья не изменились. В одном квартале могли проживать одновременно и богатейший (даже в масштабах страны) купец и обычный мещанин. Их соседство было традиционным, унаследованным от предыдущих поколений. Городские сословия еще относительно равны в отношении обладания престижными участками городской территории. Хотя уже проглядывается стремление купечества занимать территории наиболее близкие к торговому центру города.

Эта тенденция особенно ясно проявилась уже в конце XIX – начале XX века, когда примыкающие к монастырю и торговой площади ул. Торговая и Постниковская оказываются застроенными торговыми каменными зданиями, принадлежащими представителям купечества В.И. Мухлыниной, И.Е. Злыгостеву, С.Н. Лапину, М.Ф. Путимцеву, Шведову и Кушелевскому.

Рядовая застройка Верхотурья за три первых века своего существования прошла три этапа:

Первый (конец XVI – последняя четверть XVIII века). Усадьбы жителей были невелики по своим размерам, не имели приусадебных участков. Какие-то существенные различия в площадях дворов различных социальных слоев населения Верхотурья прослеживались только на начальных этапах его застройки, позднее их размеры определялись конкретной градостроительной ситуацией. Господствующим типом усадьбы был, видимо, замкнутый двор. Жилые постройки возводились на подклетах, служебные – поземными. Кровли всех домов были двухскатными, самцово-слеговой конструкции. Тесное расположение дворов внутри посада приводило к частым пожарам, охватывающим весь город.

Второй этап (последняя четверть XVIII – конец третьей четверти XIX века) характеризуется появлением вальмовых крыш, массовым использованием обеих клетей в шестистенке в качестве жилого помещения, исчезновением черных печей, а стало быть, и дымников. В то же время, появление в Верхотурье шестистенков с двумя печами опоздало примерно на полвека в сравнении с горнозаводскими поселками, где они отмечены уже во второй четверти XVIII века. Распространяются во множестве косящатые застекленные окна. Все это стало возможным благодаря техническим инновациям, произошедшим в ходе горнозаводского освоения Урала – внедрению продольных пил и пильных мельниц, распространению и удешевлению металлических изделий, в первую очередь, гвоздей. Отмечено появление первых частных каменных домов, их было бы больше, если бы не экономический упадок города. Увеличивается площадь усадеб, возле них появляются огороды. Плотность застройки разрежается. В эту эпоху происходит прекращение катастрофических пожаров.

Третий этап развития рядовой застройки Верхотурья в рамках рассматриваемого периода (последняя четверть XIX – первая четверть XX века) был обусловлен поступательным развитием города, превращением его из феодального в капиталистический. Данный этап характеризуется, прежде всего, широким распространением каменных частных построек. Рост разнообразие типов зданий, не только жилых усадеб, но и учреждений образования, медицинских учреждений, казенных и общественных зданий за пределами кремля. Изменение внешнего облика рядовой застройки выразилось в изменении этажности зданий, строительстве парадных крылец, распространении железных кровель, богатстве декоративного убранства.

Нетрудно заметить, что периодизация эволюции рядовой застройки в целом совпадает с периодизацией социально-экономической истории России. Если первый этап приходится на период складывания национального рынка еще в рамках развитой феодальной формации, то второй практически совпадает с эпохой кризиса российского феодализма и складывания капиталистического уклада, а третий – с капиталистическим периодом истории Верхотурья.

2.6. ИТОГО

Анализ складывания и эволюции историко-архитектурной среды Верхотурья свидетельствует, что строительство укреплений, общественных и жилых зданий тесно связано с социально-экономической историей общества в целом и отдельного города. Доминирующие функции города определили место его основания (в точке схода сухопутных и речных торгово-транспортных путей), характер укрепленных сооружений (незамкнутый периметр кремля, удобный для приема прибывающих из Европейской России обозов с «сибирскими запасами», С-образные очертания острога, защищавшие пристань) и многое другое.

Заметное влияние на планировку и характер городских построек оказывали и социально-политические события. Обострение классовой борьбы в России и на Урале в третьей четверти XVII века буквально вынудило власти заменить острожные стены города, которые более семидесяти лет удовлетворяли их, на более надежные стены рубленные тарасами, возникла даже отдельная слобода для размещения гарнизона. Изменение статуса Верхотурья, когда оно стало во главе особого разряда, повлекло за собой перестройку острожных башен: новые были более мощными и представительными.

В начале XVIII века, когда Верхотурье по мысли Петра I должно было стать центром, из которого осуществлялось бы все заводское строительство на Урале, здесь началось интенсивное каменное строительство, в камне возводились кремль, административные здания, городской собор и гостиный двор. Но только стоило измениться правительственной политике, а центру тяжести горнозаводского дела переместиться южнее, кремлевское строительство в городе прекращается настолько резко, что часть зданий навсегда остается «внедоделке».

Иерархия высотных отметок культовых зданий Верхотурья является одновременно и иерархией социальных слоев города, объединенных в приходы вокруг этих церквей. Историческая социальная топография Верхотурья легко читается при взгляде на его сохранившиеся храмы. Радиально-концентрическая система расположения городских храмов зафиксировала опосредованное процессом застройки влияние основной транзитно-транспортной экономической функции Верхотурья (существование параллельных сухопутной и речной магистралей) на складывание системы городских архитектурных доминант.

Гостиный двор как средоточие деловой жизни города чутко реагировал на изменение экономической ситуации. В XVII веке, когда благосостояние, а порой и жизнь населения восточного склона Урала и Сибири зависело от государственных поставок, большая часть амбаров и лавок гостиного двора располагалось в кремлевских стенах. В XVIII столетии, когда была сделана ставка на горнозаводское освоение Урала, развитие местного ремесла и промыслов, постройки гостиного двора целиком переместились в посад. Когда же в XIX веке стержнем экономического прогресса Верхотурья стал Николаевский монастырь, новые торговые ряды были выстроены поближе к его стенам. В начале XX века, когда ярмарочная торговля в городах начинает терять актуальность и ее все в большей мере начинает теснить лавочная, в Верхотурье вокруг бывшего гостиного двора формируется комплекс магазинов и лавок, дошедший до наших дней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Верхотурья – не самая большая часть уральской и российской истории. Но каким бы малым ни был город, он вместе со всей страной прошел все испытания, триумфы и трагедии, выпавшие на их общую долю. В истории Верхотурья, как в призме, преломлялись исторические процессы, протекавшие в российском обществе, именно поэтому всестороннее изучение его социально-экономической и культурной эволюции позволяет выходить на новый, более высокий уровень научного обобщения. С другой стороны, Верхотурье имело отличное от других городских центров, географическое и экономическое положение, что наложило особый отпечаток на его формирование. Исследователи имеют уникальную возможность наблюдать широкое разнообразие возможных путей, форм и способов экономического и социального развития, в рамках общих закономерностей общественного прогресса.

История Верхотурья типична для небольшого уральского, и шире, российского города. Она определялась общим ходом экономического развития страны, этапностью русской колонизации Сибири, на нее влияли отдельные события политической истории России. В то же время, в его истории можно выделить уникальные черты, особенности, характерные только для главного пункта внутренней таможни XVII-XVIII веков на границе Европейской России и Сибири.

В России найдется немного городов, у которых трансформация из феодального в капиталистический проходила бы таким специфическим способом – формированием центра религиозного паломничества.

Повторение сходных социально-экономических ситуаций в городе (оживление религиозной жизни и связанной с ней экономической деятельности властей и горожан) в конце XVII, начале XIX, на грани XIX-XX, на переломе XX и XXI веков, свидетельствуют о наличии в истории Верхотурья периодических закономерностей, часть которых удалось выявить статистически. И если мы на верном пути, то появляется возможность актуализировать прогностические потенции исторической науки, наличие которых до сих пор лишь констатировалось.

История строительства в Верхотурье, складывание его архитектурного лица с «не общим выраженьем», наряду с историей градского общества, является неотъемлемой частью общей истории города. Изучение формирования городской историко-архитектурной среды позволяет всесторонне, а, главное, объективно реконструировать живую и наглядную картину исторического прошлого. Хотя сама по себе констатация факта воздействия социально-экономических условий на городское строительство и архитектуру отнюдь не нова, только комплексное историческое исследование позволяет раскрыть во всей полноте конкретные формы этого влияния. И в той мере, как это нам удается, архитектура из «застывшей музыки» превращается в «застывшую историю».

Очевидно назрела потребность создания полномасштабных, хронологически и логически выверенных историй городов, может быть, в некотором смысле даже похожих на летописи, на смену создававшимся ранее очеркам истории. Только такая форма исторического исследования (жанр «биографии города») позволит выявить основные закономерности развития городских поселений, избежать ошибок, недооценки или преувеличения отдельных фактов и сторон их эволюции. Но все сказанное отнюдь не отменяет необходимости продолжения научного поиска в других, традиционных направлениях.

Автор не льстит себе надеждой, что ему удалось создать исчерпывающую историю Верхотурья или обнаружить все законы его развития. Комплексное исследование еще не значит всеобъемлющее. ИСТОРИЯ, даже применительно к одному городу, беспредельна и, приступая к исследованию, тем более, завершая его, следует проявлять известную скромность, Идущие после, пойдут дальше...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

ВГИАМЗ. Вспомогательный фонд.

ГАПК. Ф.6 – Верхотурский уездный суд; Ф.36 – Пермское губернское правление; Ф.37 – Пермская духовная консистория Ведомства православного исповедания; Ф.65 – Канцелярия пермского губернатора; Ф.111 – Пермская казенная палата; Ф.199 – Пермский епархиальный комитет православного миссионерского общества ведомства православного исповедания; Ф.208 – Пермский губернский статистический комитет; Ф.278 – Чертежная Пермского губернского правления; Ф.297 – Исторический архив ПУАК; Ф.316 – Пермское наместническое правление; Ф.321 – фонд В.Н. Шишонко; Ф.534 – Верхотурское уездное полицейское управление; Ф.597 – фонд А.А. Дмитриева; Ф.615 – Пермская палата государственных имуществ Министерства государственных имуществ; Ф.680 - Пермский научно-промышленный музей; Ф.716 – Коллекция картографических планов.

ГАСО. Ф.6 – Верхотурский уездный суд; Ф.24 – Уральское горное правление; Ф.142 - Верхотурский городовой магистрат; Ф.435 – Верхотурская уездная земская управа; Ф.603 - Николаевский мужской монастырь; Ф.606 – Верхотурское уездное казначейство.

ПОКМ. Ф. Верхотурские свитки.

РГАДА. Ф.199 – Портфели Миллера; Ф.210 – Разрядный приказ; Ф.214 – Сибирский приказ, Ф.248 – Сенат; Ф.415 – Сибирская губернская канцелярия; Ф.474 – Верхотурская воеводская канцелярия, Ф.1111 – Верхотурская приказная изба; Ф.1355 – Экономические примечания к Генеральному межеванию; Ф.1398 – Верхотурское уездное комиссарство.

РГБ. Ф.218 – Собрание отдела рукописей.

РГВИА. Ф. Военно-ученого архива.

РГИА. Ф.1285 – Департамент государственного хозяйства и публичных зданий; Ф.1286 – Департамент полиции исполнительной; Ф.1287 – Хозяйственный департамент; Ф.1399 – Карты, планы и чертежи Петербургского сенатского архива.

СПбФИРИРАН. Ф.28 – Верхотурская воеводская изба.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Агафонов П.Н. Епископы Пермской епархии. 1383-1918. Краткий биографический справочник. Пермь, 1993.

Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1894-1917 год. Пермь, 1893-1917.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1-5. СПб., 1841-1842.

Алексеев М.П. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII веке// Исторический архив. М.-Л., 1936.

Алексеева М.А. Собрание Российских и сибирских городов. Серия гравюр XVIII в.//Собрание Государственного Русского музея. Т.8. М.-Л., 1964.

Библиотека УФ РАЖВиЗ. Фонд открыток. Карт. «А-В». Руб. Верхотурье.

Богословский П.С. Верхотурские царские грамоты (нач. XVII в.)//Материалы по изучению Пермского края. Вып.5. Пермь, 1915.

Большая Советская энциклопедия. Т.10. М., 1928.

Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982.

Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. Т.25. М., 1857.

Вычегодско-Вымская летопись//Историко-филологический сборник. Сыктывкар, Вып.4. 1958.

Герберштейн С. Записки о Московских делах. СПб., 1908.

Герман К. Статистические исследования относительно Российской империи, сочинение Карла Германа. Ч.1. О народонаселении. СПб., 1819.

Города России в 1904 году. СПб., 1906.

Городские поселения в Российской империи. СПб., 1863.

Грамота о построении крепости и бывшего Гостиного двора//Заволжский муравей. №13. Июль 1854.

Дмитриев А.А. Верхотурский кремль и подчиненные ему крепости по описаниям XVII и начала XVII столетия//ПГВ. 1885.№ 4,7-14.

Доброхотов Э.П. Урал Северный, Средний и Южный. Справочная книга. Пг., 1917.

Доклад Пермской Губернской Земской Управы Пермскому Губернскому Земскому Собранию 45 очередной сессии. По народному образованию. Пермь, б/д.

Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т.1-12. СПб., 1846-1872.

Древние грамоты XVI-XVII в., относящиеся к основанию и первоначальному устройству города Верхотурья// Временник Императорского общества истории и древностей Российских. Кн.25. М., 1857.

Житие святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца. Б.м., б.д.

Журналы VI-го очередного Верхотурского уездного земского собрания с докладами управы и другими предложениями за 1875 г. Пермь, 1876.

Журналы Верхотурского Уездного Земского Собрания 43-й Очередной сессии 1912 года с относящимися к ним докладами и другими документами. Верхотурье, 1912.

Исторические акты XVII столетия. Материалы для истории Сибири. Томск, 1890.

Историческо-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 г. Пермь, 1801.

Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1832 года//Сборник материалов для ознакомления с Пермскою губерниею. Вып.3. Пермь, 1891.

Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области. Б/м, 1989.

Корчагин П.А. «Росписной список» кремля и гостиного двора Верхотурья 1777 года//Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998.

Кривощеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии, с общим историческо-экономическим очерком и приложением карты уезда в границах по административному делению России в 1734 г. Пермь, 1910.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч.3. СПб., 1780.

Лепехин И.И. Продолжение дневных записок путешественника в 1771 г. Т.3. СПб., 1771. Летопись г. Перми с 1890 г. по 1911 г.//Тр. ПУАК. Пермь, 1913. Вып.10.

Макарий. Древние грамоты XVI и XVII в., относящиеся к основанию и первоначальному устройству г. Верхотурья//Временник ОИДР. Т.25.

Макшеев А.И. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издание по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т.14. Ч.1. Пермская губерния. СПб., 1852.

Мамеев С.Н. Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея за XVII и первую четверть XVIII столетий... Период первый (1621-1645)//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.2. Тобольск, 1894. С.XVIII(1-35); Выпуск второй (1645-1776)//Там же. Вып.7. Тобольск, 1897. С.XVI(1-75).

Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская Губерния. Ч.1-2. СПб., 1864.

Новый и полный географический словарь Российского государства или лексикон. Ч.1. А-Ж. М., 1788.

Обзор Пермской губернии за 1898-1915 год. Пермь, 1899-1917.

Общий доклад Верхотурской уездной земской управы 4-му очередному собранию о действии ея за первое трехлетие, с июня 1870 г. по сентябрь 1873 года. СПб., 1874.

Острожский летописец//Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., Наука. 1979.

Отчет Верхотурской Уездной Земской Управы с движением сумм и капиталов за 1913 г. Верхотурье, 1914.

Отчет об исполнении сметы расходов на уездные земские повинности по Верхотурскому уезду за 1911 год. Верхотурье, 1912.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского Государства в 1770 г. Т.3. СПб., 1786.

Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн.1. 1700-1713 гг. СПб., 1882.

Пермская губерния в 1897 году. Отдел III. Пермь, б/д.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. ТТ.3,4,5,7,11,16,21,26.

Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. М., 1987.

Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.2. СПб., б/д.

Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному состоянию. Ч.3. СПб., 1813.

Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санктпетербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в г. Перми. Ч.2. Пермь, 1804.

Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в российской империи и на Афоне. СПб., б/д.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. СПб., 1852.

Романов Г. Деревянная крепость города Верхотурья в 1687 г.//ПГВ, 1860, № 46.

Романов Г. Служилые люди и боевой снаряд Верхотурской крепости в 1687 г.//ПГВ. 1861, №29.

Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея. Систематический каталог, составленный М.В. Филипповым//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.16. Тобольск, 1907.

Русская историческая библиотека, изданная Археографической комиссией. Т.1-39. СПб., 1872-1927.

Русский биографический словарь. Репринт изд. 1914 г. М., 1991.

Свидетельства истории. Публикация документов. Вып.7. Из истории Верхотурских храмов. Екатеринбург, 1998.

Свод узаконений и распоряжений правительства по врачебной и санитарной части. Вып.1-3. СПб., 1895-1898.

Семенов-Тянь-Шанский П.П. Россия. Полное географическое описание отечества. СПб., Т.5. 1914.

Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987.

Собрание узаконений РСФСР. 1924. №73. Ст.726.

Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века). Сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999.

Список населенных мест Пермской губернии по сведениям 1869 года. Т.31. Пермская губерния: (Обработан членом статистического совета Н. Штиглицем). СПб., 1875.

Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург, 1923.

Статистические таблицы Российской империи. Вып.2. Наличное население империи за 1858 г. СПб., 1863.

Упрочение Советской власти в Пермской губернии. Документы и материалы. Пермь, 1966.

Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Вып.2. «В». Пермь, 1875.

Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.1. Пермь, 1881; Пер.2. 1882; Пер.3. 1884; Пер.4. 1884; Пер.5. Ч.1. 1885, Ч.2. 1887, Ч.3. 1889.

Щекатов А.М. Словарь географический Российского государства. М., 1801-1809.

Kupffer A.Th. Voyage dans l'Oural enterpris en 1828 par A.Th. Kupffer. Paris. 1833.

Murchison R.I. The geology of Russia in Europe and the Ural mountains. London, 1845.

Witsen N.C. Noord en Oost Tartaryen: behelrende eene beschryving van verschcidene Tarterche en nabuurrige dewesten in de noorder en cjstelykste deelen van Azien in Europa Amsterdam, Schalekamp, 1785, II.

ЛИТЕРАТУРА

Александров В.А. Начало Ирбитской ярмарки//История СССР. 1974. №6.

Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. М., 1964.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941.

Алферов Н.С., Лотарева Р.М. Особенности типологии и композиции городов-крепостей на Урале//Вопросы теории и практики архитектурной композиции. №7. М., 1976.

Алферова Г.В. Русские города XVI-XVII веков. М., 1989.

Андриевич В.К. История Сибири. Ч.1-2. СПб., 1889.

Андрущенко А.И. Ирбитская торговая слобода и пугачевское восстание//Города феодальной России. М. 1966.

Анимица Е. Города Среднего Урала. Прошлое, настоящее, будущее. Свердловск, 1983.

Анимица Е.Г. Типы малых и средних городов Свердловской области//Наш край. Материалы V Свердловской областной краеведческой конференции. Свердловск, 1971.

Анисимов Е.В. Путники, прошедшие раньше нас//Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л., 1991.

Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998.

Археология СССР. Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985.

Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л., 1936.

Баландин С.Н. Оборонительная архитектура Сибири в XVII в.//Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветское время). Новосибирск, 1974.

Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края.//Сборник материалов для ознакомления с Пермскою губерниею. Вып.3. Пермь, 1891.

Баранов В.С. Верхотурский Покровский женский монастырь. Б.м., 1991.

Баранов В.С. Древний кремль г. Верхотурья, Свято-Троицкий собор и часовня. Нижний Новгород. 1908.

Баранов В.С. Летопись Верхотурского Николаевского мужского общежительного монастыря. Верхотурье, 1910 (2-е изд. 1991).

Баранов В.С. Новый Крестовоздвиженский собор и торжества освящения главного престола сего величественного собора. Верхотурье, 1992.

Баранов В.С. Свято-Троицкий собор г. Верхотурья. Верхотурье. 1990.

Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т.19. СПб., 1895.

Бахрушин С.В. Вопрос о присоединении Сибири в исторической литературе// Бахрушин С.В. Научные труды. Т.3. Ч.1. М., 1955.

Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI-XVII вв.//Научные труды. Т.3. Ч.1. М., 1955.

Беляев Л.А. Древнерусские монастыри как городские кремли//Кремли России. Тезисы докладов всероссийского симпозиума (Москва, 23-26 ноября 1999 года). М., 1999.

Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск. СПб., 1821.

Богословский М.М. Петр I. Материалы к биографии. Т.3.

Божерянинов И.Н. 300 лет со дня основания Верхотурского Николаевского монастыря и двухвековое пребывание в нем св. мощей чудотворца Симеона Верхотурского. СПб, 1904. 2-е изд. – Екатеринбург, 1997.

Большаков О.Г., Якобсон В.А. Об определении понятия «город»//История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л., 1983.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Т.1. Структура повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.

Бунин А.В. История градостроительного искусства. Т.1. М., 1953.

Бусева-Давыдова И.Л. Кремль и монастырь: к типологии архитектурных ансамблей //Кремли России. Тезисы докладов всероссийского симпозиума (Москва, 23-26 ноября 1999 года). М., 1999. С.10-11.

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ея первых насельников. Харьков, 1889.

Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997; Культурное наследие Российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции 26-28 мая 1998 г. Екатеринбург-Верхотурье. Екатеринбург, 1998.

Верхотурский монастырь//Екатеринбургские епархиальные ведомости. Екатеринбург, 1893. №12-13, 1894. №12,17-18,22, 1895. №1-2.

Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVII вв. Новосибирск, 1990.

Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967.

Водарский Я.Е. Города и городское население России в XVII в.//Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.

Волков М.Я. Формирование городской буржуазии в России XVII-XVIII вв.//Города феодальной России. М., 1966.

Вольская Л.Н. Об историографии по градостроительному наследию Сибири// Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (15-17 ноября 1988 г.) Вып.1. Досоветский период. Новосибирск, 1988.

Глаголев А. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников, составленное при Министерстве внутренних дел. Ч.1. Тетрадь 1. О русских крепостях. СПб., 1838.

Глаголев. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников.//Материалы для статистики Российской империи. Т.1. 1839.

Громыко М.М. Г.М. Походяшин в «Дружеском Ученом Обществе» Н.И. Новикова//Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С.272.

Громыко М.М. Западная Сибирь в XVII в.: Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965.

Двойникова Е.В. К вопросу об охранном зонировании территории исторического города Верхотурья (формирование объемно-пространственной модели г. Верхотурья как средневекового русского города)// Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998.

Денисов В.П., Оборин В.А. Исследования в Пермской и на севере Свердловской области//Археологические открытия 1967 года. М., 1968.

Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII веке//Пермская старина. Вып.7. Пермь, 1897.

Дмитриев А.А. Виноторговля и кормчество на Урале и в Сибири в прошлом веке//ТГВ. №39-40.

Дмитриев А.А. Город Верхотурье в XVII веке. К 300-летнему его юбилею//ПГВ. 1898. №44.

Дмитриев А.А. Древности Верхотурья (К юбилею города 15 сентября 1898 года)//Памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899. Приложение.

Дмитриев А.А. Древности Верхотурья//Памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899. Приложение.

Дмитриев А.А. Из истории Верхотурской таможни//ПГВ. 1898. №№79-80.

Дмитриев А.А. К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации//Пермская старина. Вып.8. Пермь, 1900.

Дмитриев А.А. К трехсотлетию города Верхотурья//ПГВ. 1898. №1.

Дружинин Н. О периодизации истории капиталистических отношений в России. (К итогам дискуссии)//ВИ. 1951. №1.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

Забелин И.Е. Русское искусство. Черты самобытности в русском зодчестве. М., 1900.

Заварихин С.П. Ворота в Сибирь. М., 1981.

Золотов Е.К. Архитектура паломнического хода к мощам праведного Симеона Верхотурского//Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997.

Золотов Е.К. Архитектурный ансамбль Верхотурья. Вопросы его сохранности и развития. Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. архитектуры. М., 1988.

Золотов Е.К. Памятники Верхотурья. Екатеринбург, 1998.

Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII в. из Далматовского Успенского монастыря: К событиям 1662-1667 гг. в Южном Зауралье//Проблемы истории России. Вып.3. Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000.

Зылева М. Антирелигиозный п/отдел//Тагильский окружной музей. Отдельный оттиск. Нижний Тагил, б/д.

Из истории просвящения святым крещением Верхотурских инородцев//Пермские епархиальные ведомости. Пермь, 1868. №1. С.4.

Иофа Л.Е. Города Урала. М., 1951.

Истомина Э.Г. Транспортная сеть Урала в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.//Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986.

История народного хозяйства СССР. М., 1960.
История Сибири. Л., 1968.
История Урала с древнейших времен до 1861 г. Т.1. М., 1989.
Кабо Р.М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX в.) М., 1949.
Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII в. – первая половина XIX в.) Пермь, 1992.
Канторович Г.Д., Терехин А.С. Древнерусские строители Урала//Сборник научных трудов ППИ. №86. Пермь, 1971.
Кантерев Л.М. Как русские пришли на Урал. Свердловск, 1930.
Кантерев Л.М. Русская колонизация Северного Зауралья в XVII-XVIII веках. Свердловск, 1924.
Каптиков А.Ю. Архитектурные памятники Урала XVIII века. Барокко в уральской архитектуре. М., 1978.
Каптиков А.Ю. Каменное зодчество Русского Севера, Вятки и Урала XVIII в.: Проблемы региональных школ. Свердловск, 1990.
Каптиков А.Ю. Композиционные и декоративные особенности «московского барокко» на Урале// Вопросы теории и практики архитектурной композиции. №7. М., 1976.
Каптиков А.Ю. Народные мастера-каменщики в русской архитектуре XVIII века (на примере Вятки и Урала). М., 1988.
Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1875.
Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т.1. М.-Л., 1949.
Квецинская Т.Е. Верхотурье – транзитно-транспортный центр Западной Сибири в 70-80 гг. XVII в.//Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978.
Квецинская Т.Е. Город Верхотурье в XVII – начале XVIII вв. в отечественной историографии//Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1984.
Квецинская Т.Е. Историография Сибири XVI – начала XX в. М., 1983.
Квецинская Т.Е. Ремесла г. Верхотурье в 17 в.//История городов Сибири досоветского периода (17-20 вв.). Новосибирск, 1977.
Квецинская Т.Е. Хлебная торговля г. Верхотурья в XVII в.//Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1987.
Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVII столетия. М., 1903.
Кириченко Е.П. Николай I и судьба кремлей России//Кремли России. Тезисы докладов всероссийского симпозиума (Москва, 23-26 ноября 1999 года). М., 1999.
Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII века. М., 1967.
Ключевский В.О. Афоризмы Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993.
Колесников А.Д. Изменение демографической ситуации в Сибири в XVII в.//Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980.
Копылов А.Н. К характеристике сибирского города XVII в.//Города феодальной России. М., 1966.
Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в.//Русское государство в XVII в. М., 1961.
Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири: Конец XVII-XVIII в. Новосибирск, 1979.
Копылова С.В. Некоторые вопросы организации и техники каменного строительства в Сибири в конце XVII-XVIII в.//Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978.
Корнилов Г.Е. Население Верхотурья в последние сто лет//Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997.
Корчагин П.А. Застывшая история. Легенды и были Верхотурского кремля//Уральское краеведение: Ист.-лит. альманах. Екатеринбург, 1996.
Корчагин П.А. История Николаевского монастыря в г. Верхотурье и перестройка его экономики в XIX в.: Периодические закономерности развития//Исследования по истории и археологии Урала. Пермь, 1998.
Корчагин П.А. История города Верхотурья//Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998.
Корчагин П.А. Комплексные историко-археологические исследования КАЭ ПГУ в Верхотурье// Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998.
Корчагин П.А. Некоторые вопросы методологии, методики и организации комплексных историко-археологических исследований в городах Урала//Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып.3. Екатеринбург, 1999.
Корчагин П.А., Головчанский Г.П. К вопросу о взаимосвязи социально-экономической и архитектурно-планировочной истории уральского города (на примере г. Верхотурье)//Студенческая научная конференция. Тез. докл. Пермь, 1994.
Корчагин П.А., Оборин В.А. Археологические исследования в исторических городах Северного Урала// Археологические открытия в 1993 г. М., 1994.

Корчагин П.А., Оборин В.А., Соколова Н.Е. Археологическое исследование г. Верхотурья//Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.

Корчагин П.А., Старков А.В. Охранные археологические исследования в г. Верхотурье в 1996-1998 гг.//XIV Уральское археологическое совещание (21-24 апреля 1999 г.) Тезисы докладов. Челябинск, 1999.

Кочедамов В.И. Город Мангазея//Известия вузов. Строительство и архитектура. 1969. №2.

Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988.

Крючков С.В. Кремль как манифестация властной идеи в градостроительстве средневековья//Кремли России. Тезисы докладов всероссийского симпозиума (Москва, 23-26 ноября 1999 года). М., 1999.

Кузнецова Е.В., Погорелов С.Н. Археологические исследования в г. Екатеринбурге//Пермский регион: История, современность и перспективы. Материалы междунар. науч.-практ. конференции. Березники, 2001.

Курлаев Е.А. Новые данные о планировке и материальной культуре Николаевского монастыря XVII-XVIII вв.// Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998.

Курлаев Е.А. Церковная археология: раскопки в Николаевском монастыре г. Верхотурья в 1989-1990 гг.// Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998.

Курмачева М.Д. Торговля Сибири в XVII в. (По материалам верхотурской таможенной книги 1635/36 гг.)// Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984.

Курц Б.Г. Город Верхотурье в XVII в.//Юбилейный сборник историко-географического кружка при Киевском университете. Киев, 1914.

Леонтьева Г.А. Денежный бюджет Сибири и место в его составе поступлений от торговли в конце XVII - начале XVIII в.//Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1990.

Леонтьева Г.А. Место поступлений от торговли в бюджете тобольского разряда XVII в.//Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1987.

Любимов П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М.-Л., 1947.

Ляпцев Н.Н. Исторические особенности композиционного построения малых городов Урала//Вопросы теории и практики архитектурной композиции. №7. М., 1976.

Ляпцев Н.Н. Планировка и застройка города-крепости Верхотурья//Вопросы архитектуры и градостроительства. Свердловск, 1970.

Ляпцев Н.Н. Роль ландшафта в композиции уральских городов//Вопросы теории и практики архитектурной композиции. №7. М., 1976.

Макарий. Описание г. Верхотурья. СПб., 1854.

Макаров Л.Д. Из истории археологического исследования русских городских поселений бассейна р. Камы// Исследования по археологии и истории Урала. Пермь, 1998.

Макаров Л.Д., Медведева Т.А. Первые охранные наблюдения остатков нового времени в Ижевске// Пермский регион: История, современность и перспективы. Материалы междунар. науч.-практ. конференции. Березники, 2001.

Малинов А. Московский утломер//Строительная газета. 13 июля 1986. №14.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд.2. Т.3. С.28-39,49-58; Т.21. С.160-163,170-171.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1-2. М.-Л., 1937-1941.

Мирзоев В.Г. Историография Сибири XVIII в. Кемерово, 1963.

Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981.

Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). Л., 1985.

Мосунова Т.Г. Верхотурье глазами поляка (быт русского населения XIX в. по воспоминаниям Леона Крупецкого)//Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11-13 декабря 2000 г.) Тобольск-Омск, 2000.

На путях из земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии северно-уральского крестьянства XVII-XX вв. М., 1989.

Назаров В.Л. Зауральская эпопея XVI в.//ВИ. 1969. № 12.

Неволин К.А. Общий список русских городов//Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т.6. СПб., 1859.

Нечаева М.Ю. Монастыри и власти: Управление обителями Восточного Урала в XVIII в. Екатеринбург, 1998.

Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987.

Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI - начале XVII вв. Иркутск, 1990.

Оборин В.А. Использование русским населением в XVI-XVII вв. поселений нерусского населения на Урале// Древности Волгокамья. Казань, 1977.

Оборин В.А. История города Верхотурья в XVI-XVII веках//Отчет по хоздоговорной теме №659. Рукопись, хранится в музее г. Верхотурья.

Оборин В.А. Некоторые особенности формирования и развития городов на окраинах Русского государства в XV-XVII вв. (на примере Урала)//Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – XIX вв. Томск, 1978;

Оборин В.А., Шмыров В.А. Характеристика источников по истории городов Урала XV-XVII вв.//Деревня и город Урала в эпоху феодализма: Проблема взаимодействия. Свердловск, 1986.
Огаркова Р. «Имею честь быть вашим покорнейшим слугой»//Верхотурская старина. 15 сентября 1998 г. №8-9.
Оглоблин Н.Н. Опись столбцов Сибирского архива. М., 1898.
Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. Л., 1980
Оглы Б.И. Формирование планировки и застройки городов Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в.//Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978.
Омакина Е.Н. Архив верхотурской приказной избы в конце XVI – начале XVIII в. в собрании Н.П. Румянцева//ГБЛ. Записки отдела рукописей. Вып.41. М., 1980.
Описание бумаг Московского архива Министерства юстиции (МАМЮ). М., 1902-1922. Кн.13.
Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края: (К 400-летию Верхотурья). Екатеринбург, 1998.
Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в.
Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. М., 1962.
Падин В.А. Трубчевск. Тула, 1966.
Паломничество из Екатеринбурга в Верхотурье. Екатеринбург, 1914.
Пантелеймон иеромонах. Распутин в Верхотурье//Верхотурская старина. 10 апреля 1998 г. №3.
Пешков В.Н. Население городов дореформенной Пермской губернии//Наш край. Свердловск, 1971.
Побережников И.В. Влияние города на идеологию классового протеста крестьян Западной Сибири в XVIII в.//Город и деревня Сибири в досоветский период.
Поляков В.П. Прошлое и настоящее города Верхотурья. (К предстоящему 300-летию со дня его основания)// Исторический вестник. Т.64, май, 1896.
Преображенский А.А. Город, деревня и государственная власть в России в XVII-XVIII вв.//Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986.
Преображенский А.А. Из истории первых частных заводов на Урале в начале XVIII в.//Исторические записки. Т.58. 1958.
Преображенский А.А. К проблеме разделения труда в Русском государстве XVII в.//Историческая география России. XVII - начало XX в. М., 1975.
Преображенский А.А. Предприниматели Тумашевы в XVII в.//Русское государство в XVII в. М., 1961.
Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI - начале XVIII в. М., 1972.
Преображенский А.А. Хлебный бюджет монастырей Западной Сибири в конце XVII - начале XVIII вв.// Тезисы докладов и сообщений XII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Рига-Сигулда, октябрь 1970). М., 1970. № 1.
Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы. М., 1906.
Прядильщиков Ф.А. Максим Михайлович Походяшин//Сборник статей о Пермской губернии. Вып.2. Пермь, 1890.
Пуль Е.В. Основные этапы истории Верхотурского Свято-Николаевского монастыря //Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997.
Пуль Е.В. Судьба последнего настоятеля Свято-Николаевского монастыря// Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997.
Рабинович М.Г. К определению понятия «ГОРОД» (в целях этнографического изучения)//СЭ, 1983, №3.
Резун Д.Я. К истории изучения сибирского города XVIII в. в русской дореволюционной исторической науке//Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978.
Резун Д.Я. Очерки истории изучения Сибирского города конца XVII - первой половины XVIII в. Новосибирск, 1982.
Романовы в Верхотурье//Верхотурская старина. 10 апреля 1998 г. №7.
Ромодановская Е.К. Славяно-русские рукописи научной библиотеки Томского университета//ТОДРЛ. Т.26. Л., 1971.
Рындзюнский П.Г. Основные факторы городообразования в России второй половины XVIII в.//Русский город (Историко-методологический сборник). М., 1976.
Саваренская Т.Ф., Швидковский Д.О., Петров Ф.А. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм. М., 1989.
Савич А.А. Прошлое Урала (Исторические очерки). Пермь, 1925.
Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение//ВИМК. 1960. № 3.
Сергеев В.М. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов.//Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967.
Скрынников Р.Г. Лихолетье: Москва в XVI-XVII веках. М., 1989.
Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Пер.3. С.219.
Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607. Л., 1951.

Советская историческая энциклопедия. М., 1968.
Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Тула, 1990.
Сообщение о фонде 1111 ЦГАДА – документы Верхотурской приказной избы//Вопросы истории. 1973. № 12.
Сутырин Б.А. История городов Урала в XVIII-XIX вв. в советской исторической литературе//Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917-1967. Материалы 3-й научной сессии вузов Уральского экономического района (исторические науки). Вып.1. История СССР. Свердловск, 1969.
Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII в. - первая половина XIX в.) Пермь, 1992.
Тагильцева Н.Н., Чебан Т.В. Основатель первого краеведческого музея в Верхотурье//Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997.
Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим данным)// Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Т.3. Новосибирск, 1998.
Тверской Л. Русское градостроительство до конца XVII в. Планировка и застройка русских городов. Л.-М., 1953.
Тельтевский П.А. Троицкий собор в Верхотурье//Архитектурное наследие. 1960. №12.
Терехин А.С., Канторович Г.Д. Древнерусские строители Урала//Проектирование, строительство и эксплуатация зданий и сооружений. Пермь, 1971.
Токмаков И. Историко-статистическое и археологическое описание г. Верхотурья с уездом (Пермской губернии), в связи с историческим сказанием о житии святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца. М., 1899.
Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.
Торопов П. Трехсотлетие г. Верхотурье. Пермь, 1897; Его же. Город Верхотурье и его святыни. Верхотурье, 1912.
Трапезников Вл. Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV-XVII вв.). Архангельск, 1911.
Трущенко О.Е. Генезис концепции урбанизма как образа жизни Л. Вирта//Вопросы истории и критики буржуазной социологии. М., 1983.
Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг.//Исторические записки. Т.24. 1947.
Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия до завоевания сей земли русским оружием. СПб., 1774.
Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX –начале XX века. Пермь, 1991.
Черкасова А.С. Некоторые вопросы историографии русского города XVIII столетия//Исследования по истории Урала. Вып.1. Пермь, 1970.
Черняк Е.В. Новые сведения о дневнике путешествия в Сибирь неизвестного иностранного автора в 1666 г.//Российское государства XVII – начала XX вв. Экономика, политика, культура. Тез. докл. конф., посвящ. 380-летию восстановления российской государственности (1613-1993). Екатеринбург, 1993.
Чупин Н.К. О Богословских заводах и заводчике Походяшине. Отд. оттиск из ПГВ. Б.м., 1872.
Шадрин А. Мастера из Стёкольной//Пермские новости. 14 февраля 1997. №25.
Шапошников Г.Н. Телеграф в г. Верхотурье (Первая телеграмма в городе)//Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998.
Шашков А.Т. Воеводское управление на Урале в XVII в. (Верхотурский «розыск» о служилых людях 1678-1679 гг. и судьба Я.Б. Лепихина)//Уральский исторический вестник. №3. Екатеринбург, 1996.
Шашков А.Т., Редин Д.А. История Урала с древнейших времен до конца XVIII в. Екатеринбург, 1996.
Шилов А.В. Из истории Верхотурья в конце XVIII в. (по материалам Государственного архива Пермской области)//Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998.
Шквариков В.А. Очерк истории планировки и застройки русских городов М., 1954.
Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII-XVIII в. (Развитие феодальных отношений и их особенности). Красноярск, 1983.
Шорохов Л.П. Узники сибирских монастырей в XVIII в.//Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири(XVIII - начала XX вв.). Новосибирск, 1978.
Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. М., 1956.
Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т.6. СПб., 1892.
Brumfild M. Siberian Odissey//The Newsletter of American Association for the Advancement of Slavic Studies. v.40.n.2/March 2000. p.1-5.
Brumfild M. Yekaterinburg passage to Asia//Russian life. March-April 2000. p.56-57.

СПИСОК ПЛАНОВ ВЕРХОТУРЬЯ XVIII–XIX ВЕКОВ

1. План городу Верхотурью. (До 1777 гг.) РГВИА. Ф.ВУА. Ед.хр.21807.

2. План Пермского Наместничества уездного города Верхотурья данной от бывшего в городе Тобольске господина Генерал Порутчика Сибирского Губернатора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина по которому до сего и строение перестроено как показано на сем плане вычерчено и покрыто тушью, по сему и кварталы разширить на сем плане вновь неполагается. (1781-1786 г.) РГИА. Ф.1293. Оп.168. Д.17.

3. План Пермского наместничества городу Верхотурью. (1781-1786 г.) РГИА. Ф.1293. Оп.168. Д.19.

4. План Пермского Наместничества городу Верхотурью. (1781-1786 г.) РГВИА. Ф.ВУА. Ед.хр.21806.

5. План Пермского наместничества уездного Верхотурья, по которому большею частью повелением бывшего в Тобольске господина губернатора Дениса Ивановича Чичерина застроен, прибавлено по повелению Его высокопревосходительства господина генерал-поручика, правящего должность генерал-губернатора Пермского и Тобольского наместника и кавалера Алексея Андреевича [Волкова] для пространного заселения жителями и для промыслов довольное количество кварталов. (1788-1796 гг.) ГАПО. Ф.279. Оп.1. Д.89.

6. Копия ...ставленного на высочайшую Конфирмацию Плана с разрешением неудобностей. (1788-1796 гг.) ГАПО. Ф.279. Оп.1. Д.82.

7. План Пермской губернии уездного города Верхотурья. Сочинен 1797 года. РГВИА. Ф.ВУА. Ед.хр.22380. (Фотокопия: ГНИМА им. Щусева. Фототека. №8905).

8. План Верхотурья из Атласа Пермской губернии. (1798 г.) РГИА. Ф.1350. Оп.312. Д.24. Л.29об-30.

9. Пермской губернии уездный город – Верхотурье. (1799-1808 гг.) ГАПО. Ф.279. Оп.1. Д.83.

10. План прожектированный Пермской губернии уездного города Верхотурья. РГАДА. Ф.1356. Оп.1. Д.4539.

11. План части города Верхотурья с показанием квартала в котором строится здание для общественных мест. (Первая половина 20-х гг. XIX в.) РГИА. Ф.1286. Оп.4. Д.103. Л.14об-15.

12. План Пермской губернии города Верхотурья 1823 года. ГАПО. Ф.279. Оп.1. Д.3.

13. План Пермской губернии города Верхотурья. (После 1836 г.). ГАПО. Ф.716. Оп.3. Д.52.

14. План Пермской губернии города Верхотурья с показанием существующего строения и границ селитебной земли снятия учиненного в 1837 году. ГАПО. Ф.279, Оп.1. Д.90.

15. План Пермской губернии города Верхотурья. (После 1837 г.) ГАПО. Ф.279. Оп.1. Д.88.

16. План Пермской губернии уездного города Верхотурья. На подлинном плане Собственной Его Императорского Величества рукою написано: Быть по сему. Николай. Гатчина 23 сентября 1844 года. ГАПО. Ф.279. Оп.1. Д.20.

17. План города Верхотурья. (1864 г.) РГИА. Ф.1293. Оп.167. Д.19.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
ВИ – Вопросы истории
ВИМК – Вестник истории мировой культуры
ВГИАМЗ – Верхотурский историко-архитектурный музей-заповедник
ВЦИК – Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет
ГАПК – Государственный архив Пермской области
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. Щусева
ГНПЦ – Государственный научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области
ГРМ – Государственный Русский музей
ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией
КАЭ – Камская археологическая экспедиция
МАМЮ – б. Московский архив Министерства юстиции, хранящийся в РГАДА
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКЮ – Народный комиссариат юстиции
ОИДР – Императорское общество истории и древностей Российских
ОЦОП – Областной центр по охране и использованию памятников истории и культуры Пермской области
ПГВ – Пермские губернские ведомости
ПГТУ – Пермский государственный политехнический университет
ПГУ – Пермский государственный университет
ППИ – Пермский политехнический институт (ныне ПГТУ)
ПСЗ – Полный свод законов Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПУАК – Пермская Ученая Архивная Комиссия
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГБ – Российская государственная библиотека
РГИА – Российский государственный исторический архив
РИБ – Русская историческая библиотека
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СПбФИРИРАН – Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской академии наук
ТГВ – Тобольские губернские ведомости
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома)
СЭ – Советская этнография
УрГУ – Уральский государственный университет

СНОСКИ:

1. Преображенский А.А. Город, деревня и государственная власть в России в XVII-XVIII вв.//Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С.13.

2. Черкасова А.С. Некоторые вопросы историографии русского города XVIII столетия//Исследования по истории Урала. Вып.1. Пермь, 1970. С.61.

3. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.-Л., 1937, Т.2. 1941.

4. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1-5. СПб., 1841-1842; Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т.1-12. СПб., 1846-1872; Русская историческая библиотека, изданная Археографической комиссией. Т.1-39. СПб., 1872-1927.

5. Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн.1. 1700-1713 гг. СПб., 1882.

6. Древние грамоты XVI-XVII в., относящиеся к основанию и первоначальному устройству города Верхотурья// Временник Императорского общества истории и древностей Российских. Кн.25. М., 1857, Кн.25.

7. Верхотурские грамоты конца XVI - начала XVII в. Ч.1-2. М., 1982.

8. Богословский П.С. Верхотурские царские грамоты (нач. XVII в.)//Материалы по изучению Пермского края. Вып.5. Пермь, 1915. С.10-32.

9. Макарий. Древние грамоты XVI и XVII в., относящиеся к основанию и первоначальному устройству г. Верхотурья// Временник ОИДР. Т.25. С.4-12.

10. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.1. Пермь, 1881; Пер.2. 1882; Пер.3. 1884; Пер.4. 1884; Пер.5. Ч.1. 1885, Ч.2. 1887, Ч.3. 1889.

11. Дмитриев А.А. Верхотурский кремль и подчиненные ему крепости по описаниям XVII и начала XVII столетия//ПГВ. 1885.№ 4,7-14; Романов Г. Деревянная крепость города Верхотурья в 1687 г.// ПГВ, 1860, № 46; его же. Служилые люди и боевой снаряд Верхотурской крепости в 1687 г.//ПГВ. 1861, №29.

12. Грамота о построении крепости и бывшего Гостиного двора//Заволжский муравей. №13. Июль 1854. С.284-294.

13. Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. М., 1987.

14. ПСЗ I. СПб., 1830.

15. Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века). Сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999.

16. Алексеев М.П. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII веке//Исторический архив. М.-Л., 1936; его же. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941.

17. Черняк Е.В. Новые сведения о дневнике путешествия в Сибирь неизвестного иностранного автора в 1666 г.// Российское государства XVII – начала XX вв. Экономика, политика, культура. Тез. докл. конф., посвящ. 380-летию восстановления российской государственности (1613-1993). Екатеринбург, 1993.

18. Лепехин И.И. Продолжение дневных записок путешествия в 1771 г. Ч.3. СПб., 1780. С.77-78; Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского Государства в 1770 г. Т.3. СПб., 1786. С.337 и пр.

19. Свидетельства истории. Публикация документов. Вып.7. Из истории Верхотурских храмов. Екатеринбург, 1998.

20. Корчагин П.А. «Росписной список» кремля и гостиного двора Верхотурья 1777 года//Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С.58-67.

21.

22. Золотов Е.К. Памятники Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С.15-18.

23. Новый и полный географический словарь Российского государства или лексикон. Ч.1. А-Ж. М., 1788; Герман К. Статистические исследования относительно Российской империи. Ч.1. СПб., 1819.; Неволин К.А. Общий список русских городов//Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т.6. СПб., 1859; Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Вып.2. «В». Пермь, 1875; Кривощеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии, с общим историческо-экономическим очерком и приложением карты уезда в границах по административному делению России в 1734 г. Пермь, 1910.

24. Ромодановская Е.К. Славяно-русские рукописи научной библиотеки Томского университета//ТОДРЛ. Т.26. Л., 1971; Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея. Систематический каталог, составленный М.В. Филипповым//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.16. Тобольск, 1907.

25. Историческо-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 г. Пермь, 1801; Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию. Ч.III. СПб., 1804; Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская Губерния. Ч.1-2. СПб., 1864; Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края.//Сборник материалов для ознакомления с Пермскою губерниею. Пермь, 1891. Вып. III и др.

26. См. хотя бы: Города России в 1904 году. СПб., 1906; Городские поселения в Российской империи. СПб., 1863; Статистические таблицы Российской империи. Вып.2. Наличное население империи за 1858 г. СПб., 1863 и пр.

27. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1894-1917 год. Пермь, 1893-1917.

28. Обзор Пермской губернии за 1898-1915 год. Пермь, 1899-1917.

29. Например: Общий доклад Верхотурской уездной земской управы 4-му очередному собранию о действии ея за первое трехлетие, с июня 1870 г. по сентябрь 1873 года. СПб., 1874; Журналы Верхотурского Уездного Земского Собрания 43-й Очередной сессии 1912 года с относящимися к ним докладами и другими документами. Верхотурье, 1912.

30. Научная критика подобных источников должна основываться на выработке целостной методики реконструкции численности и социальной структуры населения российских городов, которая, к сожалению, находится ныне в эмбриональном состоянии. Для полной реконструкции социально-демографической динамики Верхотурья потребна работа по объему не менее настоящей монографии, поэтому автору пришлось прибегать к подобным изысканиям только в тех случаях, когда это было необходимо для достижения целей данного исследования.

31. Сообщение о фонде 1111 ЦГАДА - документы Верхотурской приказной избы//Вопросы истории. 1973. № 12; Омакина Е.Н. Архив верхотурской приказной избы в конце XVI – начале XVIII в. в собрании Н.П. Румянцева//ГБЛ. Записки отдела рукописей. Вып.41. М., 1980.

32. ГАПК. Ф.278 - Чертежная Пермского губернского правления; Ф.279 - Коллекция планов, карт и чертежей, отложившихся в фондах губернской чертежной, межевой комиссии и в Пермском поземельно-устроительном отряде; Ф.716 - Коллекция картографических планов.

33. РГВИА. Ф. Военно-ученого архива.

34. Денисов В.П., Оборин В.А. Исследования в Пермской и на севере Свердловской области//Археологические открытия 1967 года. М., 1968;

35. Корчагин П.А., Оборин В.А., Соколова Н.Е. Археологическоеисследованиег.Верхотурья//Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С.174-176; Корчагин П.А., Оборин В.А. Археологические исследования в исторических городах Северного Урала//Археологические открытия в 1993 г. М., 1994. С.146.

36. Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998.

37. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С.5.

38. Бахрушин С.В. Вопрос о присоединении Сибири в исторической литературе//Бахрушин С.В. Научные труды. Т.3. Ч.1. М., 1955. С.17-71.

39. Сутырин Б.А. История городов Урала в XVIII-XIX вв. в советской исторической литературе//Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917-1967. Материалы 3-й научной сессии вузов Уральского экономического района (исторические науки). Вып.1. История СССР. Свердловск, 1969. С.55-59.

40. Квецинская Т.Е. Город Верхотурье в XVII - начале XVIII вв. в отечественной историографии//Историография городов Сибири конца XVI - начала XX в. Новосибирск, 1984. С.61.

41. Квецинская Т.Е. Историография Сибири XVI - начала XX в. М., 1983.

42. Мирзоев В.Г. Историография Сибири XVIII в. Кемерово, 1963.

43. Резун Д.Я. Очерки истории изучения Сибирского города конца XVII - первой половины XVIII в. Новосибирск, 1982; его же. К истории изучения сибирского города XVIII в. в русской дореволюционной исторической науке//Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978.

44. Черкасова А.С. Некоторые вопросы историографии русского города XVIII столетия //Исследования по истории Урала. Пермь, Вып.1. 1970. С.55.

45. Вольская Л.Н. Об историографии по градостроительному наследию Сибири// Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (15-17 ноября 1988 г.) Вып.1. Досоветский период. Новосибирск, 1988.

46. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1-2. М.-Л., 1937-1941.

47. Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия до завоевания сей земли русским оружием. СПб., 1774.

48. См. хотя бы: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. ТТ.7-8. М., 1989. С.364-366,419,511; ТТ.9-10. М., 1990. С.119.

49. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886.

50. Андриевич В.К. История Сибири. СПб., 1889.

51. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ея первых насельников. Харьков, 1889.

52. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII веке//Пермская старина. Вып.7. Пермь, 1897; его же. Винокурение и кормчество на Урале и в Сибири в прошлом веке//ПГВ. №39-40; его же. К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации//Пермская старина. Вып.8. Пермь, 1900.

53. Дмитриев А.А. Из истории Верхотурской таможни//ПГВ. 1898. №№79-80; его же. К трехсотлетию города Верхотурья//ПГВ. 1898. №1; его же. Город Верхотурье в XVII веке. К 300-летнему его юбилею//ПГВ. 1898. №44; его же. Древности Верхотурья//Памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899. Приложение. С.3-22.

54. Токмаков И. Историко-статистическое и археологическое описание г. Верхотурья с уездом (Пермской губернии), в связи с историческим сказанием о житии святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца. М., 1899.

55. Торопов П. Трехсотлетие г. Верхотурье. Пермь, 1897; Его же. Город Верхотурье и его святыни. Верхотурье, 1912.

56. Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Вып.2. «В». Пермь, 1875. С.265; Чупин Н.К. О Богословских заводах и заводчике Походяшине. Отд. оттиск из ПГВ. Б.м., 1872.

57. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1875. С.252-253.

58. Прядильщиков Ф.А. Максим Михайлович Походяшин//Сборник статей о Пермской губернии. Вып.2. Пермь, 1890. С.60-64.

59. Поляков В.П. Прошлое и настоящее города Верхотурья. (К предстоящему 300-летию со дня его основания)// Исторический вестник. Т.64. Май. 1869. С.586-604.

60. Божерянинов И.Н. 300 лет со дня основания Верхотурского Николаевского монастыря и двухвековое пребывание в нем св. мощей чудотворца Симеона Верхотурского. СПб, 1904. 2-е изд. – Екатеринбург, 1997.

61. Курц Б.Г. Город Верхотурье в XVII в.//Юбилейный сборник историко-географического кружка при Киевском университете. Киев, 1914.

62. Макарий. Описание г. Верхотурья. СПб., 1854.

63. Баранов В.С. Древний кремль г. Верхотурья, Свято-Троицкий собор и часовня. Нижний Новгород. 1908; его же. Летопись верхотурского Николаевского мужского общежительного монастыря. Верхотурье, 1910 (2-е изд. 1991); его же. Свято-Троицкий собор г. Верхотурья. Верхотурье. 1990; его же. Верхотурский Покровский женский монастырь. Б.м., 1991; его же. Новый Крестовоздвиженский собор и торжества освящения главного престола сего величественного собора. Верхотурье, 1992.

64. Верхотурский монастыры//Екатеринбургские епархиальные ведомости. Екатеринбург, 1893. №12-13, 1894. №12,17-18,22.

65. Трапезников Вл. Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV-XVII вв.). Архангельск, 1911.

66. Савич А.А. Прошлое Урала (Исторические очерки). Пермь, 1925.

67. Каптерев Л.М. Русская колонизация Северного Зауралья в XVII-XVIII веках. Свердловск, 1924; его же. Как русские пришли на Урал. Свердловск, 1930.

68. Бахрушин С.В. Научные труды. Т.3. Ч.1. М., 1955.

69. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII - начале XVIII веков. М.-Л., 1946; Его же. Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. М., 1956.

70. Кабо Р.М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII - первая половина XIX в.) М., 1949.

71. Анимица Е.Г. Типы малых и средних городов Свердловской области//Наш край. Материалы V Свердловской областной краеведческой конференции. Свердловск, 1971; Его же. Города Среднего Урала. Прошлое, настоящее, будущее. Свердловск, 1983.

72. Иофа Л.Е. Города Урала. М., 1951.

73. Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение//ВИМК. 1960. № 3. Сергеев В.М. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов.// Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С.174-179.

74. Назаров В.Л. Зауральская эпопея XVI в.//ВИ. 1969. № 12; Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987.

75. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1965; Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967; его же. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI - начала XVII вв. Новосибирск, 1990.

76. Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири XVII в.//Русское государство в XVII в. М., 1961; его же. К характеристике сибирского города XVII в.//Города феодальной России. М., 1966.

77. Преображенский А.А. Из истории первых частных заводов на Урале в начале XVIII в.//Исторические записки. Т.58. 1958; Его же. Предприниматели Тумашевы в XVII в.// Русское государство в XVII в. М., 1961; Его же. Хлебный бюджет монастырей Западной Сибири в конце XVII - начале XVIII вв.//Тезисы докладов и сообщений XII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Рига-Сигулда, октябрь 1970). М., 1970. № 1; Его же. Урал и Западная Сибирь в конце XVI - начале XVIII в. М., 1972; Его же. К проблеме общественного разделения труда в русском государстве XVII в.//Историческая география России XVII - нач. XX в. М., 1975.

78. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI - начале XVII вв. Иркутск, 1990; Его же. Использование русским населением в XVI-XVII вв. поселений нерусского населения на Урале//Древности Волгокамья. Казань, 1977; Его же. Некоторые особенности формирования и развития городов на окраинах Русского государства в XV-XVII вв. (на примере Урала)//Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII - XIX вв. Томск, 1978;

79. Оборин В.А. История города Верхотурья в XVI-XVII веках//Отчет по хоздоговорной теме №659. Рукопись, хранится в Верхотурском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике.

80. Квецинская Т.Е. Верхотурье - транзитно-транспортный центр Западной Сибири в 70-80 гг. XVII в.//Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978; Ее же. Ремесла г. Верхотурья в XVII в.// История городов Сибири досоветского периода (XVII - начала XIX вв.). Новосибирск, 1977; Ее же. Хлебная торговля г. Верхотурья в XVII в.//Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1987.

81. Леонтьева Г.А. Место поступлений от торговли в бюджете тобольского разряда XVII в.//Торговля городов Сибири конца XVI - начала XX в. Новосибирск, 1987; Леонтьева Г.А. Денежный бюджет Сибири и место в его составе поступлений от торговли в конце XVII - начале XVIII в.//Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1990.

82. Курмачева М.Д. Торговля Сибири в XVII в. (По материалам верхотурской таможенной книги 1635/36 гг.)// Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984.

83. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т.1. М.-Л., 1949; Любимов П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М.-Л., 1947.

84. Корнилов Г.Е. Население Верхотурья в последние сто лет//Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С.144-147; Пешков В.Н. Население городов дореформенной Пермской губернии//Наш край. Свердловск, 1971. С.35-38.

85. Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг.XVIII в. – первая половина XIX в.) Пермь, 1992.

86. Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI - первой половине XIX века. Пермь, 1995.

87. История Сибири. Л., 1968; История Урала с древнейших времен до 1861 г. Т.1. М., 1989; Шашков А.Т., Редин Д.А. История Урала с древнейших времен до конца XVIII в. Екатеринбург, 1996.

88. Преображенский А.А. Хлебный бюджет монастырей Западной Сибири в конце XVII - начале XVIII вв.//Тезисы докладов и сообщений XII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Рига-Сигулда, октябрь 1970). М., 1970. №1; Нечаева М.Ю. Монастыри и власти: Управление обителями Восточного Урала в XVIII в. Екатеринбург, 1998; Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII-XVIII в. (Развитие феодальных отношений и их особенности). Красноярск, 1983.

89. Корчагин П.А. История Николаевского монастыря в г. Верхотурье и перестройка его экономики в XIX в.: Периодические закономерности развития//Исследования по истории и археологии Урала. Пермь, 1998. С.184-200.

90. Пуль Е.В. Основные этапы истории Верхотурского Свято-Николаевского монастыря //Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С.75-86; Ее же. Судьба последнего настоятеля Свято-Николаевского монастыря//Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С.87-92.

91. Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края: (К 400-летию Верхотурья). Екатеринбург, 1998.

92. Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997; Культурное наследие Российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции 26-28 мая 1998 г. Екатеринбург-Верхотурье. Екатеринбург, 1998.

93. Глаголев А. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников, составленная при Министерстве внутренних дел. Ч.1. Тетрадь 1. О русских крепостях. СПб., 1838; его же. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников// Материалы для статистики Российской империи. Т.1. 1839.

94. Бунин А.В. История градостроительного искусства. Т.1. М., 1953; Тверской Л. Русское градостроительство до конца XVII в. Планировка и застройка русских городов. Л.-М., 1953; Шкварников В.А. Очерк истории планировки и застройки русских городов М., 1954.

95. Ляпцев Н.Н. Планировка и застройка города-крепости Верхотурья//Вопросы архитектуры и градостроительства. Свердловск, 1970. С.15; его же. Исторические особенности композиционного построения малых городов Урала//Вопросы теории и практики архитектурной композиции. №7. М., 1976. С.40-47; его же. Роль ландшафта в композиции уральских городов//Вопросы теории и практики архитектурной композиции. №7. М., 1976. С.47-53.

96. Аферов Н.С., Лотарева Р.М. Особенности типологии и композиции городов-крепостей на Урале//Вопросы теории и практики архитектурной композиции. №7. М., 1976. С.28-40.

97. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978; Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. Л., 1980; Его же. Формирование планировки и застройки городов Сибири в конце XVIII - первой половине XIX в.//Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978.

98. Балаидин С.Н. Оборонительная архитектура Сибири в XVII в.//Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветское время). Новосибирск, 1974.

99. Тельтевский П.А. Троицкий собор в Верхотурье// Архитектурное наследие. 1960. №12; Терехин А.С., Канторович Г.Д. Древнерусские строители Урала//Проектирование, строительство и эксплуатация зданий и сооружений. Пермь, 1971; Котылова С.В. Некоторые вопросы организации и техники каменного строительства в Сибири в конце XVII-XVIII в.//Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С.285-312; Ее же. Каменное строительство в Сибири: Конец XVII-XVIII в. Новосибирск, 1979.

100. Каптиков А.Ю. Композиционные и декоративные особенности «московского барокко» на Урале//Вопросы теории и практики архитектурной композиции. №7. М., 1976. С.69-80; его же. Архитектурные памятники Урала XVIII века. Барокко в уральской архитектуре. М., 1978; Народные мастера-каменщики в русской архитектуре XVIII века (на примере Вятки и Урала). М., 1988; Его же. Каменное зодчество Русского Севера, Вятки и Урала XVIII в.: Проблемы региональных школ. Свердловск, 1990.

101. Заварихин С.П. Ворота в Сибирь. М., 1981.

102. Золотов Е.К. Архитектура паломнического хода к мощам праведного Симеона Верхотурского//Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С.48-54; Его же. Памятники Верхотурья. Екатеринбург, 1998.

103. Золотов Е.К. Архитектурный ансамбль Верхотурья. Вопросы его сохранности и развития. Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. архитектуры. М., 1988. С.1-10.

104. Двойникова Е.В. К вопросу об охранном зонировании территории исторического города Верхотурья (формирование объемно-пространственной модели г. Верхотурья как средневекового русского города)// Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С.16-26.

105. Brumfild M. Siberian Odissey//The Newsletter of American Association for the Advancement of Slavic Studies. v.40.n.2/ March 2000. p.1-5; Brumfild M. Yekaterinburg passage to Asia// Russian life. March-April 2000. p.56-57.

106. Оборин В.А., Шмыров В.А. Характеристика источников по истории городов Урала XV-XVII вв.//Деревня и город Урала в эпоху феодализма: Проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С.16-17.

107. Макаров Л.Д. Из истории археологического исследования русских городских поселений бассейна р. Камы// Исследования по археологии и истории Урала. Пермь, 1998. С.137-154.

108. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. Иркутск, 1990.

109. Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С.6.

110. Цит. по: Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С.7.

111. Водарский Я.Е. Города и городское население России в XVII в.//Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С.98-99,101-107; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII - начале XVIII века. М., 1977. С.115-117.

112. Кабо Р.М. Города Западной Сибири… С.3.

113. Рабинович М.Г. К определению понятия «ГОРОД» (в целях этнографического изучения)//СЭ, 1983. №3. С.19.

114. Большаков О.Г., Якобсон В.А. Об определении понятия «город»//История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л., 1983.

115. Археология СССР. Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С.52.

116. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С.18.

117. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд.2. Т.3. С.28-39,49-58; Т.21. С.160-163,170-171.

118. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Т.1. Структура повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С.509.

119. «Под функцией понимается деятельность городских жителей, направленная вовне, на связь с внешним (для города) миром, та деятельность, которая оправдывает бытие города, обеспечивает необходимые ресурсы для жизни». См. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С.194.

120. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С.235.

121. Ключевский В.О. Афоризмы Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С.3.

122. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С.188.

123. Советская историческая энциклопедия. М., 1968. С.40.

124. Дружинин Н. О периодизации истории капиталистических отношений в России. (К итогам дискуссии) // ВИ. 1951. №1. С.59.

125. Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С.456.

126. См. хотя бы: Курс экономической теории. Киров. 1995. С.340-354.

127. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

128. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVII-XIX вв.). Л., 1985.

129. Рабинович М.Г. К определению понятия «город»… С.21.

130. Никитин Н.И. Зауральская эпопея XVII века… С.19-21.

131. Сергеев В.М. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов... С.175.

132. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. … С.339-341.

133. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века… С.15-16.

134. ГАПК. Ф.597. Оп.1. Д.24, Л.10об; Д.7. Л.5; Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск. СПб., 1821. С.206.

135. РИБ. Т.2. СПб., 1875. С.57-61.

136. Вычегодско-Вымская летопись//Историко-филологический сборник. Сыктывкар, Вып.4. 1958. С.267-268.

137. РИБ. Т.3. СПб., 1876. С.71,815,834.

138. РИБ. Т.2. СПб., 1875. С.142-144.

139. Оборин В.А. Использование русским населением в XVI-XVII вв. поселений нерусского населения… С.119–126.

140. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. … С. 406.

141. Верхотурские грамоты конца XVI - начала XVII вв. … С.12-17.

142. Трапезников Вл. Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху… С.46; Кабо Р.М. Города Западной Сибири… С.42.

143. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века… С.23-24.

144. РИБ. Т.2. СПб., 1875. С.56-57.

145. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. ... С.375-377.
146. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т.3. С.20.
147. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. ... С.377-378.
148. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. ... С.378.
149. АИ. Т.2. СПб., 1841. С.26-27.
150. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI - начале XVIII в. ... С.127-129,138-139.
151. АИ. Т.2. СПб., 1841. С.61.
152. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. ... С.226.
153. Там же. С.273.
154. СПбФИРИРАН. Ф.28. Карт.1. Д.30(12).
155. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. ... С.288,290.
156. АИ. Т.3. СПб., 1841. С.159-160.
157. Там же. С.110-111.
158. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири... С.13.
159. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII веке ... С.170.
160. Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI - первой половине XIX века. Пермь, 1995. С.59.
161. АИ. Т.3. СПб., 1841. С.160.
162. Квецинская Т.Е. Хлебная торговля г. Верхотурья в XVII в. ... С.72.
163. Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. ... С.333-334.
164. Леонтьева Г.А. Место поступлений от торговли в бюджете тобольского разряда XVII в. ... С.104.
165. Назаров В.Д. Зауральская эпопея XVII в.//ВИ. 1969. №12. С.114.
166. АИ. Т.2. СПб., 1841. С.10.
167. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. ... С.380-381.
168. Верхотурские грамоты конца XVI - начала XVII в. М., 1982. С.43-46.
169. Назаров В.Д. Зауральская эпопея XVII в.//ВИ. 1969. №12. С.114.
170. АИ. Т.2. СПб., 1841. С.33.
171. Там же. С.34.
172. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. ... С.408.
173. РИБ. Т.3. СПб., 1876. С.71-73,815,834.
174. Макарий. Описание города Верхотурья... С.82.
175. СПбФИРИРАН. Ф.28. Карт.3. Д.3(1).
176. Леонтьева Г.А. Место поступлений от торговли в бюджете тобольского разряда XVII в. ... С.106.
177. Там же. С.101.
178. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ея первых насельников... С.26.
179. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII веке ... С.159-170. Подсчеты материалов дозорных книг, переписей и т.д. Верхотурья XVII в. произведены В.А. Обориным. См.: Оборин В.А. История города Верхотурья в XVI-XVII веках// Отчет по хоздоговорной теме №659. Рукопись, хранится в ВГИАМЗ. С.84.
180. Оборин В.А. История города Верхотурья в XVI-XVII веках... С.86.
181. РГАДА. Ф.1111. Оп.4. Д.1. Ф.214. Кн.5,10; Оборин В.А. История города Верхотурья... С.84.
182. РГАДА. Ф.1111. Оп.3. Д.23.
183. Оборин В.А. Некоторые особенности формирования и развития городов... С.130.
184. РГАДА. Ф.1111. Оп.4. Д.1; Оборин В.А. Некоторые особенности формирования и развития городов... С.137.
185. Оборин В.А. Некоторые особенности формирования и развития городов на окраинах Русского государства в XV-XVII вв. (на примере Урала)//Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII - XIX вв. Томск, 1978. С.136.
186. Миллер История Сибири. Т.2. ... С.326.
187. Дмитриев А.А. К истории зауральской торговли... С.64.
188. АИ. Т.2. СПб., 1841. С.59.
189. Токмаков И. Историко-статистическое и археологическое описание г. Верхотурья... С.250.
190. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. ... С.270.
191. Андриевич В.К. История Сибири... С.180-181; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. ... С.276-282.
192. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. ... С.68.
193. Баранов В.С. Летопись Верхотурского Николаевского Мужского Общежительного монастыря... С.16-18.
194. Дмитриев А.А. Верхотурский край...С.163.
195. АИ. Т.3. СПб., 1841. С.225-226.
196. Буцинский П.М. Заселение Сибири и быт первых ея насельников. Харьков, 1889. С.43.
197. АИ. Т.3. СПб., 1841. С.140.
198. Там же. С.407.
199. АИ. Т.4. СПб., 1842. С. 35.
200. Дмитриев А.А. К истории зауральской торговли...С.106.
201. РГАДА. Ф.7. ДД.5,221,272,449; Оп.1. Д.59; РГИА. Ф.467. Оп.39. Д.19; Русская старина, 1875, ноябрь; Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы. М., 1906. С.45-46; Шорохов Л.П. Узники сибирских монастырей в XVIII в.//Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII - начала XX вв.). Новосибирск, 1978. С.294-307.
202. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. ... С.69.
203. Верхотурские грамоты... С.198-199.
204. Буцинский П.Н. Заселение Сибири... С.55.
205. Там же. С.55-56.
206. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С.190.
207. СПбФИРИРАН. Ф.28. Карт.2. Д.39(34).
208. РИБ. Т.2. СПб., 1875. С.507-508,528-529.
209. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. ... С.468,471-472.
210. СПбФИРИРАН. Ф.28. Карт.2. Д.4.
211. Там же. Ф.28. Карт.3. Д.3(1); Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.3. Пермь, 1884. С.4-5.
212. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. ... С. 510.
213. Там же. С.329.
214. РИБ. Т.2. СПб., 1875. С.507-508,528-529.
215. СПбФИРИРАН. Ф.28. Карт.2. Д.63.
216. Там же. Ф.28.Карт.1.Д.63.
217. АИ. Т.3. СПб., 1841. №122.
218. СПбФИРИРАН. Ф.28. Карт.2. Д.43(6).
219. Леонтьева Г.А. Место поступлений от торговли в бюджете тобольского разряда XVII в. ... С.106.
220. Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI-XVII вв.// Научные труды. Т.3. Ч.1. М., 1955. С.108.
221. Леонтьева Г.А. Место поступлений от торговли в бюджете тобольского разряда XVII в. ... С. 104.
222. Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в.//Русское государство в XVII в. М., 1961. С.339.
223. Курмачева М.Д. Торговля Сибири в XVII в. (По материалам верхотурской таможенной книги 1635/36 гг.)// Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С.115-116.

224. Копылов А.В. Таможенная политика в Сибири в XVII в. … С.334.
225. Там же. С.335.
226. Александров В.А. Начало Ирбитской ярмарки// История СССР. 1974. №6. С.36.
227. СПбФИРИРАН. Ф.28. Карт.3. Д.3(1).
228. РИБ. Т.2. СПб., 1875. С.528-529,759.
229. АИ. Т.3. СПб., 1841. С.228.
230. Там же. С.239-241.
231. АИ. Т.4. СПб., 1842. С.35.
232. Там же. С.37.
233. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С.61.
234. Буцинский П.Н. Заселение...С.24.
235. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.257. Л.1-4.
236. Преображенский А.А. Предприниматели Тумашевы в XVII в. … С.113-114.
237. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.191. ЛЛ.15-16.
238. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.20. Л.28.
239. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.47. ЛЛ.72-77.
240. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.177. ЛЛ.61.
241. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.3. Д.57/1. ЛЛ.13-18; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь… С.232.
242. Там же. С.241-257.
243. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.7. ЛЛ.30-33,43-47.
244. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.305. ЛЛ.91-95,132-133.
245. Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л., 1936. С.28,75.
246. АИ. Т.4. СПб., 1842. №168; Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.3. Пермь, 1884. С.723.
247. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.3. Д.167. ЛЛ.137,178-179.
248. Леонтьева Г.А. Место поступлений от торговли в бюджете тобольского разряда XVII в. … С.107.
249. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII веке… С.227-229.
250. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.3. Д.56/3. ЛЛ.98-148.
251. Преображенский А.А. Урал и Западная… С.228.
252. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.2. Д.70. Л.184-185; Д.210. ЛЛ.9-55. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.3. Пермь, 1884. С.793,809.
253. Преображенский А.А. Урал и Западная… С.325-326.
254. Андриевич В.К. История Сибири. СПб., 1889. Ч.1. С.139; РГБ. Отд. рукоп. Ф.218. Д.547.
255. Преображенский. А.А. Урал и Западная… С.327.
256. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.33.
257. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.40. ЛЛ.83-84.
258. Шашков А.Т. Воеводское управление на Урале в XVII в. (Верхотурский «розыск» о служилых людях 1678-1679 гг. и судьба Я.Б. Лепихина//Уральский исторический вестник. №3. Екатеринбург, 1996. С.51-59.
259. Трапезников Вл. Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения… С.110.
260. Андриевич В.К. История Сибири… С.139.
261. Колесников А.Д. Изменение демографической ситуации в Сибири в XVII в.//Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С.144.
262. Преображенский А.А. Предприниматели Тумашевы в XVII в. … С.119.
263. РГАДА. Ф.1111. Оп.3. Д.23; Оборин В.А. История города Верхотурья… С.108.
264. РГБ. Отдел рукописей. Ф.218. Д.547; Оборин В.А. История города Верхотурья… С.108.
265. Дмитриев А.А. К истории зауральской торговли… … С.75-83.
266. РГАДА Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.42. ЛЛ.115-118.
267. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг.// Исторические записки. Т.24. 1947. С.30-110; Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII в. из Далматовского Успенского монастыря: К событиям 1662-1667 гг. в Южном Зауралье//Проблемы истории России. Вып.3. Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С.323-329.
268. РГАДА. Ф.214. Кн.697. Л.3-5; Оборин В.А. История города Верхотурья… С.108.
269. Преображенский А.А. К проблеме разделения труда в Русском государстве XVII в.//Историческая география России. XVII - начало XX в. М., 1975. С.129-141.
270. История Урала с древнейших времен до 1861 г. Т.1. М., 1989. С.184.
271. Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С.90-91.
272. АИ. Т.5. СПб., 1842. С.48-49; Исторические акты XVII столетия. Материалы для истории Сибири. Томск, 1890. С.42-49,75; СПбФИРИРАН. Ф.246. Оп.1. Д.83.
273. Верхотурский монастырь//Екатеринбургские епархиальные ведомости. Екатеринбург, 1895. №1-2. С.32.
274. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь… С.336-337.
275. Описание бумаг Московского архива Министерства юстиции (МАМЮ). М., 1902-1922. Кн.13. С.719.
276. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.3. Д.90. Л.110.
277. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.3. Д.127. ЛЛ.30-32,38-42,75-76.
278. ДАИ. Т.9. СПб., 1875. С.105.
279. Шишонко В.В. Пермская летопись. Пер.3. Пермь, 1884. С.98.
280. Там же. С.133,234,238,241.
281. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.3. Д.67, Ч.2. ЛЛ.249-255,292,333; Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.3. Пермь, 1884. С.391.
282. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.297. ЛЛ.29-32.
283. Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. … С.358.
284. Там же. С.351.
285. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.4. Пермь, 1884. С. 387-388.
286. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.5. Ч.2. Пермь, 1887. С.568-569.
287. АИ. Т.5. СПб., 1842. С.285-286.
288. Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. … С.362.
289. Леонтьева Г.А. Место поступлений от торговли в бюджете тобольского разряда XVII в. … С.104.
290. Квецинская Т.Е. Верхотурье – транзитно-транспортный центр Западной Сибири… С.51,63.
291. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.3. Д.116. Ч.1. ЛЛ. 103,105,131; АИ. Т.5. СПб., 1842. С.285-286.
292. Леонтьева Г.А. Место поступлений от торговли в бюджете тобольского разряда XVII в. … С.107.
293. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.5. Ч.2. Пермь, 1887. С.28.

294. Леонтьева Г.А. Место поступлений от торговли в бюджете тобольского разряда XVII в. … С.104.

295. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.5. Ч.2. Пермь, 1887. С.575.

296. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.14.

297. ПСЗ I. Т.3. №1594.

298. Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего… С.61.

299. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII в. … С.186-236. Подсчеты сделаны В.А. Оборины м.: Оборин В.А. История города Верхотурья… С.108.

300. Верхотурский монастырь… №1-2. С.36.

301. Андриевич В.К. История Сибири. СПб., Ч.2. 1899. С.325.

302. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII в… С.195-196.

303. Преображенский А.А. Хлебный бюджет монастырей Западной Сибири в конце XVII - начале XVIII вв. … С.127-128.

304. Томские епархиальные ведомости. 1881. №13; Александров В.А. Русское население Сибири XVII - начала XVIII вв. М., 1964. С.77,288.

305. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь… С.316.

306. Житие святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца. Б.м., б.д.

307. Очерки истории и культуры города Верхотурья… С.125.

308. Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея. Систематический каталог, составленный М.В. Филипповым//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.16. Тобольск, 1907. С.12-15.

309. Мамеев С.Н. Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея за XVII и первую четверть XVIII столетий… Период первый (1621-1645)//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.2. Тобольск, 1894. С.XVIII(1-35); то же. Выпуск второй (1645-1776)//Там же. Вып.7. Тобольск, 1897. С.XVI(1-75).

310. Острожский летописец//Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., Наука. 1979. С.216; Буцинский П.Н. Указ. соч. С.57.

311. Буцинский П.Н. Указ. соч. С.57.

312. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в … С.135; Огаблин Н.Н. Опись столбцов Сибирского архива. М., 1898. С.111.

313. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.35. ЛЛ.1-14.

314. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.11. ЛЛ.72,75-76.

315. Преображенский А.А. Урал и Западная… С.73.

316. См. хотя бы: Скрынников Р.Г. Лихолетье: Москва в XVI-XVII веках. М., 1989; Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607. Л., 1951.

317. ПСЗ I. Т.3. №1594.

318. Преображенский А.А. Урал и Западная… С.140.

319. Там же. С.139.

320. Там же. С.140.

321. Там же. С.140.

322. Там же. С.131.

323. АИ. Т.4. СПб., 1842. С.474-475.

324. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь… С.132.

325. Там же. С.155.

326. Там же. С.158.

327. Там же. С.159.

328. Там же. С.159.

329. Там же. 134.

330. Там же. С.137.

331. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1-2. М.-Л., 1937-1941.

332. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1-2. М.-Л., 1937-1941.

333. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.111.

334. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. … С.410.

335. Там же. С.414-415.

336. Там же. С.428-429.

337. Там же. С.421.

338. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1-2. М.-Л., 1937-1941.

339. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.123/2.

340. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.286. ЛЛ.60-62.

341. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.297. ЛЛ.1-4.

342. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.330. ЛЛ.25,28,48,54-56.

343. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.57/2. ЛЛ.120-122,134.

344. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.284. ЛЛ.2-3,6,31.

345. Дмитриев А.А. К истории зауральской торговли… … С.75-83.

346. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.173. ЛЛ.247-248.

347. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.177. Л.2.

348. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.197. ЛЛ.1-3,14-15,33-34,116-118,122-125,37,122,46-54; Д.128.

349. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.94.

350. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.152. Л.85.

351. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.306. ЛЛ.19,2124, 17-18,45,78.

352. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.42. Л.115-118.

353. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.262. ЛЛ.192-201.

354. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.322. ЛЛ.1-5.

355. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.95. Л.129-130.

356. ДАИ. Т.4. СПб., 1851. С.286.

357. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.37. ЛЛ.51-54.

358. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.156. ЛЛ.184-186.

359. ПСЗ I. СПб., 1830. Т.3. №1677.

360. Богословский М.М. Петр I. Материалы к биографии. Т.3. С.235-335.

361. ПСЗ I. Т.3. №1708.

362. Там же. №1666.

363. Там же. №1723; Т.4. №1775.

364. ПСЗ I. Т.4. №2218.

365. Волков М.Я. Формирование городской буржуазии в России XVII-XVIII вв.//Города феодальной России. М., 1966. С.191.

366. ПСЗ I. Т.7. №4624; Т.8. №5300.

367. Волков М.Я. Формирование городской буржуазии в России XVII-XVIII вв. … С.192-193.

368. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.10. Л.43.

369. Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала… С.64.

370. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVII в.: Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. С.27.

371. Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVII столетия. М., 1903. С.99.

372. Леонтьева Г.А. Денежный бюджет Сибири и место в его составе поступлений от торговли в конце XVII – начале XVIII в. … С.94.

373. Леонтьева Г.А. Место поступлений от торговли в бюджете Тобольского разряда XVII в. … С.104.

374. Леонтьева Г.А. Денежный бюджет… С.95.

375. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX в. М.-Л., 1949. С.55-58.

376. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.4. Д.191. Л.115,130-131,144-145,154-158,161,170.

377. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых… С.74.

378. Цит. по: Томсинский С.М. Урал в русской публицистике первых десятилетий XVIII века. Пермь, 1959. С.105.

379. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.5. Ч.2. Пермь, 1887. С.248-249.

380. ПСЗ I. Т.4. №2218.

381. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.5. Ч.2. Пермь, 1887. С.252.

382. ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.216. ЛЛ.34-34об.

383. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.1508(1). ЛЛ.1-95.

384. РГАДА. Ф.248. Оп.4. Кн.156. Д.36. ЛЛ.366-366 об.

385. АИ. Т.5. СПб., 1842. С.501-502.

386. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. М., 1956. С.370,382-383.

387. Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII-XVIII в. (Развитие феодальных отношений и их особенности). Красноярск, 1983. С.86.

388. Верхотурский монастырь… №3. С.66.

389. Андриевич. История Сибири. Ч.2. СПб., 1889. С.144.

390. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии… С.51.

391. РГАДА. Ф.1111. Оп.4. Д.113. Л.6.

392. Дмитриев А.А. Древности Верхотурья////Памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899. С.20.

393. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Пер.3. С.219.

394. Цит. по: Саваренская Т.Ф., Швидковский Д.О., Петров Ф.А. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм. М.. 1989. С.98.

395. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С.119.

396. РГАДА. Ф.474. Оп.2. Ед.хр.16. Л.1-1об.

397. Т.е. языковые завязки.

398. РГАДА. Ф.474. Оп.2. Ед.хр.16. Л.1.

399. Любимов П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М.-Л., 1947. С.256.

400. РГАДА. Ф.474. Оп.1. Ед.хр.93. Л.46.

401. Чупин Н.К. О Богословских заводах и заводчике Походяшине. Отд. оттиск из ПГВ. Б.м., 1872.

402. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1875. С.252.

403. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.1508(1). Л.77об.

404. РГАДА. Ф.1111. Оп.4. Д.14. Л.15.

405. РГАДА. Ф.214. Кн.697. Л.3.

406. Из истории просвящения святым крещением Верхотурских инородцев//Пермские епархиальные ведомости. Пермь, 1868. №1. С.4.

407. Нечаева М.Ю. Монастыри и власти: Управление обителями Восточного Урала в XVIII в. Екатеринбург, 1998. С.153.

408. Сословно-правовое положение и администра-тивное устройство коренных народов Северо-западной Сибири (конец XVI – начало XX века). Сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999. С.15.

409. Нечаева М.Ю. Монастыри и власти… С.164-165.

410. Анисимов Е.В. Путники, прошедшие раньше нас// Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л., 1991. С.23.

411. ПСЗ I. Т.16. №11983.

412. ПСЗ I. Т.26. №11989.

413. Волков М.Я. Формирование городской буржуазии в России… С.193.

414. РГАДА. Ф.474. Оп.1. Д.163. Л.239.

415. РГАДА. Ф.474. Оп.1. Ед.хр.93. Л.52.

416. РГАДА. Ф.474. Оп.1. Ед.хр.93. Л.50об.

417. Чупин Н. О Богословских заводах и заводчике Походяшине… С.11-12.

418. Правда, М.М. Походяшина это коснулось не сразу: 26 мая 1754 г. Сибирская губернская канцелярия указала верхотурскому воеводе капитану Ивану Бушневу выдать из таможенных средств «верхотурскому купцу Максиму Походяшину за подрядное по нагрузке в дощаники поставке в Ямышевские крепости вино за пять тысяч ведр денег шести тысяч четырехсот пятидесяти рублей сполна». РГАДА. Ф.474. Оп.1. Ед.хр.93. Л.46.

419. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. М., 1962. С.317-318.

420. Рындзюнский П.Г. Основные факторы городообразования в России второй половины XVIII в.// Русский город (Историко-методологический сборник). М., 1976. С.121-123.

421. Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в. С.190.

422. РГАДА. Ф.474. Оп.2. Ед.хр.16. Л.1-1об.

423. Словцов П.А. Указ. соч. Пер.4. С.310.

424. РГАДА. Ф.1398. Оп.1. Д.462.

425. РГАДА. Ф.280. Оп.3. Д.3261.

426. Андриевич В.К. История Сибири. СПб., 1889. Ч.2. С.144.

427. Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII-XVIII в. (Развитие феодальных отношений и их особенности). Красноярск, 1983. С.136.

428. Верхотурский монастырь… №4. С.135.

429. Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии… С.265.

430. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. ... С.306; Макарий. Описание города Верхотурья. СПб., 1854. С.9; Иофа А.Е. Города Урала. М., 1951. С.70.

431. Миронов Б.Н.. Хлебные цены в России… С.122.

432. Андрущенко А.И. Ирбитская торговая слобода и пугачевское восстание//Города феодальной России. М. 1966. С.477-478.

433. Побережников И.В. Влияние города на идеологию классового протеста крестьян Западной Сибири в XVIII в.// Город и деревня Сибири в досоветский период. С.60.

434. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII - первой половине XIX в. Л., 1981. С.112.

435. ПСЗ I. Т.21. №15112,15114.

436. ПСЗ I. Т.21. №15786.

437. Обзор Пермской губернии за 1898 год. Пермь, 1899. С.2-3.

438. История Урала с древнейших времен до 1861 г. Т.1. М., 1989. С.289.

439. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч.2. Кн.1. СПб., 1786. С.337.

440. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч.3. СПб., 1780. С.78.

441. Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII века. М., 1967. С.194.

442. Кривощеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии… С.169.

443. РГВИА. Ф.ВУА. Ед.хр.18920. ЛЛ.131об-139.
444. Громыко М.М. Г.М. Походяшин в «Дружеском Ученом Обществе» Н.И. Новикова//Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С.272.
445. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.86. Л.44.
446. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Ед.хр.1089. ЛЛ.33-36.
447. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Ед.хр.1089. ЛЛ.30.
448. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Ед.хр.1089(1).
449. Т.А. Калинина Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII в. - первая половина XIX в.) Пермь, 1992. С.7.
450. ПСЗ I. Т.24. №17.
451. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. Ч.2. СПб., 1864. С.41.
452. Шилов А.В. Из истории Верхотурья в конце XVIII в. (по материалам Государственного архива Пермской области)//Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С.98.
453. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России... С.697; Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края//Сборник материалов для ознакомления с Пермскою губернией. Вып.3. Пермь, 1891. С.47.
454. ГАПК. Ф.316. Оп.1. Д.123. Л.8-9.
455. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Ед.хр.80а.
456. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России... С.170-171.
457. См. хотя бы: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. СПб., Т.1-25. 1859-1868.
458. История Урала с древнейших времен до 1861 г. Т.1. М., 1989. С.434.
459. Миронов Б.Н. Русский город... С.22.
460. Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 г. Пермь, 1801. С.105а.
461. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.86. Л.44.
462. Историко-географическое описание Пермской губернии... С.105а.
463. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.63. Л.32.
464. ГАПК. Ф.321. Оп.1. Д.31. Л.32.
465. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской... С.314-316.
466. Кривощеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии... С.334.
466, Обзор Пермской губернии за 1910 год. Пермь, 1911. С.169-171.
467. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.4. Пермь, 1884. С.296-298.
468. РГИА. Ф.1350. Оп.312. Д.120. Л.181об.
469. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской... С.312.
470. Там же. С.327.
471. Там же. Табл.2.
472. Миронов Б.Н. Русский город... С.84.
473. ГАПК. Ф.88. Оп.4. Д.82.
474. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Ед.хр.82. Л.28.
475. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.69.
476. Герман К. Статистические исследования относительно Российской империи, сочинение Карла Германа. Ч.1. О народонаселении. СПб., 1819. С.244.
477. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.69,195,282,378.
478. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.69. ЛЛ.6-93.
479. Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале... С.14-15.
480. Там же. С.19,26,77.
481. Верхотурский монастырь... 1895. №5. С.133-135.
482. Очерки истории и культуры города Верхотурья... С.103, 133.
483. Баранов В.С. Летопись Верхотурского Николаевского Мужского Общежительного монастыря... С.179.
484. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.2. СПб., б/д. Ст.1795.
485. Русский биографический словарь. Репринт изд. 1914 г. М., 1991. С.473.
486. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.2. СПб., б/д. Ст.2177.
487. Там же. Ст.1179-1180.
488. Агафонов П.Н. Епископы Пермской епархии. 1383-1918. Краткий биографический справочник. Пермь, 1993. С.30.
489. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.98; Цит. по: Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края. Екатеринбург, 1998. С.102.
490. Баранов В.С. Летопись Верхотурского Николаевского Мужского Общежительного монастыря... С.115-134.
491. Словцов П.А. Указ. соч. С.45.
492. Свод узаконений и распоряжений правительства по врачебной и санитарной части. Вып.1-3. СПб., 1895-1898.
493. РГИА. Ф.1287. Оп.5. Д.215. Л.1.
494. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.4. Пермь, 1884. С.309.
495. Макарий. Описание города Верхотурья. СПб., 1854. С.39.
496. ПСЗ I. Т.11. №9662.
497. Там же. № 9240.
498. Городские поселения в Российской империи. СПб., 1863. Т.3. С.637.
499. Цит. по: Поляков В.П. Прошлое и настоящее города Верхотурья. (К предстоящему 300-летию со дня его основания)//Исторический вестник. Т.64, май, 1896. С.587.
500. Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1832 года//Сборник материалов для ознакомления с Пермскою губернией. Пермь, 1891. Вып.3. С.10.
501. Там же. С.15.
502. Там же. С.17.
503. ГАПК. Ф.297. Оп.1. Д.1171. Л.111.
504. Макарий. Описание города Верхотурья... С.13.
505. Там же. С.38-42.
506. ГАПК. Ф65. Оп.4. Д.113. ЛЛ.1-2.
507. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.65. ЛЛ.30-30об.
508. ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.65. ЛЛ.31.
509. Очерки истории и культуры города Верхотурья... С.133.
510. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.195. Л.141об-142.
511. РГИА. Ф.1287. Оп.37. Д.649. Л.4.
512. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России... С.7.
513. Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале ... С.18-19,21,25,77.
514. Баранов В.С. Летопись Верхотурского Николаевского Мужского Общежительного монастыря... С.172-175.
515. Миронов Б.Н. Русский город... С.206,229.
516. Истомина Э.Г. Транспортная сеть Урала в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.//Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С.82.
517. Макшеев А.И. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издание по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т.14. Ч.1. Пермская губерния. СПб., 1852. С.151.

518. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т.19. СПб., 1895. С.329-330.

519. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России… С.698.

520. Там же. С.387.

521. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII - первой половине XIX в. Л., 1981. С.107-108.

522. Падин В.А. Трубчевск. Тула, 1966. С.85-86.

523. Городские поселения в Российской империи. СПб., 1863. С.639.

524. Мосунова Т.Г. Верхотурье глазами поляка (быт русского населения XIX в. по воспоминаниям Леона Крупецкого)//Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11-13 декабря 2000 г.) Тобольск-Омск, 2000. С.496-497.

525. Макшеев А.И. Военно-статистическое обозрение Российской империи… С.197.

526. Городские поселения в Российской империи. С.639.

527. Кривощеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии… С.334.

527. Обзор Пермской губернии за 1910 год. Пермь, 1911. С.218.

528. Шапошников Г.Н. Телеграф в г. Верхотурье (Первая телеграмма в городе)//Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С.95.

529. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.378.

530. Очерки истории и культуры города Верхотурья… С.102.

531. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.368.

532. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.363.

533. Очерки истории и культуры города Верхотурья… С.103.

534. Баранов В.С. Верхотурский Покровский женский монастырь. Б.м., 1992. С.165-172.

535. Там же. С.6.

536. Макшеев А.И. Военно-статистическое обозрение Российской империи… С.211.

537. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России… С.697-698.

538. Городские поселения в Российской империи. СПб., 1863, Т.3. С.639.

539. Список населенных мест Пермской губернии по сведениям 1869 года. Т.31. Пермская губерния: (Обработан членом статистического совета Н. Штиглицем). СПб., 1875. С.68.

540. Общий доклад Верхотурской уездной земской управы 4-му очередному собранию о действии ея за первое трехлетие, с июня 1870 г. по сентябрь 1873 года. СПб., 1874. С.25.

541. Журналы VI-го очередного Верхотурского уездного земского собрания с докладами управы и другими предложениями за 1875 г. Пермь, 1876. С.154.

542. Кривощеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии… С.334.

542. Обзор Пермской губернии за 1910 год. Пермь, 1911. С.219.

543. Шапошников Г.Н. Указ. соч. С.97.

544. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 г. Пермь, 1895. С.23.

545. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т.6. СПб., 1892. С. 87.

546. Адрес-календарь … на 1895 г. Пермь, 1895. С.1.

547. Адрес-календарь … на 1895 г. Пермь, 1895. С.91., …на 1896 г. 1895. С.62, …на 1897 год. 1897. С.43.

548. Баранов В.С. Летопись Верхотурского Николаевского Мужского Общежительного монастыря. Издание братства Симеона Верхотурского чудотворца. Б/м, 1991.

549. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России… С.122; История народного хозяйства СССР. М., 1960. С.203.

550. См. хотя бы: Менделькон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов. В 3-х т. М., 1959; Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике (когда общество меняет кожу). М., 1989; Полетаев А.В., Савельева И.М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. Опыт междисциплинарных исследований. М., 1992.

551. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в институте экономики// Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С.225.

552. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России … С.122.

553. Адрес-календарь … на 1895 год. Пермь, 1895. III. С.2-3.

554. Адрес-календарь... на 1896 год. Пермь, 1895. III. С.6-7.

555. Адрес-календарь... на 1897 год. Пермь, 1897. III. С.4-5.

556. Адрес-календарь... на 1899 год. Пермь, 1899. III. С.132-133.

557. Очерки истории и культуры города Верхотурья… С.103.

558. Огаркова Р. «Имею честь быть вашим покорнейшим слугой»//Верхотурская старина. 15 сентября 1998 г. №8-9. С.10.

559. Летопись г. Перми с 1890 г. по 1911 г.//Тр. ПУАК. Пермь, 1913. Вып.10. С.98.

560. Верхотурский монастырь… 1895. №5. С.133-135.

561. Путь Е.В. Основные этапы истории Верхотурского Свято-Николаевского мужского монастыря//Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С.78.

562. Баранов В.С. Верхотурский Покровский женский монастырь… С.6.

563. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т.6. СПб., 1892. С.87.

564. Утуга – по В. Далю, в пермском говоре - толпа, ватага людей.

565. Поляков В.П. Прошлое и настоящее города Верхотурья. (К предстоящему 300-летию со дня его основания)//Исторический вестник. Т.64, май, 1896. С.600,603-604.

566. Адрес-календарь … на 1899 г. Пермь, 1899. С.144; … на 1900 г. 1900. С.23; … на 1901 г. 1901. С.24.

567. Адрес-календарь … на 1904 г. Пермь, 1904. С.106.

568. Адрес-календарь … на 1898 г. Пермь, 1898. С.14.

569. Обзор Пермской губернии за 1910 год. Пермь, 1911. С.63.

570. Кривощеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии… С.334.

570. Обзор Пермской губернии за 1910 год. Пермь, 1911. С.333

571. Пермская губерния в 1897 году. Отдел III. Пермь, б/д. С.130-131.

572. Точно также в материалах переписи явно завышена (втрое!) и численность населения Ирбита, куда очевидно были включены посетители ярмарки.

573. Адрес-календарь … на 1905 год. Пермь, 1905. С.81.

574. Города России в 1904 году. СПб., 1906. С.0160.

575. Адрес-календарь … на 1907 год. Пермь, 1907. II. С.81-82.

576. Адрес календарь … на 1908 год. Пермь, 1908. С.3.

577. Данные почерпнуты из: Города России в 1904 году. СПб., 1906.

578. Адрес-календарь … на 1907 год. Пермь, 1907. II. С.90.

579. Адрес-календарь ... на 1910 г. Пермь, 1910. С.184; ... на 1911 г. 1911. С.132.

580. Кривощеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии... С.334.

581. Обзор Пермской губернии за 1910 год. Пермь, 1911. С.83.

582. Отчет об исполнении сметы расходов на уездные земские повинности по Верхотурскому уезду за 1911 год. Верхотурье, 1912. С.18-19,20-23,28-29.

583. Очерки истории и культуры города Верхотурья... С.147.

584. Адрес-календарь ... на 1913 г. Пермь, 1913. С.36; ... на 1914 г. 1914. С.38; ... на 1915. 1915. С.29; ... на 1814. 1914. С.36.

585. ГАПК. Ф.111. Оп.2. Д.1420.

586. Очерки истории и культуры города Верхотурья... С.145.

587. Журналы Верхотурского Уездного Земского Собрания 43-й Очередной сессии 1912 года с относящимися к ним докладами и другими документами. Верхотурье, 1912. С.73.

588. Там же. С.78.

589. Отчет Верхотурской Уездной Земской Управы с движением сумм и капиталов за 1913 г. Верхотурье, 1914. С.13.

590. Пуль Е.В. Основные этапы истории Верхотурского Свято-Николаевского мужского монастыря//Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С.79.

591. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.2. СПб., б/д. С.480.

592. Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в российской империи и на Афоне. СПб., б/д. С.165.

593. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Ед.хр.696. Б/н; Романовы в Верхотурье//Верхотурская старина. 10 апреля 1998 г. №7. С.7. Безымянный автор данной статьи ошибался, когда думал, что игумен Ксенофонт получил телеграмму в Верхотурье (за одни сутки оттуда до Царского Села нельзя доехать поездом), автор же настоящей работы ранее ошибочно принял список присутствовавших на приеме за состав делегации, прибывающей в Николаевский монастырь (Корчагин П.А. История города Верхотурья// Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С.52-53).

594. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Ед.хр.696.

595. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Тула, 1990. С.243,324,349.

596. Баранов В.С. Древний кремль г. Верхотурья, Свято-Троицкий собор и часовня. Нижний Новгород. 1908. С.24.

597. Пантелеймон иеромонах. Распутин в Верхотурье// Верхотурская старина. 10 апреля 1998 г. №3. С.5.

598. Паломничество из Екатеринбурга в Верхотурье. Екатеринбург, 1914.

599. Доброхотов Э.П. Урал Северный, Средний и Южный, Справочная книга. Пг., 1917. С.

600. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.707. Л.1об.

601. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.737. Л.2об-3.

602. Корчагин П.А., Головчанский Г.П. К вопросу о взаимосвязи социально-экономической и архитектурно-планировочной истории уральского города (на примере г. Верхотурье)//Студенческая научная конференция. Тез. докл. Пермь, 1994. С.6.

603. Баранов В.С. Верхотурский Покровский женский монастырь... С.3,6-9.

604. Кривощеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии... С.334.

604. Обзор Пермской губернии за 1910 год. Пермь, 1911. С.336.

605. Очерки истории и культуры города Верхотурья... С.151-152.

606. Упрочение Советской власти в Пермской губернии. Документы и материалы. Пермь, 1966. С.63,82-83,87-88,93.

607. Упрочение Советской власти в Пермской... С.100.

608. Анимица Е. Города Среднего Урала. Прошлое, настоящее, будущее. Свердловск, 1983. С.212.

609. ГАСО. Ф.606. Оп.1. Ед.хр.476.

610. Лиханов Н.М. Современники о прошлом. Рукопись. Б/г. Хранится в ВГИАМЗ. №ВФВМ/2487. С.44-49.

611. Пуль Е.В. Судьба последнего настоятеля Свято-Николаевского монастыря//Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С.90.

612. Тагильцева Н.Н., Чебан Т.В. Основатель первого краеведческого музея в Верхотурье//Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С.137.

613. Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург, 1923. С.7,15.

614. ГАСО. Ф.603. Ед.хр.745. Л.25.

615. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.750. ЛЛ.73-86об.

616. Зылева М. Антирелигиозный п/отдел//Тагильский окружной музей. Отдельный оттиск. Нижний Тагил, б/д. С.4.

617. Обелиск вечной славы. 1968. Рукопись. Хранится в ВГИАМЗ. №ВФВМ/305.

618. Собрание узаконений РСФСР. 1924. №73. Ст.726.

619. Анимица Е. Города Среднего Урала... С.211.

620. Большая Советская энциклопедия. Т.10. М., 1928. С.415-416.

621. Статистические таблицы Российской империи. Вып.2. Наличное население империи за 1858 г. СПб., 1863. С.96.

622. Трущенко О.Е. Генезис концепции урбанизма как образа жизни Л. Вирта//Вопросы истории и критики буржуазной социологии. М., 1983. С.136-152.

623. Корчагин П.А. Застывшая история. Легенды и были Верхотурского кремля//Уральское краеведение: Ист.-лит. альманах. Екатеринбург, 1996. С.67-73.

624. В последние годы такое толкование оправданного расположения городских обителей и возможностьоборонительной функции монастырских оград оспаривается рядом исследователей, и с этим, видимо, необходимо согласиться.

625. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М., С.375.

626. Заварихин С.П. Ворота в Сибирь. М., 1981.

627. Забелин И.Е. Русское искусство. Черты самобытности в русском зодчестве. М., 1900. С.33.

628. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М., 1955. С.380.

629. Герберштейн С. Записки о Московских делах. СПб., 1908. С.116.

630. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988. С.11.

631. Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в.//Города Сибири. Новосибирск, 1974. С.31.

632. РИБ. Т.2. СПб., 1875. С.56-57.

633. ГАПК. Ф.65. Оп.2. Д.502. Л.83.

634. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.1. Пермь, 1881. С.130.

635. Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. Т.25. М., 1857. С.7-8.

636. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII веке... С.160.

637. Там же. С.162.

638. АИ. Т.3. СПб., 1841. С. 224.

639. Корчагин П.А. Застывшая история. Легенды и были Верхотурского кремля//Уральское краеведение: Ист.-лит. альманах. Екатеринбург, 1996. С.67-73.

640. Иофьфа Л.Е. Города Урала. М., 1951. С.70.

641. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М., 1955. С.380-381.

642. РИБ. Т.2. СПб., 1875. С. 56-57.

643. Там же. С.130.

644. Верхотурские грамоты… С.30.

645. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.3. Д.111; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. ... С.335-336; Т.2. 1941. С.189.

646. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII веке … С.159-170.

647. АИ. Т.3. СПб., 1841. С.84.

648. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. ... С.315-316.

649. Там же. С.323-324.

650. Там же. С.485.

651. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.2. Л.94.

652. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. ... С.543.

653. Алексеев М.П. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII веке//Исторический архив. М.-Л., 1936. С.335.

654. ДАИ. Т.6. СПб., 1857. С.340-341.

655. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.2. Пермь, 1882. С.50.

656. СПбФИРИРАН. Ф.28. Карт.2. Д.17.

657. СПбФИРИРАН. Ф.28. Карт.2. Д.63.

658. Романов Г. Деревянная крепость города Верхотурья в 1687 г.//ПГВ, 1860, № 46.

659. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII веке… С.22-24.

660. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.3. Д.126. Л.46, Д.197. ЛЛ.1-3.

661. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.40. Л.90.

662. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.41. ЛЛ.13-15,37-38,40; Д.158. ЛЛ.107-108.

663. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.224. ЛЛ.12-15,79-81.

664. ПСРЛ. Т.36. М., 1987. С.213.

665. Кочедамов В.И. Город Мангазея//Известия вузов. Строительство и архитектура. 1969. №2. С.87.

666. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.133(2).

667. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. ДД.56/2,165,171.

668. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.132(1); Д.40. ЛЛ.150-153,140-167.

669. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.170. ЛЛ.127-192.

670. Токмаков И. Историко-статистическое и археологическое описание города Верхотурье… С.39.

671. В связи с уточнением датировки кремлевского строительства мы вынуждены отказаться от ранее высказанной гипотезы о строительстве двенадцатиугольной Спасской башни при воеводе Нарышкине, графическая реконструкция плана верхотурских укреплений 1692-1693 гг. также нуждается в уточнении (см. Корчагин П.А., Угрюмова Е.А. Указ. соч. С.58,65).

672. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.337. ЛЛ.100-103,107-108.

673. РГАДА. Ф.214. Кн.1232. ЛЛ.441-441об.

674. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.104. ЛЛ.100-106.

675. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.170.ЛЛ.372-378,383-400.

676. Канторович Г.Д., Терехин А.С. Древнерусские строители Урала//Сборник научных трудов ППИ. №86. Пермь, 1971. С.8.

677. РГАДА. Ф.214. Кн.1232. Л.56-59.

678. РГАДА. Ф.214. Кн.1232. Л.441-441об.

679. РГАДА. Ф.199. Д.365. Ч.4. 2.

680. Уменьшенная схема опубликована в: Золотов Е.К. Памятники… С.14.

681. Witsen N.C. Noord en Oost Tartaryen: behelrende eene beschryving van verschcidene Tarterche en nabuurtrige dewesten in de noorder en cjstelykste deelen van Azien in Europa Amsterdam, Schalekamp, 1785, II. P.758.

682. Малинов А. Московский угломер//Строительная газета. 13 июля 1986. №14. С.4-5,8. Пользуюсь возможностью выразить глубокую признательность Е.В. Двойшиковой за чрезвычайно полезное указание на ценный материал. Сознавая, что версия о «московском угломере» не является общепризнанной, мы все же не могли отказаться от применения еще одного возможного метода реконструкции.

683. Вскоре после первой публикации реконструкции укреплений (Корчагин П.А., Угрюмова Е.А. Верхотурский деревянный кремль XVII столетия: опыт комплексной реконструкции//Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С.55-74) в мае 1998 г. во время археологических наблюдений за ходом земляных планировочных работ на площади перед кремлем археологи ОА ГНПЦ Свердловской области зафиксировали небольшой отрезок восточной стены острога XVII в. в месте, соответствующем реконструкции.

684. Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в.//Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С.56.

685. Крадин Н.Н. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988. С.15,17.

686. ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Эрмитажное собрание, №237. Опубликован: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. М., 1972. Рис.1.

687. Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. … С.11-17.

688. Корчагин П.А. Отчет об археологических раскопках и разведках в г. Верхотурье и его окрестностях. Пермь, 1993. С.1-6.

689. Корчагин П.А. Отчет об археологических раскопках в городе Верхотурье и в городе Верхотурье Свердловской области в 1995 году. Пермь, 1995. С.20-22.

690. РГАДА. Ф.214. Кн.1111. Л.7.

691. РГАДА. Ф.214. Кн.1358. Л.305-305об; Кн.1410. Л.1а-1а об,123об; Кн.1446. Л.3; Кн.1469. Л.3; Кн.1501. Л.2-3.

692. РГИА. Ф.474. Оп.2. Д.67. Л.2-3.

693. РГАДА. Ф.415. Оп.71. Д.69. Л.4; Ф.474. Оп.1. Д.93. Л.126об-127; ГАПК. Ф.316. Оп.1. Д.23. Л.175.

694. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. Л.11-11об,049,76,117-127.

695. РГАДА. Ф.199. Оп.2. Д.481. Ч.3. Л.6-7.

696. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.109. Л.76- 81об; Д.53. Л.180-181; Оп.2. Д.502; РГИА. Ф.1285. Оп.8. Д.1200. Л.23-25об.

697. РГВИА. Ф.ВУА. Д.21807.

698. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.82. Л.1; РГИА. Ф.1293. Оп.168. Д.17.

699. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.20,83,88,90.

700. ГПБ. Альбом гравюр М.И. Махаева. СПб., 1770. Л.7.

701. Дмитриев А.А. Верхотурский кремль и подчиненные ему крепости в конце XVI – начале XVIII столетия//ПГВ. 1885. №7-8.

702. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пермь. Пер.5. Ч.3. 1889. С.531-532.

703. Канторович Г.Д., Терехин А.С. Древнерусские строители Урала… С.8.

704. РГАДА. Ф.210. Оп.17. Д.7. Л.177-179.

705. Копылова С.В. Некоторые вопросы организации и техники каменного строительства в Сибири в конце XVII-XVIII в. … С.286-288,296.
706. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь… С.226-227.
707. Каптиков А.Ю. Каменное зодчество русского Севера, Вятки, Урала XVIII в. Свердловск, 1990.; Канторович Г.Д., Терехин А.С. Древнерусские строители Урала//Сборник научных трудов ППИ. Вып.86. Пермь, 1971.
708. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.1385(5). Л.524об,532,536-536об,539-540,545-546.
709. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.5. Ч.3. Пермь, 1889. С.526–527.
710. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.189. Ч.2. Л.40.
711. РГАДА. Ф.214. Ч.1. Кн.853. Л.44.
712. РГАДА. Ф.214. Кн.1358. Л.305 об.
713. РГИА. Ф.1399. Оп.2. Д.185.Л.2.
714. РГАДА. Ф.214. Кн.1410. Л.1а-1а об.
715. РГАДА. Ф.214. Кн.1410. Л.123 об.
716. РГАДА. Ф.214. Кн.1232. Л.441-441об.
717. РГАДА. Ф.214. Кн.1446. Л.3.
718. РГАДА. Ф.214. Кн.1469. Л.3.
719. РГАДА. Ф.214. Кн. 1469.Л.6.
720. РГАДА. Ф.214. Кн.1519. Л.124-125.
721. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. Л.10об.
722. РГАДА. Ф.214. Кн.1501. Л.3.
723. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Ед.хр.1089(1). Л.30.
724. ПСЗ I. Т.5. 1830. №2848.
725. Корчагин П.А., Оборин В.А., Соколова Н.Е. Археологическоеисследованиег.Верхотурья//Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С.174-176.
726. Корчагин П.А., Старков А.В. Охранные археологические исследования в г. Верхотурье в 1996-1998 гг.//XIV Уральское археологическое совещание (21-24 апреля 1999 г.) Тезисы докладов. Челябинск, 1999. С.197-198.
727. Дмитриев А.А. Верхотурский… С.49
728. Кочедамов В. Первые русские города Сибири. М., 1978. С.51.
729. Копылова С.В. Некоторые вопросы организации и техники каменного строительства в Сибири в конце XVII-XVIII в.//Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С.296.
730. Курлаев Е.А. Новые данные о планировке и материальной культуре Николаевского монастыря XVII-XVIII вв.//Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С.128; Его же. Церковная археология: раскопки в Николаевском монастыре г. Верхотурья в 1989-1990 гг.//Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С.99.
731. Witsen N.C. Noord en Oost Tartaryen: behelrende eene beschryving van verschcidene Tarterche en nahuurrige dewesten in de noorder en cjstelykste deelen van Azien in Europa Amsterdam, Schalekamp, 1785, II. P.757.
732. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII веке… С.230-232.
733. РГАДА. Ф.199. Оп.2. Д.481. Ч.3. Л.6.
734. РГАДА. Ф.474. Оп.2. Д.67. Л.2-3.
735. РГАДА. Ф.474. Оп.2. д.40. Л.1.
736. Алексеева М.А. Собрание Российских и сибирских городов. Серия гравюр XVIII в.//Собрание Государственного Русского музея. Т.8. М.-Л., 1964. С.65-66; ГПБ. Альбом гравюр Михаева М.И. СПб., 1770. С.7; Опубликован: История Урала с древнейших времен до 1861 г. Т.1. М., 1989. С.185. Рис.33.
737. Оборин В.А. Отчет о раскопках в г. Верхотурье … С.3.
738. РГАДА. Ф.474. Оп.1. Д.93. Л.50об.
739. РГАДА. Ф.474. Оп.1. Д.199. Л.189.
740. РГАДА. Ф.474. Оп.1. Д.93. Л.127.
741. РГАДА. Ф.415. Оп.1. Д.114. ЛЛ.1-5.
742. Лепехин И. Продолжение дневных записок путешественника в 1771 г. Т.3. СПб., 1771. С.77.
743. РГВИА. Ф.ВУА. Д.21807.
744. РГАДА. Ф.1398, Оп.1. Ед.хр.295.
745. РГАДА. Ф.1398. Оп.1. Ед.хр.295. Л.Л.4-10об.
746. РГИА. Ф.1293. Оп.168. Д.17.
747. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.53. Л.17об.
748. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.83.
749. ГАПК. Ф.316. Оп.1. Д.23. Л.176об.
750. ГАПК. Ф.316. Оп.1. Д.23. Л.45об.
751. Цит. по: Дмитриев А.А. Верхотурский… С.54.
752. Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края.//Сборник материалов для ознакомления с Пермскою губернией. Вып.3. Пермь, 1891. С.47.
753. ГАПК. Ф.36. Оп.1. Д.8. Л.90об.
754. РГИА. Ф.1285. Оп.8. Д.1200. Л.24об.
755. ГАПК. Ф.36. Оп.1. Д.8. ЛЛ.90-90об.
756. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.53. ЛЛ.11-17об.
757. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.53. Л.135об-136.
758. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.53. Л.181.
759. Глаголев. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников.//Материалы для статистики Российской империи. Т.1. 1839.
760. ГАПК. Ф.65. Оп.2. Д.502. Л.83об.
761. РГИА. Ф.1285. Оп.8. Д.1200. ЛЛ.23-25об.
762. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской… С.13.
763. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.83.
764. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.109. ЛЛ.76об,81.
765. РГИА. Ф.1286. Оп.4. Д.103. Л.5.
766. РГИА. Ф.1285. Оп.8. Д.2688. Л.1.
767. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.109. Л.53,56,72.
768. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.109. Л.75-77.
769. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.109. Л.80-82
770. ГАПК. Ф.65. Оп.2. Д.502. Л.83-83об.
771. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.20. Л.1.
772. ГАПК. Ф.279. Оп.1. ДД.20,88.
773. Murchison R.I. The geology of Russia in Europe and the Ural mountains. London, 1845. С.394-395.
774. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. Л.10-13.
775. Кириченко Е.П. Николай I и судьба кремлей России// Кремли России. Тезисы докладов всероссийского симпозиума (Москва, 23-26 ноября 1999 года). М., 1999. С.74-75.
776. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. Л.1-3.
777. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. Л.4об-8.
778. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. Л.11-12.
779. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. Л.12-16.
780. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. Л.24-25.
781. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. ЛЛ.25-27.
782. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. Л.49.
783. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. Л.52об.
784. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. Л.70об-71.
785. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. Л.76-78об.
786. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. Л.97об.
787. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. Л.117-119.
788. РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.69. ЛЛ.127-129.
789. Глаголев А. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников, составленная при Министерстве внутренних дел. Ч.1. Тетрадь 1. О русских крепостях. СПб., 1838. С.44-45.

790. ГАСО. Ф.435. Оп.1. Д.657. Л.35-51.

791. Поляков В.П. Прошлое и настоящее г. Верхотурья// Исторический вестник. Т.64. Май. 1896. С.593.

792. ГАСО. Ф.606. Оп.1. Д.81. Л.1-22.

793. Очерки истории и культуры города Верхотурья... С.163. Наше мнение о месте воеводской усадьбы в кремле см. в пункте 2.5.3.2 настоящего издания.

794. Крючков С.В. Кремль как манифестация властной идеи в градостроительстве средневековья//Кремли России. Тезисы докладов всероссийского симпозиума (Москва, 23-26 ноября 1999 года). М., 1999. С.9-10.

795. Беляев Л.А. Древнерусские монастыри как городские кремли//Кремли России. Тезисы докладов всероссийского симпозиума (Москва, 23-26 ноября 1999 года). М., 1999. С.11-13.

796. Баранов В.С. Летопись Верхотурского Николаевского Мужского Общежительного монастыря... С.11.

797. АИ. Т.2. СПб., 1841. С.59.

798. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII веке// Пермская старина. Вып.7. Пермь, 1897.

799. СПбФИРИРАН. Ф.28. Карт.2. Д.44.

800. ДАИ. Т.6. СПб., 1857. С.340.

801. РГАДА. Ф.199. Оп.4. Д.481. Ч.3. Л.7.

802. Верхотурский монастырь... 1893. №12-13. С.321.

803. Там же. С.322.

804. В фонде Николаевского монастыря сохранились «План и фасад Церкви существующей в мужском Монастыре Во имя Николая Ч: с приделом С: Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы» XIX в., которые вычертил «Туринский мещанин Константин Чирков» (вид с западной стороны, разрез по первому этажу, многоцветные) - ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.224. Л.109-110.

805. Верхотурский монастырь... 1893. №12-13. С.323.

806. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.224. Л.37.

807. Заводня – здесь, каретный сарай.

808. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Ед.хр.80а. ЛЛ.1об.,3об.

809. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санктпетербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в г. Перми. Ч.2. Пермь, 1804. С.326.

810. ГАСО. Ф.603. Оп.1. Д.224. Л.38-38об.

811. Верхотурский монастырь... 1894. №17-18. С.428.

812. Верхотурский монастырь... 1894. №22. С.531.

813. Там же.

814. Там же. 1894. №12. С.532.

815. Баранов В.С. Летопись Верхотурского Николаевского Мужского Общежительного монастыря... С.204-205.

816. Шадрин А. Мастера из Стёкольной//Пермские новости. 14 февраля 1997. №25.

817. Бусева-Давыдова И.Л. Кремль и монастырь: к типологии архитектурных ансамблей //Кремли России. Тезисы докладов всероссийского симпозиума (Москва, 23-26 ноября 1999 года). М., 1999. С.10-11.

818. Токмаков И. Историко-статистическое и археологическое описание г. Верхотурья... С.74.

819. АИ. Т.3. СПб., 1841. С.140.

820. АИ. Т.3. СПб., 1841. С.407.

821. АИ. Т.3. СПб., 1841. С.35.

822. АИ. Т.4. СПб., 1842. С.35.

823. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.2. Д.49. Л.1-2; Д.130. Ч.1. Л.80-83.

824. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.109. ЛЛ.180-181.

825. РГАДА. Ф.1111. Оп.2. Д.58. Л.7.

826. АИ. Т.4. СПб., 1842. С.151.

827. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.3. Пермь, 1884. С.194.

828. Там же. С.281.

829. РГАДА. Ф.1111. Д.41. ЛЛ.150-151.

830. РГАДА. Ф.1111. Оп.2. Д.293. Л.12.

831. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.14. ЛЛ.78-79,97-98.

832. АИ. Т.5. СПб., 1842. С.221.

833. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.44. ЛЛ.183-184.

834. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.3. Л.186-203; Д.47. Л.114.

835. Макарий. Описание города Верхотурья... С.24-25.

836. РГАДА. Ф.199. Оп.2. Д.481. Ч.3. Л.7.

837. РГАДА. Ф.199. Оп.2. Д.481. Ч.3. Л.7.

838. РГАДА. Ф.199. Оп.2. Д.481. Ч.3. Л.7.

839. РГВИА. Ф.ВУА. Д.21807.

840. Баранов В.С. Верхотурский Покровский женский монастырь... С.7.

841. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. ... С.195.

842. Дмитриев А.А. К трехсотлетию города Верхотурья// ПГВ. 1898. №1. С.3.

843. Там же. С.192.

844. Там же. С.195.

845. Квецинская Т.Е. Ремесла г. Верхотурье в 17 в.// История городов Сибири досоветского периода (17-20 вв.). Новосибирск, 1977. С.98.

846. Макарий. Описание города Верхотурья... С.16.

847. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.3. Пермь, 1884. С.73.

848. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. ... С.531.

849. Макарий. Описание города Верхотурья... С.22.

850. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.3. Пермь, 1884. С.463.

851. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.1. Д.42. ЛЛ.129-130.

852. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ч.2. Д.70.

853. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.3. Пермь, 1884. С.872.

854. Там же. С.1075.

855. ДАИ. Т.6. СПб., 1857. С.340-341.

856. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.6. ЛЛ.32-35; АИ. Т.5. СПб., 1842. С.199-200.

857. Дмитриев А.А. Верхотурский кремль и подчиненные ему крепости в конце XVI - начале XVIII столетия//ПГВ. 1885. №7-8. С.

858. Дмитриев А.А. Древности Верхотурья (К юбилею города 15 сентября 1898 года)//Памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899. Приложение. С.11.

859. Кочедамов В. Первые русские города Сибири. М., 1978. С.51.

860. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. СПб., 1852. С.8.

861. Witsen N.C. Noord en Oost Tartaryen: behelrende eene beschryving van verschcidene Tarterche en nabuurrige dewesten in de noorder en cjstelykste deelen van Azien in Europa Amsterdam, Schalekamp, 1785, II. P.757.

862. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII веке ... С.230-232.

863. Макарий. Описание города Верхотурья. СПб., 1854. С.23.

864. РГАДА. Ф.199. Оп.2. Д.481. Ч.3. Л.2,6-7.

865. Макарий. Описание города Верхотурья... С.25.

866. Там же. С.23.

867. ГАПК. Ф.297. Оп.1. Д.1171. Л.109.

868. Макарий. Описание города Верхотурья... С.25.

869. Токмаков И. Историко-статистическое и археологическое описание города Верхотурье... С.78.

870. ГАПК. Ф.297. Оп.1. Д.1171. Л.109, 110об.

871. Макарий. Описание города Верхотурья... С.23.

872. ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.636. Л.2. Частично опубликовано: Из истории Верхотурских храмов//Свидетельства истории. Публикации документов. Вып.7. Екатеринбург, 1998. С.14.

873. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.53. ЛЛ.11-17об.

874. Глаголев. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников.//Материалы для статистики Российской империи. Т.1. 1839.

875. ГАПК. Ф.65. Оп.2. Д.502. Л.83об.

876. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.20. Л.1.

877. ГАПК. Ф.279. Оп.1. ДД.20,88.

878. ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.636. Л.2. Частично опубликовано: Из истории Верхотурских храмов//Свидетельства истории. Публикации документов. Вып.7. Екатеринбург, 1998. С.11-12.

879. Кривощеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда...С.328.

880. Двойникова Е.В. Указ. соч. С.16-26.

881. Алферова Г.В. Русские города XVI-XVII веков. М., 1989.

882. В статье Е.В. Двойниковой, к сожалению, допущена опечатка, 65 и 96 вместо 650 и 960 м.

883. Дмитриев А.А. Древности Верхотурья//Памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899. Приложение. С.14.

884. Золотов Е.К. Архитектурный ансамбль Верхотурья. Вопросы его сохранения и развития. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени кандидата архитектуры. М., 1988. С.9.

885. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.5. Л.181.

886. ГАПК. Ф.279. Оп.1. ДД.20,88,90.

887. ГАПК. Ф.199. Оп.481. Ч.III(1). Л.11об.

888. СПбФИРИАН. Ф.28. Карт.1. Д.63.

889. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.88. Л.37-44,71-72.

890. Ромодановская Е.К. Славяно-русские рукописи научной библиотеки Томского университета//ТОДРЛ. Т.26. Л., 1971. С.26.

891. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.162. ЛЛ.52-54. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.3. Пермь, 1884. С.872.

892. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.177. ЛЛ.62-63.

893. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер.3. С.926.

894. Там же. С.989.

895. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ед.хр.22. Л.52.

896. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.40. Л.12; Д.53/5. ЛЛ.94-96,134; Д.188. ЛЛ.31-32.

897. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.87. Ч.1. ЛЛ.1-8.

898. РГАДА. Ф.214. Кн.1111. Л.5-5об.

899. АИ. Т.5. СПб., 1842. С.285-286.

900. Глаголев А. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников, составленное при Министерстве внутренних дел. Ч.1. Тетрадь 1. О русских крепостях. СПб., 1838. С.44-45.

901. Макарий. Описание города Верхотурья... С.23.

902. РГАДА. Ф.214. Оп.1453. Ед.хр.11. Л.81.

903. РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.1385(5). ЛЛ.524об,532 и др.

904. РГАДА. Ф.214. Оп.1.Кн.1453. ЛЛ.82-83.

905. РГАДА. Ф.1111. Оп.4. Д.108. Л.2.

906. РГАДА. Ф.248. Оп.4. Кн.187. Д.54. Л.605.

907. РГАДА. Ф.1398. Оп.1. Ед.хр.295. ЛЛ.20-21об.

908. Историческо-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 г. Пермь, 1801. С.105а.

909. РГВИА. Ф.ВУА. Ед.хр.21807. Под цифрой 29.

910. ГАПК. Ф.316. Оп.1. Д.19. Л.46об.

911. РГАДА. Ф.415. Оп.1. Д.253. Л.1об.

912. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии... 1813. С.312.

913. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.109. ЛЛ.76об-77.

914. РГИА. Ф.1287. Оп.5. Д.215. Л.5об-8.

915. РГИА. Ф.1287. Оп.5. Д.215. Л.1-11об.

916. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.88.

917. РГИА. Ф.1287. Оп.31. Д.796. Л.1.

918. Макарий. Описание города Верхотурья... С.15.

919. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России... С.

920. РГАДА. Ф.210. Оп.17. Д.7. Л.237.

921. ПСЗ I. Т.3. №1594.

922. В подлиннике именно так (в единственном числе).

923. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ед.хр.22. Л.3.

924. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ед.хр.22. ЛЛ.4-5.

925. РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Ед.хр.22. Л.6-7.

926. Игла в некоторых стройках, горных креплениях; слега, поперечная вязка. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2. И-О. СПб.-М., 1881. С.6.

927. Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. ... С.13.

928. РГАДА. Ф.214. Кн.1446. Л.3.

929. РГИА. Ф.1285. Оп.8. Д.1200. ЛЛ.25об.

930. РГИА. Ф.1488. Оп.3. Д.285. Л.5.

931. Дмитриев А.А. Верхотурский кремль... №9. С.54.

932. РГВИА. Ф.ВУА. Ед.хр.21807.

933. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.90.

934. РГИА. Ф.1285. Оп.8. Д.3138. Л.22.

935. РГИА. Ф.1285. Оп.8. Д.3138. Л.65об-66об.

936. РГИА. Ф.1285. Оп.8. Д.3138. Л.39,79.

937. РГИА. Ф.216. Оп.2. Д.201. Л.18об-20.

938. Золотов Е.К. Архитектурный ансамбль Верхотурья. Вопросы его сохранения и развития. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени кандидата архитектуры. М., 1988. С.9.

939. Буцинский П.И. Заселение Сибири... С.19.

940. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. ... С.335-336; Т.2. ... С.189.

941. АИ. Т.3. СПб., 1841. С.223-224.

942. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII веке ... С.170.

943. ГАПК. Ф.65. Оп.4. Д.109. Л.74об.

944. СПбФИРИАН. Ф.28. Д.19(9).

945. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII веке... С.159-170.

946. РГАДА. Ф.1111. Оп.4. Д.1. Ф.214. Кн.5,10.

947. Андриевич В.К. История Сибири. Ч.1. СПб., 1889. С.139.

948. РГАДА. Ф.1111. Оп.3. Д.23.

949. ГПБ. Альбом гравюр М. Махаева. СПб., 1770. Л.7.

950. Алексеева М.А. Собрание Российских и Сибирских городов. Серия гравюр XVIII века//Сообщения ГРМ. Т.8. Л.-М., 1964. С.68.

951. РГВИА. Ф.ВУА. Ед.хр.21807.

952. На плане она ошибочно названа Свиягой.

953. РГИА. Ф.1293. Оп.168. Д.17.

954. РГИА. Ф.1293. Оп.168. Д.19.

955. РГВИА. Ф.ВУА. Ед.хр.21806.

956. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.89.

957. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.82.

958. РГВИА. Ф.ВУА. Ед.хр.22380. (Фотокопия: ГНИМА им. Щусева. Фототека. №8905).

959. Двойникова Е.В. Указ. соч. С.23.

960. РГВИА. Ф.ВУА. Ед.хр.18920. ЛЛ.133.

961. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Ед.хр.1089. ЛЛ.33-36.

962. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Ед.хр.1089. Л.31.

963. Фото и описание см.: Очерки истории и культуры города Верхотурья… С.190-191. Рис.8.32.

964. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.3.

965. ГАПК. Ф.716. Оп.3. Д.52. На плане отмечено приходское училище (1824-1848 гг.). Преображенская церковь (возводилась в 1821-1829 гг.). Ямская слобода указана как дер. Знаменская, территория которой вошла в состав города, а население причислено к государственным крестьянам (напомним, что в этом качестве ямщики пробыли с 1826 по 1836 г.)

966. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.90.

967. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.88.

968. Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края//Сборник материалов для ознакомления с Пермскою губернией. Вып.3. Пермь, 1891. С.47; Теми же данными оперирует: Щекатов А.М. Словарь географический Российского государства. М., 1801-1809. С.854.

969. Подборку источников по вопросу распространения пил на Урале и в Верхотурье см.: Нечаева М.Ю. Монастыри и власти: управление обителями Восточного Урала в XVIII в. Екатеринбург, 1998. С.51.

970. Громыко М.М. Г.М. Походяшин в «Дружеском Ученом Обществе» Н.И. Новикова// Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С.272.

971. Kupffer A.Th. Voyage dans L'Oural enterpris en 1828 par A.Th. Kupffer. Paris. 1833.

972. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному состоянию. Ч.3. СПб., 1813. С.312.

973. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санктпетербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в г. Перми. Ч.2. Пермь, 1804. С.327.

974. Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1832 года//Сборник материалов для ознакомления с Пермскою губернией. Вып.3. Пермь, 1891. С.10.

975. Цит. по: Поляков В.П. Прошлое и настоящее города Верхотурья… С.587.

976. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.83.

977. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.3.

978. ГАПК. Ф.716. Оп.3. Д.52.

979. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.90.

980. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.88.

981. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.20.

982. Макшеев А.И. Военно-статистическое обозрение Российской империи… С.211.

983. РГИА. Ф.218. Оп.1. Д.338. Л.21об.

984. Список населенных мест Пермской губернии по сведениям 1869 года. Т.31. Пермская губерния: (Обработан членом статистического совета Н. Штиглицем). СПб., 1875. С.68.

985. Поляков В.П. Прошлое и настоящее города Верхотурья… С.600, 603-604.

986. РГИА. Ф.1287. Оп.28. Д.743. Л.9об-15.

987. Города России в 1904 году. СПб., 1906. С.0160.

988. Доклад Пермской Губернской Земской Управы Пермскому Губернскому Земскому Собранию 45 очередной сессии. По народному образованию. Пермь, б/д. С.7.

989. Кривощеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии… С.334.

990. Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург, 1923. С.7,15.

991. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Россия. Полное географическое описание отечества. СПб., Т.5. 1914. С.400.

992. Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный. Пг., 1917. С.455.

993. Корчагин П.А. Комплексные историко-археологические исследования КАЭ ПГУ в Верхотурье… С.67-80; Корчагин П.А., Старков А.В. Охранные археологические исследования в г. Верхотурье в 1996-1998 гг. … С.197-198.

994. Определение проведено д. биол. н., проф. каф. ботаники и генетики растений ПГУ С.А. Овесновым. В зерне имелся в виде примеси сорняк – горец вьюнковый.

995. Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим данным)//Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Т.3. Новосибирск, 1998. С.96-101.

996. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. … С.543.

997. ДАИ. Т.6. СПб., 1857. С.340-341.

998. Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1. 1700-1713 гг. СПб., 1882. С.56-59.

999. Дмитриев А.А. Верхотурский край в XVII веке … С.160.

1000. Kupffer A.Th. Voyage dans L'Oural enterpris en 1828 par A.Th. Kupffer. Paris. 1833.

1001. РГВИА. Ф.ВУА. Ед.хр.21807.

1002. Цит. по: Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX –начале XX века. Пермь, 1991. С.54.

1003. На путях из земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии северно-уральского крестьянства XVII-XX вв. М., 1989. С.109.

1004. РГАДА. Ф.214. Кн.697. Л.3-5.

1005. РГАДА. Ф.1111. Оп.3. Д.23.

1006. Средний размер городской усадьбы не совпадает с суммарным средним значением по социальным слоям, потому что определялся с учётом всех категорий жителей (вдовы, казённые ремесленники, служилые люди по прибору – сторож, воротник и пр.)

1007. Условные баллы начислялись следующим образом: сын боярский – 5 баллов, подьячие разные – 4/3 балла, стрельцы и др. служилые люди по прибору – 3/2 балла, клир – 3/2, посадские – 2, крестьяне – 1, вдовы (в большинстве своем стрелецкие) – 2 балла.

1008. ГАПК. Ф.279. Оп.1. Д.89.

СОДЕРЖАНИЕ:

«Очень своевременная книга». Предисловие ко второму изданию 3

Введение 4

Глава 1. Социально-экономическое развитие города Верхотурья XVII – начала XX веков 27

1.1. Динамика социально-экономического развития Верхотурья в XVII веке 27
1.1.1. «Предварительный» период истории Верхотурья. 1573–1597 годы 28
1.1.2. Верхотурье в 1598–1623 годах. Основание и складывание города 31
1.1.3. Верхотурье в 1623–1648 годах. «Золотой век» 41
1.1.4. Верхотурье в 1648–1673 годах. Бунташное время 46
1.1.5. Верхотурье в 1673–1697 годах. Таможенный кризис 53
1.1.6. Периодические закономерности развития в XVII – начале XVIII веков 59

1.2. Верхотурье в XVIII веке 69
1.2.1. Верхотурье – центр горнозаводского освоения Урала в начале XVIII века 70
1.2.2. Верхотурье в 1723–1748 годах. Безвременье 76
1.2.3. Верхотурье в 1748–1774 годах. За историей вдогонку 78
1.2.4. Верхотурье в 1774–1798 годах. Конец Походяшинской эпохи 85
1.2.5. Периодические закономерности развития горнозаводской промышленности Урала и их влияние на Верхотурье в XVIII веке 91

1.3. Верхотурье в XIX – начале XX века 96
1.3.1. Верхотурье в 1799–1823 годах. «Кризис официального русского города» 96
1.3.2. Верхотурье в 1823–1848 годах. Особый путь 106
1.3.3. Верхотурье в 1848–1871 годах. Возрождение 115
1.3.4. Верхотурье в 1871–1897 годах. Решительный перелом 121
1.3.5. Верхотурье в 1897–1926 годах. Взлет и падание 131

1.4. Итоги 146

Глава 2. История строительства Верхотурья и закономерности складывания архитектурно-исторической среды города 150

2.1. «Предварительный период» основания Верхотурья 151

2.2. Укрепления города Верхотурья 153
2.2.1. История деревянного кремля города Верхотурья в XVII веке 154
2.2.2. История строительства каменного кремля Верхотурья 171
2.2.3. История Верхотурского кремля в XVIII–XIX веках. Предназначение и судьба 178

2.3. История строительства монастырей Верхотурья 197
2.3.1. Общие положения 197
2.3.2. Строительство в Николаевском мужском монастыре в XVII – начале XX века 197
2.3.3. Строительство в Покровском женском монастыре в XVII – начале XX века 208

2.4. Планировка, культовое и гражданское строительство в Верхотурье в XVII–XIX веках. Социальная топография и архитектура 212
2.4.1. Истроия строительства приходских храмов Верхотурья XVII-XVIII веков 212
2.4.2. Казенное и гражданское строительство Верхотурья в XVII – начале XX века. Планировка города 219
2.4.2.1. Гостинный двор в Верхотурье в XVII–XIX веках 220
2.4.2.2. Тюрьма 228
2.4.3. Планировка и рядовая застройка Верхотурья в XVII – начале XX века 231
2.4.3.1. Планировка Верхотурья XVII – начала XX века 232
2.4.3.2. Воеводская усадьба конца XVII века 243
2.4.3.3. Усадьба верхотурского мещанина конца XVIII – начала XX века 247

2.5. Социальная топографи] Верхотурского посада в XVII–XVIII веках 250

2.6. Итого 257

Заключение 258

Список использованных источников и литературы 260
Список планов Верхотурья XVIII–XIX веков 268
Список сокращений 269
Сноски 270

Корчагин Павел Анатольевич

История Верхотурья (1598–1926).
Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города

Издание второе, дополненное

Информационно-издательский центр «РГ-Урал»

Пописано в печать 10.12.2012 г.
Формат 84×108/16. Усл. печ. л. 30,24
Тираж 500 экз. Заказ № 683.

Отпечатано в соответствии
с предоставленным оригинал-макетом
в Типографии АМБ
620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59.
Тел.: (343) 251-65-91, 251-65-95.

Павел Анатольевич Корчагин – российский ученый, археолог, исследователь истории Урала, известен как автор ряда археологических открытий, сделанных при раскопках русских поселений на Урале, относящихся к средневековью и новому времени. Основная область его научных интересов – комплексное историко-археологическое изучение городов Урала.

В результате комплексного всестороннего изучения Верхотурья под руководством П.А. Корчагина получены обширные новые данные, как о социально-экономическом развитии города, так и ходе его строительства. Исследования существенным образом дополнили научные представления об истории Верхотурья.

Связь с городом Павел Анатольевич продолжает поддерживать. Он активно сотрудничает с музеем-заповедником.

Награжден почётным знаком «За заслуги перед Верхотурьем».